

Пётр Лебедев

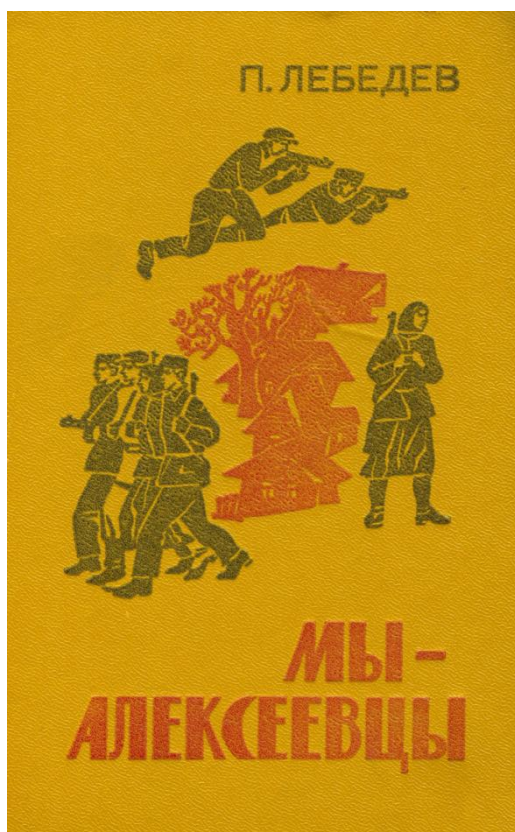
МЫ – АЛЕКСЕЕВЦЫ

Сайт: «Партизанская правда партизан»: <http://www.vairgin.com/>

Издание: Лебедев П.Л. Мы-алексеевцы: Записки партизанского разведчика. — 2-е изд., доп. и перераб. — Мн.: Беларусь, 1979. — 335с., 16 л. ил.

Редакция: «Библиотека Алексея Меняйлова»: <https://vk.com/veterputorana>

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.*

*Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.*

К. СИМОНОВ

Предисловие

Родина и свобода... Какие возвышенные чувства вызывают эти слова у каждого патриота!

Во имя свободы и чести Отчизны всегда шли на самые рискованные шаги, не колеблясь, проливали кровь и отдавали жизнь лучшие сыны и дочери нашей страны. Они беззаветно боролись за освобождение Родины от гнета буржуазно-помещичьего царского режима. Голодные, с винтовками в руках они штурмовали твердыни буржуазии в незабываемые исторические дни Октября 1917 года. Советские люди самоотверженно сражались на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

Много испытаний выпало и на долю белорусского народа. Сколько раз доводилось ему вместе с другими народами нашей страны давать отпор чужеземным захватчикам!

В грозные годы Великой Отечественной войны по зову родной Коммунистической партии весь советский народ поднялся на священную борьбу против ненавистных немецко-фашистских оккупантов. Рука об руку со всей братской семьей народов нашей страны отважно сражался с врагом белорусский народ. На фронте и в тылу фашистские захватчики получали удар за ударом.

На территории Белоруссии, временно оккупированной гитлеровцами, под руководством партийных организаций создавались и действовали партизанские группы, отряды, бригады и соединения. Белоруссия превратилась в республику-партизанку. Здесь в рядах партизан и в подполье находилось свыше четырехсот сорока тысяч человек — представителей всех национальностей, всех народов нашей великой Родины,

В горниле войны каждый четвертый житель республики погиб, а сколько их осталось израненных и искалеченных! И только через 27 лет после войны Белоруссия достигла довоенного уровня по количеству населения.

Доблестная Красная Армия разгромила фашистскую нечисть, освободила нашу страну, спасла народы мира от коричневой чумы. В этом серьезную помощь оказали ей партизаны, в том числе и те, которые действовали в Белоруссии. Никогда не забудутся грозные дни Великой Отечественной войны, бессмертен подвиг советского народа в этой священной битве за жизнь и счастье человечества. Никогда не забудется, что Белоруссия освободилась от фашистского ига и встала из руин и пепла, быстро смогла залечить раны, восстановить народное хозяйство и в едином строю союзных республик уверенно шагать в светлое будущее благодаря огромнейшей помощи великого русского народа и всех братских народов нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Некоторые страницы героической борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии раскрывает в своей книге «Мы — алексеевцы» ее автор, заведующий отделом науки и культуры Комитета народного контроля БССР Петр Леонович Лебедев. Ему ничего не надо было придумывать. Сюжетной канвой явилась сама его юность, опаленная пламенем всенародной борьбы против фашистского нашествия.

В основу книги легло увиденное, пережитое, запомнившееся автору, тогда еще юноше-комсомольцу, с первых дней оккупации по зову сердца включившемуся в активную борьбу против врага, а затем ставшему разведчиком и подрывником прославленной партизанской бригады на Витебщине, которой командовал храбрый коммунист Герой Советского Союза Алексей Федорович Данукалов.

Первая книга П. Л. Лебедева «Суровая юность», вышедшая в издательстве «Беларусь» в 1970 году и тепло встреченная читателями, в основном автобиографична. В ней отображена мужественная жизнь юного разведчика. В своей книге «Мы — алексеевцы» автор расширил рамки повествования. Он использовал не только личные воспоминания и впечатления, но и провел большую исследовательскую работу, изучил архивные материалы и документы, многочисленные письма и воспоминания партизан-

алексеевцев и родственников погибших, встречался с командирами и политработниками бригады, бывшими подпольщиками.

После выхода книги «Мы — алексеевцы» в свет автор не прекратил работы над рукописью. Он сумел собрать много новых материалов о прославленной бригаде «Алексея» и подготовил второе издание книги, одновременно сократив ряд уже опубликованных эпизодов, в том числе главы «В немецкой каталажке», «И опять этот Келлер...».

Правда жизни, достоверность характеров и поступков народных борцов, искренность, с какой автор повествует о героических делах белорусских партизан и подпольщиков, безусловно, привлекут внимание читателей всех возрастов. Книга П. Л. Лебедева хорошо послужит делу воспитания нашего молодого поколения.

В. Е. ЛОБАНОК,
Герой Советского Союза,
бывший командир партизанского соединения
Полоцко-Лепельской зоны

В первые дни оккупации

Семь классов я окончил в 1939 году, когда мне не было еще и четырнадцати лет. Затем учился в Витебском механико-энергетическом политехникуме на электротехническом отделении. Но в декабре 1940 года оставил его и поступил в ремесленное училище металлистов № 2. Здесь определили во вторую токарную группу. Попутно изучал слесарное, фрезерное, строгальное, формовочное, литейное дело. Приобрел специальность электрика. Впоследствии это очень пригодилось. В феврале 1941 года вступил в комсомол.

Война застала меня в Витебске в ремесленном училище. 23 июня 1941 года получил назначение токарем на завод имени Кирова. Ночами мы, подростки, дежурили с винтовками у 7-й школы по городскому шоссе, где разместился военный госпиталь. За два дня до оккупации Витебска, 7 июля, нам отдали документы и отпустили домой. К вечеру того же дня мы со старшим братом Николаем, который учился в Витебском железнодорожном училище, пришли в свою деревню Ивановку.

По дороге из Витебска несколько раз нам пришлось прятаться в кустах, канавах, во ржи: немецкие самолеты с крестами на крыльях, фюзеляжах и хвостовом оперении все время висели в воздухе. Над Витебском и его окрестностями днем стоял густой черный дым, ночью — огненное зарево. Гитлеровцы непрерывно бомбили город. Он горел. Постепенно канонада все дальше и дальше стала отдаляться на восток.

В трех километрах от нашей деревни в бору за большаком Сенно — Витебск у ямы, в которую одна из отступающих воинских частей наспех спрятала оружие, боеприпасы и снаряжение, оказался я со своим другом Колей Городецким. Он был на год моложе меня. Яму уже кто-то раскопал, вытащил ящики, разбил их и взял все, что могло пригодиться в хозяйстве. Остальное бросил. Мы с Колей решили перепрятать подальше винтовки и патроны, в том числе три ящика с винтовками. Уж больно они понравились: новенькие и упакованы аккуратно, далее смазаны.

Мы перетащили в надежное место винтовки и пять ящиков с патронами. Остальные патроны переносить не стали, считали, что в хозяйстве они ни к чему, а значит, ничто им и не угрожает. Часа три трудились с Колей, пока перенесли все это вглубь леса, за болотце на островок, который у нас называется Барсучина. Закопали, замаскировали.

Домой вернулись поздно вечером, до смерти уставшие. За это нас, конечно, не похвалили. Да нам и не нужна была похвала. Мы и так от счастья были на седьмом небе.

На второй день рано утром перенесли остальные шесть ящиков с патронами. Три закопали на Семеновом хуторе, а три решили спрятать в районе деревенского кладбища. Все-таки надежнее, когда не в одном месте.

Принесли первый ящик на кладбище и ахнули. Возле окопа — станковый пулемет «максим». Стволом повернут на большак, лента заложена. В полной готовности. Казалось, сейчас выйдут из кустов пулеметчики и скажут: «Мы ждем фашистов, не мешайте нам». Но никто не вышел. Хозяевами оружия оказались мы. Поочередно побыли пулеметчиками, первым и вторым номерами. Уж очень хотелось нажать на гашетку. Но опасность привлечь внимание и потерять пулемет удержала от соблазна.

Пулемет, две коробки с лентами и три ящика патронов закопали за кладбищем.

Находка подтолкнула нас к действию. Мы начали шарить по кустам в местах, где передвигались войска. Нашли два ручных пулемета, три пистолета ТТ, девять револьверов, двадцать семь винтовок, из них шесть польских, больше сотни гранат и почти столько же подсумков с обоймами патронов.

Как оказались здесь польские винтовки, не знаю. Но за день до прихода гитлеровцев в Витебск через нашу Ивановку проходила группа людей в гражданской одежде с польскими винтовками. Говорили, что это партизанский отряд, сформированный в Лепеле. Может быть, некоторые заменили винтовки на русские, а польские бросили.

Еще в трех местах спрятали оружие: на Наумовом хуторе, на хуторе Горелое Лядо, в ивановском леске. Это были надежные, тщательно замаскированные хранилища.

Себе мы оставили по винтовке с патронами, ручной пулемет, десяток гранат, которые запрятали поближе к деревне, а пистолеты забрали с собой. С ними мы почти не разлучались, держали при себе, так сказать, на всякий случай.

Оружие, конечно, собирали не только мы с Колей. Из подбитого танка, стоявшего на хуторе Горелое Лядо, исчез пулемет. До него раньше нас добрался мой старший брат Николай со своим другом Михаилом Кишковичем. И, я думаю, если бы мы не перетащили те три ящика винтовок, то вскоре их тоже не было бы. Оружие собирали все — и друзья, и враги. Через некоторое время после ухода советских войск редко стали попадаться даже патроны, хотя в первые дни оккупации они валялись всюду. Но, кажется, больше нас вряд ли кто собрал. Мы имели целый арсенал и ломали голову, как это оружие применить, где найти людей, которые использовали бы его в борьбе с фашистами.

Пока мы думали да гадали, события развивались своим чередом. Дней через пять — семь в деревне появилась первая немецкая легковая автомашинa с двумя солдатами. По большаку немцы двигались все время, но в деревню до этого еще не заглядывали. Ивановка расположена в лесу километрах в трех от дороги. Приехали немцы менять русскую махорку на яйца, масло, кур и сало.

Мужчины на улицу не выходили. Машину обступили женщины и, конечно, мальчишки. Были там и мы с Колей. Хотелось же посмотреть на живого фашиста.

Немцы стояли в кругу женщин, шутили и смеялись. Один из них говорил на смешанном русско-немецком языке и переводил другому. Эта их веселость вызвала доверие женщин, и по простоте душевной они начали с ними шутить. Одна даже вслух высказала свою мысль:

— Смотрите, они тоже хорошие люди.

Но доверие быстро рассеялось. Немец, который переводил, обратил внимание на мои черные густые вьющиеся волосы. Стоявшая рядом тетка Химка шутя сказала: «Юда». Он уставился на меня и начал не торопясь расстегивать кобуру. Женщины перепугались: заголосили и запричитали. Ко мне кинулась мама. Перепуганная тетка Химка начала уговаривать немца не стрелять, говоря, что она пошутила, что я хлопец свой, деревенский, чистейшей крови белорус, вот и мать его. Все женщины со слезами на глазах подтвердили это, крестились и божились. Оккупант еще долго держал руку на кобуре, потом застегнул ее.

Я, конечно, не очень испугался. Пистолет с патроном, загнанным в канал ствола, торчал у меня за поясом под рубахой. Позади гитлеровцев стоял Коля. Глазами он показывал на второго немца. Я понял, что стрелять он будет в него, только нужен сигнал. Так что, если бы гитлеровец не остановился и начал вынимать пистолет, мы не стали бы ждать выстрела. Деревня, конечно, могла пострадать, каратели сожгли бы ее. Но в тот момент я об этом и не подумал.

К счастью, все обошлось хорошо. Мальчишки быстро рассыпались по дворам, женщины занялись торговлей. Я и Коля, забравшись на сеновал в колхозном коровнике, обсуждали случившееся. Друг подал идею:

— Давай испытаем пулемет. Забежим в лес и подождем возвращения фашистов.

Идея была заманчивой, но рассудок взял верх. Убьешь или не убьешь немцев, еще неизвестно, а деревню сожгут, это уж точно. После случившегося нетрудно будет догадаться, кто мог обстрелять оккупантов. От операции пришлось отказаться. Но это не значило, что мы отказались от самой идеи. Договорились испытать пулемет на второй день на большаке Сенно — Витебск.

Назавтра несколько часов просидели в засаде в бору. Выбрали хорошее место. В двадцати метрах от большака на пригорке было три окопа. В одном из них мы и устроились. Но машины в тот день почему-то не ходили.

Зато на следующий день нам повезло. Только расположились в окопе, послышался гул мотора. Машина. Обязанности между нами распределены четко: я должен бить из пулемета, Коля — бросать гранату.

С трепетом ждали, пока подойдет машина. В кабине — два немца, в кузове — никого. Длинную

очередь дал пулемет. Коля бросил гранату под передние колеса. Машина вздрогнула и остановилась, из распахнувшейся дверки на дорогу вывалился гитлеровец, сидевший за рулем. В другую сторону выкатился второй и пополз, а затем побежал по лесу, не сделав ни одного выстрела. Я дал по нему очередь, но мимо: слишком густой лес.

Мы кинулись к машине. Шофер был мертв. В кабине стояла винтовка. С другой стороны на обочине лежал окровавленный автомат. Значит, второй немец был ранен. Коля из пистолета прострелил бензобак, я поджег машину.

Схватили винтовку, автомат, подсумок с патронами, три автоматных магазина в брезентовом чехле, две гранаты с деревянными ручками и скрылись в лесу. Спрятали оружие и побежали в соседнюю деревню Ляхово, находящуюся в противоположной стороне от места диверсии.

Мы бежали изо всех сил. Во-первых, спешили, чтобы прийти в деревню раньше, чем дойдут слухи о диверсии на дороге. А во-вторых, радости не было предела. Мы не бежали — летели. Шутка ли — у нас не просто оружие, а оружие действующее. Особенно радовали трофеи. В нашем арсенале теперь кроме советского и польского появилось и немецкое оружие.

О эти трофеи! Они очень волновали нас. Но как их разделить? Все у нас было совместное. А вот автомат? Это был единственный автомат в нашем арсенале. И, конечно, мне очень, очень хотелось взять его себе. Легкий, красивый и главное — трофей. Первый трофей! Я все время думал о нем. Полагаю, о нем же думал и Коля.

Когда пробежали лес и до Ляхова осталось около километра, мы пошли шагом.

Мысль об автомате не выходила из головы. Я боялся и разговор начинать. Его начал Коля.

— Что с трофеями будем делать? В общую кучу или разделим?

— Наверное, разделим. Кроме гранат. Они неудобные, ну их к черту.

— А как? — молниеносно повернулся ко мне Коля.

Глаза его горели. В них ясно были видны и страх, и надежда, и мольба. Сердце мое сжалось до боли, началась борьба желания и рассудка. Поддаться желанию — обидишь друга, тем более он моложе меня. И я, преодолевая желание, как можно спокойнее ответил, как будто ничего другого на уме у меня и не было:

— Конечно, автомат должен достаться тебе. Ты так точно метнул гранату да так закричал «ура!», что заглушил дробь пулемета. Фашист и уронил автомат. К тому же у меня силенок побольше, и я буду ходить с пулеметом. А тебе автомат как раз под стать.

Как благодарно, как радостно загорелись глаза у Коли! Он схватил меня, обнял, и мы закружились на дороге. В эту минуту и я стал искренне радоваться такому решению. Мне даже показалось, что иначе и не думал, что совсем не хотел завладеть автоматом.

В Ляхове нам надо было обязательно обратить на себя внимание жителей, чтобы в деревне люди знали, что я и Коля были здесь. Это очень важно.

Мы сразу лее влились в ватагу сверстников, затеяли игру в паровоз. И такую пылицу подняли по деревне, что тетка Татьяна (самая толстая и сварливая женщина в деревне) громовым голосом обругала нас.

«Известность» в Ляхове мы уже получили. Но этого показалось мало. Организовали еще налет на Сапронов огород. Всей ватагой напали на огурцы. Этого-то уже было достаточно, и мы отправились домой.

До Ивановки рукой подать, всего один километр. Отойдя немного, встретили ляховскую женщину — Степаниду Борисенкову. Она бежала из Ивановки вся заплаканная и причитала.

— Что случилось, тетя Степанида? — спросил я.

— В бору немцев побили, машины полегли, спялят теперь нашу деревню, погибли мы...

— А кто лее их побил? И много ли немцев было?

— Ой много! Один только раненый остался. Подобрал его наш староста Келлер и привел в Ивановку, А побили их наши солдаты, какая-то часть в окружении ходит с пушками и пулеметами.

— Так за что же палить деревню? Наоборот, спасибо скажут — раненого приютили. Надо только угостить его хорошенько, — подсказали мы.

А тетка Степанида уже не слушала. Она бежала в Ляхово, чтобы сообщить односельчанам страшную весть.

Ивановка встретила нас воем и женскими причитаниями. Только и было разговоров о бое, о раненом, а больше всего о том, что-то теперь будет. Этот вопрос волновал всех. Наиболее трезвые люди рассудили, что надо хорошенько угостить немца. Хотя большинство односельчан ненавидели оккупантов, но ради спасения деревни уже собирали яйца, молоко. Через полчаса из Ляхова принесли

мед.

Раненный в руку немец лежал в доме старосты на полу, на свежем сене и белых простынях. Келлер на велосипеде уехал доложить фашистскому начальству о случившемся.

Евсей Келлер с год назад ушел служить в Красную Армию, но в первые же дни оккупации вернулся в нашу деревню к родителям. Попал в окружение или дезертировал, кто его знает. Но хвастался, будто бы добровольно перешел к оккупантам и те его хорошо приняли, отпустили домой, чуть ли не на легкой машине привезли сюда, на землю витебскую. Ведь он не кто-нибудь, а Келлер. Происходит от немцев, только его прабабушка была русской.

Все эти его разговоры были самой настоящей брехней. Келлеры — обыкновенные старообрядцы по вероисповеданию, а по происхождению — белорусские крестьяне.

Таких в Ивановке было две семьи: Келлеры и Толкачевы.

На второй день после возвращения в деревню Евсей поехал куда-то к немцам — в Мошканы или Богушевск — и вернулся оттуда уже в должности старосты Ивановки и Ляхова с винтовкой на плечах и с предписанием населению беспрекословно подчиняться его указаниям, так как они выражают волю немецкого командования.

Вначале Келлер ходил важно. Все с ним здоровались. Некоторые зазывали выпить рюмку. Даже старики при встрече снимали шапки. Это очень льстило самолюбию Келлера. Он все выше и выше задирает нос, бахвальство усиливалось неимоверно. С каждым днем его «немецкое» происхождение обрастало все новыми и новыми легендами.

Однажды в воскресенье, в хороший погожий день, полдеревни собралось на улице. Многие сидели на бревнах. Мужчины курили, женщины говорили о чем-то своем, мальчишки баловались. Подошел Келлер. Он был навеселе. Уселся поудобнее и пошел похваляться своим авторитетом у немцев, своими полномочиями, немецким происхождением. До того заврался, что выходило — не он оккупантам лижет пятки, а они — ему.

Все сидели молча. Бахвальство старосты до тошноты опротивело. Но никто не хотел с ним связываться, не вступал в разговор, а тем более в спор. Я улучил момент и спросил:

— Дядя Евсей, вы, наверное, плохо знаете свою родословную? Говорят, что вашим предком был великий немецкий ученый-селекционер.

Евсей поначалу насторожился, но потом, видя, что я говорю спокойно и без насмешки, в знак согласия начал кивать головой:

— Да, да, конечно.

— Так вот, говорят, что этот ученый-селекционер вывел вас путем скрещивания бешеной собаки и пьяной свиньи...

Все покатались со смеху. Келлер зло уставился на меня. А отец такую затрепину закатил мне по затылку, что я кубарем скатился с бревен и несколько дней держался на расстоянии от него. На этом кончилось келлерово немецкое происхождение. Он даже пьяный никогда больше не похвалялся им. Зато новая родословная прочно прилипла к Келлеру и до сих пор сохранилась в памяти ивановцев.

С появлением партизан Келлер притих. Он работал у немцев старостой до освобождения нашей территории наступающими частями Красной Армии, затем был осужден советским судом.

Младший его брат Дмитрий на год-два старше меня. Учился в школе плохо, затем лоботрясничал, а в период оккупации, пользуясь покровительством Евсея, под видом партизана занимался грабежом на лесных дорогах, обирал бедных женщин, которые несли в деревни свои последние пожитки и семейные ценности, чтобы обменять их на кусок хлеба или ведро картофеля. В конце 1943 года ушел в партизанскую бригаду П. И. Кириллова, но через несколько дней со своим дружкой дезертировал и уехал в Германию. После войны устроился работать на Витебском главпочтамте, уворовал пистолет и снова занялся грабежом, но вскоре в своем доме был окружен милиционерами. Выбравшись на чердак, он застрелился.

Старший же брат Евсея Келлера — Ефим — был порядочным человеком. Хорошо работал в колхозе. В начале войны ушел в Красную Армию, честно воевал, был ранен, вернулся домой инвалидом Отечественной войны и вскоре умер.

Так вот, староста Келлер где-то на болоте косил сено, и к нему приполз истекавший кровью раненый немец. Евсей и приволок его в Ивановку.

Нас разбирало любопытство, и мы с Колей пошли в дом Келлера взглянуть на раненого. Когда зашли, он схватился за пистолет. Хозяйка сказала, что это, мол, свои, хорошие ребята. Немец успокоился и опять засунул пистолет под подушку.

Мы быстро ушли и держались подальше от дома Келлера, особенно когда приехали немцы за

раненым. Уже вечерело. Они забрали раненого и умчались. Никто не тревожил деревню. Наверное, фашисты приняли во внимание заслуги старосты по спасению раненого.

А еще недели через три появился в Ивановке немецкий грузовик с десятком солдат в кузове. Машина остановилась посередине деревни. Оккупанты высыпали из кузова и устроили охоту на кур. Лазили по сараям, гонялись за ними по огородам.

Когда наловили кур, стали собирать яйца. Кто просил, кто требовал, а кто и сам лазил по гнездам.

Вокруг грузовика ходил шофер с винтовкой наперевес. На лужайке, в полусотне метров от машины, играли малолетние дети. Немец посмотрел по сторонам, присел, прицелился с колена...

— Это дети!.. Дети!.. — диким голосом кричала выбежавшая из хаты Евдокия Безрученко.

Грянул выстрел. Как стайка испуганных птиц, разбежались в разные стороны дети. На месте осталась лежать трехлетняя Нина — дочка Евдокии Безрученко.

Женщины выскочили на улицу и кинулись к детям. Первой прибежала Евдокия. Схватила на руки истекающую кровью дочурку, прижала к себе и побежала домой. Занесла в хату... Выскочила...

— Помогите! Помогите! — кричала она, обезумев от горя, и бросилась к машине, куда после выстрела собирались гитлеровские солдаты и прибежал староста Келлер.

— Помогите! Спасите ребенка! — приближаясь к фашистам, умоляла Евдокия.

Наверное, слепая вера, что случившееся — ошибка, вера в человечность этих людей, а более всего стремление спасти от смерти дочь толкали ее к суевившимся около машины фашистам.

— Спасите! — протянула она окровавленные руки.

— Хальт! — заорал немец и прикладом винтовки ударил ее в грудь.

Евдокия упала в дорожную пыль и забилась в судорогах. Немцы быстро сели в машину и уехали. Сбежались женщины, перевязали Ниночке рану, уложили Евдокию в постель. Лечили мать, лечили и дочь. Выходили, вылечили.

После этого случая в нашей деревне уже больше никто не говорил, что «они тоже хорошие люди». Даже Келлер. Хотя он и старался всем внушить, что подстрелили Нину случайно: немец, мол, думал, что это не дети играют, а куры ходят по лужайке...

«Мишка-парашютист»

Время шло. В деревне оседали красноармейцы, бежавшие из плена или попавшие в окружение. Они останавливались преимущественно в семьях, где не было трудоспособных мужчин, помогали косить сено, заготавливать дрова. Выполняли и другие работы по хозяйству.

В конце августа появился в Ивановке молодой симпатичный парень в спортивном костюме. Почему-то его все звали «Мишка-парашютист». Человек он был общительный, веселый. Однажды увидел у него пистолет ТТ.

Вскоре мне удалось завязать дружбу с «Мишкой-парашютистом». А затем состоялся и откровенный разговор. Я спросил, зачем он носит пистолет, ведь к девчатам можно ходить и без оружия. Мишка удивился, откуда я знаю о пистолете.

— Просто увидел случайно, когда вы одевались на сене.

— Ты шпионишь за мной?

— Нет. Но мне — комсомольцу — стыдно, что вы носите пистолет, а не воюете.

— О, так ты, оказывается, еще и агитатор. А комсомольский билет свой небось сжег от страху?

— Что вы говорите? Это я-то сжег комсомольский билет? — оцетинился и сунул ему в самое лицо свой комсомольский билет. — Да он мне дороже жизни!

Мишка успокоил меня. Мы сели и начали разговаривать уже мирно. Я откровенно рассказал ему обо всем, в том числе и о диверсии в бору. Умолчал только о нашем арсенале.

Он долго расспрашивал, как я жил и что делал раньше, неодобрительно отозвался о нашей диверсии в лесу — могло плохо кончиться. Спросил, стрелял ли я до войны из пулемета и метал ли Коля гранаты.

— Нет.

— Разве можно испытывать оружие сразу в бою с врагом?

— А что же я — на Коле испытывать буду пулемет, а он на мне — гранату?

— Ты не остри. Все нужно делать разумно. В одиночку немцев не перебьешь.

— Так создайте отряд и возьмите нас с Колей в партизаны.

— Шутка ли — создать отряд! Для этого многое надо. Надо найти людей, достать оружие...

— Люди есть. Соберите красноармейцев, они принимали присягу, военнообязанных, которые по долгу обязаны защищать Родину. Молодежь тоже пойдет. Мы с Колей — первыми. А оружие пусть вас не беспокоит, мы его найдем.

— Найдем или уже нашли? — прищурился глаза, спросил Мишка.

— Это все равно.

— Пять — десять человек — еще не отряд.

— Соберите пятьдесят или сто...

— А оружия хватит?

— Хватит.

— И патронов?

— И патронов.

У него загорелись глаза. Он очень был доволен разговором. Видно, не зря шептался на вечеринках с деревенскими парнями и окруженцами. Все, наверное, упиралось в оружие.

На прощанье он сказал:

— А пистолет ношу не для девчат. Я выполняю задание Родины. Разговор об этом мы продолжим как-нибудь позже.

Через несколько дней Мишка пригласил меня пойти с ним в Ляхово. За деревней он предложил присесть на травку.

— Ну, так давай оружие, — сказал он, — ребята готовы.

— Когда оно вам нужно и сколько?

— На девять человек. Хотелось бы получить сегодня до вечера.

— А какое оружие хочется вам иметь?

— О, оказывается и выбор даже у вас есть! — удивился он. — Хорошо было бы достать пулемет, винтовки, гранаты.

— Все будет.

Вечерком мы с Колей вручили Мишке восемь винтовок, ручной пулемет с двумя запасными дисками, восемнадцать гранат, девять подсумков и столько же цинковых коробок, в которых, как известно, по сто патронов. Просились, чтобы и нас взяли в партизаны. Но Мишка решительно отказал, мол, и сам пока остается в деревне. Так нужно... Его слова звучали приказом. Мы не осмелились возражать.

Дня за три незаметно, по одному, исчезли из деревни бывшие красноармейцы. Предлоги у них были разные. Одни будто бы решили к зиме добираться домой, другие — за линию фронта. Но вскоре в наших местах заговорили о партизанах. Они все чаще и чаще стали тревожить вражеские гарнизоны. Был ранен бургомистр мошканской волостной управы. Может быть, это действовала и наша группа?

Мишка оставался в Ивановке, то исчезая куда-то, то снова возвращаясь. В конце октября он спросил, не смог бы я сходить в Витебск. Там, мол, живет его родной дядя, которому надо передать привет. Я с удовольствием согласился, понимая, что это привет необычный.

Дня через два вместе с пятью соседками из Ивановки я шагнул в Витебск, неся под рубашкой письмо к неизвестному дяде. Женщины шли в город, чтобы поискать в лагере военнопленных, нет ли там их мужей. Я подговорил их пойти туда. В то время фашисты, заигрывая с населением и стараясь подчеркнуть, что они уже победили, отпускали домой некоторых военнопленных, если за ними приходили жены или матери.

Отвел соседок к лагерю, который фашисты организовали в военном городке 5-го железнодорожного полка Красной Армии. Затем быстро нашел дом «дяди». Это был двухквартирный домик возле самой железной дороги, окрашенный в светло-коричневый цвет.

Взошел на правое крыльцо и постучался. На пороге появилась средних лет женщина и спросила, что мне надо.

— Могу ли я видеть Ивана Григорьевича?

— Зачем он тебе?

— Хочу передать ему привет от племянника.

— Заходи.

Она привела меня в комнату, предложила сесть, а сама ушла за перегородку. Вскоре оттуда вышел темноволосый мужчина. Лицо у него было обветренное, с небольшой подзапущенной клинообразной бородкой. Видимо, с неделю не брился. Одет он был в рабочий костюм. Ответил на мое приветствие. Сел. Посмотрел внимательно и сказал:

— Передавай привет, коль принес его.

Я достал пакет и вручил «дядюшке». Он сунул его в карман брюк и стал подробно расспрашивать, как чувствует себя «племянник», где он сейчас находится, как я дошел до Витебска, не задерживали ли меня в пути немцы или полицаи. Получив исчерпывающие ответы на все вопросы, он успокоился. Позвал женщину, сказал ей, чтобы угостила меня чаем, а сам вышел, заявив, что скоро вернется.

Когда «дядя» вернулся, мы с хозяйкой пили чай, толковали о жизни, о войне, о муках людей. Он подсел к столу, налил чашку чаю и спросил, когда я увижу «племянника».

— Сегодня вечером.

— Очень хорошо, а то «племянник» будет волноваться...

Хозяин дал мне письмо. Я спрятал его под рубашку, распрощался и ушел. Отыскал около лагеря своих соседок, и мы потопали в Ивановку. Никто из них не нашел своего мужа или брата, только нагляделись на истощенных, измученных людей.

Вечером я вручил Михаилу пакет. Он очень обрадовался, схватил меня в объятия и закружил.

— Только об этом никто не должен знать, даже Коля...

— Понятно.

Больше по этому адресу в Витебск меня не посылали, и Ивана Григорьевича я нигде не встречал.

Вскоре после октябрьских праздников Мишка куда-то исчез. Перед его уходом мы сидели с ним вечером в бане. Он очень много говорил о борьбе с оккупантами, о том, что бороться с ними надо целенаправленно, продуманно, умно, предостерегал от лихачества и озорства, просил беречь оружие, обещал скоро привести столько людей, что даже нашего арсенала не хватит, чтобы вооружить всех. Распрощались. Утром в Ивановке его уже не было.

Потянулись долгие дни ожидания. Мы с Колей считали, что вот-вот появится Мишка во главе большого партизанского отряда, на лихом коне, позовет нас и перед строем партизан скажет:

— Мы прошли много верст по родной Белоруссии. Нагнали страху на фашистов и изменников Родины. Отряд наш разросся, но не хватает оружия и боеприпасов. Просим выдать его нам из вашего арсенала.

Эти мечты так захватили нас, что даже во сне не раз виделось, как в торжественной обстановке мы с Колей вручаем каждому безоружному винтовку, патроны, гранаты, а командирам — револьверы и пистолеты, а мне оставляем ручной пулемет и Коле трофейный автомат. Вся эта церемония заканчивалась речами. Мы с Колей тоже выступали, я от комсомола, а он от пионеров.

Даже выступления мы уже продумали. Ну а в конце концов нас, безусловно, пригласят в партизанский отряд, иначе и быть не может... Как же без нас?!

Мечты, мечты, но где же ваши сладости?..

А тем временем шли дни, недели, месяцы. Наступила зима. Приближалась весна. Никакого отряда Мишка не приводил, да и сам не появлялся. Значит, весной.

Живая среди трупов

В апреле 1942 года мне довелось быть в Витебске. Ходил на базар. Совершенно случайно встретил своего довоенного друга Володю Кириленко. С ним познакомился я где-то в апреле — мае 1941 года, когда учился в ремесленном училище металлистов. Произошло это на городском стадионе во время спортивных соревнований между нашим училищем и железнодорожным.

Мы все время держались вместе, конечно, кроме тех минут, когда я сам участвовал в прыжках. В тот воскресный солнечный день мне здорово повезло. Я снова занял первое место, на этот раз по прыжкам в высоту. Стал обладателем второго диплома: перед этим победил в стрельбе из пистолета, вогнав все пули в десятку.

Володя Кириленко настойчиво просил меня зайти к нему домой, познакомиться с родителями. Я все отнекивался.

— Ты знаешь, какие вкусные бульбяные блины печет моя мама?!

Хотя и кормили нас хорошо, но после этого я не мог больше отказываться, выпросил у заместителя директора училища, который был с нами, увольнительную на вечер и пошел к Володе.

Да, да. Увольнительную. Теперь это кажется удивительным. А тогда все было нормально. Дисциплина в училищах была железной. И это нас не тяготило. Наоборот, форма и обстановка, в которой мы оказались, заставляли строго соблюдать установленный порядок.

С Володей Кириленко мы крепко подружились. Я часто бывал у него дома, а он у меня в общежитии, ходили вместе на стадион, в кино, цирк...

Но вот эта проклятая война. После ее начала с Володей мы встретились впервые. Я, конечно, обрадовался. Он тоже. Володя очень просил зайти к нему домой, обещал рассказать и показать нечто интересное, но я не мог воспользоваться его приглашением переночевать, потому что в Витебске в этот день я был не один, а вместе с другими односельчанами. Договорились, что скоро я снова буду в городе без попутчиков и уж тогда обязательно загляну к нему.

Когда после Первомайских праздников я снова пришел в город, направился прямо на Стадионный поселок, в дом Володи. И он и тетя Лида — мать Володи — обрадовались моему приходу и отнеслись ко мне как к родному, с прежней добротой.

Посидели, поговорили и вскоре вместе с Володей отправились в город. В пути он рассказал, что не сидит сложа руки, ведет посильную борьбу с врагом. В подтверждение вынул из кармана и показал мне магнитную мину.

— Давай вместе где-нибудь и подложим ее сейчас.

В ответ я признался, что тоже кое-что делаю.

Народу по городу ходило не очень-то много. Около

Смоленского базара, где было наиболеелюдно, нас обогнала, а затем остановилась легковая машина. Из нее вышли два немецких офицера и направились к торговым рядам.

— Вот и в самый раз,— прошептал Володя.

Я оглянулся. Никого подозрительного, люди спешат на базар, каждый занят своим делом. Тем временем Володя незаметно прихлопнул мину под низ машины, под самый мотор. После мы узнали, что она взорвалась на улице Гоголевской, сразу же за площадью Свободы.

Смоленский рынок был не только местом торговли, он использовался фашистами и как место пропаганды «нового порядка» словом и делом. Здесь были установлены виселицы, на которых оккупанты казнили советских патриотов, здесь оглашали приказы и распоряжения властей, здесь выставляли арестованных патриотов для опознания и установления их личности.

В тот день впервые в жизни я увидел на виселице трупы; гитлеровцы повесили двух мужчин и женщину. На груди у каждого дощечки с надписью: «Я коммунист и бандит». Фамилий не было. Видимо, никто из них не назвал себя. Люди шепотом передавали друг другу, что патриотов поймали в Первомайскую ночь, когда они расклеивали листовки и вывешивали красные флаги.

С базара мы вернулись на Стадионный поселок. Володя по пути рассказывал о диверсиях патриотов и зверствах фашистов в городе.

— Отдохнем немножечко, поспим, а вечером снова прогуляемся в город,— сказал Володя, подходя к дому.— Есть одно важное дело.

После комендантского часа, когда хорошо стемнело, мы через огороды и пустыри, по глухим улочкам и закоулкам пробрались к ветеринарному институту, где размещалась немецкая фельдкомендатура. Облазили все вокруг, долго лежали около забора — проследили за движением во дворе, порядком смены караула.

— Хватит на этот раз,— прошептал наконец Володя.— Поползли. Пора спать.

К этому времени небо уже хорошо вызвездилось и посылало на землю свой холодный свет. Мы прижались к земле и поползли. Попали к карьерам, где раньше брали глину для кирпичного завода. Теперь фашисты туда сбрасывали трупы расстрелянных и замученных советских людей. Одну за другой наполняли они ямы своими жертвами, а потом зарывали их. Это мы знали. Мы ползли осторожно, чтобы не обнаружить себя и не свалиться в яму.

— Чуешь, Володя, стонет? — дернул я друга за ногу. Он полз впереди меня.

— Кто стонет?

— Человек стонет.

Затаили дыхание, прислушались. Было тихо, тихо.

— Это тебе, Петя, показалось.

— Нет, не показалось.

Еще с минуту полежали. Тихо. Но как только тронулись дальше, опять послышался приглушенный стон. Не сговариваясь, одновременно сползли в яму, где в беспорядке лежали окоченевшие трупы. Стало жутко. Прислушались. Через минуту из угла ямы снова донесся тихий стон. Пересилили страх, поползли туда. Нащупали неостывшее тело. Я приложил ухо к груди. Сердце человека еле-еле билось.

— Давай унесем,— решительно предложил Володя.

Он первым вылез из ямы и протянул руку. Я подтащил человека и приподнял его вверх, сколько было сил, Володя схватил его за воротник. С трудом выбрались на пустырь и, волоча за собой

спасенного, пригнувшись, двинулись к видневшемуся в полусотне метров прошлогоднему бурьяну, выросшему на месте сгоревшего дома. Остановились около куста сирени, послушали еще раз сердце человека — стучит, хоть и слабенько, но стучит.

Что же делать дальше? Куда переправить спасенного? Далеко нести мы не могли, сил не хватит, да и рискованно. Здесь оставить — погибнет. Мы склонились над головой человека. Шатром растянули над ним пиджаки. Володя посветил фонариком... Женщина... Все лицо в кровоподтеках и царапинах. Что мы только не делали, чтобы привести ее в чувство: дули в нос, трепали по щекам. Ничего утешительного. Никак не приходила в себя.

— Найди, Петя, воды,— сказал Володя.

Я отыскал лужу и в кепке принес воды. Лили женщине в рот, брызгали в лицо, смачивали виски, но она в себя не приходила. Володя снова засветил фонариком.

— Ой, Петя, это лее ока!

— Кто она?

— Я ее узнал.

И Володя рассказал, как несколько дней назад, когда он забежал на Смоленский рынок, гитлеровцы привезли женщину с грудным ребенком, завернутым в пеленки, поставили ее на ящик, чтобы всем была видна. Офицер громовым голосом говорил, а переводчик переводил, что эта женщина бандитка и агент коммунистов. Кто, мол, опознает ее, поможет установить подлинное имя, получит вознаграждение.

Фашисты раз за разом повторяли эти требования. Женщина с плачущим ребенком на руках стояла словно окаменевшая и ждала своей участи. Младенец пищал, а потом так раскричался, что заглушал слова офицера и переводчика. Мать продолжала стоять безучастной. Офицер бросал озверевший взгляд на ребенка...

Из толпы протиснулась женщина и что-то сказала офицеру. Тот молча кивнул головой. Она забрала младенца из рук несчастной, начала убаюкивать его, а затем исчезла в толпе...

Все это рассказал мне Володя, который оказался тогда на рынке и все видел своими глазами.

— Я знаю, где живет та женщина, которая унесла ребенка,— закончил он.

— Тогда давай понесем и мать туда же.

— А если не примет?

— Примет. Ребенка взяла и мать заберет.

— Ну что ж, попробуем...

Надо было тащить женщину километра два до домика той тетеньки. А как это сделать, чтобы гитлеровцы не заметили? Тем более не раз придется пересекать улицы и даже мост через реку Витьбу.

Но нам повезло. Завыли, застонали сирены. Город охватила паника, была объявлена воздушная тревога. С ревом мчались машины, бежали фашисты. Потом все стихло. Все живое запряталось в подземелье: в бомбоубежища, траншеи, бункера и щели. По небу зашарили лучи прожекторов, вспарывая темноту, потянулись нити трассирующих пуль, в клочья рвали небо разрывы зенитных снарядов. А затем... Затем все забурило, заклокотало, застонало... Советские самолеты беспощадно бомбили вражеские объекты.

— Ну, пора! — говорит Володя.

Под уханье бомб, грохот зениток, вой самолетов и визг осколков, то в полный рост, то пригнувшись, а то и ползком, мы упрямо продвигались к намеченной цели.

— Вот этот домик,— шепчет наконец Володя.— Я не раз видел ту женщину здесь.

Пробрались в огород, а оттуда во двор.

— Послушай, жива ли. Может, и не стоит стучаться.

Я снова приложил ухо к груди женщины. Где-то далеко, далеко слышались слабые удары сердца.

— Жива!

— Хорошо! Тогда пойду стучаться.

Володя тихонечко постучал в окошко раз, другой, третий.

— Кто там? — послышалось из-за занавески.

— Откройте, тетенька. Не бойтесь, мы свои.

На пороге появилась женщина. Сквозь тьму увидела лежащего на земле человека и невольно попятилась назад.

— Кто это? — испуганно прошептала она.

— Та самая тетя, у которой на Смоленском рынке вы забрали ребенка. Нашли мы ее около ветеринарного института в яме, среди трупов, но она еще жива,— скороговоркой прошептал Володя.

— Быстрее несите в хату,— предложила хозяйка и побежала в дом.

Пока мы развязывали ремни, аккуратно подняли женщину на руки и внесли в дом, хозяйка успела плотно зашторить окна и зажечь коптилку.

— Сюда, сюда, на диванчик ее кладите.

— Пить,— впервые мы услышали слабый голос спасенной.

Ей дали воды. Она жадно хватала ее пересохшими, потрескавшимися губами, но в сознание все не приходила.

— Кто вы такие? — спросила хозяйка.

— Комсомольцы,— ответил Володя.

— Как звать вас?

— Меня Володя.

— А меня Вася,— ответил я.

Всегда при знакомствах во время войны я назывался этим именем да кое-когда еще Сашей. Но больше всего Васей.

— Почему же вы принесли ее ко мне? Как нашли мой дом?

— Я видел на Смоленском рынке, как вы забрали ребенка. А где живете, знал и раньше,— ответил Володя.

Распрощались с хозяйкой, вышли за дверь и скрылись в темноте ночи. Бомбежка все еще продолжалась. Мы благополучно добрались до Стадионного поселка, а утром я навсегда распрощался с моим другом Володей Кириленко. Больше судьба не сводила нас вместе. Два раза заходил я к нему домой, но его не оказывалось.

— Пошел гулять по городу,— отвечала мать.— Приходи вечером.

А к вечеру я уже был далеко за Витебском. Думал! встретиться с Володей в другой раз. Но в августе 1942 года он погиб. Погиб нелепо. Отправился на очередную «прогулку» с магнитной миной в кармане. Случилось роковое — мина взорвалась в его кармане. Видимо, Володя допустил просчет, заводя часовой механизм. А минер, как известно, ошибается только один раз в жизни.

Присяга

Прошел май, начался июнь. Нет нашего Мишки. Уже и не надеялись на встречу с ним, не думали, что вернется в наши леса. Мы с Колей начали поговаривать о связи с другими партизанами. Они все чаще и чаще появлялись в нашей местности.

И вдруг во второй половине июня 1942 года пришел Мишка. Сколько радости было! Расспросил о новостях и заявил:

— Не тужите, хлопцы, начинаются веселые времена!

Мы спросили его, когда понадобится оружие. Он ответил, что скоро... А мне шепнул на ухо, чтобы вечером пришел в баню.

— Есть серьезное поручение,— начал он, едва я переступил порог бани.— Завтра пойдешь в Латыгово в разведку. Надо разузнать все: сколько гитлеровцев в гарнизоне, как охраняется, какие укрепления. Все запомни, а потом расскажешь мне.

— Можно ли Колю взять с собой?

— Ни в коем случае. Об этом никто не должен знать. Никто! Это приказ.

— Хорошо. Приказ так приказ,— ответил я.

Но мне было жаль, что не могу взять с собой Колю. Ему так хочется принять участие в настоящем деле. Однако приказ есть приказ.

Утром поручил своему другу проверить все наши склады арсенала, целы ли они, мол, будем готовиться к передаче оружия партизанам, а сам ушел в Латыгово.

Деревня эта находится в пяти километрах от Ивановки, в Бешенковичском районе, а Ивановка — в Богушевском. Вскоре после оккупации в Латыгове и соседней с нею деревне Застаринье фашисты создали полицейский участок. Гитлеровцы вылавливали и расстреливали советских активистов, красноармейцев и всех, на их взгляд, подозрительных.

Вечером я доложил Мишке результаты разведки, нарисовал на бумаге расположение Латыгова и гарнизона.

Через два дня, после полудня, партизаны совершили смелую, но, к сожалению, неудачную попытку нападения на Латыгово. Хорошо разработали план разгрома гарнизона. Три партизана на велосипедах приехали в деревню. Один из них был одет в форму немецкого офицера, а два в сюртуки с

белыми повязками полицаев. Приехавшие приказали срочно поднять всех полицаев на выполнение задания оккупационных властей. Командование отряда планировало организованно вывести их за деревню, где во ржи устроена партизанская засада, и без боя разоружить предателей Родины. В последний момент, когда почти все полицаи собрались и стояли в строю, тревожно ударил колокол — кто-то обнаружил во ржи партизан. Операция сорвалась. Был убит молодой белобрысый партизанский пулеметчик Алеша Смердов родом из Курской области.

Прошло еще несколько дней. И вот 2 июля из кустов позвал меня «Мишка-парашютист». Я неподалеку тяпкой окучивал картофель.

— Сегодня в одиннадцать часов ты должен быть на Наумовом хуторе. С тобой хочет встретиться большой человек, — сказал он. — Придешь?

— Обязательно!

Как медленно тянется время. А солнце все не садится за горизонт. Я передумал, кажется, тысячу вариантов предстоящего свидания. «С тобой хочет встретиться большой человек». Может, сам командир партизанского отряда будет говорить со мной? Или его заместитель? Я сгорал от любопытства.

И вот я на том месте, где когда-то стоял Наумов хутор. Хуторов после 1939 года у нас не было. Остались только названия. При себе у меня пистолет, в кармане комсомольский билет и удостоверение ремесленного училища. Сажу и с трепетом жду встречи. Но как я ни напрягал слух, ничего не услышал. Вдруг из-за куста сирени меня окликнул Мишка. Я вскочил и встал по стойке «смирно». Ко мне вместе с Михаилом подошел усатый человек, весь в ремнях. На поясе маузер, на груди бинокль, за плечами автомат.

— Знакомьтесь, — сказал Мишка.

Усатый приветливо улыбнулся и протянул мне руку:

— Алексей, командир партизанской бригады.

— Комсомолец Лебедев, — заикаясь от столь неожиданного и высокого титула моего собеседника, ответил я.

— Вот мы и познакомились, комсомолец Лебедев. А теперь садись, поговорим по душам. — Он присел на камень.

Мы с Мишкой тоже сели. Комбриг сказал, что он уже все знает и об оружии, которое мы передали группе партизан, и об испытании пулемета в бору, и о том, как я совал в лицо Мишке комсомольский билет, и о моем друге Коле, и как я ходил в Витебск и в разведку в Латыгово.

— Думаю, что оружие у тебя с Колей еще есть. Но меня интересует больше Витебск. Хорошо ли ты знаешь этот город?

Я сказал, что Витебск знаю отлично, даже с завязанными глазами могу весь город обойти. Когда учился в техникуме, жил на Красной Горке, на левобережье Двины, а перешел заниматься в ремесленное, жил на правобережье, на улице Комсомольской. Стипендия в техникуме была невысокой, поэтому постоянно искал дополнительные заработки, что тоже помогало лучше узнать город. Когда пошел в ремесленное училище металлистов, остался без общежития, как поступивший из города. Мне целый месяц пришлось ночевать на вокзале, чердаках и лестничных площадках. И это в декабре. В общежитие попал после больницы, куда отвезли в бессознательном состоянии — нашли на лестничной площадке большим воспалением легких.

Комбриг внимательно выслушал меня, потом спросил:

— А ты готов связать свою жизнь с партизанами, с борьбой за освобождение нашей Родины? Не спеши с ответом. Это дело может стоить жизни, связано со страшными трудностями и страданиями.

— Да, готов. У меня нет других мыслей, я готов ко всему. Готов к бою, готов к испытаниям, готов к смерти во имя Родины.

— А если смерть будет мучительной и долгой? Выдержишь?

— Выдержу. Все выдержу. Я закаленный.

— Сколько времени тебе надо, чтобы обдумать все и дать ответ? Не спеши. Дело серьезное.

— Одна секунда. Я уже все давно решил.

— Когда ты будешь готов принять присягу перед Родиной? — спросил он.

— Хоть сейчас, сию минуту, — ответил я и встал по стойке «смирно».

— Нет. Подумай!

— Я готов. Нам с Колей надоело быть партизанами-одиночками. Я хочу немедленно стать законным бойцом армии народных мстителей.

— Тогда, Миша, свети фонариком.

Комбриг вынул бумагу и стал торжественно читать:

«Я, комсомолец Лебедев Петр Леонович, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, верный сын героического белорусского народа, добровольно, по своей воле и убеждению, вступая в партизанскую бригаду «Алексея», клянусь, что не пожалею ни сил, ни самой жизни для освобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков и палачей и не сложу оружия до того времени, пока родная белорусская земля не будет очищена от немецко-фашистской погани.

Я клянусь строго и беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину и сохранять военную тайну. За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь, смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в рабство коварному фашизму.

Слова моей священной клятвы, данной перед моими товарищами партизанами, я скрепляю собственноручной подписью — и от этой клятвы не отступлю никогда.

Когда же по своей слабости, трусости или по злой Воле я нарушу свою присягу и изменю интересам народа, пусть умру я позорной смертью от рук своих товарищей».

Слово за словом, тоже торжественно, я повторял присягу. Знал, что в конце нужно целовать знамя. Но знамени не было. Вынул из-за пояса пистолет и поцеловал его.

То был самый памятный и торжественный день в моей жизни.

Алексей сказал, что присяга — это самая ответственная клятва перед Родиной и ее ни при каких обстоятельствах нельзя нарушить.

— А теперь мы можем говорить как боец с бойцом,— заявил добродушно он.

Мы сели. У меня в ушах еще звучали слова присяги. Сколько дней и бессонных ночей я думал об этом торжественном моменте. Сейчас мечта свершилась.

Комбриг заявил, что с сегодняшнего дня меня назначают разведчиком бригады и мне придется быть связующим звеном между партизанами и подпольем Витебска. Дело в том, что создалось сложное положение. Бригада находится в Лиозненском районе. Все подходы к городу со стороны Лиозно, Богушевска и Суража усиленно контролируются немцами. В любой момент могут арестовать связного, и, если у него не хватит сил, подполье провалится. Погибнут люди, действующие в Витебске. Поэтому командование бригады решило организовать связь с городом через Ивановку, так сказать, сделав треугольник, связаться с другой стороны. Хотя это длинный путь, зато более надежный.

— Ты, пожалуй, самый подходящий человек, который может обеспечить связь с подпольем Витебска,— заключил комбриг.

Я, конечно, и тогда понимал, что это было сказано специально, чтобы задеть мое мальчишеское самолюбие и усилить ответственность за порученное дело. И комбриг не ошибся, попал в цель.

Потом он начал расспрашивать, имею ли я возможность в любое время уходить из дому, поинтересовался, что я умею делать.

— О, я умею токарничать, слесарничать. Умею, кроме того, косить глаза, пускать соплю, вообще прикидываться дурачком.

— Включи, Миша, фонарик,— предложил командир.— Взглянем на его таланты...

И я соорудил такую рожу, что даже Мишка ахнул.

— Ну и ну! — только и сказал он, хотя и раньше не раз видел мои гримасы.

Меня испытывали. Я это понимал. Но сделал бы и не такое, лишь бы комбриг от меня не отказался. И вот настал критический момент. Командир начал:

— Теперь о деле. Завтра ты пойдешь в Витебск. За Поклонными горками есть домик, на котором прибита вывеска «Сапожник». Это слово написано дегтем на фанерке. Только не забудь, не «Сапожник», а «Сапожник». Зайдешь в дом босой и спросишь: «Дядя, можно ли отремонтировать сапоги?» «Да ты же босой!» — ответит он. «Потому й босой, что негде отремонтировать». «Ну садись, будем ремонтировать»,— скажет он. Тогда выложишь ему пакет.— И комбриг вручил мне пакет.— Об обратной почте договоритесь с Мишей. Найдите подходящее место... А теперь ты для меня «Сорванец», а я для тебя «Дядя Алеша». Запомни это на всю войну. Других имен у нас с тобой нет.

— Есть, «Дядя Алеша»! — только и все, что я мог ответить ему, снова став по стойке «смирно».

— А оружие передайте Мише,— приказал он, пожал мне руку и пошел к опушке леса.

Я стоял как завороченный. Мечтал в лучшем случае встретиться с командиром отряда, а уж о бригаде и подумать не мог. А тут такое счастье подвалило. А назначение разведчиком бригады, да еще поручение идти в Витебск!.. Я был от радости на седьмом небе.

Через несколько минут послышался топот лошадей, скакавших в сторону деревни Скрыдлево.

«Дядя, можно ли отремонтировать сапоги?»

Мы с Мишкой еще долго сидели и обговаривали подробности нового дела. Об обратной почте договорились так. Первую весточку из Витебска он будет ждать сам, тем более что я вернусь из города завтра к вечеру или послезавтра днем. А он должен будет дожидаться еще и подводы для отправки в бригаду оружия. В дальнейшем вблизи Ивановки надо иметь надежный «почтовый ящик».

Я предложил использовать для этой цели дуб, который стоит в двух-трех шагах от большака Сенно — Витебск вблизи хутора Горелое Лядо. В дубе есть дупло, а в нем с давних пор гнездятся шершни. Если под дубом выкопать ямку, будет надежный «ящик». Останавливаться здесь никто не станет. Разве только мальчишки вздумают подразнить шершней. Ну а уж копать под дубом никому и в голову не придет. Зато, чтобы обменять почту, достаточно нескольких секунд.

Мишке понравилась эта идея. Он пообещал завтра все осмотреть и окончательно решить.

Договорились, что оружие ему передаст Коля. Мне это сделать самому неудобно — друг мой может обидеться. Я предложил Городецкому показать Михаилу все, что где закопано, все шесть складов. Себе мы решили оставить по пистолету, а Коле еще и автомат, как его законный трофей. Мишка не возражал. Только не велел мне брать с собой пистолет, когда буду ходить на задания.

...И вот я в Витебске. Схожу с Поклонных горок и не спеша шагаю по большаку Сенно — Витебск. С левой стороны дороги начались дома города. Издали увидел домик, на котором прибит обломок фанеры с какой-то надписью. Подхожу. Действительно, небрежно дегтем выведено слово «Сапожник». Выхожу на крыльцо. Стучусь.

— Да! — отвечает мужской голос.

Открываю дверь. На табуретке прямо посередине комнаты, а комната была единственной в доме, сидит заросший щетиной средних лет мужчина в засаленной рубашке и брезентовом переднике. Обложившись немудреным сапожным инструментом, он прибавляет набойку на поношенную, искривленную туфлю. На меня — никакого внимания.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— буркнул он.

— Дядя, можно ли отремонтировать сапоги?

Он посмотрел на меня в упор, измерил взглядом с головы до ног. Особенно пристально посмотрел на мои босые запыленные ноги.

— Да ты же босой! — с искренним удивлением сказал он.

Мне что-то кольнуло в сердце: а вдруг не туда попал? Но я собрался с мыслями и выпалил:

— Потому и босой, что негде отремонтировать.

Он еще раз окинул меня взглядом.

— Ну, садись, будем ремонтировать.

Я сел. Он посмотрел на меня утомленным, изучающим взглядом и проговорил:

— Давненько уже не навещались, не случилось ли чего?

Я ответил, что все в порядке, ничего не случилось, просто труднее стало ходить в город. Потом вынул и отдал пакет. Он забрал его, поднялся, открыл дверь кладовки, отгороженной нечищенными горбылями прямо через всю хатенку. В кладовке на полках виднелись колодки, обрезки кожи, отремонтированная и неотремонтированная обувь. Зашел в кладовку...

Я оглядел комнату. В углу стоял столик, возле него скамейка, у стены не кровать, а какой-то топчан, на загнетке пара кастрюль. По всему было видно, если этот человек и живет здесь, то уж, конечно, без семьи. Никаких признаков семейной жизни.

— Зайдешь через два-три часа,— сказал он.— А сейчас погуляй где-нибудь по городу, только не угоди к фашистам в зубы.

Я побродил по городу, побывал на Полоцком базаре, купил два десятка камешков для зажигалок. По дороге в город времени для раздумья у меня было предостаточно, и мне пришла мысль заняться каким-нибудь ремеслом, которое давало бы возможность болтаться по деревням и уходить из дому в любое время. Для начала я решил мастерить зажигалки.

Часа через два вернулся к «Сапожнику». Он отдал мне пакет, попросил передать друзьям привет от товарищей и сказать, что у них все в порядке, часы идут хорошо. На прощанье он крепко, по-мужски, пожал мне руку.

Вскоре я уже был за городом. Шагал и радовался. Все складывалось хорошо. Задание выполнено. Осталось только дойти до Наумова хутора, передать Михаилу пакет, который лежал у меня под рубашкой. «Дойду, дойду, все равно дойду»,— подбадривая себя, шептал я, когда навстречу шли немецкие автомобили и танки, солдаты и обозы...

Вот уже и деревня Осиновка. Пол дороги пройдено. Надо отдохнуть. Возле дома, который стоял за поворотом дороги в сторону Ивановки, мальчишки играли в ножик. Я подсел к ним и влился в их компанию. Это легко получилось. Хотя мне уже было шестнадцать, но из-за маленького роста мне никто не давал более двенадцати лет.

Сидим играем... В нескольких метрах от нас, у колодца, остановились две грузовые машины с солдатами. Фашисты обступили колодец, таскают воду, моются, фыркают. Некоторые разделись догола, хотя это и посредине деревни, на виду у всех, и обливаются водой, хохочут...

По дороге с узелком в одной руке и палкой в другой шла сгорбленная старушка. Не дойдя несколько метров, она остановилась, но, увидев голых вояк, еще больше поморщилась и начала обходить их стороной.

Здоровенный немец схватил только что вынутое из колодца ведро и со всего размаху окатил водой бедную старушку. Она упала и быстро начала ползти. Гитлеровцы гоготали, свистели, улюлюкали...

Нет. Это не люди. В их поведении было что-то звериное. Бить их надо, безжалостно бить...

Иду дальше. Вот и анисковский борок. Лес все ближе и ближе подступает к дороге, его шум и звонкие птичьи напевы отгоняют печальные мысли, вызванные только что увиденным, бесчеловечным отношением к старой женщине, по внешнему виду которой никто уже не сможет судить ни о ее национальности, ни о ее убеждениях. Можно лишь сказать: «Она женщина. Мать. Она дала нам жизнь...»

И вот он, наш родной белорусский лес. Здесь уже не нужен мне большак, по которому идут и едут непрошенные гости. Лес тянется к Ивановке и дальше. Его тропинки укроют меня от врагов, доведут до Наумова хутора.

На том хуторе меня ждал «Мишка-парашютист». Он взял пакет, поздравил с выполнением первого личного задания комбрига, сказал, что оружие, переданное Колей, сегодня же ночью отправит в бригаду. Особенно был рад, что подобрали и сумели сохранить станковый пулемет.

— Этого-то я уж никак и не предполагал. Вот будет доволен «Дядя Алеша»!

Место для «почтового ящика» Мишке понравилось. С обратной от дороги стороны под стволом дуба он вырыл ямку, обложил ее корой и сделал из дерна крышку. «Почтовый ящик» получился отличный. Он служил нам до самой зимы, а затем с весны 1943 года до самого октября.

Этот дуб стоит и сейчас, широко развесив во все стороны свою могучую крону. Почти ничего не изменилось в его внешнем виде. Только ель, выросшая из-под самого ствола дуба, которая тогда была не толще десяти сантиметров, сейчас разрослась, крепко прижалась к нему и пролезла своей верхушкой сквозь его густую крону. А издали кажется, что дуб тянется к солнцу привитой на его верхушке елью. Видно, трудно было ели пробраться через крону дуба. На стволе ее остались следы этих трудов. Ствол во многих местах, как топором, отесан о крепкие сучья дуба. Из этих отесов течет смола. Плышет она по стволам ели и дуба, как будто оба дерева плачут, вспоминая суровые военные годы. Несколько лет назад мальчишки-озорники подожгли смолу и выгнали из дупла дружную семью шершней, которая всю войну надежно охраняла партизанский «почтовый ящик». Но года через два шершни там снова поселились и живут сейчас.

Договорились мы с Мишкой, что «почтовый ящик» я буду посещать не реже двух раз в неделю, и распрощались.

Через полчаса я уже от отца получал очередную взбучку. Слава отбившегося от рук сына за мной закрепилась давно, еще когда вопреки воле отца ушел учиться в Витебск, а может, еще и раньше, когда ходил в школу. Учился я по всем предметам только на «отлично», а вот с дисциплиной было плохо... Даже в свидетельстве об окончании семи классов это отметили. К счастью, на такую оценку при поступлении в техникум не обратили внимания,

Кажется, ничего плохого я никогда не делал, не хулиганил, но слово «недисциплинированный» прочно приросло ко мне и никого не удивляло. Скажешь шутку-прибаутку или состроишь гримасу — и этого становилось достаточно, чтобы класс взорвался хохотом, а я оказался за дверью.

Беззаботным балагуром, анекдотчиком и вообще несерьезным хлопцем считали меня в деревне. А

в семье называли еще и беспутным сыном. Мне попадало и ремнем, и веревкой, и березовой розгой, но все бесполезно. Больше всего отца бесило то, что, сколько бы он ни бил, я никогда не плакал и не просил прощения.

Сейчас славу беспутного сына я не только не старался рассеять, а, наоборот, все делал для того, чтобы всемерно укрепить ее. Ведь никто не мог даже подумать, что я стану заниматься чем-нибудь серьезным или мне кто-то может что-то важное доверить.

Я занялся промыслом. Начал мастерить зажигалки, гребешки, расчески, отливать ложки. Это мне здорово помогало. Надо же было сбывать свой товар. Появился повод отлучаться из дому и появляться там, где меня никто не ждал. Старался я как можно меньше продать своего товара, поэтому просил за него всегда втридорога, специально, чтобы никто не купил. Ведь если торговать по-настоящему, то и производить надо много, а на это у меня не хватало времени. А если кто из односельчан хотел купить мои изделия, то я отдавал их даром. Тогда многие у меня отказывались брать. Это и спасало.

В июле три раза ходил в Витебск к «Сапожнику», носил туда и обратно почту. В третий раз, после очередной прогулки по городу, вернулся к нему, чтобы взять пакет. Он предложил мне зайти в кладовку. Зашел. Там сидел молодой человек лет двадцати пяти. С ним позже я встречался у «Сапожника» несколько раз.

Только через много лет узнал, что это был Петр Данилович Богдановский. Помогла случайность. Еще тогда, в войну, прогуливаясь по Полоцкому базару, заметил, что он делал покупки совместно с подростком. Я к ним не подходил, и они ко мне тоже. После войны я встретил того подростка. Он шел с моей двоюродной сестрой Анной Антоновной Лебедевой, которая и сейчас живет в Витебске. Я спросил его, что за человек был с ним тогда на Полоцком рынке.

— Мой брат Петр. Осенью сорок третьего года его схватили и расстреляли немцы, а меня вывезли в Германию,— ответил Станислав.

Петр был руководителем одной из подпольных групп в городе. Он расспрашивал меня, где стоят немецкие гарнизоны, где полицаи, патрулируют ли они дороги. Передал мне пакет и спросил, могу ли я взять оружие и медикаменты. Я взял четыре немецких пистолета и лекарства. В этот раз он велел передать, что в часы попала песчинка, но никакого вреда не сделала: своевременно извлечена.

Все это — пакет, пистолеты, сверток медикаментов и свою записку на имя «Дяди Алеши» я положил в «почтовый ящик». Через несколько дней получил письмо от комбрига и пакет для отправки в Витебск. В письме командир категорически запрещал мне переносить оружие, медикаменты и что бы то ни было, кроме почты. Все это будет переправляться другим путем. Подпольщикам, сообщал «Дядя Алеша», даны на этот счет соответствующие инструкции.

Добровольно в петлю

Это было в конце июля. Я возвращался домой после очередного посещения Витебска. Ивановка встретила меня переполохом. Оказывается, пришло указание отправить несколько человек из числа молодежи на торфоразработки в Осинторф. Из нашей семьи должны были ехать либо сестра Надя, либо старший брат Николай. Отъезд предполагался через четыре дня.

Я быстро вернулся к «почтовому ящику» и написал письмо «Дяде Алеше». Сообщил, что есть возможность попасть в Осинторф, если этот объект его интересует.

Этим самым я убью двух зайцев: спасу сестру или брата и принесу пользу делу.

Дня через два примчался Мишка. Он сообщил мне, что в Осинторф ехать надо. Главная моя задача — найти там надежного человека, который выполнял бы задания партизан. Если это удастся, я должен дать ему пароль. «Дядя Алеша» разрешает пробыть там не более двух недель. Но смогу ли я оттуда вернуться в Ивановку? Я заверил, что при любых условиях выберусь. Мишка пожелал мне успехов, мы расцеловались, и он уехал.

Дома заявил, что в Осинторф поеду я. Это сообщение хотя и прозвучало для семьи полнейшей неожиданностью, но было воспринято хорошо. Действительно, я мало пользы приносил в доме. Да и шансов бежать оттуда у меня больше, чем у Нади или Николая. Осталось только заручиться поддержкой старосты. Но это я взял на себя. У меня был козырь, который, как мне казалось, должен побить все его возражения.

Пришел к Келлеру и попросил его направить в Осинторф из нашей семьи меня. Он удивился, с чего бы это могло появиться такое желание.

— Ведь там же работать надо, а не анекдоты рассказывать. Да и силенки-то у тебя не очень,— собираясь с мыслями, сказал Келлер.

Я сразу перешел в наступление.

— Да что вы понимаете?! Разве немецкому государству нужна сила? Сила и у лошадей есть. А лошадей у немцев и своих хватает. Немецкое государство нуждается прежде всего в специалистах. А вы посылаете кого? Что умеет делать Надя или другие ваши работнички, которых собираетесь посылать туда? Лопату в руках держать, да еще ложку. Разве для этого вы должны посылать людей? А я — токарь-универсал, слесарь, электрик, могу работать на строгальном и фрезерном станках. Да разве вы не знаете моего мастерства? А эта красивенькая расчесочка в вашем кармане — не моих ли рук дело? А насчет анекдотов и прочих веселых задатков, — «обиженно» вздохнул я, — вы зря так непочтительно отзываетесь. Я там такую художественную самодеятельность организую, что любой ансамбль позавидует. И вам, конечно, будет почет. Все будут говорить: «Это Келлер нашел такого человека».

Я ошеломил старосту своей трескотней. И он, конечно, отказать мне не мог. Дал свое «высочайшее» согласие. После этого Келлер забыл нанесенную мной обиду о его родословной. Говорили, что в кругу своих друзей он даже лестно отзывался обо мне: «Если его отдать в хорошие руки, из него выйдет толк».

И вот 27 июля с сумкой за плечами (на этот раз без пистолета) вместе со своими односельчанами и в сопровождении Келлера я шел до Мошкан. Оттуда — на подводах под конвоем полицаев добрались до Богушевска. Назавтра утром на крытых грузовиках, с двумя полицаями в каждом кузове и одним в кабине, мчимся в Осинторф.

Осинторф... О тебе раньше пели песни. Ты был гордостью республики. Обеспечивал топливом построенную в 1930 году недалеко от Орши крупнейшую в республике БелГРЭС. А теперь фашисты готовились к пуску первого генератора, который привезли из Германии.

Нужно было топливо, нужен был торф. На заготовку его из деревень оккупанты сгоняли молодежь, везли военнопленных. Здесь создавался настоящий лагерь каторжного труда, лагерь смерти.

Выгрузили нас в пятом поселке. Построили, зачитали нормы внутреннего распорядка: за слушание — палка, за недостаточно усердное отношение к работе — палка, за неповиновение — расстрел, за попытку к бегству — расстрел, за агитацию — расстрел, за высказывания недовольства — расстрел. И за все палка да расстрел...

Разместились на полу в длинном грязном бараке. Присматриваюсь к соседям, особенно старожилам. Изнуренные, голодные люди. Трудно определить, кому сколько лет. Кажется — одни старики, даже не старики, а скелеты. Шепотом передают новости, рассказывают о бесчинствах и издевательствах. Узнаю, что похлебку дают два раза в сутки, утром и вечером, а в воскресенье — только обед, хлеба на день сто пятьдесят граммов, а работаешь с восьми утра до семи вечера. Бараки в два ряда огорожены колючей проволокой, на вышках — пулеметы. На работу — под конвоем, с работы — тоже. Считают часто. Не потеряешься.

...Работаю на погрузке в вагоны торфа. Стараюсь изо всех сил, беспрекословно выполняю все указания, даже покрикиваю на товарищей. Мое усердие заметили конвоиры и более почтительно ко мне стали относиться.

Скоро — воскресенье. В этот день разрешается гулять по лагерю, подходить к соседним баракам.

Кого найти? С кем познакомиться? Не искать же надежного человека среди привезенных: им не до этого. Да и что проку, когда они все время под конвоем да за колючей проволокой. Нужно найти местного рабочего или служащего, который жил бы вне лагеря. Брожу, присматриваюсь...

Здесь же, в лагере за колючей проволокой, метрах в двадцати от нашего барака в приспособленном дощатом помещении — какая-то мастерская. Дверь открыта, вижу — какой-то усатый старичок (а может, и не старичок, тогда все ходили заросшими) мастерит что-то.

— Здравствуйте, дедушка. Что же вы сегодня в выходной работаете?

— А что же я — в профсоюз жаловаться стану? Вызвали, вот и работаю. Приказали сделать пять леек для смазки паровозов. Оглянулись сегодня, что кто-то старые утащил, вот и пригнали. Хочешь не хочешь — делай, — недовольно пробурчал старик.

— Давайте, дедушка, помогу вам. Вдвоем быстрее.

— А ты разве что-нибудь умеешь?

— Конечно, умею. — И без разрешения взялся за работу.

Разговорились. Старик — кадровый рабочий Осинторфа. До войны был слесарем по ремонту оборудования. Живет в одиннадцатом поселке, в километре от наших барак.

В углу мастерской установлен старенький токарновинторезный станок. Спросил, кто работает на нем. Слесарь ответил, что уже две недели нет никого. Нашли было одного из привезенных, да пытался бежать. Расстреляли.

— А не взяться ли мне за эту работу? Я, кстати, токарь.

Он так ядовито посмотрел на меня, что я чуть не провалился сквозь землю.

— И откуда только берутся такие сволочи? — прошипел мастер.

— А может, я и не сволочь, — ответил ему.

В общем, лейки мы доделали. Распрощались. Я попросил разрешения заходить к нему и помогать после работы.

— Заходи, если на болоте мало наработаешься.

Что-то потянуло меня к этому человеку. Каждый

день после ужина заходил я в мастерскую. Старик заметно переменялся, подобрел, стал лучше относиться ко мне, а однажды даже вынул из тряпицы две картофелины и подал мне.

— На, съешь. Старуха прислала. Уж очень она сердобольная у меня.

— Спасибо, и ей передайте мою большую благодарность.

Съел картофелины и, чувствуя, что наступил самый подходящий момент, начал издалека. Мол, столько мук оккупанты приносят людям, столько молодежи гибнет... И не видно никакого выхода. Разве только, может, партизаны нападут, освободят?

— Что-то не показываются они сюда. Вокруг ходят, а сюда и носа не кажут, — вздохнул старик.

И тогда я решил. Подошел к нему вплотную и выпалил:

— Наверное, здесь нет надежных людей, которые могли бы помочь им, на которых можно было бы положиться...

Старик пристально посмотрел на меня, в глазах заиграли искры. Он рассердился, заскрежетал зубами, надвигаясь на меня.

— Закрой свою грязную плевательницу, а то... — и замахнулся на меня железякой.

А я стоял внешне совершенно спокойный, смотрел на него и радовался, что наконец-то нашел нужного мне человека. Мастер остановился, тоже внимательно и как-то смущенно посмотрел на меня, бросил железяку.

— Давайте, деду, поговорим по душам, — предложил я как можно доверчивее. — Я партизанский разведчик, прибыл сюда, чтобы найти верного человека... Выбор пал на вас. Если вы согласны помогать нам, дня через три-четыре я уйду отсюда и доложу командованию.

— Как ты отсюда уйдешь?

— На крыльях улечу.

На этом первый откровенный разговор и закончился. Но было видно, что старик заинтересовался моим предложением. Ему требовалось время на размышление и проверку меня. В мою пользу говорило лишь то, что я молодой и нездешний. Для провокации оккупанты подыскали бы и подослали более подходящую кандидатуру.

Каждый день мы встречались со стариком в мастерской. Обо всем постепенно договорились. Он объяснил мне, как лучше добраться в Лиозненский район и в Богушевск. Я передал ему пароль. Мастер повторил его несколько раз. В субботу снова повторил...

Пароль был сложный: «Помогите, дорогой, устройтесь на работу в Осинторф». — «Идите к немцам, они с удовольствием берут себе работников». — «Но по благу можно получить лучшую работу». — «Попробую — может, и помогу».

На этом мы и распрощались. Я сказал, что попытаюсь уйти завтра через ворота, а если не удастся, уйду в понедельник с работы.

И вот наступило воскресенье. Я готов уходить. Оставил все свои пожитки, даже ботинки и шапку, что в войну было не последним делом. Кстати, вещей из дому взял очень мало: одеяло, полотенце, пиджак. Я не собирался здесь долго задерживаться.

Все внимание теперь сосредоточил на воротах. Около них стояло много людей. Каждый надеялся дожидаться своих родственников и получить передачу.

Около десяти часов начали подходить отдельные родичи. Счастливицов на десять — пятнадцать минут выпускали за ворота. Им разрешалось в двух-трех метрах от ворот на виду охранника посидеть с родными, поговорить, взять передачу. При возвращении у входа передачи просматривались гитлеровцами, и, конечно, им всегда что-нибудь перепало.

Постепенно все разошлись: и счастливики, получившие передачи, и их родственники, и те, кто бесполезно простоял у ворот.

Остался один я. Да еще на посту немец. Притом знакомый, который конвоиром был на погрузке торфа и видел мое усердие. Не обращая на него внимания, я продолжал сосредоточенно вглядываться в

даль на дорогу в сторону одиннадцатого поселка, Подходило время обеда. А я все стоял, вытянув шею и прищурился глазами.

Немца, видимо, разобрало любопытство. Он спросил, кого это я так долго жду и на что надеюсь. Мне только это и нужно было. Быстро обернулся к нему, как будто до этого даже не видел его и обрадовался неожиданной встрече, поздоровался. Объяснил ему, как только мог, словами и жестами (больше жестами, чем словами), что вчера приходил мой отец и пытался передать яйца и мед. Но ему не разрешили, ведь была суббота. А передачи разрешают только в воскресенье. Отец сказал, что он оставит все у дяди, который живет вон в том одиннадцатом поселке. Дяденька должен был принести мне передачу, но что-то нет и нет его. Я опасуюсь, как бы его самого не потянуло на мед...

— О, мед гут, мед карашо,— кивал головой оккупант.

Я снова уставился на дорогу и ждал «из моря кораблей»... Зашумели, залязгали котелки в пятом поселке. Начался обед. Каждый старался первым получить свою порцию баланды, может, гуще достанется...

Фашист опять заговорил со мной: вот, мол, и мед не принесут, и обед потеряю. И я решил на то, что уже было задумано. Попросил постового пустить меня на полчаса. Быстро сбегаю, заберу у дядюшки яйца, мед, и мы разделим все пополам. Охранник согласился. Даже предупредил, что бежать быстро нельзя. Подумают, что убегая, поймают и расстреляют. Идти надо не торопясь, спокойно. Он разрешил мне отлучиться на час. Помолчав, добавил, что яйца ему не нужны, а только мед. Конечно, ему яиц уже было предостаточно. Около столба стояла целая сумка яиц, которые собрал он в виде дани от счастливых, получивших передачи.

— Весь мед отдам, весь, весь,— показал я руками.

— Гут, гут, карашо,— закивал головой немец.

И я пошагал, хотя очень хотелось бежать.

Минут через пятнадцать — двадцать я уже был в одиннадцатом поселке. Шел и думал: «Где-то здесь живет мой новый друг». На дороге лежала веревочка. Наверное, дети игрались и оставили скакалку. Я наклонился, чтобы поднять ее. Вдруг услышал тихий голос старика из мастерской:

— Счастливого пути, добрый молодец!

На один миг глянул я в его сторону. Между кустами сирени на табуретке сидел тот самый слесарь. На глазах у него накатились слезы. Я подхватил скакалку и, прыгая через нее, такие кренделя начал выкидывать то через шаг, то через два, а то и сразу через обе ноги, удаляясь от этого места. И так вскоре оказался в поле за поселком. Даже не заметил, встречались ли немцы и обращали ли внимание на разыгравшегося мальчугана...

В штабе бригады

Вечером я уже был в Лиозненском районе и, по моим приметам, в партизанской зоне. Но надо же разыскать «Дядю Алешу». А как это сделать?

И тут мне повезло. Из-за поворота дороги выскочил всадник и направился в мою сторону. По всему было видно, что партизан. Но всякое случается. Ошибиться нельзя. Что же придумать? Ничего подходящего не приходило в голову. Я быстро шевелил мозгами, но еще быстрее приближался он. Верховой, не обращая на меня никакого внимания, проезжал мимо.

— Дядя полицай! Дядя полицай! — закричал я вдогонку.— Остановитесь! Туда ехать нельзя, там, я видел, шли партизаны.

— А ты, шукура продажная, откуда взялся?! — резко осадив коня, процедил всадник.— Вот я тебе покажу полицая, покажу, как продавать партизан. Ты откуда явился, гаденыш?

— Не сердитесь, дядя полицай. Я хотел помочь вам.

— А ну пошли к начальству. Если только свернешь с дороги, буду стрелять без предупреждения. А чтобы быстрее дойти, марш бегом! — приказал он и повернул лошадь назад.

Я вприпрыжку, как зайчишка, побежал по дороге. Сзади трусил рысцей всадник. Бежать было легко. В душе играла музыка. Мне казалось, что ветер подгоняет меня в спину. Минут через пятнадцать мы уже были возле деревни. Постовой, стоявший на краю деревни, спросил у всадника:

— Что это за состязание пешего и конного?

— Да вот, немецкого змееныша поймал,— весело сообщил он на ходу.

Остановились в середине деревни у домика, где то стоял часовой. Партизан привязал лошадь, взял меня за воротник и втолкнул в дом. За столом сидел и читал какие-то бумаги красивый мужчина. Мой конвоир доложил все как было.

— А ну-ка рассказывай, кто ты такой! — кивнул мне красивый мужчина.

— Мне нужен партизанский командир.

— Я начальник штаба отряда.

Это был Тихон Михайлович Шинкоренко. Но тогда я видел его в первый раз.

— Останемся один на один.

Он попросил выйти моего конвоира и еще двух человек, находившихся здесь. Я уточнил:

— Ваш отряд входит в бригаду «Алексея»?

— Да.

— Тогда отправьте меня к «Алексею». Я иду из Осинторфа, выполняю его задание.

— Хорошо, отправим. Есть хочешь?

Только сейчас почувствовал, как сосет под ложечкой и режет в желудке.

— Очень хочу.

Принесли молоко и хлеб. Наелся и мне захотелось спать. Шинкоренко спросил:

— Теперь отвезти к «Алексею» или поспишь маленько?

— Сейчас,— ответил я.

Минут через пять, сидя за всадником, чуть ли не на крупе лошади, я скакал, крепко держась за талию бывшего моего конвоира. Мне хотелось спать, и я боялся, что вот-вот усну и упаду с лошади.

— А я серьезно думал, даже был убежден, что поймал немецкого шпиона,— говорил мой спутник. Это был адъютант начальника штаба 8-го отряда Борис Сильвестрович Прудников.— Если бы ты хоть на шаг свернул с дороги, я бы застрелил тебя.

Часа через два мы уже были в штабе бригады. Прудников зашел в дом и вскоре выбежал оттуда.

— Заходи! До свидания. Желаю успехов,— он подал мне руку на прощанье и пошел к привязанной лошади.

Я состроил дикую гримасу и перевалился через порог. В комнате сидел «Дядя Алеша» и еще один, по всему виду, командир. Глаза «Дяди Алеши» смеялись. А его товарищ поморщился и небрежно кинул ему:

— Что это еще за идиот?

— Иди, Ваня, погуляй! Оставь нас наедине,— сказал «Дядя Алеша».

Ваня (это был будущий комиссар бригады, а тогда еще комиссар отряда «Прогресс» Иван Исакович Старовойтов) вышел. «Дядя Алеша» схватил меня на руки, прижал к себе и начал кружить, приговаривая:

— Ох и «Сорванец»! Настоящий сорванец! Жив и здоров, но до чего же ты худющий!

— «Дядя Алеша», отпустите, а то вшей наберетесь,— взмолился я.

— Вшей твоих мы сейчас выжарим. Скажи, нашел человека, не зря кормил вшей немецких?

— Нашел. И кажется, хорошего человека.

— Когда ты ушел из Осинторфа?

— Сегодня в обед.

— Тогда отдохни. Сейчас тебя обмоют, избавят от вшей, а завтра и поговорим.

Меня отвели в какой-то домик. Нагрели воды. Я почти спал, когда меня мыли, чесали и расчесывали, парили белье. Ужинал я тоже почти сонный. Проснулся на следующий день. Старушка до отвала накормила, подала мою, уже чистую одежду. Нашла где-то подходящий пиджак, ботинки и кепку. Я оделся и хотел идти в штаб, но мне бабка сказала, что ходить никуда не надо. Комбриг уже знает, что я проснулся, и придет сюда сам. Все это делалось, по-видимому, для того, чтобы как можно меньше людей видели меня.

Он пришел. Я рассказал все по порядку, начиная от разговора с Келлером и кончая «дядей полицаем».

— Спасибо, «Сорванец»! Но теперь тебе надо быстрее пробираться в свою Ивановку и опять браться за Витебск. Через несколько дней снова пойдешь в город. Я дам тебе еще и новый адрес, и новый пароль. Будешь туда ходить только по моим указаниям, то есть тогда, когда будет тебе передано или написано идти ко «Второму» или если что-нибудь случится с «Сапожником»,

«Дядя Алеша» дал мне адрес «Второго» и пакет. Назвал пароль.

— Сегодня ночью будешь в родных местах. Ты умеешь скакать на лошади?

— Даже на черте могу скакать. Это все-таки легче, чем на своих двоих или на скакалке,— сразу же ответил я...

Как только за горизонт зашло солнце и начало темнеть, три всадника помчались в сторону Витебска. Без всяких приключений проскочили шоссе, затем железную дорогу Витебск — Смоленск,

потом снова шоссе, а там переплыли через реку Лучесу и, наконец, пересекли железную дорогу Витебск — Орша. Выехали на большак Сенно — Витебск. Здесь я распрощался со своими спутниками, отдал лошадь и пошел пешком в сторону Ивановки. Оставалось всего километров десять.

К утру я уже был дома. Встретили меня радостно и вместе с тем встревоженно. Родные понимали, что я сбежал. Но заверил их, что успокою старосту Келлера.

И вот я у него. Он выпучил глаза, протер их и уставился на меня.

— Это я, я!.. Не вышел из меня работник великой Германии. Не успел заслужить ни вам ордена, ни себе медали. Меня выгнал немецкий офицер, какой-то большой начальник на Осинторфе. Вышвырнул за проволоку да еще коленом поддал. При этом сказал: «Такие работники нам не нужны, только ложку и удержат в руках, чтобы баланду хлебать. Надо узнать, какой дурак посылает таких недоростков на тяжелые работы». Так и пошел я домой со слезами на глазах.

— А адрес, фамилию записали? — спросил встревоженный Келлер.

— Да никто и говорить со мной не стал. Эх, а я думал, что Германия — культурная страна, у нее интеллигентные офицеры, — с горечью продолжал я.

Келлер или поверил мне, или просто перепугался, не знаю, только просил всем говорить, что не прошел комиссию по здоровью. А мне только это и нужно было.

«Дядя Жора», или «Второй»

Через два дня я снова шагал в Витебск. Отыскал адрес «Второго». За Полоцким рынком стоял на отшибе домик. Мимо шла прямая тропа на Юрьеву горку. Около домика — сад, ягодники. Я несколько раз прошелся по дорожке. Тянул время — зайти можно было лишь после семи вечера.

В восьмом часу постучался. Дверь открылась. На крыльцо вышел хорошо одетый мужчина лет двадцати семи.

— Здравствуйте. Вы покупали на Полоцком базаре сахарин?

— Здравствуй. Покупал, а что такое? — спросил он.

— Вы забыли покупку, я принес ее.

— Ох, да. Спасибо! Проходи...

Я вошел в квартиру. Она блистала чистотой и белизной. Это мне сразу бросилось в глаза.

Со двора зашла женщина. Хозяин сказал ей:

— Это наш гость. Приготовь ужин.

Она поздоровалась со мной и начала стряпать. Мы зашли в другую комнату. Я отдал пакет. «Второй» вскрыл его и при мне прочитал, рассмотрел бумаги. Потом взял карандаш и стал что-то считать, написал ряды цифр. Затем положил все в стол. Начался непринужденный разговор обо всем и ни о чем.

Хозяйка пригласила нас к столу. Он был хорошо сервирован и богат закусками. По крайней мере, такой стол я видел до войны лишь в ресторане по Замковой улице. Видел... Через окно. Сели. На столе появилась бутылка иностранного коньяка. Хозяин налил рюмки. Я чокнулся, но пить отказался.

Никогда еще не брал я в рот спиртного. Первую рюмку выпил в 1944 году в Богородском госпитале в День Красной Армии.

После ужина хозяин отвел меня в боковую комнату. Там кровать уже была разобрана.

— Вот здесь ты будешь спать, — сказал он.

— Спасибо!

— Да, оружие у тебя есть?

— Есть пистолет.

— Давай его сюда, — протянул он руку.

Я отдал пистолет. Он сунул его в карман. Сразу ничего я и не подумал, спокойно разделся. Но потом, отвернув занавеску, увидел такое, что меня сразу бросило в холод. Под занавеской висел немецкий офицерский мундир с серебристыми крученными погонами. Но отступить уже было поздно.

Будь что будет, решил я и лег спать. Но заснуть, конечно, никак не мог. Больше всего корил себя за то, что добровольно отдал оружие. Ведь можно же было сказать, что у меня пистолета нет. Кажется, за ночь я не сомкнул глаз.

Утром позавтракали. По тропинке мимо этого дома потянулись люди. Хозяин отдал мне пакет и пистолет, проводил до дверей. За калиткой я влился в поток людей. На ходу выхватил и ощупал обойму пистолета. Все в порядке, патроны на месте. Но страх этой ночи долго не покидал меня. Обо всем, в том числе и о серебристых погонах, я написал «Дяде Алеше». Обратной почтой 19 августа он сообщил мне,

что на мелочи не надо обращать внимания. Это наш человек, хотя бы он был и в «чертовой коже». Одновременно я получил пакет и новое задание. Но об этом несколько позже.

После первого посещения я долго не был у «Второго». Меня больше посылали к «Сапожнику». В конце сентября 1942 года в кладовке «Сапожника» я встретился с женщиной лет тридцати. Она расспрашивала меня о возможностях передвижения по деревням, много ли там ходит народу, интересовалась деревней Воеводки, как туда лучше всего пройти. Я рассказал, что знал. Сообщил, что народу ходит много, большинство женщины, подростки и старики, ищут, где бы обменять одежду, соду, сахарин и кое-что другое на продукты питания. Деревню Воеводки я знал хорошо и посоветовал, как туда добраться.

В конце октября через «почтовый ящик» получил пакет для «Второго». И вот я снова в Витебске, в домике возле Полоцкого базара. Была суббота. Хозяин оказался в хорошем настроении. Хозяйка стряпала на кухне.

— Вот хорошо, что ты пришел,— сказал «Второй».— Сегодня как раз у нас будут гости. Посмотришь на фашистских офицеров за пьянкой. Давай-ка быстро умойся, приведи себя в порядок. Я для тебя дядя Жора, жена — тетя Катя, а ты — наш племянник. Как тебя величать при гостях?

— Вася,— ответил я.

— Так вот, Василек, давай почту, пистолет и — быстро мыться.

Пистолет не хотелось мне отдавать. Я медлил, Он понял все и с укором сказал:

— Мне твой пистолет не нужен. Но я боюсь, как бы ты по молодости не наделал глупостей. А опасности здесь никакой нет, и оружие тебе ни к чему.

Я отдал пистолет и занялся туалетом. Нарядили они меня в белоснежную рубашку, наутюженные брюки, начистили ботинки и уж, конечно, сбрызнули мой чуб духами. Стол был накрыт богато и со вкусом. Ждали гостей.

В девять часов подкатила легковая машина.

«Дядя Жора» встречал гостей на крыльце. Слышны были бурные приветствия, похлопывания и хохот. Вошли, поцеловали руку «Тете Кате»; «Дядя Жора» показал на меня и что-то сказал по-немецки. Я поклонился одному и второму.

— О, гут, гут,— бросил оккупант и потрепал меня за волосы.

Они сели за стол — и качалась пьянка. Один фашист показал на меня и что-то проговорил. «Дядя Жора» сказал, что гость спрашивает, почему меня не посадили вместе с ними за стол. Я попросил не беспокоиться, да и «Тетя Катя» жестами показала, что мне уже приготовлен стол на кухне. От меня отстали.

Дверь оставалась открытой, и из кухни мне было хорошо видно и слышно все. «Дядя Жора» отлично владел немецким языком. Вначале говорил он очень много, по-видимому, рассказывал анекдоты или забавные истории. Гости все время взрывались хохотом. Потом он уже больше слушал, лишь изредка вставляя отдельные фразы. Гости следовали один за другим.

Захмелевший фашист пришел на кухню с наполненной рюмкой и что-то начал говорить. «Дядя Жора» сказал, что он хочет угостить меня коньяком. Я вежливо отказался. «Дядя Жора» перевел ему мой ответ. Фашист махнул рукой и выпил рюмку сам.

Через некоторое время «Дядя Жора» спросил, смогу ли я что-нибудь сплясать, гости просят.

— Русского,— ответил я.

«Дядя Жора» и «Тетя Катя» подыгрывали губами, а я отплясывал. Получив в награду бурные аплодисменты, ушел и лег спать. Под хохот компании и звон рюмок уснул. Когда гости расходились, я уже не слышал.

Утром «Тетя Катя» сказала, что «Дядя Жора» ушел по делам и вернется только к обеду. Мне придется ждать его. Действительно, часа в два «Дядя Жора» вернулся. Он передал мне пакет, вернул пистолет, и я вышел, затерялся среди людей, сновавших по городу.

Меня всегда мучили и сейчас мучают вопросы: «Кто же этот «Дядя Жора»?», «И вообще Жора ли?» Наверное, он такой же Жора, как я Вася. Но одно не вызывает сомнений: это был умный и смелый подпольщик, сумевший войти в доверие к немцам и занять у них видное положение.

И опять в петлю...

Как уже говорилось выше, утром 19 августа я получил пакет и записку от «Дяди Алеши». В записке, кроме заверений, что «Второй» — наш человек, содержалось новое задание. Мне поручалось срочно пробраться через фашистское кольцо, в котором замкнуты партизаны в бабиновичских лесах

Лиозненского района. «Постарайся обязательно пробраться туда и передать пакет командиру отряда И. И. Гурьеву. Это очень важно. От этого зависит жизнь сотен партизан, и не только алексеевцев. Очень, очень прошу тебя во имя жизни добраться туда при любых условиях. Желая удачи. «Дядя Алеша», — тревожно заканчивалась записка.

Записку я сжег, а пакет запрятал в карманчик, специально пришитый к кальсонам. Дома сказал, что пойду в Волосово к дяде Осипу. Деревня Волосово находится в двадцати километрах от Ивановки, за станцией Сосновка. Там за Осипом Борисенко замужем была родная сестра моего отца Ирина. Вот с ним-то я и собрался «в гости».

Возражать особенно никто не стал, только отец недовольно пробурчал:

— Что-то ты расходишься то в Волосово, то в Витебск. Лучше бы отдохнул недельку. Или не очень переработался там, в Осинторфе.

Дома ко мне пока все относились терпимо, даже с Уважением: еще прошло лишь немногим больше недели как вернулся из Осинторфа. Прихватив кусок хлеба, я поспешил со двора. Отойдя от деревни и убедившись, что никого поблизости нет, повернул на Мошканы, оттуда на Лучковский разъезд, обошел с левой стороны Богушевск, пересек шоссе Витебск — Орша и оказался в Большой Щитовке. Километров тридцать осталось позади. До Бабиновичей — не более десяти. Уже слышная артиллерийская канонада, все чаще обгоняют или идут навстречу немецкие автомашины с фашистскими солдатами и полициями.

По пути от Большой Щитовки до Украйша четыре раза пришлось сворачивать на луг и, размахивая кепкой, беззаботно гоняться за бабочками или прыгать со скакалкой. Никакого желания резвиться, разумеется не было. Ведь прошел я в темпе уже более тридцати километров, но обстановка этого требовала.

А от Украйша пробираться стало еще труднее. Там уже не только раздавалась канонада, но и виднелись черные столбы дыма от бомбовых и снарядных разрывов, то и дело проносились немецкие самолеты. На улицах деревень уже нельзя было встретить крестьян, даже детей, моих добрых друзей, которые лучше всех прикрывали меня. Везде находились оккупанты и их обозы. Дальше двигаться, изображая веселого мальчишку, стало опасно. Что же делать?

Метрах в двадцати от дороги около кустов паслась рябая корова. Я обрадовался, что нашел спасительный выход. Выломал добрый хлыст, засучил штаны выше колен и побежал к корове. Выгнав ее из кустов, погнав вдоль дороги, по которой шли войска. Корова всячески старалась повернуть назад, видимо, ее деревня осталась позади. Но посвист хлыста заставлял идти в сторону Бабиновичей. Нарочно весь замурзавшись, плача навзрыд, смахивая рукавом «набегавшие» слезы и вытирая нос, я громко проклинал «свою» буренку:

— Штоб тебя волки разорвали на клочья!.. Штоб тебя забодал родной теленок!.. Штоб твои глаза выклевал ворон!..

Так помаленьку и продвигался в сторону Бабиновичей. Вот уже около шестисот метров осталось до них. Правее из-за кустов показалась деревня Степаненки. Там извивалась речушка, по обеим сторонам которой раскинулась неширокая болотина, уходящая клином в темнеющий лес. Оттуда доносились стрекотание пулеметных и автоматных очередей, винтовочные выстрелы, разрывы мин и снарядов. Вдали, около самой опушки леса, я разглядел змейку вражеской линии обороны. До нее оставалось не более двух километров.

От дороги повернул корову к болотине, подогнал к речушке и остановился. Корова принялась щипать траву. Я сел на бережок, опустил ноги в воду и думаю, как быть дальше. Мысли одна заманчивее другой наперегонки проносятся в голове. Я еще не решил, как быть. Но что от коровы следует уходить немедленно, было совершенно очевидно.

Посидел, огляделся вокруг, выбрал большой лозовый куст, который возвышался вдали над болотной травой и мелким кустарником, и решил пробираться к нему.

— Прощай, буренка! Спасибо за помощь! Как-никак, а пару километров ты меня выручала.

Шел, зорко наблюдая по сторонам. Старался не привлекать к себе внимания движущихся по дороге фашистов. Вот и лозовый куст. Осторожно забрался в середину. Уселся. Смотрю вокруг, ничего подозрительного не вижу. Местных жителей нигде ни души. И в Бабиновичах, и в Степаненках, и на дорогах видны только вооруженные солдаты и полицаи. Впереди, между деревьями, на бугорке, на моем пути, копошатся фашисты. Присмотрелся. Оказывается, там пулеметная и минометная точки. Наверное, для прикрытия болотины, которая в этом месте не достигает и пятидесятиметровой ширины.

Да, положение сложное. Можно ожидать вечера под лозовым кустом, чтобы потом под покровом темноты пробраться через фашистское кольцо. Но было всего лишь часа три дня. Солнце освещало и

обогревало землю, поднимая испарину на болоте.

Вынул из кармана хлеб, грызу его и думаю с тревогой: «Ждать до ночи? А потом? Чем же лучше ночь? Теперь хоть все видно, да и бдительность врага может быть притуплена. А ночью и на засаду нарваться недолго. Наверное же, перекроют на ночь эту болотину. Как же быть?»

Будь что будет. Решил продвигаться днем, и немедленно. Встал во весь рост. Просмотрел свой путь на сотню метров, прощупал глазами шаг за шагом. Мелкий кустарник, кочки, болотные травы. «Никаких перебежек. Только ползком. Хоть медленнее, зато увереннее», — решаю я.

Вынул пакет, засунул его за подкладку кепки, повернул ее козырьком назад, пистолет зажал в зубах и пополз между кочками по ржавой воде. Ползу медленно, осторожно, чтобы не шелохнулся кустик, не треснула ветка, не плеснула гнилая вода. Все бы ничего, но пистолет... Разве удержишь его в зубах? Челюсти устают, зубы ноют от зажатого металла. Держать в руке — плохо ползти, да того и смотри, что всадишь в болотную жижу. Засунул за ворот рубашки — выскользывает. Что же делать? Ножом обрезал вокруг низ рубахи и прочно привязал петлей за кожух ствола и скобу! пистолета. Получилась своеобразная мягкая ручка. Взял в зубы. Другое дело.

Медленно преодолеваю расстояние. Когда на пути попадает подходящий кустик, отдохну минутку, приподнимусь, оглянусь вокруг, намечу маршрут — и снова в путь.

Прошло около часа, а расстояние прополз небольшое, еще только приближаюсь к бугорку над болотиной, где находятся огневые точки фашистов, которые я видел еще из лозового куста. Вот уже переполз тропинку через болото, которая связывает бугорок с сушей. Забрался в очередной кустик, отдохнул немножко и огляделся. Фашисты возятся на бугорке, шумят, гогочут. Их голоса раздаются, кажется, у меня над самым ухом. Им весело. Сюда еще не долетают партизанские пули, хотя впереди бой слышится уже отчетливо.

Снова определил себе маршрут метров на 40—50, пополз, вжимаясь в вонючую болотную жижу, то скользя по ней животом, то утопая по самое горло. Чем, выше трава, тем труднее пробираться. Малейшее неосторожное движение может привлечь внимание. По осоке ползти проще: потихоньку надвигаешься на нее, подминаешь под себя — и никакого шума, треска или шевеления верхушек, только уж больно режет она руки и босые ноги. На руках уже во многих местах сочится кровь, на ногах не вижу, но чувствую, что положение тоже незавидное: огнем горят.

Вот минул бугорок с фашистами. Их негромкий гомон и смех раздаются уже сзади. Теперь следует быть еще более осторожным. Болотина ведет к партизанскому расположению, и немцы, несомненно, наблюдают за ней. Ползу, зажав в зубах пистолет, как собака кость... Вдруг над самым ухом раздался какой-то странный протяжный звук, что-то зашипело. Я невольно приподнял голову.

Ужас... Волосы на голове поднялись дыбом, казалось, вот-вот кепка свалится с нее... В полуметре от меня, на уровне глаз, пружиной сжалась здоровенная сероватая гадюка. Приподняв голову и выгнув, как гусак, шею, она застыла в готовности броситься на своего врага.

Я окаменел, боясь не только шелохнуться — глазом моргнуть. Достаточно сделать малейшее движение, и змея бросится на меня. Она тоже замерла, уставившись на меня. Я хорошо знал, что любая змея всегда старается уйти от своего врага и бросается на него только в крайнем случае, если не сможет убежать или проспит опасность и враг окажется на критическом расстоянии от нее. На мое несчастье, видимо, проспала на солнышке и эта гадюка, а я оказался в крайне опасной близости от нее.

Смотрим один на другого, не моргая, сверлим друг друга глазами. «Ну, хватит, хватит. Уходи. Я тебя не трону,— мысленно прошу я гадюку.— Пропусти меня. Ты испортишь все мое дело. А там сотни людей могут погибнуть... Уйди с дороги».

И мне показалось, что она поняла мою мольбу. Даже, кажется, понимающе подмигнула, кивнула головой, осторожно повернулась, блеснула мне в глаза зеркальным лучом солнца, отраженным ее вороненым шлифованным телом, и, медленно спустившись на противоположную сторону кочки, заскользила по траве. Трава еле-еле шевелилась.

Глубокий вздох облегчения вырвался у меня из груди. Когда прошли напряжение и страх, я даже позавидовал змее: «Ох, если бы я умел так бесшумно и незаметно ползти...»

И снова шаг за шагом продвигался вперед. Надо мной стали свистеть пули, пронеслись снаряды. Это был лучший признак, что приближаюсь к цели. Страшно устал. Добрался до густого широкого куста черемухи. Залез под него, прилег на травке. Воды здесь не было. Потянуло на сон. Борюсь с усталостью, стараюсь не уснуть. Выколупываю размокшие хлебные крошки из уголков кармана и бросаю в рот...

До моего слуха донеслось тарыхтение телеги. Приподнял голову. Смотрю. С правой стороны болотца с горки спускается здоровенная, рыжая лоснящаяся на солнце бесхвостая лошадь, запряженная

в повозку. На телеге лежит и нервно дергает за вожжи немец, подгоняет неторопливого тяжеловоза. Только выдвинулась к болотине и повернула на обочину, как засвистели пули. Лошадь упала и забилась в предсмертных судорогах. Немец скатился с повозки, отполз, а затем вскочил и побежал.

Так, так. Значит, я уже в поле досягаемости партизанских пуль. Пригляделся хорошенько. Ба! Так это же немецкая линия обороны! Вон она: в двух-трех десятках метров от меня по правую и левую стороны. Я снова пополз, извиваясь между кочками и кустиками. Пули и снаряды свистят над головой. Все бурлит, как в кипящем котле. Сколько времени я ползу? Наверное, часа четыре, может, больше. Солнце уже клонится к закату. А я все ползу и ползу. Кажется, никогда не будет конца этому длинному и трудному пути.

Вот уже и лес. Время от времени приподнимаю голову, чтобы сориентироваться на местности, определить дальнейший маршрут и оглядеться, уточнить, не видно ли где партизан. Чувствую, что нахожусь уже в партизанском расположении. Пули не свистят над головой, а стрельба слышится позади. Но нигде никого не видно. Будто все вымерли.

— Стой, гад, не шевелись! — прошипел у меня над головой женский голос.

В одно мгновение пистолет оказался у меня в руке. Я повернул голову. В двух метрах от меня с карабином наизготове стояла наша партизанка Полина Лютенко. Я сразу узнал ее. Она была у нас в Ивановке в июне этого года, когда партизаны отряда Гурьева совершили неудачное нападение на Латыгово. Вспомнил, как Полина плакала вместе с другими девушками и моей мамой над погибшим в бою пулеметчиком Лешей Смердовым.

— Полина! Здравствуй! Я приполз к вам по заданию...

— Откуда ты взялся, сморкач! А ну, брось пистолет! — приказала она.

— Сама ты сморкачка! И пистолет не брошу, — поднимаясь, недовольно бурчал я, засовывая оружие за пояс. — Своих не узнаешь, что ли?.. Глаза повывлезали...

— Повывлезали, повывлезали. Черт тебя узнает. Посмотри, на кого ты похож.

Я посмотрел на себя. Боже мой... Весь мокрый, в грязи, как свинья после лужи. На руках и ногах капельками сочилась кровь. Это проклятая осока виновата...

— Ну-ка скажи, чье ты задание выполняешь?

— Не нукай, не запрягла. А задание не чье-нибудь, а комбрига «Алексея», — торжественно заявил я. — Веди к командиру Гурьеву.

— Голубок мой, — бросилась она обнимать меня. — Неужто комбриг нам весточку прислал! Вот радости будет! Пошли быстрее.

Через несколько минут мы были у Гурьева. Он встретил нас около землянки. Не успела Полина раскрыть рот, как я доложил:

— Товарищ командир отряда! Прибыл к вам по заданию командира бригады. Доставил пакет, — вынул его из кепки и передал ему.

— Спасибо, молодец! — кинулся он ко мне, схватил в объятия и поцеловал. — Как тебя зовут?

— Никак меня не зовут, товарищ командир! — ответил я.

— Хорошо, пусть остается секретом, — улыбнулся он. — Пошли в землянку.

Зашли. Там здорово пахло свежей хвоей и смолой. Посередине на четырех загнанных в землю столбиках был пристроен из расколотых кругляков стол. По обеим сторонам его — нары.

Иван Иванович вскрыл пакет, который мог уместиться в спичечной коробке. Несколько раз перечитал принесенное мною письмо.

— Да. Дела, дела, — в задумчивости проговорил командир отряда и отдал распоряжение своему ординарцу позвать Алексева, Шинкоренка, Ваканова, Казанцева, Семенова, Егора и Павла Рахановых.

— Долго ты добирался до нас? — спросил Иван Иванович.

— Часов с семи или восьми утра! А полз, наверное, часов с трех дня.

— Ничего себе... Сейчас уже почти девять вечера... Чем бы тебя накормить?..

Он приказал дежурному принести чего-нибудь поесть. Тот пожал плечами. Гурьев заморгал ему и жестами показал на что-то. Я понял, что он требует найти что-нибудь.

— Продукты на исходе, патроны тоже, — как бы жалуясь, сказал он. — Три дня непрерывных боев и бомбежек. Жмут беспощадно, гады. Коней доели. Столько народу кормить надо.

Я рассказал Ивану Ивановичу, каким путем добирался, как полз по болотине, как встретился со змеей, как партизанские пули уложили немецкую лошадь...

— Бр-р-р-р, — передернулся он. — Больше всего я боюсь змей. Когда-то укусила. Еле выжил.

А вот насчет лошади — это интересно. Сегодня же ночью пошлю разведку по твоей тропе, а заодно и за мясом... Пригодится.

В землянку вошла его жена Мария Ивановна. Она быстро нашла два сухаря. Я съел эти сухари и кусочек сала, который принес дежурный, улегся на нары и задремал.

— Комбриг требует немедленно прорывать окружение... Фашисты подбрасывают свои войска со всех сторон... Готовятся двадцать второго — двадцать третьего августа перейти в решительное наступление... Стягивают силы... Информация достоверная... Сообщите соседям... Готовят кровавую расправу... — как молотком отдавались в моем сонном мозгу слова Гурьева, который информировал командный состав, срочно собранный в землянку.

Во сне я видел змею, которая все время старалась заползти вперед, то пугая своей настороженной позой, то заигрывая и ласково извиняясь за свой нетактичный поступок. Не один раз я просыпался в холодном поту.

— Ничего, ничего, спи, — гладила меня по вспотевшему лбу жена Гурьева. — Это сон, наверное, дурной приснился.

Иван Иванович сидел, склонившись над картой, окруженный уставшими, озабоченными партизанскими командирами и политработниками.

Утром Гурьевы угощали меня свежей жирной кониной.

— Это тот тяжеловоз. Разведчики принесли, — говорил Иван Иванович. — Ешь, предстоит нелегкая работа...

Пока я уплетал конину, командир кратко рассказал мне, как фашисты в начале второй декады августа блокировали партизан в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск.

Народные мстители с боями отходили в глубь треугольника, еще не подозревая, что они окружены. Некоторым отрядам удалось прорваться сквозь цепи и выйти из блокады. Из алексеевцев оказались в фашистском кольце отряды Гурьева и Гайдукова, а также несколько рот из отряда имени Селиваненко. Командиры отрядов В. А. Блохин и А. С. Гайдуков в окружение не попали. Их перед самой блокадой вызвали в штаб бригады. Поэтому всеми алексеевцами, попавшими в окружение, командовал Иван Иванович Гурьев.

К концу дня 16 августа партизаны оказались в бабиновичских лесах зажатыми плотным вражеским кольцом. Алексеевцы закрепились около Бабиновичей на реках Лучеса и Верхута. Но не удержались на этом рубеже. Под напором превосходящих сил противника они вынуждены были отступить в лес и на его опушке занять оборону.

17 августа фашисты прекратили наступление. Они усиленно строили оборонительные линии, вели непрерывную бомбардировку, артиллерийский и пулеметный обстрел окруженных партизан. Решительное наступление на народных мстителей, как и указывалось в доставленном мною письме комбрига, враг наметил на 22 августа.

И вот она, ночь с 20 на 21 августа. Когда начало вечереть, алексеевцы бесшумно снялись с обороны, сгруппировались по ротам. Были созданы три отдельные группы. Первую — из пяти человек — возглавлял политрук роты Егор Петрович Раханов. Она имела два ручных пулемета и три автомата, каждому бойцу дали по две-три гранаты. Вторая состояла из трех человек во главе с начальником штаба отряда Михаилом Алексеевым. В нее вошли пулеметчик и я. Третью возглавил командир роты Артем Исаевич Ваканов. Она насчитывала двадцать пять человек. В нее были подобраны обстрелянные, выдавшие виды бойцы: Николай Дмитриевич Семенов, Борис Иванович Конюхов, уралец-пулеметчик Георгий Соколов, храбрая партизанская разведчица Полина Дмитриевна Лютенко, брат Артема Ваканова — Никита, четырнадцатилетний разведчик Ваня Рыжков, двенадцатилетний Доня Семашко и другие.

Первые две группы под покровом темноты должны были по болотине пробраться через немецкую оборону и залечь позади огневых точек противника по левую и правую стороны, чтобы в первый же момент уничтожить их. Группе Ваканова выпала сложная и трудная задача прикрывать отход, всеми силами задержать преследование алексеевцев, приковать к себе внимание противника.

Часов в одиннадцать вечера все три группы покинули исходные позиции и бесшумно двинулись по болоту на север между Бабиновичами и Степаненками. Группа Ваканова залегла и окопалась по обеим сторонам болота перед самой немецкой обороной, охватив ее полукругом. Остальные две группы пробирались дальше. Когда мы доползли до того места, где я встретился со змеей, группа Егора Рахакова повернула налево в тыл правого крыла противника, мы же втроем двинулись направо, на взгорок, в тыл пулеметному и минометному гнездам фашистов на их левом фланге.

Мы приблизились к огненным точкам противника на 25—30 метров. В кустах осторожно

установили пулемет. Залег пулеметчик, залегли и мы: я с одной стороны, а Алексеев — с другой. Замерли, припав к земле. Решалась судьба попавших в железное кольцо народных мстителей. Мы должны подавить немецкие огневые точки, если будут обнаружены партизаны. Лежим, считаем минуты. Вот уже слышен осторожный шорох на болоте. Это алексеевцы выходят из окружения. Шорох слышен минуту, две, десять, двадцать... Я уж было подумал, что так бесшумно и удастся всем уйти. А вслед за ними и мы снимемся и оставим фашистов спокойно спать у оружия. Только так подумал и облегченно вздохнул, как началось...

Правее в нескольких километрах от нас со стороны шоссе Витебск — Орша разгорелся жаркий бой. Это народные мстители из бригад К. С. Заслонова, В. У. Бойко и К. В. Зюкова пошли на прорыв фашистской цепи в сторону Богушевского и Сенненского районов.

Всполошились и «наши подопечные». В небо взвились ракеты. В болотине стали видны четыре длинные цепочки партизан, выходящих из окружения.

Мы сразу же забросали гранатами пулеметное и минометное гнезда. Фашистский пулемет успел дать только короткую очередь, а минометчики не выпустили ни одной мины. Оставшиеся в живых каратели бросились бежать, но их уложили наши пули. Мы успешно выполнили свою задачу. Алексеев отдал приказ отходить вслед за выходящими из окружения партизанами.

Жаркий бой кипел в это время левее, куда направилась группа Егора Раханова, и сзади, где прикрывала отряд группа Ваканова.

Мы прошли уже более трех километров, а бой там еще гремел вовсю.

Позже стало известно, что группа Раханова забросала гранатами огневые точки противника и перебежками начала уходить к болоту. За нею увязались фашисты с соседнего рубежа, стали окружать. Раханов стоя ударил из ручного пулемета, но автоматная очередь прошила ноги политрука. Егор Петрович упал.

— Уходите немедленно, я прикрою вас! — приказал он.

Раханов отстреливался до последнего патрона. Гитлеровцы стали обходить героя, чтобы взять живым.

— Не выйдет, гады! — Он бросил последнюю гранату в подползавших фашистов, выхватил пистолет и... выстрелил себе в висок.

Так погиб храбрый партизан, пятидесятилетний коммунист Егор Петрович Раханов. До войны он работал председателем колхоза «Коммунар» Октябрьского сельсовета Лиозненского района. С первых дней оккупации вместе со своим братом Павлом, кадровым командиром Красной Армии, который, попав в окружение, вернулся домой, они ушли в леса, создали партизанскую группу, громили врага, а затем в начале 1942 года влились в партизанскую бригаду «Алексея». Егора Петровича назначили политруком, а Павла — командиром роты.

В ту ночь также вышли из окружения заслоновцы, на юг прорвались отряды Амельченко и Соколова, на восток — смоленцы, остатки бригад Бойко и Зюкова вышли за железную дорогу Витебск — Орша.

Вместе с алексеевцами я дошел до Лучесы, распрощался со своими боевыми друзьями и, круто повернув налево, пошел в сторону Сосновки. К обеду я уже был в деревне Волосово в гостях у дяди Осипа. Погостив немного, отправился домой.

Не один день пришлось партизанам, вырвавшимся из бабиновичского окружения, принимать бои и уходить от карателей. Тогда погиб и начальник штаба отряда Михаил Алексеев. Но в целом операцию партизаны выиграли. Немцы не смогли быстро перестроиться и предпринять преследование партизан, прорвавшихся в четырех направлениях. К тому же они не снимали блокады с бабиновичских лесов и начали прочесывание, надеясь, что часть партизан все же осталась в окружении.

Не сладко пришлось и группе алексеевцев во главе с Вакановым, которая прикрывала отход партизан. Фашистам удалось перерезать болотину и закрыть отход храбрецам, вызвавшим огонь на себя, чтобы дать возможность отряду вырваться из окружения. Оставшиеся в живых бойцы ушли в глубь леса, пытались найти в кольце какую-нибудь щель, но ничего не получилось. Фашисты гоняли их из одного сектора в другой, прижимая к шоссе Орша — Витебск, где был установлен плотный заслон. Семь дней голодные, изможденные партизаны уходили от преследователей. Их осталось 8 человек: Вакановы Артем и Никита, Соколов, Семенов, Лютекко, Конюхов, Доня Семашко и Ваня Рыжков.

У двенадцатилетнего Дони Семашки и четырнадцатилетнего Вани Рыжкова биографии только начинались, и начинались в суровые годы фашистского нашествия. Деревенские пареньки, бывшие воспитанники детского дома, добровольно пришли в партизанский отряд, чтобы мстить врагам за кровь и слезы Родины.

Артем Исаевич Ваканов и его брат Никита — мои земляки. Родились они в деревне Антуси, что в трех километрах от Ивановки. Артем был старший, 1918 года рождения. Он служил в Красной Армии. В первые дни войны сержантом вступил в бой с фашистскими захватчиками. Испытал горечь отступления, попал в плен, затем бежал и вернулся к родителям. В начале июля 1942 года вместе с младшим братом Никитой ушел в партизанский отряд Гурьева из бригады «Алексея». Никита был года на два старше меня, но учились мы с ним вместе с первого и до шестого класса, вначале в Церковищенской начальной, а затем в Скрыдлевской неполной средней школе, даже сидели за одной партой. Артем Исаевич в партизанах быстро проявил себя смелым и находчивым. Его вскоре назначили командиром роты.

Николай Дмитриевич Семенов (настоящая фамилия Завьялов) из Ленинграда. Он родился в 1915 году, служил в Красной Армии. Часть его стояла около Витебска, перед самой войной вместе со всеми выехал в лагерь под Лиду. Здесь Семенов 24 июня принял первый бой. Затем вместе с частью отступал до Минска, участвовал в боях. Попал в окружение, двигался в сторону Великих Лук в надежде выйти за линию фронта. Пришлось остановиться у знакомых в Витебске, а затем перебраться в деревню Шарки. В конце июня 1942 года Семенов встретился с Павлом Петровичем Рахановым и ушел в партизаны.

Полина Дмитриевна Лютенко родилась в 1920 году в Лиозненском районе. С 1936 года работала в Витебске на швейной фабрике «Знамя индустриализации», вступила в комсомол, а в 1938 году окончила автошколу и стала шофером на полutorке. На ней она и отступала в сторону Смоленска, везла военный груз, но немцы разбомбили колонну, и Полине пришлось вернуться к матери в деревню Ковали. Лютенко оказывала посильную помощь народным мстителям, ходила в разведку, а в мае 1942 года пришла к алексеевцам и вступила в партизанский отряд Гурьева.

Борис Иванович Конюхов, колхозник из Лиозненского района, в начале 1942 года пришел в партизаны, стал пулеметчиком и храбро сражался с врагом до соединения с Красной Армией. Сейчас живет в Витебске.

О Георгии Соколове почти ничего не сохранилось в памяти его боевых друзей. Известно только, что служил он в Красной Армии, уралец, попал в окружение, затем пришел к партизанам-алексеевцам, был отчаянным парнем и отличным пулеметчиком, в конце 1942 года погиб в бою с карателями.

Их осталось всего восемь. Они попали в западню. Дальше уходить некуда. Впереди шоссе, на котором плотной стеной стоит немецкая техника, а на обочинах ощерились дулами в сторону партизан пулеметы. По шоссе патрулируют фашисты с овчарками, позади — немецкая цепь. Как быть? Положение безвыходное. Но... Семенова осенила мысль. Вон прямо на бугорке среди редкого чистого леса лежит вывороченная комоватая развесистая ель.

— Давай, Артем, попытаем счастья, заберемся под нее, замаскируемся и будем ждать,— предложил он.— Обнаружат — примем последний бой. А вдруг да пронесет. Место неподозрительное.

Партизаны забрались под ель, залезли под ее ветки, установили два ручных пулемета, выбрали цели для автоматов, выложили перед собой оставшиеся гранаты, заняли круговую оборону...

А фашисты уже близко. Видны их зеленые мундиры, мелькающие между деревьями. Идут, переговариваются, автоматы наизготове. Два гитлеровца, громко разговаривая, прошли около самой ели. Каждый их шаг будто молотом отбивался в сердцах притаившихся партизан. Минут через пятнадцать прошла вторая цепь, уже менее настороженно, а за нею и третья...

Смеркалось. На шоссе, до которого было не более ста метров, все еще шумели фашисты, гудели моторы машин. Под этот шум партизаны незаметно для себя уснули мертвым сном...

Первым проснулся Николай Дмитриевич Семенов. Его поразило лесное обыденное спокойствие со звонким щебетаньем птиц. Хотя подкрадывалась осень, но птицы в этот день расчирились основательно. Солнце поднималось над лесом, было уже часов восемь утра. Семенов разбудил остальных. Радость охватила людей. Свободно вздохнули народные мстители.

— Что ж, давайте, браточки, позавтракаем и в путь,— сказала Полина.

— А чем?

— Есть у меня НЗ.

Она вынула из-за пазухи маленький узелочек. Развязала. В одной стороне его было немножко соли, в другой — горсточка муки. Она брала пальцами и сыпала в семь протянутых рук по щепотке соли и муки. Партизаны осторожно и бережно слизывали каждую капельку соли, каждую мучинку...

— Вот и все, что было у меня в запасе и что я берегла до радостного дня,— сказала она.

— Ничего. Подкрепились хорошо. Попьем водички и в путь. Теперь-то уж до победы доживем, а после войны соберемся да и по рюмке водки выпьем...

Через семь дней с большими трудностями группа Ваканова добралась до бригады.

Отряд «Моряк»

С весны 1942 года южнее Витебска, в хотемлянском лесу, прочно обосновался один из боевых отрядов бригады «Алексея», которым командовал черноморский моряк Михаил Васильевич Наумов. Отряд так и называли отрядом Наумова, а чаще всего — «Моряк».

Бойцы в нем были все как на подбор, смелые, веселые, хорошо владеющие оружием и тактикой партизанской войны; большинство — комсомольцы. Командиру отряда только что исполнилось двадцать четыре года. Смоленский парень, он до войны окончил Демидовский сельскохозяйственный техникум, получил специальность агронома, работал в Понизовской МТС. Но его больше всего влекли не волны хлебных полей, а море с его беспокойным характером. В 1938 году Михаил Наумов поступил в Севастопольское артиллерийское военно-морское училище. Там его и застала война. Дрался с фашистами на кораблях Дунайской флотилии, затем на суше. Попал в окружение, по тылам противника в конце января 1942 года дошел до родной деревни Кошевичи Руднянского района и переступил порог отчего дома. Явился со своим другом-моряком. Мать Екатерина Митрофановна с месяц откармливала своего сыночка и его друга, лечила их от разных хворей, которые прилипли к ним за долгий путь от Черного моря до смоленской деревушки.

В конце марта Михаил и его товарищ под покровом ночи ушли из деревни, намереваясь перейти линию фронта. Комсомольская совесть не позволяла отсиживаться в домашнем тепле. Долг перед Родиной звал к оружию, чтобы стереть с лица земли фашистскую гадину.

В Слободском районе они встретились с командиром партизанского отряда «Родина» Алексеем Федоровичем Данукаловым. Им понравился командир. И ему по душе пришлись эти молодые моряки. Они стали партизанами. Вскоре отряд перешел в Лиюзенский район, разросся. Его преобразовали в бригаду. Михаилу Васильевичу Наумову поручили сформировать партизанский отряд, назначив его командиром. Комиссаром стал Николай Иванович Шерстнев.

Николай Иванович — ровесник Великого Октября. Родился он 7 ноября 1917 года в семье лиюзенского крестьянина в деревне Ковалево. Как и все, учился, служил в Красной Армии. Участвовал в финской войне. Там такого военного борща хлебнул, обильно заправленного пороховым дымом, что в 1940 году был начисто снят с военного учета. После демобилизации работал помощником прокурора в родном районе. А тут на тебе — фашистская оккупация. Коммуниста Шерстнева оставили для работы в тылу врага. И вот его назначили комиссаром во вновь создаваемый отряд Михаила Наумова.

Когда в бригаде встал вопрос о направлении боевого партизанского отряда под самый Витебск, в опасное место переплетения важнейших транспортных артерий, выбор пал на тогда еще маленький отряд Наумова.

— Лучшего отряда не найти. Ребята все — молодцы, да и командир их — побывавший в переделках, выдавший виды матрос, — предложил Данукалов.

— Правильно, комбриг! Это надежные ребята, — поддержали его комиссар и начальник штаба бригады.

Задание командования партизаны восприняли как величайшую честь и доверие и старались быть достойными его. Отряд вскоре перешел в хотемлянский лес. Как ни старались фашисты выбить партизан из этих мест, ничего не получилось. Прижмут в смоленском треугольнике дорог — отряд уходит за оршанское шоссе, насыдут там — Наумов со своими ребятами перебирается за железную дорогу. И не успеют фашисты вернуться на СБОИ базы, как партизаны снова в хотемлянском лесу, а отсюда рукой подать до всех важнейших транспортных артерий врага, здесь рядом Витебск, все пригородные коммуникации и аэродром.

Не было того дня и ночи, чтобы народные мстители не совершили диверсий. То они пустят под откос воинский эшелон или из засады обстреляют фашистскую колонну, то немецкие танки или машины взлетят на воздух, подорвавшись на партизанских минах, то вражеский гарнизон сотрут с лица земли, то подберутся к самому Витебску и обстреляют аэродром, подожгут самолеты или склад с горючим, взорвут боеприпасы. А бывало и рейдом пройдутся по соседним Богушевскому, Сенненскому и Бешенковичскому районам, сметая на пути гарнизоны, нагоняя страх на фашистов и их прихвостней, поднимая дух советских людей.

К партизанам шла молодежь, шли комсомольцы. Отряд рос не по дням, а по часам за счет ребят из окрестных деревень, красноармейцев и командиров, бежавших из плена или попавших в окружение. Михаил Васильевич лично отбирал пополнение, проверял каждого на выносливость, хладнокровие, меткость стрельбы. Зачислялись только подготовленные люди. Так, в первый же день прибытия в хотемлянский лес в отряд влились комсомольцы деревни Лососино Феликс Крыжевич и его друзья Нил

Денисов и Василий Кривонощенко, потом Сергей и Григорий Цурановы, Ростислав Петренко, Антон Денисов и Николай Базыленко. Вслед за ними вступили в отряд студент третьего курса Витебского швейно-текстильного техникума, будущий пулеметчик и поэт Дмитрий Махлаев и его товарищи из деревни Осиповщины Иван Кузьменков, Александр Шепятовский, Владимир Соловьев, Давыд Дементей и многие другие. Вскоре в отряде уже было около двухсот человек.

Командир бригады Алексей Федорович Данукалов постоянно следил за действиями отряда «Моряк», радовался его боевым успехам, старался помочь дельным советом, добрым словом. Он нацеливал командира на Решение важнейших задач, имеющих существенное значение для дела, предостерегал от мелочных, но заманчивых налетов и лихачества.

Комбригу одинаково были дороги отряды П. М. Антипова и М. П. Ахмедчика, Г. Г. Огиенко и В. А. Блохина, М. М. Клименкова и И. И. Гурьева, А. С. Гайдукова и Б. П. Золотова и других. Все они не давали дремать фашистам. Но к отряду Наумова он относился по-особому. То ли потому, что командир здесь был моложе всех, то ли потому, что отряд находился под самым носом у противника и непрерывно наносил удары по его коммуникациям. Ему всегда доставалась лишняя тысяча патронов или десяток килограммов взрывчатки. Комбриг направлял в этот отряд и хорошо подготовленных людей.

Прибыла из-за линии фронта группа подрывников. Алексей Федорович Данукалов лично отобрал пять человек — коммуниста Владимира Князюка, комсомольцев Лидию Шумскую, Анатолия Кастузика, Георгия Милошевского и Анатолия Сквородко — и направил их в отряд Наумова. Они стали костяком группы подрывников отряда. Командиром ее назначили комсомольца из деревни Лососино Феликса Крыжевича. Сюда потянулась молодежь, которую привлекало не только хорошее знание подрывниками оружия, взрывных средств и приемов организации диверсий, но и то, что здесь были посланцы Большой земли.

Командир отряда радовался этому, всячески поощрял тягу бойцов к знаниям, к изучению приемов борьбы с врагом. Он подзадоривал, подталкивал молодых партизан настойчивее изучать военное дело.

— Ну что же ты, Сережа, с опаской посматриваешь на эти адские машинки,— говорил он недавно прибывшему в отряд комсомольцу Сергею Шабашову.— Для своих они не такие уж и страшные, особенно если изучить их механизм и узнать характер. Они становятся покорными, а для врагов — это смерть. Не бойся, Сережа, попроси «Оксану» — она тебя научит, как обращаться с ними.

И «Оксана» (партизанская кличка Лидии Шумской) учила, учила Сережу Шабашова, Петю Королева, Васю Кривонощенко, Женю Шапурова... Обучали этой опасной профессии и Милошевский, Кастузик, Князюк, Скогородко. Особенно ребята старались попасть в ученики к «Оксане». Да и кто не пожелает учиться военному мастерству у этой красавицы, на которую все заглядывались. Стройная, ладная, вокруг головы венком уложена толстая коса. А глаза! Как угольки, горят они под красивыми бровями, прожигая собеседника. Казалось, она ими видит насквозь и еще на пять километров дальше. А уж хохотунья была! Как зальется смехом, да так искренне, так от души, так привольно, что сразу забудешь о тревожных военных днях, полных опасностей, подстерегающих тебя на каждом шагу, за каждым кустом. Невольно, кажется, переносишься на деревенскую вечеринку или вечер старшеклассников, где вот-вот грянет музыка и закружатся пары в вихре беззаботных танцев. А как пела «Оксана»! И русские, и белорусские, и украинские песни. Пела она так задушевно, что заслушаешься...

«Оксана» родилась в Белоруссии. Отец ее коммунист с 1918 года, в гражданскую войну был заместителем комиссара 1-го полка 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии по комсомолу, участвовал в боях с беляками. Боевой поход закончил в Крыму. Потом работал на различных руководящих постах. «Оксана» в 1941 году окончила в Днепропетровске среднюю школу, не догуляла выпускной вечер — началась война. Потом эвакуация, работа на заводе в Енакиеве, затем в Чусовой Пермской области. В начале 1942 года член ВЛКСМ Лидия Шумская явилась в горком комсомола и прямо к первому секретарю Вере Любимовой:

— Не могу я так больше. Враг топчет нашу землю. Хочу на фронт,— решительно заявила она.

Секретарь горкома вначале отговаривала, а потом согласилась. Тем более что перед ней на столе лежала телеграмма ЦК ВЛКСМ о необходимости подобрать добровольцев, знающих языки народов оккупированных районов страны. А Лида отлично знала белорусский и украинский. Вскоре она уже училась действовать в тылу врага. А в июле прибыла в отряд Наумова.

Учились партизаны в свободное время. А как только солнце клонилось к закату, группы партизан отправлялись на выполнение боевых заданий.

Никогда не забудет Петр Иванович Королев, в то время еще новичок в партизанском отряде, как командир объявил, что сегодня на выполнение рискованного задания на железную дорогу Витебск — Смоленск идет тройка комсомольцев: «Оксана», Георгий Милошевский и Петр Королев.

— Старшей назначается «Оксана». Надеюсь, никто не возражает, все согласны? — спросил Наумов.

— Согласны, товарищ командир отряда! — громче всех ответил Королев.

Он не раз мечтал принять участие в подобной операции против фашистов. А тут такое счастье подвалило — идти на задание вместе с «Оксаной». Радость-то какая! Королев чувствовал на себе завистливые взгляды товарищей. Многие ребята по уши были влюблены в эту храбрую девушку. Чего греха таить, мне тоже она нравилась. Хотя я видел ее всего несколько раз, да и был еще сущим пацаном, втайне не раз вздыхал по «Оксане».

С завистью и тревогой провожали ребята группу комсомольцев на боевое задание. Многие из них в эту ночь не ложились спать, вслушивались в каждый шорох, каждый звук ночи. И когда в стороне железнодорожной станции Крынки послышался раскатистый взрыв, все вздохнули с облегчением.

— Задание выполнено, товарищ командир! Эшелон пущен под откос,— доложила утром «Оксана» Наумову.— Ребята держались храбро. Королев проявил себя настоящим бойцом.

Петя Королев покраснел как маков цвет. Похвала «Оксаны» пришлась по душе, это было высшей наградой молодому партизану.

В начале августа отряд «Моряк» неоднократно вступал в бой с карателями, загонявшими партизан в бабиновичские леса. Он с тыла напал на фашистские цепи, потрепал врага и в районе деревень Заболотье и Дербица, атаковал гарнизон в деревне Клевцы, убил там начальника полиции, громил гитлеровцев в деревнях Погостище, Вороны и Ковалево.

Партизаны отряда «Моряк» молниеносно появлялись там, где меньше всего их ждали Браги, храбро дрались и умели отойти организованно и быстро, обойти расставленные оккупантами ловушки и сами заманить фашистов в западню.

Часто были удачи. Но случались и неудачи, промахи и досадные просчеты. Приходилось иногда не только пожинать плоды победы, но и переживать горечь поражений, хоронить боевых товарищей, с которыми сдружились, срослись сердцами и помыслами, делили хлеб и табак, патроны, радости и невзгоды. Война есть война. Здесь не бывает одних побед. Всякое случается. Но в конце концов побеждают те, кто более трезво оценивает обстановку, детально изучает положение, возможные варианты схваток, кто объективно и трезво оценивает свои силы и так же объективно взвешивает силы врага, не умаляет его возможностей, не считает его глупее себя.

Активные действия народных мстителей на важнейших коммуникациях противника заставляли фашистов принимать срочные меры по охране дорог, отвлекая на это часть войск. Вскоре после неудавшейся попытки разгромить партизан в бабиновичских лесах враг решил нанести удар по отряду «Моряк», очистить от него предместье Витебска. Гитлеровцы создали новые гарнизоны, усилили патрульную службу. Вот уже появились и укреплены гарнизоны в Билеве, Ворохах, Заболотинке, Крынках, Медведке, Крестьянке, Еремине, Подберезье, Васютах, Языкове, Осиновке... На них возлагались обязанности обеспечить безопасность движения по железным и шоссейным дорогам. Но партизаны под самым носом у фашистов проникали во все уголки.

Народные мстители действовали в своем районе непрерывно и неуловимо. А тут еще им на помощь пришел отряд имени Селиваненко под командованием Василья Александровича Блохина, который разместился совсем рядом в лесах Чистика. Этот отряд пополнился за счет вышедших из бабиновичского окружения небольших групп партизан из отряда Гайдукова и бригады Зюкова.

В конце сентября гарнизоны противника, расположенные вокруг хотемлянского леса, начали получать пополнение. Стало ясно, что враг готовит удар. Все окрестности наводнились фашистскими солдатами и полициями. Главные силы скапливались в гарнизонах деревень Вороны и Еремине, что расположены недалеко от Витебска на смоленском шоссе. Там же находился и штаб противника.

Михаил Васильевич Наумов собрал партизанских командиров. Пришли комиссар отряда Николай Иванович Шерстнев, начальник штаба Валей Валерьянович Имангулов, командиры рот, политруки.

— Что делать дальше будем? — обратился командир к собравшимся.— Ждать, пока фашисты организованно возьмутся за нас, или дадим бой первыми?

— Первыми! По одиночке бить их! — зашумел совет.

— Никто не возражает против такого решения? — спросил командир.

— Никто!

— Тогда все по местам, готовьте подразделения к выступлению.

Операция была разработана детально. Главный удар должен быть нанесен по Еремино. На этот участок бросались основные силы отряда. Кроме того, рота Павла Спириденка получила приказ не дать возможности фашистам перебросить подкрепление из Стасева, а рота Георгия Лисиченка — прикрыть дорогу на Витебск.

Под покровом темноты отряд под командованием Михаила Васильевича Наумова вышел на боевое задание. В назначенное время все роты заняли исходные позиции. В час ночи 2 октября они дружно ринулись на фашистские укрепления, смяли противника, не успевшего еще занять оборону. Вылавливали разбежавшихся по деревне Еремино вражеских солдат и полицаяв. Завязалась перестрелка и со стороны Стасева. Это рота Спириденка преградила путь спешившему к немцам подкреплению.

Гитлеровцы отступили в сторону Витебска. Их преследовал отряд «Моряк». Рядом с Михаилом Васильевичем бежали автоматчики Александр Корнеев, Василий Кривонощенко и Георгий Милошевский, чуть позади — Петр Королев с группой партизан. Вот уже и конец деревни. Впереди слева остался один дом, а правее по обочине дороги стоял подбитый танк. За угол дома метнулось несколько серых фигур.

— Корнеев! Милошевский! Кривонощенко! Обойти дом справа! — приказал командир.

Александр, Георгий и Василий кинулись вправо, чтобы перехватить убегающих фашистов. Командир и несколько бойцов побежали прямо. Только поравнялся Наумов с крайним домом, как из-под танка застрочил пулемет. Михаил Васильевич выхватил гранату и бросил ее под танк. Пулемет замолк. Но из-за угла фашисты выкатили другой. Очередь прошла грудь командира. Заговорили автоматы и пулеметы у обочины дороги, снова ожил пулемет под танком. Все это случилось так неожиданно, что атака партизан захлебнулась. Храбрый командир Михаил Васильевич Наумов, Мишка-моряк замертво упал на дорогу, широко раскинув руки, зажав в одной из них автомат. Казалось, он собирается плыть по морю.

Партизаны пытались подползти, утащить тело своего командира, но противник вел настолько плотный огонь, что нельзя было от земли оторваться. Милошевский, Королев и Кривонощенко приблизились по канаве метров на двадцать, но были обнаружены фашистами и еле уползли. К тому лее к немцам подошло крупное подкрепление из Витебска. Залегшая рота Лисиченка не смогла удержать противника на бронетранспортерах. Отряду пришлось отступить из Еремино и, что прискорбнее всего, оставить там тело своего командира.

Партизаны ушли в хотемлянский лес. Полетела тревожная весть в штаб бригады. Алексей Федорович Данукалов побледнел, узнав о гибели своего любимого Мишки-моряка. Отряду было присвоено наименование «Моряк», командиром его назначили начальника штаба отряда «Победа» Дмитрия Матвеевича Коркина, который ранее являлся первым старшиной алексеевской бригады. Отрядам имени Селиваненко и «Моряк» поставили задачу окружить Еремино, уничтожить его гарнизон и вынести тело погибшего командира. Было приказано похоронить Михаила Васильевича Наумова со всеми воинскими почестями в хотемлянском лесу, откуда долгое время отряд наносил удары по врагу.

Фашисты понимали, что партизаны не оставят труп своего командира на поругание врагам, придут, попытаются отбить его. Вот они и готовились встретить народных мстителей огнем. Тело Наумова специально никуда не убирали. Сняли с него кожанку и скинули в канаву, нарочно небрежно присыпали землей так, что руки и ноги находились на поверхности. Не тронули враги партизанского разведчика Василия Леонтьевича Кривонощенко, который переделался в крестьянскую одежду и дважды прошел через деревню, хотя был опознан предателем. Гитлеровцы ждали появления партизан и уже предвкушали победу. Они устроили настоящую ловушку: с наступлением темноты расставили огневые точки, заняли круговую оборону вокруг присыпанного землей тела Наумова. Но расчеты врага оказались липовыми.

Два партизанских отряда с четырех сторон ударили по фашистскому гарнизону. Засада у тела Наумова была отрезана от основных сил противника. На нее как бы и не обращали внимания. Для страховки, чтобы фашисты из засады не ударили по партизанам с тыла, был оставлен взвод Арменака Карапетовича Парнакьяна, храброго сына солнечной Армении. Остальные силы партизан ринулись на фашистов, находившихся в центре Еремина. Забросали гранатами дзоты, подавили пулеметные гнезда, прорвались через окопы и проволочные заграждения. Гарнизон был уничтожен.

Не выдержали нервы у фашистских вояк, сидевших в засаде около тела Наумова. Они стали отступать в сторону Витебска, но попали под автоматные и пулеметные очереди партизан из отряда имени Селиваненко, которых возглавлял политрук роты Александр Александрович Урзов.

Партизаны забрали тело Михаила Васильевича Наумова, бережно уложили на носилки и впереди отрядов посменно несли его на руках до самого хотемлянского леса. В четыре часа ночи уже были в

деревне Голиково. На рассвете гроб с прахом храброго командира был установлен на повозке в центре деревни. Через каждые пять минут менялся почетный караул. Партизаны и крестьяне без головных уборов проходили мимо, отдавая последний долг любимому командиру. Местные жители возлагали на гроб и повозку цветы и венки, оплакивая этого замечательного человека.

На повозке у гроба сидела и горько плакала жена Наумова. Женился Михаил Васильевич всего несколько месяцев назад на партизанке Анне Макаровне Матвеевой из деревни Ганьково. На похоронах Наумова не было никого из его родных. Судьба их разбросала по свету. Когда Михаил весной сорок второго ушел из дому, а потом возглавил партизанский отряд, слухи об этом дошли и до Руднянского района. Донеслись они и до немецких властей. Над семьей Наумовых нависла угроза. Тем более что два старших брата Михаила — Николай и Петр — еще задолго до войны добровольцами ушли в армию и служили в авиации. Михаил с группой партизан несколько раз ночью заезжал навестить родных, что тоже не могло остаться незамеченным. Дома оставалось четыре человека: отец Василий Наумович, мать Екатерина Митрофановна, сестра Шура да девятилетний брат Володя.

Когда полицаи пришли, чтобы арестовать семью моряка, Василий Наумович метнулся за сарай, оттуда по огородам — к кустам. И поминай как звали. Он добрался до линии фронта, перешел ее и оказался в штабе 4-й ударной армии. Там поработал немного по хозяйству при штабе, затем его, как старика, эвакуировали в глубокий тыл. А Екатерину Митрофановну, Шуру и Володю арестовали. Их вели в Рудню. Но, к счастью, сопровождал их полицай, который когда-то был одноклассником Михаила и всегда списывал у него контрольные.

— Ладно,— сказал он.— Отпущу вас подобру-поздорову на все четыре стороны. Убирайтесь, но больше на глаза никому здесь не попадайтесь. Скажу, что пристрелил по дороге... Вам лучше в партизанскую зону... Вон в том направлении,— показал рукой полицай и поскакал на лошади, оставив растерявшихся пленников.

Так и пошли без куска хлеба, без узелка в руках скитаться по деревням мать с двумя детьми. Но вскоре Шура категорически заявила, что пойдет в партизаны. И ушла, взялась за оружие. Мать же с малолетним сыном так и бродила по деревням до самого прихода советских войск...

Когда взошло солнце, все уже было готово к похоронам командира. Через час процессия должна покинуть деревню и отправиться на лесную поляну, где под дубом желтел песок от свежeverытой могилы. Построились партизаны, пришли старики, женщины и Дети.

Но что это такое? Раз за разом оттуда, где находился дозор, раздались три винтовочных выстрела — сигнал тревоги. Почти одновременно затрещали два автомата, затем все слилось в автоматной и пулеметной трескотне.

«Оксана» была в дозоре. Она взобралась на противопожарную лесную вышку на опушке, в двух километрах от деревни, зорко вглядывалась в даль, откуда могли появиться фашисты. Никого не было видно. И вдруг в двухстах метрах от себя она заметила какую-то серую цепь, передвигающуюся по полю. «Оксана» прицелилась, выстрелила. Она еще два раза выстрелила и сползла с вышки.

Почти одновременно с «Оксаной» врага заметили партизаны отряда имени Селиваненко Николай Семенов и политрук Александр Урзов. Они возвращались с задания и оказались всего в каких-нибудь семидесяти метрах от вражеской цепи. Залегли и открыли огонь по фашистам. Несколько правее от них находились бойцы отряда «Моряк» Василий Пирогов, Василий Кривонощенко, Петр Королев, Арменак Парнакьян и Дмитрий Махлаев. Они тоже открыли огонь. Немцам не удалось бесшумно подобраться и окружить партизан, которые готовились к похоронам моряка.

Отдавалась команда за командой. Рота за ротой проходила перед гробом Михаила Васильевича Наумова и спешно отправлялась на помощь группе храбрецов, ввязавшихся в бой с крупным отрядом противника. Завязалась ожесточенная схватка.

Под непрерывные пулеметные и автоматные очереди и разрывы мин траурный кортеж двинулся в сторону хотемлянского леса; там, на полянке среди дубняка, партизаны осторожно опустили в могилу гроб с прахом прославленного партизанского командира Михаила Васильевича Наумова, Мишки-моряка. Вырос холмик земли, который весь покрылся венками. Прощальный салют влился в грохот боя с фашистскими карателями.

Хозяйственная часть ушла в глубь леса, а боевые подразделения кинулись навстречу нарастающей канонаде, туда, где сражались их товарищи. Целый день длился жаркий бой партизан-алексеевцев с превосходящими силами противника. Много вражеских трупов осталось на подступах к хотемлянскому лесу. Погибли и три бойца из отряда «Моряк»: Владимир Сметанин, Пимен Тишутин и Николай Моисеев.

Под покровом ночи партизаны отрядов «Моряк» и имени Селиваненко покинули хотемлянский

лес и за ночь перешли в расположение штаба бригады «Алексея».

Не верилось партизанам, что нет больше в живых храброго командира Михаила Васильевича Наумова. Все так живо напоминало о нем. Казалось, всюду чувствуется его дыхание. Вот и сейчас привезли и вывесили в центре деревни бригадную рукописную газету «Клич партизана» № 8 от 25 сентября 1942 года. Газета в бригаде выходила ежемесячно. Ее редактировал храбрый партизан и толковый журналист С. Свиридов.

Газету обступили партизаны. Им сразу же бросилась в глаза заметка Наумова, помещенная в центре страницы. В ней говорилось:

«Отбили охоту кушать

Полицейские, как голодные собаки, рыщут по колхозам, рвут, хватают, что попадает им под руку. Особенно у предателей волчий аппетит на колхозный хлеб.

21 сентября группа полицейских, вооруженная пулеметами и винтовками, приехала в д. Мисьники и начала забирать у колхозников хлеб. Об этом узнали наши партизаны и напали на грабителей.

Полицейские, застигнутые врасплох, с перепугу бросили автомашину, стали удирать. Но меткие партизанские пули навсегда отбили охоту кушать у трех предателей. Нам достались трофеи: ручной пулемет, две винтовки, а также автомашина-полуторатонка.

М. Моряк».

Этот последний печатный разговор Михаила Васильевича со своими боевыми друзьями перешагнул десятилетия и навсегда представился посетителям Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Победы и поражения

На земле витебской пламя партизанской борьбы вспыхнуло в первые же дни фашистской оккупации. Еще до прихода немцев Витебский обком партии создал инициативные группы, выделил для подпольной работы в тылу врага партийных, советских и комсомольских работников, коммунистов и комсомольцев. Они явились костяком будущих партизанских отрядов и подпольных организаций. Первым начал активную деятельность отряд Миная Филипповича Шмырева (батьки Миная), который затем был преобразован в 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду.

А как родилась партизанская бригада «Алексея»?

В грозные июльские дни 1941 года на смоленской земле советская танковая рота, истекая кровью, вела ожесточенный бой с фашистскими танками и артиллерией, попала в окружение. Были израсходованы все боеприпасы, кончалось горючее. Оставшийся в живых политрук Алексей Федорович Данукалов приказал бойцам на полном ходу спустить танки в болото, а самим собраться в кустах над оврагом. Там, в районе Кардымова, политрук поставил танкистам задачу пробиваться за линию фронта. Пошли на восток, обходя фашистские гарнизоны, уклоняясь от боев, а где и прокладывая себе дорогу штыком и гранатой. По пути к танкистам примыкали бойцы и командиры из других частей, оказавшиеся в окружении.

В Слободской район Смоленской области группа Данукалова пришла окрепшей, сплоченной, имевшей уже опыт ведения боев в тылу врага. В ней насчитывалось около пятидесяти вооруженных бойцов. Здесь она встретилась с группой инструктора Витебского подпольного обкома партии Трофима Васильевича Павловского, а вскоре к ним примкнули еще группы лейтенанта Александра Грабовского и старшего сержанта Петра Антипова. Собралось уже около ста человек. Из них и создали партизанский отряд. Командиром единодушно избрали Алексея Данукалова, комиссаром — Александра Грабовского. Имя отряду дали «Родина». Вначале он действовал самостоятельно, а затем вошел в смоленскую партизанскую бригаду «Бати».

Отряд совершал рейды по тылам врага, нападал на фашистские гарнизоны и колонны войск, организовывал диверсии на шоссейных дорогах Смоленщины. Слава о боевых действиях отряда «Родина» быстро распространялась в округе. К отряду потянулись партизанские группы, созданные местными коммунистами и комсомольцами, а также попавшими в окружение бойцами и командирами Красной Армии.

Из женщин первой к алексеевцам, как называли себя партизаны «Родины», пришла Мария Яковлевна Горохова. Ее назначили сестрой милосердия и разведчицей отряда. Так и прошла она весь тернистый путь от зарождения бригады до соединения с войсками Красной Армии.

Отряд рос с каждым днем и уже к концу года превратился в крупную боевую единицу в тылу врага.

Расширилась его зона деятельности. От Слободского района Смоленской области она пролегла через Суражский и Лиозненский районы и приблизилась к Витебску. В начале 1942 года партизаны-алексеевцы совместно с войсками Красной Армии участвовали в освобождении Слободы (ныне Пржевальск) от фашистских оккупантов и проявили себя настоящими воинами.

В апреле 1942 года согласно указаниям Витебского подпольного обкома КП(б)Б на базе отрядов «Родина», «Крепость» и «Гроза врагам» была сформирована партизанская бригада. Командиром ее назначили Алексея Федоровича Данукалова, а комиссаром — Трофима Васильевича Павловского. Но вскоре Павловский погиб. Бригада полностью перешла в Белоруссию и расположилась на территории Лиозненского и Суражского районов. Здесь комиссаром бригады назначили секретаря Лиозненского подпольного райкома партии Апанаса Тимофеевича Щербакова. За бригадой закрепилось наименование «Алексея». К ней присоединились партизанские группы, созданные командирами и политработниками Красной Армии, попавшими в окружение: Н. В. Селиваненко, В. К. Солодовниковым, Ф. И. Плоскуновым и И. И. Старовойтовым, И. П. Казанцевым, В. А. Блохиным и П. А. Казаковым, П. В. Чернецовым и другими.

Алексеевцы начали расширять зону действий. Отряды бригады нападали на фашистов в Слободском, Касплянском и Понизовском районах Смоленской области, Суражском, Лиозненском, Оршанском, Богушевском и Витебском районах Витебской области. Партизанские дозоры доходили до окраин Витебска.

30 мая 1942 года алексеевцы столкнулись с регулярными немецкими частями в деревнях Новый Стан и Ордеж. Бой длился пять часов. Со стороны противника участвовали 2 батальона пехоты, 3 бронемашин и 2 танкетки. Потеряв много солдат и офицеров, враг отошел.

Вскоре партизаны бригады провели ряд других операций. Из засады у деревни Фокино они разгромили колонну фашистов, на дорогах Понизовье — Яновичи а Яновичи — Сураж уничтожили 7 вражеских машин с живой силой, продовольствием и боеприпасами, изгнали фашистов из деревни Клевцы, провели удачную диверсию на шоссе Витебск — Смоленск недалеко от деревни Вороны, пустили под откос вражеский эшелон в районе станции Выдря.

«10 июня 1942 года из витебской фельдкомендатуры в бригаду «Алексея» на автомашине уехали шесть военнопленных во главе с И. С. Волковым (подлинная фамилия Рапопорт). Полевая жандармерия объявила розыск. Во все гарнизоны области полетело срочное сообщение: «Крытая машина марки «Опель», мотор № 37653, с желтым треугольником на левом переднем крыле и на дверях, 10.06.42 г. была использована 6 членами рабочего взвода военнопленных для побега из Витебска. Беглецами являются: Бреев Иван, сильного телосложения, волос темный; Сахаров Сергей, маленький, свежее розовое лицо, русский; Шпартюк Николай, маленький, хилый, темный цвет лица и волос; Стародубов Алексей, высокий, стройный, здоровый цвет лица, разговаривает медленно и монотонно, что сразу бросается в глаза, темно-русые волосы; Третьяк Сергей, высокий, сильный, шрам на левой стороне лица сверху, темные пышные волосы; Волков Илья, среднего роста, крепкий, полное бледное лицо, волос слегка русский, хорошо говорит по-немецки. Удравшие имеют свидетельства и нарукавные повязки учреждения с полевым номером 30924. Сообщение посылать в полевую комендатуру 815(У), полевая жандармерия.

Вейнгардт, штабс-фельдфебель полевой жандармерии».

Коллективный побег военнопленных среди бела дня из гнезда фашистских карателей произвел большое впечатление в городе. Распространялись самые фантастические версии. Гитлеровцы учинили допрос всем военнопленным, работавшим при фельдкомендатуре, арестовали многих жителей, но так и не могли ничего добиться.

Тогда они стали распускать слухи, что беглецы пойманы. Но этому никто не верил»¹.

На самом же деле Волков (Рапопорт), Бреев, Сахаров, Шпартюк, Стародубов и Третьяк умчались в Суражский район и в деревне Поддубье встретились с партизанами-алексеевцами, влились в бригаду. Илья Савельевич Рапопорт (Волков) вскоре стал начальником разведки бригады и командиром бригадного взвода разведки. Его товарищи тоже честно воевали с фашистскими оккупантами в дружной семье алексеевцев. Третьяка сразу же назначили командиром роты, а после тяжелого ранения самолетом отправили за линию фронта. Сахарова вскоре после побега из плена тоже назначили командиром партизанской роты. Он храбро воевал, но погиб в 1943 году. Стародубов и Шпартюк стали пулеметчиками, беспощадно громили фашистов. Они полегли в неравном бою с гитлеровцами. Боец Иван Бреев тоже не дождал до Дня Победы. Он погиб в Ушачском районе.

¹ Пахомов Н. И., Дорофеев Н. И., Дорофеев Я. В. Витебское подполье. Издание второе. Минск, 1974, с. 82–83.

Илья Савельевич Рапопорт (Волков) много сделал для укрепления бригадной разведки. Были установлены надежные связи в Витебске, Сосновке, Сураже, Лиозно, Богушевске, Осинторфе, Яновичах, Выдрее и других гарнизонах врага. Наши разведчики совместно с подпольщиками совершили много славных дел. Благодаря хорошо поставленной разведке бригада провела немало дерзких операций. Приведу один случай.

В Дыманово стоял сильный фашистский гарнизон. Туда заслали алексеевцы свою разведчицу Любу Зиновенко. Она вскоре устроилась работать на почте. Коменданту гарнизона, немецкому майору, приглянулась красивая девушка. Он начал обхаживать Любу: приносил ей шоколад, конфеты, консервы, угощал коньяком. Она будто была довольна, только не разрешала себя поцеловать. Майор приглашал ее в кино и на танцы. Люба вздыхала:

— Тети боюсь. Она очень злая. Увидят люди — тетя убьет меня.

— Пойдем на опушку леса. Там никто не увидит,

— Ой, партизан боюсь!

— Здесь партизан нет. Они не посмеют сюда и приблизиться.

Сделав вид, что она обдумывает предложение, Люба долго молчала. Потом сказала:

— Хорошо. Завтра после обеда я приду к трем часам вон в тот густой ельничек...

— Молодец! Я возьму тебя замуж. Поедем в Германию.

В назначенный час Люба пришла. Майор ее уже ждал. На прогалинке было разостлано одеяло. Комендант достал коньяк, наполнил обе рюмочки. Чокнулись. Немец стал приближаться к девушке. В этот момент тупой удар свалил его. Майору связали руки, засунули в рот кляп... Он лупил глаза, видимо, ничего не мог сообразить. Перед ним стояли три партизана с автоматами.

— Ну, завоеватель,— улыбаясь сказал Шинкоренко,— дорого тебе обойдутся слезы невинных людей.

Через час фашистский комендант дымановского гарнизона уже находился в расположении отряда имени Селиваненко, а Люба докладывала командиру Василию Александровичу Блохину:

— Задание выполнено.

Сведения из Суража и Яновичей разведчики передавали через семью Садовских из деревни Якушенки. Все члены семьи участвовали в этом деле: хозяйка Анна Денисовна, член КПСС, до войны работала председателем колхоза, муж ее Федор Тимофеевич и дети — Шура, Рая и Миша. Позже все они стали партизанами нашей бригады, но погибли в бою с оккупантами. В ведении разведки помогали Любовь Шаровская, которая работала в яновичской комендатуре, Сергей Михайлович Корнеев, бывший студент Витебского пединститута, и многие другие патриоты.

И. С. Рапопорт родом из Толочинского района. В 1940 году окончил электротехнический факультет Свердловского индустриального института и стал инженером-электриком. В мае 1941 года его призвали в Красную Армию, а 26 июля около Себежа вступил в бой с фашистами. Потом отступление, плен, побег. В мае 1943 года Илью Савельевича Рапопорта (Волкова) отозвали в советский тыл. Он продолжал воевать на Ленинградском и других фронтах до Дня Победы.

К началу июля 1942 года в составе бригады уже действовало 12 партизанских отрядов, личный состав ее достиг 1085 человек. На вооружении находилось 48 ручных пулеметов, 26 автоматов, около 1000 винтовок, 68 пистолетов, 2 ротных миномета, одна 45-миллиметровая и одна 122-миллиметровая пушки, трактор ХТЗ... В каждом отряде имелись партийные и комсомольские организации, в которых насчитывалось 81 коммунист и 196 комсомольцев. На счету алексеевцев уже было немало славных дел, много выигранных боев и совершенных диверсий.

Между тем не только победы сопутствовали бригаде. Были и серьезные промахи и неудачи, горькие разочарования.

Вот какая беда постигла 1-й отряд, созданный из подготовленных и обстрелянных бойцов, побывавших в различных переделках сурового времени, коммунистов и комсомольцев, таких, например, как Альфред Павлович Юргенсон из деревни Соколово Лиозненского района. Война его застала в Донбассе, где после окончания Буденовского горпромучилища он работал машинистом врубовой машины в шахте. Оттуда по оккупированной территории дошел до Лиозненского района, а в июне 1942 года добровольно стал партизаном. И таких много. Командиром отряда тогда был попавший в начале войны в окружение капитан Григорий Васильевич Лыневский.

После многих успешных налетов на вражеские гарнизоны, неоднократных удачных диверсий на шоссе и железных дорогах летом 1942 года партизаны Лыневского решили разгромить полицейский участок Паленовки — Михалинова. Внимание их привлекла молодая симпатичная женщина, которая почти ежедневно собирала ягоды в лесу недалеко от полицейского участка. Казалось,

она ничем не интересовалась, далеко от опушки не уходила, ни к чему не присматривалась. Придет сюда, наклонится и собирает ягоды, мурлыча под нос какие-то песенки. Наберет кувшин и идет себе спокойно в деревню. С ней-то Лыневский и решил установить связь. Уж больно ему хотелось разгромить и этот полицейский участок.

Очередного появления ягодницы командир отряда часа два ожидал на опушке леса. Чуть в стороне от него замаскировалось несколько партизан во главе с Юргенсоном, так сказать, на всякий случай. Как только сборщица ягод занялась своим делом и замурлыкала песенку, перед ней как из-под земли вырос Лыневский в форме командира Красной Армии и при оружии.

— Здравствуйте, красавица!

— Ой! — вскрикнула она испуганно, заморгала глазами, но скоро пришла в себя.— Вы меня так напугали чуть сердце не разорвалось от страха.

— Что же вы своих так боитесь?

— Где их разберешь, кто свои, а кто чужие,— проговорила она.— Теперь все называют себя своими, все говорят, что за народное дело воюют, за справедливость. А где она, та справедливость, поди-ка узнай. Станешь разбираться, так и на виселицу угодить нетрудно.

— Я командир партизанского отряда,— назвал себя Лыневский.

— А кто вас знает. Все сейчас стали командирами. Только воевать некому.

Разговорились. Женщина оказалась интересной собеседницей. Назвала себя. Поплакалась о своей беде. Сама, мол, из Ленинграда, за два дня до начала войны приехала в гости к брату. Тот служил в Брестской крепости, командир. Когда грянула война, стала пробираться поближе к дому. Да в Ленинград-то сейчас не пройдешь. Вот и осталась здесь в деревне у дальней родственницы. Коротает дни, а чего дождется — кто знает. В Ленинграде остались муж, наверное, уже где-то воюет, и двухлетний сынишка с бабушкой. Вот и все. А сама она по профессии учительница русского языка и литературы...

— А сколько полицейских на вашем участке? — спросил Лыневский.

— Черт их знает, что я считала или дружбу водила с этими пьянчугами. Одно знают — пьянствовать да к женщинам приставать. Собрались молокососы. Тьфу!..

Лыневский начал уговаривать ее работать на партизан, помочь им разгромить полицейское гнездо в деревне.

— Потом вы уйдете, а меня схватят и повесят?

— Почему? Мы вас не оставим. Пойдете с нами в отряд. Будете воевать с фашистами, бороться за Родину.

Женщина отнекивалась, уточняла неясные вопросы, но вскоре сдалась.

Договорились. Она пообещала разузнать все подробности, установить количество полицейских, порядок смены караула. Взамен потребовала клятвенного обещания после разгрома участка забрать ее с собой в отряд. На том и порешили.

Дня через два ягодница доложила все данные о полицейском участке, не пропустив ни малейших деталей.

— Их-то всего там двадцать семь сопляков,— заявила она.— Хорошенько продумав, всех можно голыми руками забрать, тепленьких.

И начали думать. Разработали план операции. Учительница принимала в этом самое деятельное участие и проявила незаурядные способности и смекалку. Вызвалась провести через деревню переодетого в крестьянскую одежду партизана Озолова, показать все, что, где и как. Назначили срок операции. В этот вечер она пообещала позвать к себе домой начальника полиции и организовать такую пьянку, чтобы тот свалился с ног.

— Он уже давно подбивает ко мне клинки. Достаточно одного моего слова, чтобы оказался у меня. А я уж сумею накачать его. И он живым попадет в ваши руки...

В назначенное время точно по разработанному плану партизаны бесшумно подползли к самому гарнизону и заняли исходные позиции. Ждали сигнала, чтобы сделать бросок. Но что это? Взвилась в небо ракета. И... на партизанские цепи одновременно сзади и с флангов напали немцы и полицаи. Ударили вражьи пулеметы и автоматы. Трудно пришлось отряду. Многие народные мстители погибли, в том числе и боец Озолов, а семерых фашисты схватили живыми, увезли в Витебск, долго пытали, мучили, а затем повесили на Смоленском рынке.

В том бою чуть не попала в руки врага наша добрая медицинская сестра Валентина Ивановна Рыжикова. Она первый раз участвовала в операции по разгрому гарнизона.

Валентина Рыжикова в 1940 году окончила Витебскую двухгодичную школу медсестер. Ее

направили на работу в Брестскую область, в Гайновский район. (Теперь у нас такого района нет. Это Хайнувский повет Польской Народной Республики). Работала, старалась, надеялась на самое лучшее в жизни.

Но вот война. Сразу же Валентину мобилизовали в армию и определили в Черемховский военный госпиталь. Потом? Потом все, как и у многих других... Отступление, окружение... Из-под Слонима уже пришлось добираться самостоятельно. Шли вместе с подружкой Оксаной. Под Барановичами, в местечке Полонка, распрощалась с Оксаной. Та пошла на Лунинец, а Валяна Минск и далее на Витебск.

Всяко приходилось Рыжиковой в пути: и пасла скот, и изображала нищенку. В конце сентября 1941 года она добралась до деревни Зори Лиозненского района. Пришла в отчий дом, отошла немного и задумалась о своем долге перед Родиной. Вскоре ей удалось связаться с партизанами, а потом уйти в отряд.

Когда немцы в том злополучном бою обрушили шквал огня на головы народных мстителей и те, отстреливаясь на ходу, беспорядочно убегали кто куда, медсестра заползла в канавку и забилась в кусты. Фашисты пробежали мимо нее. Рыжикова ползком стала пробираться к опушке леса. Во ржи около кладбища она услышала негромкий голос:

— Братцы, партизаны! Помогите раненому! Хоть пристрелите, не оставляйте беспомощного!..

Валентина резко повернула направо и поползла на слабеющий призыв раненого.

Только хотела приподняться от земли и вполголоса шепнуть: «Тише. Я здесь! Потерпи, золотко», как вдруг что-то зашумело, затрещало, завозилось, замычало. Сквозь всю эту возню прорвалось еле уловимое:

— Провокация...

Услышала тупой удар, и все затихло.

— Один есть!— долетел до нее шепот.— Давай, Саша! Снова шуми!

— Братцы, партизаны! Помогите раненому! Хоть пристрелите, не оставляйте беспомощного,— снова пополз приглушенный зов.

«Вот подлецы! Опять ловушка»,— подумала Рыжикова и бесшумно поползла подальше от этой западни, куда уже попал один из ее боевых товарищей, поверивший призыву о помощи.

Гитлеровцам через специально подосланную сборщицу ягод тогда легко удалось заманить партизан в ловушку. Тяжело переживали в отряде такую неудачу. Тяжело переживал ее и командир Лыневский. Он понимал свою вину: так легко, без всякой проверки доверился фашистской лазутчице и погубил столько людей. Смалодушничал Лыневский, не хватило мужества предстать перед судом своих товарищей, которые добровольно вверили ему свою судьбу, посмотреть им открыто в глаза и получить заслуженное наказание. На второй день он скрылся. Неизвестно, как дальше сложилась его судьба.

Отряды залечивали свои раны. Залечил их и 1-й отряд. После того неудачною боя он в тяжелой схватке с коварным врагом восстановил свой авторитет. Отряду был присвоен не только первый номер, но и имя «Прогресс». Командиром назначили кубанского казака Григория Гавриловича Огиенко, комиссаром — Ивана Исаковича Старовойтова, начальником штаба вместо ушедшего на повышение Н. Г. Малаховского стал друг командира — Алексей Николаевич Кудрявцев.

Партизаны отряда провели несколько внезапных и серьезных операций и вовремя уходили от преследователей. Так, уже в начале августа 1942 года отряд нанес серьезный удар по карателям в районе деревень Курино, Буево, Клишино. Из партизан тогда были ранены только два бойца: Лаврентий Летохин и Поливкин. Поливкин скончался, а Летохина отправили за линию фронта.

Ранней осенью отряд совершил рейд за линию фронта. Переправили в советский тыл раненых партизан всей бригады, а оттуда принесли оружие, боеприпасы, литературу, листовки. Медсестры Валя Рыжикова, Аня Кухтова, Фруза Зайцева, Маша Менжинская и Маша Пчелкика вместе с отрядным врачом Лидией Копыловой тащили на себе вещевые мешки, до отказа набитые медикаментами, медицинскими инструментами и перевязочными материалами. За линией фронта увидели их столько, набрали так много, что еле донесешь свой рюкзак по хорошей дороге, а тут еще переправа вброд через реку Усвяту, шестнадцатикилометровый путь по болоту...

В деревне Стасево, что на шоссе на дороге Витебск — Смоленск, крепко держался фашистский гарнизон. Его-то партизаны и решили разгромить. Эту операцию разработали точно. Разведка не прошла даром. Все продумали до самых мельчайших подробностей. Огненко и Старовойтов часами просиживали над картой, проверяли и перепроверяли данные разведчиков и связных. Не один раз вызывались в штаб партизаны Геннадий Пуков, Федор Гончаров и Дмитрий Гавриленко — уроженцы и недавние жители Стасева и соседних деревень. В июле 1942 года эти комсомольцы со своим оружием

пришли в отряд. Они хорошо знали все тропинки, все подходы к гарнизону, знали его расположение и многих изменников Родины.

В конце ноября на полях уже лежал снег. К гарнизону отряд приблизился на самом заходе солнца. Подождали часок, отдохнули и бесшумно в маскхалатах двинулись на исходные позиции. Партизан разделили на две группы, человек по девяносто.

Одну повел комиссар Старовойтов к овражку, что около самого гарнизона, а вторую — Огиенко в обход, с другой стороны этого осинового гнезда. Стасево было окружено. На шоссе со стороны Витебска и Лиозно сделали надежные засады.

Группа, которую возглавлял Старовойтов, подползла к самому оврагу, закопалась в снег. В нее входили роты Андрея Малаховского и Алексея Кудрявцева. Ведут наблюдение.

За оврагом — огневая точка врага. Установлен станковый пулемет. Около него на бруствере окопа сидят два полицая и хлещут стаканами что-то, наверное самогон.

— Разрешите, комиссар, не ожидать общего сигнала, мы с Прохором Семеновым незаметно подползем и схватим этих ублюдков, заберем пулемет,— попросил Геннадий Пуков.

— А шуму не наделаете? — У комиссара загорелись глаза.— Давай, Геннадий Васильевич. Только не зарвись, будь осторожен.

Комиссар всегда величал Пукова по имени-отчеству, наверное, потому, что тот до войны уже успел окончить педучилище и поработать учителем в школе.

Геннадий Пуков и Прохор Семенов, как ужи, завияляли по неглубокому снегу и спустились в овраг. Оттуда поползли правее, выбрались на берег к выпивающим пулеметчикам и приблизились к ним вплотную.

Комиссар замер. Сердце его сжалось до боли. Малейшая оплошность — и операция сорвется. А виноватым окажется он: нарушил план. Но разве можно строго держаться плана в бою? А если обстановка подсказала новое решение? Но, с другой стороны, малейшая оплошность может погубить все дело...

Старовойтов впился глаза ми в пулеметную точку, около которой пьянствовали полицаяи и чуть-чуть видны были два белых живых пятна. Пулемет, видно, уже отрезан. Один белый комок заполз между пулеметом и полицаями, чернеющими на фоне снега.

И только враги подняли очередные стаканы и застыли в тосте — оба партизана кинулись на них. Несколько секунд возни, и Пуков жестом уже зовет к себе остальных бойцов. Группа перебралась на главный рубеж противника. Повернули станковый пулемет в сторону гарнизона, заняли плацдарм на оборонительном рубеже врага и стали ждать сигнала к бою.

— Вот видишь, комиссар. Мы успели еще до сигнала сделать часть своей работы,— прошептал на ухо Старовойтову командир взвода Прохор Семенов.

Иван Исакович отправил медсестру Валентину Рыжикову к командиру отряда Огиенко и велел передать, что они уже овладели опорным пунктом обороны противника и ждут, когда враги примчатся занимать свои позиции. Не хотелось комиссару посылать Валю в такой рискованный путь, но ничего не сделаешь... По всему было видно, что партизанам медицина здесь не очень понадобится, а вот там — еще неизвестно.

— Иди, Валюта, передай все и оставайся там!

— Хорошо. Приказ есть приказ, товарищ комиссар,— прошептала она и поползла в овраг.

И вот он, сигнал к наступлению — зеленая ракета, выпущенная командиром отряда. Затрещали пулеметы, застрочили автоматы. Гремит земля, сотрясаются хаты. А над оврагом молчок. Иван Исакович залег за станковый пулемет, повернутый в сторону гарнизона. Пуков держит ленту, выполняя обязанности второго номера расчета. Пока никого не было видно. Но вот выскочили из казармы фашисты. Кто одевшись, а кто и прямо в нательном белье бросился к оврагу занимать свои огневые позиции.

Партизаны подпустили их поближе. Комиссар нажал на гашетку. Заработал пулемет. Его поддержал дружный хор всех видов партизанского оружия.

Ну и было же жару! Фашисты металась с одной стороны в другую, ничего не могли понять и... падали, подкошенные партизанскими пулями.

Народные мстители из группы Старовойтова бросились в центр гарнизона.

А с северной стороны Огиенко с ротами Ивана Рогова и Ивана Пименова добивали фашистский гарнизон. Противник начал отступать к своим казармам, но здесь его встретил дружный огонь партизан Старовойтова.

Трудно сказать, сколько тогда убили фашистов, ни кто их не считал, а уцелевших разогнали, как

крыс, по сараям и оврагам. Никто из них больше не отстреливался.

Народные мстители распоряжались в Стасеве. Прежде всего Старовойтов с бойцами кинулся к подвалу, где находились двенадцать арестованных партизанских связных и членов их семей. Были освобождены Простаков (отец партизан Жени и Володи), старик Пименов и другие.

В бою захватили много оружия, боеприпасов и других трофеев. Операция закончилась успешно. Правда, было ранено несколько партизан, в том числе и Митя Жолудев. Раненых своевременно перевязали и отправили в деревню Свибря.

В этом бою храбро дрались все бойцы отряда «Прогресс». Но нельзя не вспомнить главных героев. Это командиры и политработники Огиенко, Старовойтов, Николай и Андрей Малаховские, Науменко, Кудрявцев, Пименов, Семенов, Рогов, Занкович, рядовые бойцы Володя Стаськов, Женя Посредников, Евгений Простаков, Петр Дрозд, Анатолий Захаренко, Альфред Юргенсон, Вася Тихонов, Коля Соловьев, Геннадий Пуков, Федор Гончаров, Дмитрий Гавриленко, Сеня Пухов, Жора Романенко, Женя Котович, Леня Ольшаников, Иосиф и Володя Менжинские и Федосеев. Ну а насчет пулеметчика Вити Банифатьева так и говорить было нечего. Он со своим вторым номером Дмитрием Барашкиным всегда прикрывали партизан в самых опасных местах.

Партизаны 1-го отряда сполна рассчитались с фашистами за тот нелепый случай, когда по близорукости бывшего командира Лыневского они так глупо попались в фашистскую западню.

Подходил к завершению 1942 год. Немцы встревожились не на шутку. Их бесили успехи партизан, тем более что совсем рядом находились крупные армейские штабы.

Вот что устроил в начале ноября 1942 года бывший артиллерист лейтенант Константин Михайлович Островский. Он возглавлял во 2-м отряде артиллерийско-минометную роту. Была там такая боевая единица. Островский с товарищами под прикрытием нескольких партизанских рот выдвинул две 122-миллиметровые гаубицы, имевшиеся в отряде, на близкие подступы к фашистскому гарнизону в райцентре и на железнодорожной станции Лиозно и устроил такую пальбу, что немцы и полиция с перепугу думали, что приближаются регулярные войска Красной Армии.

Многие гитлеровцы и их пособники стали собирать свои семьи к эвакуации, упаковывать награбленное имущество, думая, что это главное, что это спасет их в возможных передрягах жизни.

Да, фашисты начали понимать, что партизанское движение превратилось в грозную силу, с которой следует считаться. Они создавали новые карательные отряды, в которые вошли войска СС и фронтовые части, находившиеся на отдыхе и переформировании. Всю эту силу гитлеровцы двинули на борьбу с партизанами, чтобы к зиме обеспечить бесперебойное движение через треугольник Смоленск — Витебск — Орша, который был так прочно обжит народными мстителями Витебской и Смоленской областей.

Оккупанты не гнушались никакими средствами и Методами в борьбе за достижение своих подлых целей. Из полицейских и других предателей они создавали ложные партизанские отряды, которые рыскали по деревьям и выискивали советских патриотов, нащупывали их Связи с народными мстителями. Такие «партизаны» приехали и в нашу Ивановку, которая уже считалась не последней деревней среди партизанских опорных пунктов. Люди из соседних деревень даже называли Ивановку второй Москвой.

Когда на подводах заявили непрошенные гости, я с коромыслом на плечах шел к колодцу, который находился за баней, недалеко от леса.

Иду, помахивая себе ведрами на коромысле, как будто и не замечаю приехавших людей. Навстречу мне идет переодетый под партизана полицейский. Гляжу — да это же наш бывший студент Витебского политехнического техникума. Я знал его хорошо. Он уже тогда был заносчивым и высокомерным.

— Здравствуйте, гражданин хороший,— как бы не узнав меня, говорит он.

— Здравствуйте, человек добрый.

— Что это ты так недружелюбно встречаешь партизан наших? — переменяв тон и делая вид, что узнал меня, говорит он.

— А я плевать хотел на всех вояк. Терпеть не могу людей с оружием,— дерзко ответил я.

— Как это так? Теперь война и все должны воевать...

— Что-то я раньше не замечал такой прыти в твоём! поведении. Сколько помню, ты всегда при стрельбе попадал в «молоко». А сейчас, смотри, каким воякой сделался. Да еще и партизан. Смех один берет... Уж куда лучше мне. Ходи себе свободно да носи воду из колодца. А я-то стрелял, кажется, много лучше тебя, Во всяком случае, один я среди вас носил значок «Юный Ворошиловский стрелок». А теперь ты уже партизан, а я такой чести еще не удостоился.

Плюнул я и пошел своей дорогой.

Однокурсник окаменел от выпаленных мною слов и остановился как вкопанный. Он дождался моего возвращения от колодца домой.

— Пойдем, поговорим, Лебедев, по душам. Ведь ты же мой друг?

— Серый волк тебе друг, а не я.

— Эх, Петька, Петька! Ты все шутишь. Так с шутками и собираешься прожить войну? А это сейчас очень опасно. Нужно найти здесь свое место в ее перипетиях. Выбор один. Либо за красных, либо за немцев,— определенно ответил он.

— А ты, Женя, за кого воюешь? — спросил я.

— За, за... Советскую, так сказать, власть.

— Подлец ты, Женя! — мимоходом кинул я и пошел домой.

Он след в след шагал за мной по глубокому снегу. Полицей догнал меня около самого крыльца, дернул за рукав...

— Давай-ка, Петро, поговорим. Я вижу — ты не любишь партизан?

— Подлецов я ненавижу...

— Почему же ты думаешь, что я подлец?

— Я ничего не думаю и не говорю. Говоришь ты и называешь себя этим поносным именем. Ты больше себя знаешь, и спорить с тобой не собираюсь.

Взошел я на крыльцо и открыл дверь дома. Переступил через порог. Следом за мной и он. В сенцах, на скамеечке, оставил я воду, а сам зашел в дом. Евгений тоже припелся сзади за мной.

— Садись-ка, Женя, отдохни. Может, тебе уже много пришлось протопать по белорусской земле партизанскими тропами... А я-то слышал, что служишь в полиции...

Он побелел. Но быстро взял себя в руки. Стал мне угрожать.

— Уйди с моей дороги! Ты мне не товарищ. Ясно?

— Полицей? — спросил отец, когда этот выродок вышел из хаты.

— Да, с дружками под видом партизан действуют.

Я поспешил к Коле Городецкому, а следом за мной отец отправился к дяде Купрею. Коле шепнул на ухо, что это полицаи приехали в деревню под видом партизан.

Когда я выходил из дома Городецких, туда тоже шел переодетый полицей. Коля вынырнул из хаты и помчался по деревне... На него никто не обращал внимания.

Переодетые гитлеровцы допытывались, как пройти к полицейским и немецким гарнизонам, мол, они хотят напасть и разгромить их, кто мог бы пойти в разведку, помочь им...

Но все молчали. Не вышла грязная задумка у предателей...

Наконец изменники Родины беспощадно разграбили деревню и умчались к себе в гарнизон. Забрали кабана и у нас.

«Освободить от партизан треугольник!» — требовали на заседаниях фашистские военачальники. «Задушить партизанское движение!» — шли команды из центра.

«Освободить...» «Задушить...» Легко сказать. Но не так-то просто сделать.

Оккупанты задались целью прижать алексеевцев к линии фронта и тем самым покончить с неуловимым! комбригом и его бригадой. Они уже хорошо знали этого человека. Немцы также знали, что Алексей Федорович Данукалов за активную партизанскую борьбу награжден орденом Красного Знамени.

Сконцентрировав силы, фашисты сначала теснили отряды бригады из Лиозненского района, а отряд «Моряк» из хотемлянского леса. Потом шаг за шагом продвигались в партизанскую зону. Занимали деревню за деревней и насаждали там гарнизоны.

Командование бригады решило перейти на правый берег Западной Двины и по реке держать оборону, не пускать фашистов дальше. Отряды по одному, организованно снимались, переходили реку, увозя все свое имущество. Когда один отряд прибывал на новое место и укреплялся там, снимался другой.

Следовало позаботиться не только о боеприпасах и оружии, но и о продовольствии, чтобы прокормить народных мстителей в зимний период, что намного сложнее, чем летом. Пришлось перевозить на новое место и запасы продовольствия, которые бригада создала и запрятала в каспянском лесу. Для этого выделили специальную группу во главе с начальником штаба 8-го отряда П. А. Казаковым. Она состояла из трех-четырёх десятков смельчаков. Туда включили взвод Николая Семенова, а также лучших пулеметчиков бригады Виктора Банифатьева, Гавриила Бурлакова, Владислава Тимофеенко и Бориса Конюхова. Они составили костяк охраны обоза, в который входило более двадцати подвод.

Забравшись в касплянский лес, партизаны вскрыли тайники, погрузили продукты и отправились в обратный путь. Несколько раз немцы и полицаи пытались напасть на обоз, но всегда получали такой дружный ответный удар, что немедленно убирались восвояси. Но вот на шоссе Витебск — Сураж, недалеко от Задубровья, во второй половине ночи фашисты преградили путь обозу, открыв плотный огонь. Партизаны быстро перестроились, разбились на две группы. Одну возглавил Семенов, вторую — Казаков. Прежде всего пробили брешь в цепи противника, а потом начали ее расширять и теснить врагов: Семенов — в сторону Суража, а Казаков — к Витебску. В образовавшуюся брешь и двинулся обоз. Фашистам удалось подстрелить трех лошадей. Пришлось переключивать груз на остальные и без того перегруженные повозки. Но ни одного мешка хлеба не оставили врагу.

Последним на правый берег Западной Двины шел отряд «Моряк». 14 декабря он двинулся в сторону Курина. Фашисты все время старались навязать отряду затяжной бой: то пытались ударить в лоб колонны, то пробовали напасть на ее хвост.

Коркин вел партизан по намеченному маршруту. Комиссар Шерстнев обеспечивал прикрытие отряда. Постоянно высылалась разведка в подозрительные места. Боковые группы справа под командованием Феликса Крыжевича и слева под руководством Георгия Милошевского нападали на засевшие в кустах вражеские засады, расчищая путь. Впереди проход обеспечивала группа разведчиков, которую усилили несколькими пулеметами. Сзади отряд прикрывала рота Лисиченка, (политруком была «Оксана»). Если основные силы отходящих стремились уклониться от боя и пройти по проторенной разведчиками и боковыми группами полосе, то роте Лисиченка постоянно приходилось сталкиваться с нападавшими на нее гитлеровцами. Рота в таких случаях залегала в удобном месте, выжидая, пока отряд продвинется до нового рубежа, затем снималась и снова занимала оборону.

На второй день, 15 декабря, партизаны отряда «Моряк» дошли до Западной Двины. Но враг к этому времени подтянул к реке войска, видимо, надеясь отрезать отряд от основных сил бригады и уничтожить его. На помощь товарищам пришли соседи. Через реку многие отряды завязали бой с противником, сковывая его силы. Брешь была пробита. Отряд «Моряк» устремился через Двину.

Жарко пришлось здесь роте Лисиченка. Вначале она держала оборону у самой реки по левому берегу. Отряд перебрался через Западную Двину. Начала отходить и рота.

Вот тут-то и набросились на нее фашисты. Как ни пытались помочь Лисиченку с правого берега, ничего не получалось. Фашисты заняли рубежи на берегу реки, откуда только что ушла рота, и открыли ураганный огонь по партизанам, которые к этому времени успели добраться только до середины реки, накрыли их пулеметным и автоматным огнем.

Накрыли на льду... Сыплется град пуль, рикошетит ото льда, и снова огненный смерч свистит и завывает на разные голоса.

Этого передать невозможно. Кому не приходилось испытать на себе, тому трудно представить все это хотя бы приблизительно. Мне пришлось испытать такое «удовольствие» на льду Лукомльского озера, когда фашисты гоняли меня больше часа от одного берега к другому. Хорошо, что вскоре стемнело, и мне удалось вылезти из этого ада. Но об этом потом расскажу...

Партизанская рота Лисиченка все же благополучно добралась до противоположного берега. Но вот беда. Берег, уходящий откосом метров на сто, находился под прицельным огнем фашистов. Ползком и перебежками? партизаны уходили от берега. «Оксана» же поскользнулась и упала.

— «Оксану» ранило! — громко крикнул кто-то.

— «Оксану» ранило! «Оксану»! — понесли по берегу эту весть голоса партизан.

Шумская была невредима. Она пыталась поползти до лощинки, вскочить и снова сделать бросок.

Первым на помощь ей бросился Лисиченок. Забыв об опасности, он поднялся в полный рост и побежал к «Оксане». Пулеметная очередь накрыла его. Он упал. «Оксана» вскочила и помчалась к нему. Как колом, огрело ее по спине. Пуля прошила ей лопатку. На помощь им кинулись адъютант командира Петр Королев и командир взвода Евгений Шапуров. Королеву пуля попала в щеку, выбила несколько зубов и часть челюсти. Шапуров был тоже тяжело ранен.

На помощь поспешила медсестра Оля Шерстнева, жена комиссара. На лошади, запряженной в санки, под свистящими пулями помчалась она к раненым. Фашистский пулеметчик взял ее на прицел, дал очередь, другую, третью... Оля выпустила вожжи, упала на санки. Неуправляемая лошадь повернула и понесла назад, привезла к своим тяжело раненную в плечо и позвоночник Олю. Лисиченок, Королев и Шапуров выползли из-под огня противника сами и вытащили «Оксану».

Так окончился переход отряда «Моряк» за Двину в расположение бригады.

В этот день в бою попала в руки к оккупантам медицинская сестра Вера Михайловна Шаппо, прибывшая в партизаны из Суража в мае 1942 года. Пришла она к алексеевцам вместе с родной сестрой

Дорой Михайловной Колоницкой и ее двумя сыновьями — Аркадием и Михаилом. Вскоре погиб Аркадий. Веру Михайловну схватили немцы, когда шла в разведку. Она молчала, как сама смерть. Ее повесили.

Через некоторое время Петр Королев, Лидия Шумская, Оля Шерстнева, Георгий Лисиченок и Евгений Шапуров уже были на озере Вымно, ждали наших самолетов, чтобы улететь за фронт. Привезли сюда и раненную в ногу партизанку из отряда «Кочубея» Симу Ермакову. За ранеными ухаживала Ольга Петровна Шинкоренко. Почти две недели поила она кипяченым молоком из чайника Петю Королева. Все делала, чтобы спасти от смерти этого молодого, красивого адъютанта, материнским сердцем согреть его впечатлительную душу. За эти дни сыновней любовью привязался он к Ольге Петровне, делился своими самыми сокровенными думами.

Петр Королев родом из деревни Мерзляково Лиозненского района. Перед войной поступил в Витебский механико-энергетический политехникум на механическое отделение. Окончил один курс. Когда на Витебск в первый день войны налетел фашистский самолет и сбросил несколько бомб, одна из которых угодила в универмаг, Петя был в парке имени Ленина, готовился к экзаменам по химии. Потом вернулся в родную деревню и вместе с комсомольцами Сергеем Шабашовым, Игорем Моисеевым и двоюродным братом Ваней собирал и прятал оружие и боеприпасы. Летом 1942 года Королев вместе с Шабашовым, Моисеевым, Михайловым и еще несколькими деревенскими пареньками откопали запрятанные винтовки, забрали боеприпасы и примкнули к разведчикам взвода Сергея Сметанина из отряда Наумова. Через несколько дней прибежал в отряд и его младший брат Толя. Вместе с другими Петя ходил в разведку, участвовал в диверсиях. Потом расторопного и сообразительного паренька назначили адъютантом командира отряда «Моряк». А тут ранение оборвало партизанскую биографию моего доброго друга и побратима Петра Ивановича Королева.

Славный боевой путь прошла с алексеевцами и Сима Ермакова. После окончания школы подрывников она в составе отряда «Кочубея» пришла в тыл врага в нашу бригаду и до последнего дня, то есть до тяжелого ранения, находилась в диверсионной группе. Бригадная газета «Клич партизана» не раз писала об отваге этой девушки. На ее счету несколько спущенных под откос эшелонов врага.

В ночь на 1 января 1943 года боевых друзей — «Оксану», Олю Шерстневу, Георгия Лисиченка, Петра Королева, Евгения Шапунова и Симу Ермакову краснозвездный самолет унес на Большую землю.

Оля Шерстнева долго лежала в госпитале, в 1946 году умерла. Королев после излечения воевал в рядах Красной Армии, а Лидия Ивановна Шумская, снова под кличкой «Оксана», в августе 1943 года вернулась в тыл врага. Ей очень хотелось попасть к алексеевцам, но было другое, не менее важное задание. Она прилетела на самолете в Сержаны Ушачского района и вместе с группой секретаря ЦК ЛКСМБ Федора Анисимовича Сурганова по тылам врага отправилась в Барановичскую область. Теперь она шла на подпольную работу секретарем Городищенскош райкома комсомола, где и воевала до соединения с советскими войсками.

После карательных экспедиций в ноябре и декабре 1942 года против алексеевцев, когда оккупантам удалось несколько потеснить отряды на правый берег Западной Двины, фашисты во всеуслышание объявили о полном разгроме партизан, о том, что бригада «Алексея» отныне и навсегда перестала существовать.

Командование бригады решило напомнить фашистам, что алексеевцы живы. Для этого под Витебск в полном составе направили отряд «Смерть врагам» под командованием М. М. Клименкова. Вечером 29 декабря в метель на лыжах и санях он неожиданно появился в деревне Обухово, что в 10 километрах от Витебска. Расположился на ночлег, выставив надежные заслоны. Партизанские агитаторы проводили среди населения беседы, знакомили с положением дел на фронтах войны, открыто заявляли, что этот отряд из бригады «Алексея».

Через Обухово по зимней дороге оккупанты к линии фронта перебрасывали войска, направляли обоз за обозом с боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

На рассвете три партизанские роты заняли позиции на подходе к деревне со стороны Витебска. Иван Белогуб и Николай Турко поставили несколько мин на дороге и обочинах. Медицинские сестры Валентина Мамонова и Лидия Войтехова приготовились оказывать помощь раненым...

Вскоре разведчики Петр Варченко, Александр Ласточка, Евгений Коровков и Иван Дерюгин сообщили, что со стороны Витебска движется свыше двадцати подвод врага.

Партизаны замерли, припали к прицелам пулеметчики. Абсолютнейшая тишина. Кажется, все живое спит. А вот и фашисты. Сани с солдатами приближаются к засаде. Первая подвода не попала на мину, вторая тоже миновала ее. Но вот третья... Оглушительный взрыв потряс тишину. По снегу разбросало убитых и раненых, упала лошадь.

— Огонь! — скомандовал Клименков.

Фашистские сани сначала сгрудились, а потом в суете и спешке разворачивались и мчались обратно. С них соскакивали солдаты и отбегали в стороны. На минах подорвались еще три подводы. Оставшиеся в живых гитлеровцы беспорядочно отстреливались. Немецкому офицеру кое-как удалось навести порядок среди своих вояк. Они расползлись по снежному полю, заняли оборону. Через час к оккупантам пришло подкрепление. После двухчасового боя партизаны снялись и уехали так же неожиданно, как и появились здесь.

Фашистам невыгодно было признавать, что это партизаны устроили такую ловушку, что алексеевцы снова воскресли из мертвых. Они объявили, что русские, мол, выбросили десант регулярных войск, но доблестные немецкие войска уничтожили его.

Пока гитлеровцы оправдывались и шумели, алексеевцы совместно с витебскими подпольщиками снова готовили новую операцию, которая в январе 1943 года, как гром среди ясного неба, потрясла Витебск и заткнула рот фашистским болтунам.

В трех километрах от города, в имении Билево, созданном на базе бывшего совхоза, свил себе гнездо немецкий барон, который превратил рабочих в своих рабов. Здесь организовали крупную животноводческую ферму и большой машинно-тракторный парк. Имение поставляло свежие овощи, молоко, мясо и другую продукцию на кухни фашистского офицера. Охрану Билева несли наряды витебской полиции.

Вот в эту-то охрану по заданию комбрига и проникли Анатолий Кононенко и Владимир Попсуевич. Они изучили обстановку, систему охраны, подступы к имению и через Женю Колобанову передали в бригаду все данные и свои соображения по разгрому гарнизона. План был принят. В ночь, когда на посту стояли Кононенко и Попсуевич, около сотни партизан отряда имени Чапаева под командованием Михаила Ахмедчика, сопровождаемые Женей Колобановой, на подводах бесшумно ворвались в имение, разгромили гарнизон и хозяйство, уничтожили технику, сожгли скотные дворы. С богатыми трофеями возвращались партизаны. С ними уехали Анатолий Кононенко и Владимир Попсуевич.

Не могла уйти с партизанами только Женя Колобанова. Автоматная очередь фашиста оборвала на семнадцатом году жизнь смелой разведчицы и связной.

Первое ранение

Перед началом зимы в Ивановку примчался «Мишка-парашютист». Мы долго ломали голову, где оборудовать новый «почтовый ящик». Ведь зимой где ни ступишь — след. Надо было найти такое место, чтобы не демаскировать «почтовый ящик». Наконец решили сделать его под углом колхозного амбара, который стоял за деревней, как раз на перекрестке дорог из Церквища на Ляхово и из Ивановки на колхозный двор. Дорога здесь шла около самого амбара, даже угол его всегда был оцарапан санями и телегами.

Амбар стоял не на фундаменте, а на нескольких камнях. Сантиметров на сорок был приподнят над землей. Под полом свободно гуляли ветры. Летом туда забирались поиграть мальчишки.

Под оцарапанным углом мы с Мишкой прибили к полу фанерку. Она легко отжималась и хорошо пружинила. Отличный зимний «почтовый ящик» получился. Подходы к нему были хорошие. Идя по дороге, достаточно нагнуться, как бы завязывая шнурки на ботинках,— и почта обменена. И никакого тебе следа.

Правда, почта в ту зиму приходила очень редко, еще реже давались задания. За всю зиму я сходил в Витебск всего раз десять к «Сапожнику» и один раз ко «Второму».

Весна 1943 года на земле витебской выдалась ранняя. К началу марта стал таять снег и зажурчали ручьи, а в середине месяца мальчишки уже бегали босиком и играли в лапту. Я получил задание пойти в Витебск к «Сапожнику». Там снова встретился с Петром Богдановским. Он передал мне пакет, попросил вручить его побыстрее и сообщить командованию бригады, что скоро начнется карательная экспедиция против партизан. Предыдущая закончилась где-то в начале марта.

На обратном пути я видел, как на дорогах и в деревнях сновали оккупанты. Полно немцев было в Узварцах, Осиновке и Бутяже.

В «почтовый ящик» кроме пакета положил свое письмо «Дяде Алеше», в котором сообщил обо всем, что узнал от Богдановского и что видел сам по пути из Витебска.

С тревогой ждал ответа. В день по два-три раза бегал к «почтовому ящику». Как-то в обед я обратил внимание на трех женщин, которые с мешками за плечами шли по дороге в сторону Ляхова.

Одна из них была помоложе. Где-то и раньше, кажется, я ее видел. Не доходя до амбара, она начала отставать. Возле угла нагнулась, будто для того, чтобы лучше взять свою ношу. Вся эта задержка длилась каких-нибудь несколько секунд. Потом догнала своих спутниц и пошла как ни в чем не бывало.

Я кинулся к амбару. В тайнике оказалась записка. В ней сообщалось, что в ночь с 1 на 2 апреля часть партизан бригады будет переходить в ивановский лес. Моя задача — встретить их ночью в кустах недалеко от железной дороги Витебск — Орша, напротив деревни Перевоз, провести туда, куда на месте будет указано.

Быстро собрался. Матери сказал, что иду в деревню Волосово к дядюшке Осипу. К счастью, дома, кроме матери и младших братьев, никого не было. Мать возражала, шумела, но я убежал. Шел лесными тропами в обход деревень, то есть так, как должен буду вести партизан.

Во второй половине ночи встретил головную группу из отрядов имени Селиваненко и имени Ворошилова. Командовал отрядом имени Селиваненко Василий Александрович Блохин, а имени Ворошилова — Иван Филиппович Пименов. Переход возглавлял заместитель комбрига, командир 3-го батальона Константин Васильевич Зюков. (В феврале 1943 года в разросшейся партизанской бригаде «Алексея» были созданы батальоны. В каждый из них входило по 4—5 партизанских отрядов. Командир батальона одновременно являлся заместителем комбрига). Без остановки пошли дальше. Повернули в сторону торфозавода «Городнянский мох», прошли под самым носом у немецкого гарнизона, охранявшего торфопредприятие, и к утру добрались до анисковского борка — леса по большаку Сенно — Витебск между деревнями Осиновка и Скрыдлево.

Часов в десять утра мы пересекли большак и с обозом углубились в лес в сторону Замошенья. Но когда последняя партизанская группа прикрытия переходила большак, ее обстреляли немцы, по-видимому, разведка карателей, расположившихся в деревнях Осиновка и Бутяж. Одного партизана ранили.

Хотя люди и лошади очень устали, мы спешили и нигде не останавливались. Старались успеть переправиться через реку Черничанку между деревнями Песочно и Замошенья и не дать возможности немцам опередить нас. К часу дня закончили переправу. Передовые группы уже вытянулись к хутору Марии Ивановны (так называлось урочище), за которым начинались ивановские леса. Но в это время боковой дозор сообщил, что в Песочно прибыло около сотни фашистов. Они переправляются на нашу сторону.

Константин Васильевич Зюков срочно позвал к себе командиров отрядов Василия Блохина и Ивана Пименова, своего заместителя по разведке Николая Семенова и начальника штаба Николая Малаховского, других командиров и политработников: Павла Казакова, Павла Раханова, Федора Голуба, Ивана Казанцева, Артема Ваканова, Станислава Беккера и других. Пригласил и меня. Стали советоваться. Надо разгадать намерения врага и опередить его, встретить там, где он нас не ожидает. Но какие у него замыслы? Где собирается переправляться через Черничанку?

Конечно, по нашим следам каратели идти не могли: во-первых, опасно, можно попасть на засаду, а во-вторых, там по обоим берегам лес. По нашим предположениям, они должны будут переправляться ближе к деревне Песочно, где река делает небольшой изгиб. Там мелко, берега незаболоченные и чистые поля. Правда, с нашей стороны в нескольких метрах от реки небольшой кустарник, но это все же не лес.

Решили организовать засаду именно в этом месте. И не ошиблись. «Пугнуть» немцев доверили женской роте Федора Голуба. Рота так называлась потому, что в ней более половины бойцов были девчата, боевые комсомолки, как Полина Лютенко, Феня Рогачева, Аня Антоненко, Прасковья Петрова и другие.

Командовать группой партизан, ушедших в засаду, поручили начальнику штаба отряда имени Селиваненко Павлу Александровичу Казакову, волевому командиру, имевшему уже большой опыт ведения боев, Война застала его на западной границе, недалеко от Белостока. С боями прошел лейтенант Казаков через всю Белоруссию. Затем принял активное участие в организации партизанской группы, отряда «Родина» и бригады «Алексея». Позже Казаков стал командиром отряда «Сокол». В этой должности он провоевал до соединения с частями Красной Армии.

До полусотни партизан заняли оборону в кустах, полукругом охватив излучину реки.

Мне тогда дали автомат раненного в борку партизана. Я лежал под лозовым кустом, плотно прижавшись к земле. С левой стороны куста тоже с автоматом в руках занял позицию смоленский паренек Вася Ткаченков. Он был на год старше меня, родом из деревни Слобода Слободского района (ныне Пржевальское). В партизаны ушел в начале 1942 года, когда части Красной Армии и партизаны-алексеевцы освободили Слободу от немецко-фашистских оккупантов. В пяти метрах от нас за ручным

пулеметом устроился здоровенный детина Владислав Владимирович Тимофеевко — смелый боец, уже не раз участвовавший в жарких схватках с врагом. Эти места ему были знакомы с прошлого года.

Правее меня притаился в засаде бывалый солдат, а до войны агроном МТС Григорий Иванович Аверьянов. Он уже не раз побывал в переделках и вдоволь нанюхался порохового дыма. Под Ярцевом и Духовщиной стоял насмерть, раненым оказался в плену. В себя пришел уже за колючей проволокой. Недалеко от Суража бежал из плена, скрывался среди местных крестьян, а потом связался с партизанами и стал бойцом бригады «Алексея». Был рядовым, а затем командиром взвода в женской роте Голуба. Когда Федора Голуба в начале 1944 года ранило и его отправили за линию фронта, Аверьянова назначили командиром этой женской роты.

Лежим. Перекидываемся словами. Вася коротко рассказывает о себе, вспоминает мать:

— Какая хорошая мама у меня!

— А разве бывают мамы плохие? — спрашивает Тимофеевко.

У него тоже осталась мать в Лиозненском районе, в деревне Старина, недалеко от Дыманова, откуда он восемнадцатилетним комсомольцем ушел в нашу партизанскую бригаду.

Тогда, в начале 1942 года, из деревни Старина вместе с Владиславом Тимофеевко в партизаны ушли и комсомольцы Сергей Горелышев, Григорий и Александр Симаковы. Владислав Тимофеевко и Сергей Горелышев стали пулеметчиками. Не раз они проявляли высокое мастерство, громя оккупантов и их наймитов. Знали их во всей бригаде «Алексея». Да и не только в бригаде, Слава о них далеко покатила по белорусским лесам среди народных мстителей. Не зря в Тимофеевко по самые уши влюбилась храбрая разведчица отряда, лихая наездница комсомолка Полина Лютенко. Совершенно другую партизанскую профессию выбрали себе братья Симаковы. Гриша и Саша стали разведчиками вначале в отряде, затем в батальоне Зюкова. А вскоре из трех взводов батальонной разведки один возглавил Григорий, а второй — Александр Симаковы.

— Тихо! Немцы! — полушепотом передали по цепи предупреждение.

— Спокойно! Приготовиться! Без сигнала не стрелять! — приказывает Казаков.

Всем видно было, как из Песочна вышла нестройная колонна немцев и двинулась к Черничанке. Никакой тревоги с их стороны не чувствовалось, скорее походило на то, что фашисты спешили кого-то догнать, перехватить, но никак не ожидали для себя беды.

Все ближе, ближе... Вот и как на ладони. Уже отчетливо видны их самодовольные лица. Пора бы стрелять, но нет команды. Немцы сгрудились в излучине, о чем-то зашпорили. Начали переправляться. Как только первые из них показались на нашем берегу, раздалась команда:

— По оккупантам — огонь!

Мы нажали на спусковые крючки. Затрещали пулеметные и автоматные очереди, полетели гранаты. Немцы от неожиданности растерялись. Оказавшихся на нашем берегу и многих из оставшихся на противоположном мы скосили первыми же выстрелами. Гитлеровцам негде было укрыться. В незавидном положении оказались и те, кто опустил в речку и по горло находился в ледяной воде. Они старались прижаться к нашему берегу, открыли огонь из автоматов и начали бросать гранаты.

Партизаны вошли в азарт. Вася Ткаченков встал на колени и бросил несколько гранат под самый берег. Владислав Тимофеевко вскочил в полный рост и расстреливал плывущих по реке фашистов. Этому примеру последовал и его друг, тоже пулеметчик, Гаврюша Бурлаков. Подползла к самому берегу и почти не бросает, а опускает по откосу гранаты комсомолка Полина Лютенко. Вслед за ней так же поступают Феня Рогачева, Прасковья Петрова и Аня Антоненко.

— За Родину! — кричит Вася Ткаченков.

— Бей фашистов! — раздается мощный призыв Владислава.

— А, гады! — несется над речкой голос Полины.

— Ложись, медведь! — приказывает пулеметчику Казаков.

Он первый заметил, как из-под берега реки взметнулись две немецкие гранаты, перевернулись деревянными ручками вверх и начали падать в нашу сторону.

Я схватил за штанину стоявшего на коленях Васю Ткаченкова, потащил на себя, повалил и прижал к земле. Гранаты взорвались. Осколки просвистели над головами, срезая ветки кустов, но никого не зацепили, далее Тимофеевко и Бурлакова, которые продолжали стоя вести огонь из пулеметов.

Казаков уже не звал людей к бою; он бежал, размахивая пистолетом, и кричал:

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! Приказываю!..

Гитлеровцы больше не отстреливались.

Только немногим из них удалось уплыть по течению реки. Большинство же было уничтожено. Мы взяли много оружия и других трофеев.

После боя по течению реки немцы несколько дней вылавливали трупы своих солдат.

Партизаны благополучно перешли в ивановский лес. Я распростился с боевыми друзьями и ушел домой. Здесь последний раз видел Васю Ткаченко. Через месяц с небольшим он погиб в бою под Глоданками Лиозненского района. Там и похоронен.

После обеда резко похолодало. Под вечер пошел снег. Большими белыми хлопьями падал он на землю, наряжая ее в рыхлую красивую шубу. Дети уже катали снежную бабу, хотя еще утром босиком играли в лапту. К утру 3 апреля тучи разогнало, подморозило.

Рано утром, еще до завтрака, мужчины, как всегда, собрались на перекур в дом дяди Купрея. До войны он работал председателем нашего колхоза «Большевик». Человек умный, уравновешенный, хороший хозяин, одинаково требовательный и справедливый к себе, родственникам и к остальным колхозникам. К себе и родственникам был даже более строг и требователен.

Во время немецкой оккупации Купрея избрали председателем общины. Он руководил ею до сентября 1943 года. Никого не обидел и никого не дал в обиду. А 16 сентября 1943 года Купрея Дмитриевича и счетовода Леонида Филипповича Белькевича фашисты внезапно арестовали. Белькевич до войны был счетоводом нашего колхоза «Большевик» и работал вместе с дядей.

В том, что Купрей и Леонид поддерживали с партизанами связь, ни у кого, конечно, сомнений не было. Но их аресту предшествовало такое событие.

Дней за пять до ареста, в обед, в деревне появился бывший единоличник Максим по кличке «Заяц». Он не пошел в колхоз, а перед войной, когда сселяли хутора, переехал в Витебск. Во время войны Максим изредка появлялся в Ивановке, шантажировал крестьян, угрожал им. Даже в первые дни оккупации претендовал на должность председателя общины деревень Ивановка и Ляхово, но жители его не избрали.

Так вот, появился в деревне этот Максим и зашел в дом Купрея. Мы с братом Николаем бросили обед, побежали туда. Дядя сидел за столом и обедал. Тетя Аксинья стояла возле печи. Дети — Ваня, Сережа и Степа — сидели на скамейке. Максим ходил по квартире, ругался непристойными словами, оскорблял дядю, угрожал ему и требовал какие-то колеса, которые до войны попали в колхоз.

Дядя спокойно выслушивал эту отборную брань и угрозы, продолжал обедать. Поел, выпил кружку молока. Встал из-за стола, не торопясь засучил рукава, подошел к Максиму и так врезал ему в ухо, что тот грохнулся на пол.

— Поднимайся, поганая тварь! — приказал ему дядя.

— Бей так, — запричитал Максим.

— Нет, даже подлецов лежачих не бьют, — ответил дядя, схватил Максима за шиворот, поставил на ноги, подвел к двери и так двинул ему, что тот своим телом открыл дверь и вывалился на улицу.

Максим сел на свою телегу и с проклятиями и угрозами укатил в Витебск. Конечно, после этого Купрею Дмитриевичу и Леониду Белькевичу следовало бы уйти в партизаны. Но они почему-то этого не сделали. Их схватили немцы и казнили. После войны Максима «Зайца» осудили на пятнадцать лет за измену Родине.

Собрались, значит, мужчины 3 апреля в доме дяди Купрея на перекур. Курили, разговаривали. И вдруг ясно послышался гул моторов. Все выскочили на улицу. В небе кружили самолеты. Один разворачивался в конце деревни, другой заходил на разворот. Первый полетел вдоль улицы, от него начали отделяться точки.

— Листовки! Наши прилетели! — радостно завизжали ребята.

— Бомбы! Ложись! — крикнул я что было силы и лег на землю.

Вспомнив вчерашний бой на реке, сразу догадался, что это немецкие самолеты. Тем более что первый уже пронесся над нами, и я отчетливо заметил черные кресты. Все легли на землю.

Ухнули бомбы. Вздрыбилась к небу земля. Загорелись некоторые постройки. Люди побежали к домам и начали спасать кто скот, кто детей, кто пожитки. Никаких окопов и бомбоубежищ ни у кого не было. Единственное спасение — лес.

Я забежал в хату, быстро одел младшего братишку Володю, схватил его на руки и помчался в лес. Вместе с нами побежали мои младшие братья Гриша и Вася. Самолеты беспощадно бомбили деревню и обстреливали из пулеметов. Короткими перебежками мы подбирались к лесу. Вот уже минули баню за огородами...

Самолеты ушли в конец деревни разворачиваться. Я вскочил с земли и с Володей побежал дальше. Из-за крыши бани неожиданно появился самолет. Меня будто чем-то хлестнуло... Я обернулся, смотрю — Володя и Вася лежат на снегу. Из правого рукава у меня хлещет кровь. Красная лужа по снегу

расползлась и около Васи, его ранило в ногу. Я велел Грише забрать Володю, а сам схватил под левую руку Васю и потащил в лес. Правая рука моя болталась как плеть. В лесу упал между деревьями — идти дальше не было сил. Зажал левой рукой рану. Прошу Васю зажать руками свою рану на ноге.

Лежим. Голова начинает кружиться. Вдруг надо мной склонился Коля Городецкий, с чем-то возится, кричит...

— Брату, брату ногу перевяжи,— шепчу ему. — Я потерплю.

— Я уже перевязал ему,— говорит он мне прямо в лицо.— Потерпи немножко, я сейчас.

— Коля, забери у меня оружие и комсомольский билет.

Он взял пистолет, документы и побежал. Под бомбежкой и обстрелом Городецкий пробрался в деревню, запряг лошадь и приехал за нами в лес.

Не знаю, сколько мы лежали в лесу, но, очнувшись, я понял, что мчимся во весь опор под аккомпанемент пулеметных очередей и разрывов бомб. Открыл глаза, вижу — рядом со мной в санках лежит Вася, впереди на коленях стоит Коля Городецкий и сколько есть силы хлещет лошадь, а над деревней кружат немецкие самолеты, бомбят и обстреливают из пулеметов. Мы выскочили из огненного кольца и вскоре уже были в пяти километрах от Ивановки, в деревне Задорожье. Там какой-то лекарь, родственник Городецкого, наново перевязал наши раны, и мы снова тронулись в путь. В Могиканах наши раны еще раз перевязали медики фельдшерско-акушерского пункта. Нас с Васей оставили в амбулатории, а Коля уехал обратно в Ивановку.

Через несколько часов в Мошканы привезли раненного в челюсть ивановского старосту Келлера, а под вечер — и моего брата Володю. Оказывается, он одновременно со мной тоже был ранен в грудь, но кровь пошла внутрь, и рану обнаружили только тогда, когда его раздели. До этого думали, что Володя ушибся о землю, когда падал из моих рук.

Через час он скончался. Его повезли обратно. Забрали домой и Васю. Он был ранен в мышцу ноги. Фельдшер Зиновий Миронович сказал, что лучше всего Васю лечить дома и никуда отправлять не следует.

Доктор Чертков

Утром из деревни Шилки приехал в Мошканы мой дядя Яков Андреевич Никитин и повез нас в Сосновку. Направление туда дали в Мошканах. А 5 апреля нас погрузили в немецкую машину и отвезли в Витебскую городскую больницу, По-видимому, учли заслуги Келлера. Из-за него и мне повезло. У меня оказалось сквозное пулевое ранение правой руки с переломом плечевой кости. Обработали рану и положили руку в металлическое распятие, которое у медиков называется «самолетом».

Через несколько дней я почувствовал себя лучше. Лежал с закрытыми глазами и собирался с мыслями. Вдруг слышу:

— Вот твой брат.

Это говорила медсестра.

Я открыл глаза. Передо мной стоял незнакомый подросток. Он наклонился, поцеловал меня и прошептал:

— Здравствуй, Петя. Я твой брат Володя. Принес тебе привет от «Дяди Алеша».

— Садись, братулька мой Володя,— залепетал я от радости.

Он расспросил о моем здоровье. Передал буханку хорошего ржаного хлеба, баночку масла, мед и десятка два яиц.

— Кушай побольше, поправляйся быстрее. Я буду все время тебя навещать.

— Спасибо, Володя! Передавай привет «Дяде Алеше».

Мои боевые друзья не забывали меня. Раз в неделю приходил Володя, приносил продукты. Раза два приходил и мой действительно двоюродный брат Володя, сын дяди Осипа из деревни Волосово. Он тоже приносил продукты. Настроение у меня было хорошее, и я быстро поправлялся. Дней через десять уже начал ходить по больнице, а затем и по двору. Грелся на солнышке. Присматривался к больным, к медработникам. Мне нравился главный врач больницы Нестор Иванович Чертков. Чуткий, внимательный, отзывчивый. Глаза умные, чистые, открыто и ласково смотрят из-под густых, мохнатых бровей. «Нет, такой человек не может быть подлецом»,— думал я.

Как-то из-под Ржева привезли раненного в ногу попавшего в плен красноармейца. Звали его Николаем. Чертков относился к нему хорошо и всеми силами старался вылечить его ногу.

На втором этаже, за большой палатой, находилась маленькая комнатка на три человека. Нестор Иванович приказал перевести в эту палату меня, Келлера и Николая.

Когда, бывало, придешь к Черткову на перевязку, он всегда расспрашивал меня, как это могло случиться, что немцы бомбили деревню. Наверное, там часто бывают партизаны? Какие партизаны, видел ли я их?

Я старался побольше хорошего рассказать о партизанах, о их борьбе против немцев, о засадах и диверсиях на дорогах, о нападении на вражеские гарнизоны, о раненых бойцах и трудной, благородной работе партизанских медиков. Нестор Иванович внимательно слушал, интересовался подробностями работы лесных медиков, уточнял неясности. Стал более откровенен со мной, кое-что рассказал о себе. Родился он в крестьянской семье в Лиозненском районе. В 1929 году окончил медицинский факультет Смоленского государственного университета. Перед войной работал врачом поликлиники железнодорожной станции Витебск. Теперь назначили главврачом городской больницы. Вот и работает.

Однажды при очередной встрече мы сидели во дворе больницы с моим «братом» Володей. Он сообщил, что «Дядя Алеша» просит меня хорошенько изучить медработников, особенно врачей. Хорошо бы установить с ними связь, чтобы наладить надежную доставку в бригаду медикаментов. Может, кто-нибудь из них пожелает пойти в партизаны. Медики там крайне нужны.

Я рассказал Володе все, что узнал и что думал о Черткове. Мне казалось, что с ним можно вести разговор. Если будет разрешение, я постараюсь с главврачом переговорить откровенно.

На следующей неделе через Володю получил такое разрешение. В тот же день пришел к Черткову на перевязку, постарался засидеться. Медсестра разложила необходимые инструменты, оставила все, а сама ушла. Мы остались с главврачом с глазу на глаз. Я начал:

— Вы часто в разговоре со мной интересовались партизанами, расспрашивали, какие они... А хотелось ли вам увидеть живого партизана?

— А где его можно увидеть?

— Он перед вами... Да, да, не удивляйтесь. Я — партизанский разведчик.

— Такими словами не шутят, — в замешательстве сказал Нестор Иванович.

— А это и не шутка, говорю чистую правду. И говорю смело потому, что убежден, что вы честный советский человек.

— А Келлер — тоже партизан?

— Нет. Это самый настоящий немецкий служака, — ответил я.

— Ну, хватит, пошутили и по домам, — сказал он взволнованно.

Видно, наш разговор задел его за живое.

Назавтра утром Чертков зашел в нашу палату. Поздоровался, глянул на меня и обратился к Келлеру. У него был вид усталого человека. По всей вероятности, не спал всю ночь.

— Господин Келлер, вы очень плохо поправляетесь, мало спите. Может, молодежь мешает спать... Вам нужен покой. Я переведу вас в одиночную палату, там будет лучше и спокойнее. Вы заслужили это. Мы, медики, прежде всего должны заботиться о вас... — говорил главврач.

Келлер что-то промямлил в ответ, мол, ничего, молодежь не мешает. Но эту заботу воспринял как должное. Его перенесли в другую палату.

Я с нетерпением ждал вызова главврача. Должен же состояться откровенный разговор! И вот меня окликнула в коридоре медсестра Екатерина Семеновна Караго, та самая старушка, которая всегда помогала Черткову при перевязках. Она постоянно находилась в его кабинете, сколько я там ни бывал. Только вчера оставила нас.

Это была хирургическая сестра. Поседевшая, с черными бровями, ласковая и доверчивая. Впоследствии с Екатериной Семеновной я встречался несколько раз. Один раз даже ночевал у нее дома.

Она сказала, чтобы я пошел на прием к главврачу.

Захожу. Нестор Иванович шагает из угла в угол и курит. Раньше я не замечал, чтобы он курил.

— Вчера — это что, были шуточки, конечно? Зачем; так шутить?

— Я не шутил, а говорил чистую правду.

— Но небось от страху всю ночь не спал?

— О нет, я-то спал спокойно. Вы, видимо, не спали, наверное, все думали, не провокация ли это? — ответил я.

А если бы я все это сообщил немцам?

— Такая мысль мне и в голову не приходила. Во-первых, вы порядочный человек, а во-вторых, партизанское командование знает, что я веду с вами переговоры. И если бы вы меня предали, вас бы расстреляли как изменника. От партизан вы никуда не скроетесь, все равно найдут, куда бы ни переезжали.

Но тебе от этого было бы не легче, — улыбнулся он.

Мы помолчали.

— Что от меня требуется? — спросил Чертков.

— Мы приглашаем вас в партизанский госпиталь лечить народных мстителей,— ответил я.

— Но у меня же семья. Ее расстреляют немцы...

— Семью мы заберем вместе с вами. Если хотите, вывезем так, что немцы о вас напишут в газете самые теплые слова и родственников никто не тронет,— ответил я,

— Нет, на это я не согласен, даже не я, не соглашается жена. Я всю ночь об этом толковал с ней.

— Тогда есть другой выход. Вы станете систематически снабжать нас медикаментами.

— На это я согласен,— без колебания ответил Нестор Иванович.

— Это я понял еще утром, когда вы под благовидным предлогом переселяли Келлера.

— Правильно понял.

Жизнь пошла веселей. Было радостно, что не теряю зря времени. Преобразился и врач Чертков. Он почувствовал себя в строю.

При очередной встрече я все рассказал Володе.

Радости, как и беды, не ходят в одиночку. Они любят компанию. Не зря гласит народная мудрость: «Коль идет беда, то открывай ворота». Так и радости. А сейчас ко мне шли именно они. Володя сообщил, что перед самыми майскими праздниками сосновские подпольщики угнали к партизанам целый обоз оружия и боеприпасов, около десятка лошадей, в том числе и генеральских рысаков. Через несколько дней пришел из Волосова мой двоюродный брат Володя. Он это подтвердил.

Я радовался, что сосновская операция удалась, и гордился, что в ее подготовку вложена частица и моего труда. Я сгорал от любопытства узнать все подробности этой операции. Но узнал позже, когда вышел из больницы. Об этом несколько ниже...

Раны мои заживали, и я собирался уходить из больницы. Это было в начале июня. Мне сняли «самолет» и наложили гипс. За лечение надо было платить, и немалую сумму. Чертков посоветовал мне написать заявление в Красный Крест и сказал, что все остальное он уладит сам. Выписал и передал мне необходимые документы. Среди них была и справка о том, что я находился в больнице на излечении по поводу открытого перелома правого плеча. Свою подпись доктор скрепил круглой печатью, на которой было выгравировано «Врач Нестор Иванович Чертков».

Перед уходом Чертков передал мне сверток медикаментов:

— Это первый взнос.

— Но не последний. Буду приходить я или еще кто-нибудь. Если придет кто другой, то скажет: «Для лечения поломанной руки просили дать лекарства». Значит, наши люди.

Этот пароль придумал сам, указаний не получал. После выписки я еще три раза заходил в больницу, встречался с Чертковым и медсестрой. Настроение у них было отличное.

После освобождения Витебска я хотел разыскать Нестора Ивановича, но мне сказали, что его расстреляли немцы. Это после войны подтвердил мне и доктор Меклер, когда я лежал у него в больнице в связи с операцией аппендицита в 1946 году. После войны Меклер работал хирургом в той же 1-й городской больнице. Тяжело было это слышать, но с годами боль утраты утихла, и я успокоился. А потом, через двадцать лет после войны, неожиданно узнал — врач Нестор Иванович Чертков жив и здоров, живет в Витебске. Я очень обрадовался за него...

Пока я валялся па больничных койках

Пока меня раненого переправляли из Мошкан в Сосновку, а оттуда в Витебск, пока я валялся на больничных койках и доктор Н. И. Чертков со своими коллегами выхаживали меня и спасали от смерти, жизнь шла своим чередом.

Партизанская бригада «Алексея» наносила оккупантам удар за ударом, совершала диверсии на шоссе и железных дорогах, громила вражеские гарнизоны, отражала одну за другой карательные экспедиции, попадала в окружения, вырывалась из них, в схватках теряла своих бойцов. Их место в партизанских рядах занимали все новые и новые добровольцы.

На второй день после бомбежки нашей деревни свыше сотни фашистов двинулись в ивановский лес со стороны Скрыдлева. Шли они сначала без опаски, вероятно, считая, что партизаны им могут встретиться лишь за деревней Церковище, а то и дальше. Но на всякий случай растянулись цепью по фронту более чем на километр. Переговаривались, иногда весело гоготали.

Шли... Но уже через каких-нибудь семьсот метров от Скрыдлева партизанские пули заставили

фашистскую цепь не только залечь, но и начать окапываться. Это разведчики Николая Дмитриевича Семенова, находившиеся в передовом дозоре, залегли среди кустов в канавке, которая тянется поперек церковнищенского большака через луг, подпустили врага на каких-нибудь сорок метров да так полоснули, что в первый же момент восемь фашистов, упало запертво, а несколько закорчилось от ран.

Партизанских смельчаков было всего семь человек. Они имели один пулемет, четыре автомата и два карабина. Командовал ими Николай Дмитриевич. Заметив двигавшуюся от Скрыдлева цепь фашистов, он отправил одного разведчика с донесением к Зюкову, а остальных так разместил по канавке, что создавалось впечатление, будто там по крайней мере не менее роты.

К партизанам подошло подкрепление. Первыми прибежали бойцы роты Ивана Казанцева, за ними — Артема Ваканова и Станислава Беккера. Народные мстители быстро и скрытно заняли оборону, открыли прицельный огонь по противнику. Командовал всей этой группой начальник штаба батальона Николай Григорьевич Малаховский.

Партизаны держались мужественно. Немцы палили вовсю. Не жалея патронов, сыпали из автоматов, строчили из пулеметов, стреляли из винтовок, бросали мины из двух минометов, установленных в ложине. Стреляли, часто не поднимая головы от земли, не целясь. Просто палили, да и только. Нередко немецкие пули высоко проносились над головами партизан.

А алексеевцы вели прицельный огонь. С боеприпасами у них всегда было небогато. Если и имелись запасы, то, как правило, надежно запрятанные в тайниках. На себе много не унесешь и обозы большие не потащишь. Партизаны привыкли беречь каждый патрон. Вот и сейчас они лежали и высматривали цели, ждали, пока какой-нибудь фашист оторвется от земли и поднимет голову. Вот тут-то он и готов. Партизанская пуля навсегда пришьет его к земле.

Командование батальона знало, что группа Малаховского не сможет долго вести бой, удержать фашистов на подступах к деревне Церковище. Тем более местность здесь не очень подходящая. Правее дороги Скрыдлево — Церковище в сторону Шилков тянулось болото, левее — большое чистое поле. Только над канавкой, уходящей к реке Черничанке, где залегли партизаны, рос мелкий кустарник. К тому же фашисты отправили мотоциклистов в сторону Сосновки, Замосточья и Витебска, вероятно, за подкреплением.

Константин Зюков, оценив обстановку, срочно начал готовить вторую линию обороны. Она протянулась по опушке ивановского леса, через церковнищенское кладбище до Стармоусова, а оттуда к Мошканам. На дороге, ка самой опушке леса, были сделаны завалы и перекопы. Через связных передали приказ об отходе находившимся в засаде разведчикам Семенова и ротам Казанцева, Ваканова и Беккера. Те незаметно снялись, уползли по канавке до болотины, а потом по кустам и опушке леса добрались до своих отрядов, уже занявших оборону.

А немцы продолжали обстреливать место бывшей засады. Прибыло и к ним подкрепление. Фашисты, приехавшие из Сосновки, разгрузились за взгорком и перебежками продвигались вперед, ведя огонь по опустевшей канавке. Со стороны Витебска тоже появились грузовики с солдатами в кузовах и прицепленными сзади пушками.

— Ну, держитесь, хлопцы! — оторвав глаза от бинокля, сказал Зюков. — Смотрите, какую силищу двинули!

Фашисты, прибывшие из Витебска, развернули три пушки над Черничанкой. Начался артобстрел. Снова заговорили минометы, которые было уже прекратили огонь в ожидании подкрепления.

После получасовой артиллерийско-минометной обработки поросшей кустарником канавки, где раньше занимали оборону партизаны, фашисты поднялись в атаку. Но что такое? Ни одного ответного выстрела.

Партизанские позиции сказались совершенно пустыми. Только валялись винтовочные и автоматные гильзы...

Вызванный немецкий самолет начал «обшаривать» местность. Долго кружилась «рама» над Церковищем, Ивановкой, над болотами и лесами. Противник начал подтягивать силы. Солдаты цепью осторожно продвигались к ивановскому лесу, перебегая от кустика к кусту, от бугорка к бугорку, а кое-где пробирались и ползком. За каждым укрытием ждали партизан. Но их не было, как водой смыло. Вот уже и Церковище осталось позади. Недалеко и опушка ивановского леса. Там что-то подозрительное. Настороженная тишина леса, видимо, пугает оккупантов. Они залегли, начали окапываться. Подтянули пушки, установили минометы. Время уже было послеобеденное. Снова начался артобстрел. Снаряды и мины обрабатывали опушку. Потом немцы перенесли огонь несколько в глубь леса.

Фашистские цепи вновь поднялись в атаку, бежали к опушке. Партизаны молчали. Может быть,

враги надеялись, что тоже прибегут на пустое место. Вот уже до леса осталось не более пятидесяти метров...

— Огонь! — раздалась команда Зюкова.

— Огонь! Огонь! — отдавали приказания командиры отрядов, рот и отделений...

— О-о-о-го-го-гонь! — неслось эхо над лесом.

Дружно заговорили партизанские пулеметы и автоматы, затрещали винтовочные выстрелы, полетели гранаты...

Гитлеровцы залегли, атака захлебнулась. Оставляя раненых и убитых, они поползли на исходные позиции. Как ни орали на них офицеры — ничего не вышло.

Снова заговорили немецкие пушки и минометы. Снова атака. И снова она захлебнулась...

Держаться дальше на этом рубеже партизанам было опасно. Фашисты начали обходить их слева и справа. Наверное, воинственный пыл фашистских офицеров еще не улетучился. Они гнали солдат вперед, не считаясь с потерями.

Константин Зюков поручил комиссару отряда имени Селиваненко Петру Васильевичу Чернецову взять две резервные роты и немедленно отправиться в глубь леса, за хутор Горелое Лядо, за болотинку, поросшую мелколесьем. Там на взгорке, нависшем над болотиной, занять оборону. У Зюкова созрел дерзкий план. Но пока что он об этом никому не говорил. Чернецова же направил с двумя ротами занимать новую линию обороны.

Комиссар Чернецов, уже выдавший виды партизан, не раз попадавший в переделки и сложнейшие ситуации, был веселым и рассудительным. Родом он из Камышина Сталинградской области, в 1924 году окончил восемь классов. С этого времени начались его скитания. Работал у нэпманов, в 1928 году переехал в Сталинград, устроился грузчиком, потом рабочим завода «Баррикады». Здесь в 1932 году вступил в члены Коммунистической партии, окончил вечерний техникум плановиков производства. Вернувшись в 1934 году с Балтфлота, где проходил действительную службу в морской авиации, снова поступил на «Баррикады», а в 1939 году по партийному набору ушел в НКВД. Война застала Петра Васильевича Чернецова в Могилеве. Он сражался с фашистами на подступах к городу и в июле 1941 года попал в окружение. Ночью вместе с кандидатом партии Степаном Тарасовичем Гавриленко выбрался из окружения и через месяц дошел до деревни Ганьково, что расположена в хотемлянском лесу. Отдохнули с другом немного, ознакомились с положением, обзавелись оружием и уже в ноябре создали партизанскую группу из восьми человек. Командиром ее единогласно избрали Чернецова. Потом встретились с группой Блохина, вместе с ней влились в отряд Селиваненко и стали партизанами бригады «Алексея». Не много должностных ступеней прошел Петр Васильевич в бригаде. Был начальником штаба 1-го отряда, комиссаром 5-го отряда, а затем комиссаром крупного отряда имени Селиваненко. Здесь он пробыл до 27 апреля 1944 года, когда комбригом назначили Василия Александровича Блохина, а на его место — командиром 3-го батальона — Чернецова. В этой должности и встретил он войска Красной Армии.

Так вот, Чернецов с двумя ротами поспешил готовить и занимать оборону на новом месте. Спустя некоторое время адъютант Чернецова Леонид Павлович Антоненко доложил Зюкову, что задача выполнена, можно отходить.

Комбат перебежками повел отряды к позициям Чернецова.

Партизаны по обеим сторонам дороги отошли в глубь леса, минули хутор Горелое Лядо, дуб с шершнями в дупле, где был наш «почтовый ящик», оказались на пригорке, откуда я и Коля Городецкий испытывали пулемет, и заняли подготовленную Чернецовым оборону. Они залегли полукругом над ложиной, по которой наверняка должны были двигаться фашистские цепи. Место для обороны очень удобное, да и время играло на руку партизанам. День клонился к вечеру. Не успеешь оглянуться, как и темнеть начнет.

А вот и немцы. Цепь за цепью продвигаются по мелколесью.

Тут уж партизаны разошлись не на шутку. Они начали крошить врага вдоль и поперек, гоняясь даже за отдельными заблудившимися в лесу фашистами. Семь немцев взяли живыми. Им ничего не оставалось делать, как поднять руки и сдаться в плен с истошными криками:

— Гитлер капут!..

А Николай Дмитриевич Семенов с группой своих разведчиков лесными тропинками успел раньше противника добраться до опушки леса, куда фашисты отступали, залег на церковищенском кладбище. Когда удиравшие немцы приближались к грузовикам, волоча на себе раненых и убитых, он еле удерживал бойцов от порыва ударить по врагу. Не хотелось такой маленькой

горсткой снова ввязываться в бой. У него созрел другой план...

Когда фашисты сгрудились у машин, залезая в кузова, он и подал команду:

— По оккупантам — огонь!

Дружно ударили автоматы и пулемет. Немцы в панике заметались вокруг грузовиков, некоторые залегли в канаву и начали отстреливаться, другие бросились бежать в сторону Скрыдлева.

— Хватит, Митя! Вон ствол пулемета уже раскалился,— кричит Семенов продолжавшему стрелять Дмитрию Волкову.

Партизаны праздновали победу. Такой горячий и такой удачный день. Убито более полусотни фашистов, семь взято в плен. Захвачено много оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Свои потери — один убит и шесть легко ранены. Партизаны ушли от преследования.

Константин Васильевич Зюков повел отряды в глубь Сенненского и Бешенковичского районов. Полицаи покидали населенные пункты, убегали в крупные гарнизоны, где строили дзоты, укреплялись.

Отряды имени Селиваненко и имени Ворошилова пришли в адамовские леса Сенненского района. Вначале активных боевых действий не вели. Осваивали территорию. Вели разведку, устанавливали связи с местным населением. Здесь случилась беда. На немецкую засаду недалеко от Пустынек нарвался Станислав Беккер с группой партизан. Три человека было ранено, в том числе смертельно ранен командир роты Станислав Эдуардович Беккер. Он был уроженцем Читинской области, в Красной Армии служил с 1940 года. Под Витебском участвовал в боях, попал в окружение. Вскоре вошел в партизанскую группу Казанцева, а затем и в партизанскую бригаду «Алексея». На второй день после ранения, 12 апреля 1943 года Беккер умер.

В середине апреля из адамовских лесов отряды двинулись на север. Перешли шоссе Сенно — Богушевск, прошли по-над рекой Оболянкой, повернули на деревню Тепляки, а оттуда всеми силами ударили по гарнизону в деревнях Застодолье и Госмиро. Гитлеровцы не успели даже как следует занять оборону, многие не добежали до своих огневых точек. Гарнизон был разбит. Ни один фашист не убежал, двадцать пять было убито, шесть ранено, остальные сдались в плен. Партизаны полностью уничтожили все укрепления, сожгли казармы, волостную управу и дом бургомистра.

Все подразделения сработали так четко, что на разборе Зюков восхищенно заявил:

— Хорошо! Нет, отлично проведена операция! Объявляю благодарность всему личному составу, участвовавшему в бою.

После, на широком совещании командиров и политработников батальона, Зюков обратил серьезное внимание на необходимость дальнейшего совершенствования боевого мастерства и отработки взаимодействия между подразделениями. Он отметил исключительную храбрость и сообразительность командиров И. Казанцева, Н. Семенова, П. Раханова, П. Казакова, Ф. Голуба, А. Ваканова, пулеметчиков Г. Бурлакова, В. Тимофеевко, Д. Волкова, бойцов И. Менжинского, Г. Аверьянова, П. Лютенко, И. Салаженка, Б. Конюхова, С. Горельшева и многих других. В руках алексеевцев оказались все запасы оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия, имевшиеся в гарнизоне.

Потянулись к алексеевцам новые бойцы из числа молодых патриотов, бежавшие из плена красноармейцы и командиры, а также попавшие в окружение и временно проживавшие в деревнях. Отряды росли. Где бы ни проходили алексеевцы, к ним примыкали группы добровольцев.

В то время из деревни Кругляны в бригаду пришла семья советских патриотов Тихона Степановича Глебо из шести человек. В конце 1942 года они были арестованы фашистами и сидели в застенках, но из-за отсутствия улик их временно освободили. Тихон Степанович собрал на семейный совет жену Ульяну Павловну, детей Любу, Степана, Володю и Аню. «Идти в партизаны!» — решили они единогласно. Так и сделали. Со своим оружием явились к алексеевцам.

Все они храбро сражались с оккупантами. Комсомолка Любовь Тихоновна вскоре стала отличной пулеметчицей. Ее тяжело ранило в голову, но, несмотря на это, она воевала до освобождения области. Степан Тихонович был разведчиком, погиб в боях с фашистами.

В нашей бригаде много людей воевало целыми семьями. Вот, например, семья И. Д. Свириденко. Иван Данилович родился в 1923 году в деревне Заболотье Крынковского сельсовета Лиозненского района. В январе 1941 года, когда он учился в десятом классе, в район приехал представитель из Минска, который отобрал группу отличников-старшеклассников для поступления в авиаучилище. В их число попал и Свириденко.

Началась война. Иван оказался на оккупированной территории и вернулся к отцу в деревню. Вскоре связался с партизанами групп Солодовникова и Казакова, стал их связным. В мае 1942 года ушел в партизаны. Сначала был разведчиком отряда «Моряк», а с 1943 года и до последних дней жизни — помощником комиссара отряда «Моряк» по комсомолу. По характеру спокойный, а в бою смелый и решительный, Иван Данилович был любимцем всех партизан и лично комбрига.

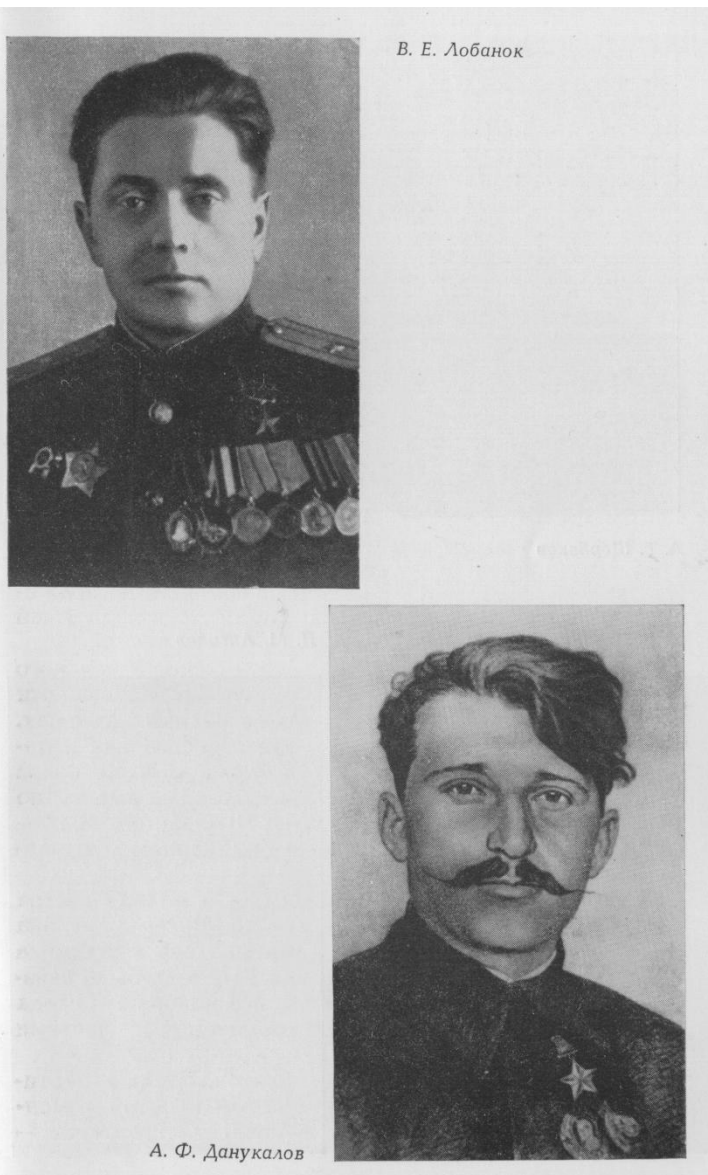
И. Д. Свириденко погиб в ночь с 9 на 10 марта 1944 года, когда с группой партизан ходил минировать большак Пышно — Березино. Они наскочили на вражескую засаду. Тогда же погиб и командир взвода Иван Дорофеевич Клочко.

Свириденко похоронили в деревне Основ Ушачского района, а в мае 1967 года вместе с другими партизанами перезахоронили в братской могиле в Великих Дольцах.

Мать Ивана Данииловича — Анна Трофимовна — погибла 3 мая 1944 года во время блокады возле озера Шо; отец — Даниил Иванович — из блокады вышел, но тяжело заболел и вскоре умер; младший брат — Петр, — 1927 года рождения, был ординарцем у командира 20-го отряда.

Вместе с ними в партизанах была и родная сестра отца — Мария Ивановна Свириденко. В семь лет она лишилась обоих родителей, воспитывалась у Даниила Ивановича. Мария Ивановна с мая 1942 года была связной нашей партизанской бригады, а в ноябре 1943 года пришла в отряд и воевала до соединения с частями Красной Армии.

Или вот семья Муравьевых. Вся она ушла в партизаны к алексеевцам. Взводом, а потом и ротой командовал Анатолий Михайлович Муравьев. Его жена Мария Дмитриевна — была медсестрой. Не одного раненого вынесла она с поля боя и спасла от верной смерти. Брат ее — Федор — погиб в бою около деревни Бураки. Сестру Катю убили в разведке, а мать Ирину Яковлевну за связь с партизанами в декабре 1942 года фашисты расстреляли.

А. Т. Щербаков

И. И. Старовойтов

И. В. Менжинский

М. В. Наумов

Ф. И. Плескунов

П. М. Антипов

П. П. Раханов

Т. И. Шишова

В. А. Блохин

Г. Г. Огиенко

С. М. Шабашов

Т. М. Шинкоренко

О. П. Шинкоренко

П. И. Королев

О. И. Симонова

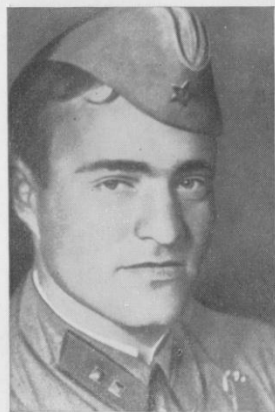
И. С. Рапорт (Волков)

Г. В. Пуков

К. В. Зюков

Е. Г. Дягилев

Надежда, Петр,
Мария Андреевна
и Николай Лебедевы
в 1941 году

М. А. Григорьев

В. И. Григорьева

А. И. Ваканов

Г. И. Врублевский

Семья Лебедевых в 1974 году:
Василий, Мария Андреевна,
Николай, Надежда, Григорий

М. Б. Мурашко

В. В. Имангулов

М. И. Гурьева

М. С. Григорьева (Швиндлер)

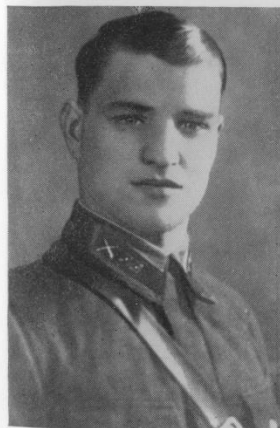
И. Ф. Пименов

М. И. Смычков

Е. Н. Антоненко

В. К. Солодовников

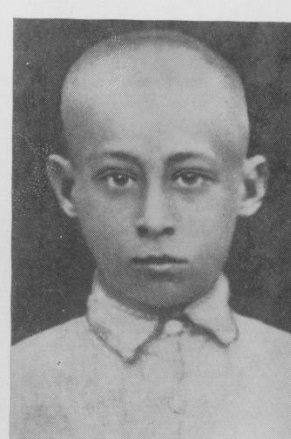
Л. Д. Лебедев

А. П. Колоницкий

П. А. Лебедев

Коля Городецкий

Л. И. Шумская

В. К. Ткаченко

П. Д. Лютенко

С. К. Лебедев

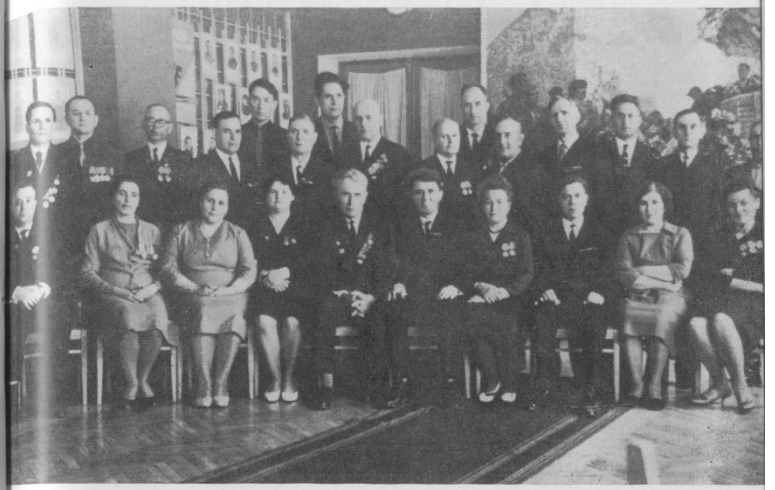
А. И. Ласточка

Г. И. Лисиченок

В. П. Кокая

Группа партизан-алексеевцев (слева направо): сидят — И. П. Мамонькин, О. Д. Терентьева, А. Н. Семенова, Н. Г. Кудряцева, И. И. Старовойтов, В. А. Блохин, М. Я. Горохова, А. Н. Кудряцев, В. П. Антипова, В. Д. Шелуха; стоят — А. В. Терентьев, З. С. Пименов, Д. И. Барашкин, П. М. Антипов, А. Г. Захаренко, Д. М. Коркин, С. Ф. Горельшев, П. А. Казаков, Н. Д. Семенов, И. А. Блохин, А. М. Гершингорн, П. В. Чернецов, А. И. Симаков, С. Н. Жуков, А. И. Кортоненко

Бывшие партизаны бригады «Алексея» (слева направо): П. С. Жилинский, В. П. Жилинская, М. М. Клименков, Л. И. Клименкова, А. П. Зайцев

Семья Шапуровых из деревни Погостище Лиозненского района тоже целиком связала свою судьбу с алексеевцами. Вся она ушла в отряд «Моряк». Старший сын — Евгений Петрович — был командиром взвода в роте Лисиченка. В декабре 1942 года его тяжело ранило. Отправили за линию фронта. После выздоровления продолжал воевать в рядах Красной Армии. Второй сын — Леонид Петрович — почти два года был пулеметчиком; перед самым соединением с Красной Армией его тяжело ранило. Младший сын Анатолий и дочь Нина погибли при выходе из ушачской блокады. Отца Петра Устиновича фашисты живым сожгли в доме, а мать Марию Ивановну повесили.

Таких семей в нашей бригаде было много.

Комбат Зюков повел отряды имени Ворошилова и имени Селиваненко в ивановский лес. Зашли за Ивановку и устроились на ночлег на лесопилке, что расположена в треугольнике Ивановка — Замошенье — Песочно.

— Разреши, командир, отлучиться мне с братом на пару часов,— попросил Артем Ваканов.— Стариков хочется навестить, на сестренку взглянуть; до Антусей здесь рукой подать, не более двух километров.

— А если там засада? Тепленькими попадетесь в руки к полицаям. Только этого нам и не хватало.

— Не попадемся, командир. Здесь я каждую тропинку знаю, каждый кустик наперечет...

— Нет, двоих не отпущу. Даже и не проси. Мало ли что может быть. Позови ко мне Семенова!

Ваканов быстро разыскал заместителя комбата по разведке.

— Ты старый волк,— обратился Зюков к Семенову.— Нюхом чувствуешь, где что. Возьми с собой надежных людей и отправляйся с Вакановыми. Навестите их семью. Полицаи могут там устроить засаду. Смотрите в оба!

— Есть смотреть в оба, товарищ комбат! — отчеканил Семенов.

— Приступайте к делу. Даю на это не более трех часов.

Но группа вернулась часа через полтора. Все шли понурые. Артем Ваканов опустил голову, сжал зубы и смотрел невидящими от заплывших слез глазами, а Никита, не стесняясь никого, плакал навзрыд, время от времени смахивая с лица слезы.

— Слишком поздно навести семью Вакановых. Плиссские полицаи недавно зверски замучили их родителей прямо в деревне, на виду у всех, а затем расстреляли. Хозяйство разграбили, постройки сожгли,— сообщил Семенов.

Партизаны крепче сжали в руках оружие. Никто не стал утешать Вакановых. Каждый понимал их тяжелое горе и боль утраты. Слова здесь были ни к чему. «Бить гадов нужно. Бить беспощадно»,— думал каждый. Не слышно было в этот день веселых шуток, рассказов и анекдотов. Уважали все Артема Ваканова за рассудительность, бесстрашие, смекалку и хладнокровие. Еще не прошло и года, как он стал партизаном, а уже побыл командиром взвода, сейчас — командир роты, говорят, что скоро будет создаваться новый партизанский отряд, его назначат командиром.

Несколько дней простоял на лесопилке в ивановском лесу батальон Зюкова. Личный состав отдыхал, ремонтировал одежду и обувь, чистил оружие, приводил в порядок амуницию, вел разведку в близлежащих гарнизонах врага.

Константин Васильевич Зюков с небольшой группой партизан уехал в штаб бригады, чтобы лично доложить комбригу Алексею Федоровичу Данукалову об оперативной обстановке, о новых местах, подобранных для расположения бригады.

Тогда было окончательно решено передислоцироваться бригаде на новое место, то есть в Богушевский, Бешенковичский и Сенненский районы. Комбриг приказал Константину Зюкову немедленно вернуться назад и обживать новый район.

Через несколько дней отряды имени Селиваненко и имени Ворошилова пришли снова в адамовские леса. Теперь они активно включились в боевую деятельность: проводили диверсии на дорогах, нападали на гарнизоны, усиленно вели разведку в Сенно, Богушевске, Бешенковичах, Бочейкове и других фашистских опорных пунктах. Налаживалась связь с подпольщиками, подбирались связные.

Внимание алексеевцев всегда неослабно приковывалось к таким важнейшим опорным пунктам, как Витебск и Сосновка. В Соснозке, в зданиях бывшего противотуберкулезного санатория, расположенного на берегу озера в живописном сосновом бору, облюбовал себе место и расквартировался в 1942 году с крупным гарнизоном штаб 3-й фашистской танковой армии из группы «Центр» во главе с генерал-полковником Рейнгардтом. Ну а Витебск... Фашистское командование

придавало ему исключительное значение.

Алексей Федорович Данукалов был смелым и решительным командиром. Бригада постоянно дислоцировалась в непосредственной близости от важнейших опорных пунктов врага, хотя это приносило немало беспокойства и создавало дополнительные трудности, опасности и неудобства.

Разведка отрядов бригады «Алексея» постоянно занималась Витебском и Сосновкой. Ну а уж о бригадной разведке и говорить было нечего. Она все время действовала, прощупывала все звенья немецких учреждений в этих пунктах. Алексеевцы налаживали связи с подпольщиками, посылали разведчиков на постоянное жительство в город, устраивали их на работу в различные немецкие учреждения, подыскивали патриотов среди местного населения. Из Витебска и Сосновки бригада систематически получала ценные сведения. Они передавались командованию Красной Армии.

Вот, например, Сосновка. С ней были связаны бригадная разведка, разведки отряда «Моряк», который постоянно дислоцировался в хотемлянском лесу, и отряда имени Селиваненко, располагавшегося в лесах Чистика, недалеко от Замосточья, а потом и разведка батальона Зюкова, который перешел в адамовские леса.

Алексеевцы имели надежные подпольные организации в Сосновке. Так, на торфопредприятии «Городнянский мох» работала хорошо законспирированная организация под руководством Антона Никитича Козлова. В самой Сосновке успешно действовала широко разветвленная подпольная организация под руководством Александра Фомича Шипуло. Он вначале был рабочим сельскохозяйственного имения Сосновка, которое производило свежие овощи, молоко, яблоки и другую продукцию для штаба 3-й танковой армии, а затем его выдвинули на должность секретаря Шумнянской волостной управы, обслуживавшей Сосновку, торфозавод «Городнянский мох» и окружающие деревни.

До войны Шипуло работал завучем Сосновской средней школы, а жена его — Александра Александровна — там же учительницей. Александр Фомич был беспартийным и невоеннообязанным. На первый взгляд, человек он незаметный. В начале войны, когда директора школы призвали в армию, его назначили директором.

Семья Шипуло была авторитетной в Сосновке и ближайших деревнях. Работала она здесь не один год. Вокруг нее и начали группироваться комсомольцы, оставшиеся в живых коммунисты, беспартийные патриоты, а также военнопленные, привлеченные немцами на работу в имение по обслуживанию конюшен, мастерских и даже штабного хозяйства. Дружили с этой семьей медицинские работники бывшего противотуберкулезного санатория «Сосновка» медсестра Серафима Ефимовна Сапежко и Ирина Григорьевна Томашева, а также бывшая работница госбанка из Витебска Нина Зиновьевна Давыдовская, которая переехала с семьей в Мошканы. Отец ее, Зиновий Миронович, работал там фельдшером участковой больницы.

Эти три женщины после ухода в партизаны сосновского комсомольца Михаила Григорьева и стали связными подпольной организации с бригадой «Алексея». Они передавали сведения из гарнизона, узнавали замыслы противника, сообщали партизанские задания подпольщикам. Не один чистый бланк немецких документов, в том числе и аусвайсов, с подлинными печатями и подписями служебных лиц фашистской администрации получили Алексеевцы от сосновских подпольщиков.

Но Давыдовской не суждено было долго работать связной. По доносу предателя ее и Зиновия Мироновича схватили фашисты и казнили. Муж ее, Борис Михайлович Давыдовский, успел скрыться и ушел в партизаны, в рядах Алексеевцев сражался с оккупантами до соединения с советскими войсками. Двое их малолетних детей остались на попечении бабушки.

Сосновская подпольная организация сообщала людям правду о положении на фронте, поднимала патриотическое настроение молодежи и всего населения. Этим много занималась Александра Александровна Шипуло, а ее верным помощником был их единственный сын Игорь, разбитной и смысленный паренек, окончивший к началу войны восемь классов.

Не один раз пришлось побывать и мне по заданию «Дяди Алеши» в этой подпольной организации. Бывал и дома в семье сосновских учителей, встречался иногда с Александром Фомичом в волостной управе, особенно когда нужно было получить подготовленные немецкие документы, пропуска и аусвайсы.

Партизанское командование поставило перед сосновскими подпольщиками задачу связаться с военнопленными, которые работали по обслуживанию штаба немецкой армии и его хозяйства. Решить эту задачу поручили комсомольцам Аркадию Макеенко, Василию Яковлеву и Аркадию Голикову. Они устроились на различные работы у фашистов, пользовались их доверием и имели свободное общение с военнопленными. Деятельное участие в операции принимала и Ирина Григорьевна Томашева, переехавшая к родителям в Пустынки под Сенно, но часто навещавшаяся в Сосновку.

Выбор пал на генеральского коновода Сергея Медаева, по национальности чеченца. Он страшно любил лошадей, часами не отходил от них. Фашистский генерал-полковник Рейнгардт высоко ценил своего коновода, часто, похлопывая его по плечу, говорил: «Гут, гут, Медай! Карашо!» Он любовался Медаевым, когда тот с ловкостью наездника и каким-то особым форсом сидел в седле на его любимой кобылице или жеребце, делая разминку лошадям. Генерал при удобном случае всегда старался похвастаться перед своими подчиненными, что эта пара лучших рысаков подарена ему в награду за заслуги перед Германией и фюрером.

По выправке, широкому кругозору и культуре в Сергее Медаеве можно было угадать советского командира. Действительно, перед самой войной он окончил кавалерийское училище, и ему присвоили звание младшего лейтенанта.

Осторожно, как бы между прочим, подпольщики наемкнули Медаеву, что не пора ли вспомнить о воинской присяге и долге перед Родиной.

— Что меня упрекаешь?! Родины я не забыл, присягу — тоже, — напустился Медаев на подпольщика. — Я не трус... Говори, что должен делать.

Сергей Медаев близко к сердцу принял этот разговор. Он и раньше не раз подумывал об уходе в партизаны и нащупывал связи с подпольщиками. А сейчас близко сошелся с ними и принимал самое активное участие в разработке плана побега.

— Не с пустыми руками мы должны прийти в партизанский отряд. Надо взять оружие, боеприпасы, обмундирование, — говорил Медаев.

— И этот гитлеровский подарок генералу должны угнать к партизанам, — заявил Макеенко. — Таково задание командования.

— Отлично! Идея! Заберем лошадей! — горячился Медаев. — Без этого я не уйду. Это клятва моя. А клятва кавказского джигита — закон.

Началась подготовка операции. Мне недолго пришлось в этом участвовать. 3 апреля я был тяжело ранен и до июня провалялся на больничных койках.

Наступило время, когда к побегу все было готово. Припрятано достаточно оружия и боеприпасов, определены повозки и лошади, которых надо угнать и передать партизанам, в том числе и генеральские любимцы — кобылица и жеребец. Решено, что на этот раз уйдут в партизаны шестнадцать подпольщиков: четыре военнопленных во главе с Сергеем Медаевым, две семьи сосновских жителей — комсомольцев Аркадия Макеенко и Василия Яковлева, комсомольцы Аркадии и Люба Голиковы и Коля Чечурин.

Побег наметили совершить в пасхальную ночь с 26 на 27 апреля. Эту дату считали наиболее подходящей, так как в религиозный праздник полицаи запьянствуют вовсю, а немцы будут полагаться на их бдительную службу. В таких условиях собираться к отъезду намеченной группе менее опасно.

В Адамово в штаб батальона пришла Сапежко.

— Все готово, все решено! — заикаясь от радости, говорила она Зюкову.

Подожди, подожди, не горячись. Водички попей, — сказал комбат, — а так ничего нельзя понять. Что готово, что решено?

— Готов переход к партизанам целой группы...

— Отдохни маленечко, успокойся, приведи в порядок мысли, а я за это время соберу своих помощников, — сказал Константин Васильевич. — Но об этом больше никому ни гу-гу. Поняла?

— Поняла, товарищ комбат, все поняла. Я не из таких...

В штабе батальона собрались ближайшие соратники Зюкова. Были здесь Василий Блохин, Иван Пименов, Николай Семенов, Николай Малаховский, Павел Рахапов, Петр Чернецов, Иван Казанцев, Артем Ваканов. Серафима Ефимовна Сапежко информировала партизанский совет о готовности сосновской операции, детально изложила план проведения ее, кто за что отвечает. Возглавлять переход поручено человеку умному и уравновешенному — комсомольцу Аркадию Макеенко. Первыми помощниками и заместителями его назначены подпольщик Василий Яковлев и генеральский коновод Сергей Медаев.

— А не подведет этот Медаев? Проверили его? — задал вопрос Зюков.

— Что вы, товарищ комбат. Человек он надежный, проверенный, но горяч здорово.

— Вот это и может помешать.

— Нет.

План утвердили. Решили для большей надежности организовать встречу группы беглецов сразу же за Сосновкой, чтобы застраховать ее от немецкой погони. Встретить их поручили роте Артема Ваканова неподалеку от анисковского борка, в районе деревни Песочно. Ваканову эти места хорошо

знакомы. Сапежко должна отправиться в Сосновку, окончательно утрясти все детали, уточнить маршрут и 26 апреля прийти в анисковский борок к роте Ваканова, чтобы совместно с партизанами встретить сосновских гостей. Договорились и о паролях.

— Да, а подпольная организация в Сосновке сохранится? — спросил в заключение Зюков. — Не останемся там глухими и слепыми, без опорного ядра?

— Нет, — ответила Сапежко. — Семья Шипуло остается. Остаются и многие комсомольцы. Организация сохранится. Александр Фомич продолжает пользоваться большим доверием у фашистов и пока еще находится вне всякого подозрения.

— Хорошо. Все вопросы решены. Приступайте к исполнению, — отдал распоряжение Зюков. — Если операция удастся — будет хороший подарок Первомаю.

Сапежко ушла в Сосновку, хотя ей с каждым днем становилось все опаснее там появляться. На нее уже падало подозрение. Но ничего. Это последний раз. Больше она туда не пойдет. Только бы удалась операция... До места добралась благополучно. В Сосновке никому не показывалась на глаза, больше отсиживалась за печкой в доме Шипуло, где в одной половине жили фашистские офицеры. Утром 26 апреля Серафима Ефимовна незаметно ушла и благополучно добралась до анисковского борка, куда уже прибыла рота Ваканова...

Под вечер на квартире Макеенко начали собираться «гости», чтобы отпраздновать пасху. Первой пришла Ирина Григорьевна Томашева, которую назначили проводником группы. За ней один за другим стали приходить остальные. Каждый нес добрый узел с «харчами», под полами одежды вздувались не иначе как «бутылки самогона». Некоторые по пять раз ходили домой и возвращались все с такими же набитыми разносками, сумками, узлами, и все так же под одеждой вздувались «самогонные посудины». Все шло, как и предусматривалось планом. Но вот цепочка плана оборвалась... Пора бы уже подъехать подводам с оружием и боеприпасами, прискакать верховым Аркадию Макеенко, Аркадию Голикову, Василию Яковлеву и Сергею Медаеву. Но их нет.

«Гости» начали волноваться. Все чаще выходили на улицу, горланя «пьяные» песни в унисон соседям, из чьих домов доносились такие же завывания. Время бежало, все сроки проходили. Неужели сорвется операция?

...Рота Ваканова задолго до назначенного времени встречи прибыла к колковскому кладбищу, заняла оборону, так сказать, ка всякий случай, если вместо друзей появятся враги. Были выставлены дозоры, прикрыты фланги. Рядом с Артемом Вакановым лежит в засаде Серафима Сапежко. Она должна окликнуть беглецов из Сосновки и назвать пароль. А пока идет непринужденный разговор о том о сем, партизаны шутят, шепотом рассказывают анекдоты. Нет-нет да и прыснет кто в кулак, приглушая хохот.

Вот уже и время подошло. С минуты на минуту должны появиться конники, а за ними и обоз. Все прислушиваются, кажется, и малейший шорох не минет острого партизанского слуха. Вглядываются в темень ночи. Но никого нет.

— А может, ваш Медаев провокатор? — спрашивает Артем Ваканов.

— Нет. Не может быть, — отвечает Сима.

— Все может быть. Немцы не дурнее нас, они умеют расставлять сети.

— Нет, Медаев не предатель.

— Откуда тебе знать?

— У него глаза такие!..

— Женщины только и смотрят в глаза да на губ...

— Через глаза и в душу заглянуть можно...

— Так в чем же тогда дело?

— Не знаю, может, что случилось.

Замолчали. Нигде не слышно ни единого звука. Тревога охватила всех.

— Сколько можно ждать? — говорит Ваканов.

— Подождем еще немножко.

— Да уж три раза можно было пешком сходить до Сосновки и обратно.

— Может, стряслось что, — нервничает Сапежко.

— Что там стряслось!? Если бы обнаружили немцы, поднялась бы стрельба. А ведь ни единого выстрела не было слышно.

— Так что же тогда?

— Или предательство, или сорвался по каким-либо причинам выезд.

— Что будем делать?

— До рассвета осталось не более часа. Уж теперь-то они не появятся. Пора сниматься и возвращаться в Адамово.

Ваканов поднял роту и отправился в сторону дислокации батальона. Не доезжая до Скрыдлева, партизань обнаружили свежий след обоза и конников.

— Это они, они проехали! — обрадовалась Сима, чувствующая вину перед товарищами и мучившая себя разными догадками.

На церковнищенском повороте разбудили хозяина крайней хаты.

— Да, вот уже часа два, как на большой скорости проскочил обоз подвод в пять и, кажется, четыре верховых конника, — сказал он, протирая глаза.

Что же произошло? Оказывается, выполнение операции задержалось. Охрана конюшни и двора долго бодрствовала, не хотела принять участия в праздновании пасхи. Немало усилий пришлось приложить Аркадию Голикову, которому была поручена именно эта часть операции, Сергею Медаеву и военнопленным Соломину, Акиму и Дмитрию, чтобы уговорить охранников пропустить по рюмке-другой за этот праздник.

Подпольщики поручили Голикову достать закуску и выпивку. Он, бедный, с ног сбился, пока собрал все к столу этой фашистской твари. Достал спирта, даже бутылку шампанского отыскал у знакомых. А хрен, настоящий русский хрен со свекольным рассолом, приготовила в баночке его добрая подружка.

— Я не православный, а магометанин! — шумел Медаев. — Но как не воспользоваться случаем, чтобы угостить свою душу рюмкой шнапса. Грешно отказываться. Тем более война. Кто знает, что будет завтра. Может, душа улетит в рай, а там уж и придется ей сохнуть веками. Вот обида будет на это грешное тело, что напоследок не размочило душу.

Охранники уважали Медаева. Понимали, что у генерала Рейнгардта он свой человек. Не раз своими глазами видели, как генерал похлопывал Сергея по плечу за лихую езду и прыть.

И не удержались охранники. Засели за накрытый на телеге, что стояла рядом с конюшней, стол, богато уставленный яствами и бутылками со спиртным.

Пьянка началась не по плану, а с большим опозданием. Пока удалось накачать фашистских охранников до потери сознания, заткнуть им рты кляпом, скрутить веревками руки, затем еще связать их всех вместе и уложить в соломенную кучу, прошло немало ценного времени.

— Приколоть их штыками, да и баста, — горячился Голиков. — Чего там возиться!

— Зачем, Аркаша, руки пачкать! Завтра гитлеровцы сами их повесят, — говорил Медаев. — Нам не надо руки марать. Это лучше. Пусть сами себе пускают кровь. А мы еще успеем. Лишняя кровь нам не нужна. Мы пустим ее в другом месте.

Вывели лошадей, запрягли в упряжки, оседлали верховых и подъехали к дому Макеенковых на три часа позже назначенного времени. Быстро погрузились и помчались. Впопыхах Ирина Томашева сбилась с дороги, которая вела к условленному месту, выскочили на Скрыдлево, оттуда на ивановский лес, Задорожье, Рямшино, Тепляки и помчались прямо в Адамово.

А вслед за ними двигалась рота Ваканова. Так получилось. Когда партизаны прибыли в Адамово, все возы беглецов уже были разгружены, лошади распряжены и расседланы. Сергей Медаев, Аркадий Макеенко и Василий Яковлев завершали доклад о сосновской операции, совершенной в честь международного праздника — Первое мая.

Серафиме Ефимовне теперь больше ничего не оставалось, как забрать трехлетнего ребенка у мошканских родичей, тайно переправить его к своей матери в деревню Сапеги, а самой окончательно влиться в семью партизан-алексеевцев.

Операция вызвала переполох в сосновском гарнизоне. Рейнгардт рвал и метал. Были подняты на ноги разведка и карательные органы армии. Они рыскали буквально по всем задворкам, вынюхивали, пытались найти оставшиеся нити алексеевцев в Сосновке. Но им ничего не удалось. Семья Шипуло по-прежнему оставалась вне всякого подозрения. Наказали многих младших и старших чинов фашистского гарнизона, а охранников казнили. Рейнгардт проглотил горькую пилюлю. И хуже всего для него было то, что пришлось об этом докладывать лично командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Бушу.

В первую майскую ночь батальон под командованием Зюкова, обходя деревни и бойкие места, перешел в ивановский лес. Отсюда решили нанести новый удар по врагу.

Но немецкая разведка не дремала. Она обнаружила партизан, по-видимому, догадалась об их планах.

5 мая над ивановским лесом появились разведывательные самолеты — «рамы». Потом налетели

фашистские штурмовики, бомбили и обстреливали из пулеметов и пушек лес и деревню Церковище. В деревне загорелись многие дома. Из Витебска, Сосновки и Богушевска потянулись немецкие грузовики с войсками.

Первыми к партизанским позициям приблизились немецкие цепи со стороны Церковища и Скрыдлева. На этом участке командовал заместитель командира 8-го отряда Павел Петрович Раханов. Враг, вероятно, даже не подозревал, что здесь могут оказаться партизаны. Народные мстители здорово замаскировались.

Павел Раханов пристроился в ложбинке. Справа в укрытии лежал пулеметчик Дмитрий Волков. Он припал к прицелу и не спускал его с группы фашистов, которая шла прямо на него.

Вот немецкий офицер уже оказался в тридцати метрах от Раханова. Он что-то заметил, насторожился и раскрыл в ужасе рот, чтобы закричать. Но... полоснула очередь из рахановского автомата. Так и не удалось офицеру произнести ни единого слова. Как подкошенные упали еще несколько человек, шагавших за офицером.

Затрещали партизанские автоматы и пулеметы, полетели гранаты. Уцелевшие немцы перебежками начали отходить. Партизаны бросились за ними, расстреливая оккупантов на ходу. Но гремит команда Раханова:

— Назад! Занять прежние позиции! Командиры рот и взводов — ко мне!

На этом участке была рота Сороколета из 8-го отряда. Левее ее, на Барсучине, оборону занимала рота Казанцева, там находился начальник штаба отряда Павел Александрович Казаков. Правее залегли женская рота Федора Голуба и рота Ивана Салаженка. С ними были командир отряда Блохин и комиссар Чернецов. Нападение фашистов со стороны Мошкан и Симаков сдерживал отряд имени Ворошилова, с которым находились командир батальона Зюков и начальник штаба Малаховский.

Заместитель комбата Семенов со своими разведчиками выявлял уязвимые места врага, пытался вовремя разгадать его замыслы и особенно следил, чтобы немцы наглухо не замкнули кольцо. Все еще оставался открытым неширокий проход в сторону Задорожья. Командование не собиралось здесь вести бесконечный бой и на всякий случай начинало подумывать об отходе партизан снова в адамовские леса.

Завязались бои и на других участках партизанской обороны. Дружно ударили пулеметы и автоматы ворошиловцев.

Когда партизаны с криками «ура!» кинулись преследовать противника, правое крыло фашистов, направлявшееся на Барсучину, повернуло во фланг контрнаступающим.

Все это происходило под самым носом у пулеметчика Николая Алексеевича Горового. Он уже был обстрелянным бойцом. В партизаны Горовой пришел, когда еще только зарождалась бригада «Алексея». Сразу его назначили вторым номером к известному уже пулеметчику Михаилу Громову. Горовой со своим пулеметом не раз выручал партизан, проявил исключительную храбрость в начале апреля 1943 года, когда переходили железную дорогу Витебск — Смоленск. Тогда ему и двум братьям Крыловым поручили прикрывать отход партизан. Погибли братья Крыловы, остался один Горовой, а фашисты так и не могли подняться, чтобы преследовать уходивших алексеевцев. Так и продержал он тогда гитлеровцев прижатыми к земле более тридцати минут. А когда партизаны скрылись в лесу, Горовой снялся с огневой позиции и с пулеметом на плече догнал своих друзей.

Вот и сейчас каратели перестраиваются перед ротой Казанцева. Николай еле дождался команды, пальцы сами уже нажали на крючок. Не удалось здесь гитлеровцам зайти в тыл и ударить с фланга. Им пришлось откатываться назад под партизанскими пулями.

В центре, где оборону держали партизаны Раханова, каратели опомнились после первого удара. Подоспевший на смену убитого офицера фашистский майор с двумя крестами на груди снова привел в боевые порядки отходивших солдат и лично повел их на штурм высоты, за которую намертво уцепились народные мстители. Раханов подпустил фашистскую цепь на близкое расстояние и поднял бойцов в контратаку.

— А ну, орлы! Покажите им удаль и смелость алексеевцев! — пронесся горячий призыв Раханова.

Но вот Раханова как будто ударили со всего размаху по боку. Левая рука плетью опустилась вниз. Павла Петровича ранило.

Постепенно бой утихал. Зюков отдал команду на отход в сторону Задорожья, а оттуда снова в адамовские леса.

Трудно сказать, сколько в этом бою было убито и ранено фашистов. Некоторым карателям удалось утащить сразу, многие раненые сами уползли и добрались до санитарных машин. На следующий день немцы собрали жителей Скрыдлева, Церковища и Шилков и погнали на место вчерашнего боя собирать

убитых. В лесу, в кустах и болотах оказалось восемьдесят два фашистских трупа.

Партизаны потеряли двоих убитыми, двое пропали без вести. Было ранено девять бойцов. Среди них — храбрый пулеметчик Гавриил Бурлаков и всеобщий любимец коммунист Павел Петрович Раханов.

Хуже всего получилось с Рахановым. Он сразу не дал медсестре Сапезко сделать перевязку, мол, некогда этими мелочами заниматься. Она только поверх гимнастерки успела наложить жгут, и Павел Петрович побежал догонять карателей, то стреляя одной рукой из автомата, то, вырывая зубами чеку, бросал в фашистов гранаты. После боя ему сделали перевязку. Но Раханов потерял много крови, и, кроме того, началась гангрена. Через два дня Павел Петрович скончался. Похоронили его со всеми воинскими почестями на кладбище в деревне Коровичи. Два брата, два коммуниста Егор и Павел Рахановы славно сражались с врагом и героически сложили свои головы, принесли свою жизнь на алтарь Победы.

В этом бою храбро дрались все бойцы и командиры батальона. Ни один фашист за весь жаркий день не прорвался и не наступил своими грязными сапогами на партизанские рубежи. Трудно выделить из такой массы людей наиболее отличившихся. Но все-таки следует назвать командиров Павла Раханова, Ивана Казанцева, Федора Голуба, Ивана Салаженка, Артема Ваканова, Николая Семенова, Георгия Врублевского, пулеметчиков Николая Горового, Владислава Тимофеенко, Гавриила Бурлакова, Сергея Горелышева, Бориса Конюхова и Дмитрия Волкова, наших славных девчат женской роты Феклу Рогачеву, Полину Лютенко, Нину Казакову, Прасковью Петрову и Аню Антоненко, медсестер Серафиму Сапезко и Марию Синякову, командиров взводов разведки Тимофея Карпова, братьев Григория и Александра Симаковых, разведчика Конюхова, подростка Доню Семашко, партизан Танкушина, Григорьева, Менжинского, Павлова, Винокурова, Синякова, Писарева, Давыденко, Зайцева, Соловьева, Спурина, Кузьмина, Толстова, Старовойтова, Полозова, Корчевского, Щедикова и многих других.

Пусть простят все остальные герои того жаркого боя, фамилии которых я не смог установить и упомянуть в этой книге.

Партизанские отряды вернулись в Адамово и прочно обосновались здесь. Немцы не стали больше беспокоить батальон Зюкова. Не ввязывались в новые бои и партизаны. Они обживали и осваивали эти места, готовили базу для перехода сюда всей бригады.

В начале мая 1943 года по приказу Белорусского штаба партизанского движения из алексеевской передали во вновь созданную бригаду П. И. Кириллова три отряда — 2, 5 и 7-й. Отряды назывались «Гроза», «Буревестник» и имени Чапаева. Новая бригада вскоре превратилась в крупное партизанское соединение. Она успешно громила оккупантов.

Не раз по заданию ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения из обстрелянных, опытных бойцов и командиров бригады «Алексея» формировались инициативные группы и направлялись в другие районы и области для создания новых партизанских формирований. Так, еще в августе 1942 года была создана специальная группа из пятидесяти человек во главе с другом Алексея Федоровича Данукалова начальником боепитания бригады Иваном Ивановичем Блином (настоящая фамилия Власов). После подготовки по тактике, топографии и подрывному делу эта группа двинулась по тылам противника в дальний путь к столице республики, на ходу обрастая новым пополнением за счет многочисленных добровольцев из числа советских патриотов. К концу сентября она уже крупным отрядом подошла к Минску, обосновалась на самых подступах к столице. Вскоре отряд перерос в партизанскую бригаду «За Советскую Белоруссию». Бойцы и командиры свято хранили и множили славные боевые традиции алексеевцев.

В феврале 1943 года отряд «Кочубея» (позже «Победа») выделился из нашей бригады, ушел в Могилевскую область и там влился в партизанский полк «Тринадцать», стал тринадцатым отрядом.

В середине мая 1943 года бригада «Алексея» начала переход из Лиозненского и Суражского районов на свою новую базу.

Весна 1943 года была очень тяжелой для партизан, дислоцировавшихся восточнее Витебска. Фашисты решили покончить с народными мстителями и бросили в бой авиацию, войска СС и регулярные части, формирования так называемой «Русской освободительной армии» (РОА), сборища полицаяв и всякие другие отбросы.

Проводилась карательная экспедиция за экспедицией. Первая не принесла успеха, вторая наделала много шума, но вскоре выдохлась, хотя газеты и радио усиленно трубили каждый день, что последние остатки «бандитов» — так они называли партизан — пойманы или сдались в плен.

Правда, фашисты здорово прижали алексеевцев в шелбовских лесах. Уже считали, что бригада

будет разгромлена окончательно. Партизан окружили плотным кольцом. Кое-кто уже было повесил нос. Но не растерялся Алексей Федорович Данукалов. Он разработал дерзкую операцию. Сосредоточив силы и подтянув их незаметно к вражеской обороне в ее самом укрепленном месте, там, где фашисты и подумать не могли, что ударят партизаны, и поэтому проявляли беспечность, комбриг лично повел на прорыв отряды Огиенко, «Моряк», Клименкова и другие. В районе деревень Клищево и Буево алексеевцы смяли фашистскую оборону. Застигнутые врасплох гитлеровцы не смогли оказать скольконибудь серьезного сопротивления. Бригада вышла к Двине, переправилась через нее и ушла в каспьянские леса Смоленской области, а оттуда — за реку Каспля в Лиозненский район.

В этом бою погиб командир 2-го отряда лейтенант Константин Михайлович Островский, храбрый артиллерист. Это он в 1942 году поднял переполох в лиозненском гарнизоне, открыв по нему артиллерийскую стрельбу из 122-миллиметровых пушек. Убило также начальника штаба отряда Георгия Георгиевича Целушкина. Он служил в Московской пролетарской дивизии, попал в окружение, пришел в бригаду «Алексея». Погибли тогда партизаны Михаил Иванович Барашкин, Геннадий Лычков, медсестра Аня Кухтова, политрук роты Парфеньев и еще несколько человек. Были контужены Женя Котович и Сева Соловьев. Их спасла, вытащила в безопасное место и оказала необходимую помощь наша добрая медсестра из 1-го отряда Валентина Ивановна Рыжикова. А несколько раньше недалеко от деревни Дуброво она по снегу на своем маскхалате вытащила из-под пуль и протянула более трех километров тяжелораненых командира роты Ивана Петровича Рогова и пулеметчика Володю Антоненко. И откуда только брались силы у этой на вид хрупкой девушки!

Многие бойцы обязаны жизнью медсестре Вале Рыжиковой. Ей все везло. Но в бою под Кривином и Ржавкой Бешенковичского района в ноябре 1943 года она была тяжело ранена в правую руку. Началась газовая гангрена. Вале ампутировали руку, отправили в Ушачи, а затем и за линию фронта. С винтовкой в руках и с санитарной сумкой за плечами Валентина Ивановна Рыжикова совместно с алексеевцами храбро воевала против фашистов с июня 1942 года...

Крупная карательная экспедиция в начале мая обрушилась на отряды «Моряк» и «Смерть врагам», которые расположились в деревнях Ковали, Самохвалы и Бураки Лиозненского района. Свыше шести тысяч немцев и полицаев, располагавших пушками и шестиствольными минометами, 7 мая 1943 года в четыре часа утра подошли к расположению партизан, и уже к семи часам партизанские отряды оказались в полном окружении.

Первыми эту страшную весть о приближении противника принесли разведчики отряда «Смерть врагам» Александр Ласточка, Александр Печкуров и Елена Смольская, а вслед за ними и разведчик из отряда «Моряк» Михаил Григорьев.

Заместитель командира бригады Евгений Никитич Антоненко срочно собрал на совет командиров и политработников. Он являлся одновременно командиром 2-го батальона, в который входили отряды «Моряк» и «Смерть врагам». Было решено прорываться в двух направлениях. Евгений Антоненко и Дмитрий Коркин повели отряд «Моряк» на запад, к деревне Зори, в направлении Яновичей, а Михаил Клименков — командир отряда «Смерть врагам» — наносил удар в юго-восточном направлении, на Глоданки, в сторону Колышек.

Если внимательно проанализировать все варианты выхода из окружения партизан-алексеевцев, то оказывается, что применялась такая тактика — они всегда прорывались в двух противоположных направлениях. Это была любимая тактика Алексея Федоровича Данукалова, и она приносила успехи. Такой прорыв спутывал расчеты врага. Противник терял время на разгадывание намерений партизан, на выяснение, где главный, а где вспомогательный удар, распылял силы и, как правило, не в состоянии был быстро организовать преследование. Это спасало алексеевцев от погони, и они, вырвавшись из окружения, беспрепятственно уходили на новое место.

Так получилось и в этот раз. В двух направлениях ударили партизаны. Завязался упорный бой, перешедший в рукопашную схватку. Дрались не на жизнь, а насмерть. Партизаны вырвались из окружения. В бою было убито много карателей.

Но и партизаны понесли тяжелые потери: двадцать четыре человека было убито, одиннадцать ранено и семьдесят девять пропало без вести. Здесь погиб и мой друг комсомолец из Слободы Смоленской области Василий Ткаченков.

Вася входил в группу начальника штаба отряда Шаурко, которой Коркин приказал прикрывать отход и при любых условиях остановить преследование отряда. Группа залегла в кустах над канавой, недалеко от деревни Бураки. Каратели в полный рост бросились за вырвавшимся из окружения отрядом. Но фашистов заставили залечь и прижали к земле пули горстки партизан из группы Ивана Шаурко. Немцы ползком начали обходить смельчаков. Тем временем отряд ушел от преследования. Но группа

оказалась окруженной.

Кольцо сжимается, сжимается... Остались только три защитника — Иван Шаурко, Вася Ткаченко и Зина Шаурко. Кончились патроны. Но у каждого еще есть по гранате. Немцы подползают смелее. Они уже рядом. Слышно их дыхание. И тут почти одновременно три взрыва. Это Иван, Вася и Зина подорвали себя гранатами. Четырнадцать партизан после этого боя похоронили в деревне Бураки Глоданского сельсовета Лиозненского района.

Отряд «Моряк» уже прорвался сквозь вторую цепь фашистов и по кустам ринулся на третью. В этот момент раздался крик: «Заместителя комбрига Антоненко ранило!» Туда бросилась медсестра, его жена Аня Антоненко. Повернул на зов и разведчик отряда Миша Григорьев. Антоненко лежал бледный, зажимая руками рану на животе. Над ним возился Махлаев, пытался оказать первую помощь. Медсестра быстро перебинтовала рану. Григорьев и Махлаев схватили раненого под руки, а Аня — за ноги и побежали за партизанами. Но их заметили гитлеровцы, начали окружать и обстреливать. Медсестру ранило в ногу. Положение осложнилось. Михаил Григорьев теперь тащил заместителя комбрига, а Дмитрий Махлаев — медсестру. Быть бы беде, но, к счастью, Дмитрий Коркин направил туда группу автоматчиков во главе с Василием Пироговым, и те прикрыли спасителей Антоненко от наседавших фашистов.

В бою был тяжело ранен и комиссар отряда «Моряк» Николай Иванович Шерстнев. Он вместе с пулеметчиком Леонидом Шапуровым, помощником комиссара отряда по комсомолу Василием Пироговым и командиром группы подрывников Георгием Милошевским с другой стороны также прикрывал отход отряда. Но здесь Шапурову, Пирогову и Милошевскому удалось уйти от карателей и унести раненого комиссара.

Не менее жарко было и в районе Кольшек, куда повел своих партизан Михаил Максимович Клименков, мужественный и хладнокровный командир одного из крупнейших и сильных отрядов бригады. Он имел хорошую военную выучку, отличался смекалкой; еще в финскую кампанию командовал отделением станковых пулеметов, а теперь с первых дней войны участвовал в боях с врагом. Война обрушилась на него, кадрового командира Красной Армии, в первые ее минуты фашистского нашествия на молдавской земле, где младший лейтенант Клименков служил командиром взвода. Его полк стойко оборонялся, не раз переходил в контратаку. Но под напором превосходивших сил противника был вынужден отступить. В августе 1941 года под Уманью фашисты плотным бронированным кольцом обложили истерзанный и обескровленный полк. Михаил Клименков получил тяжелую контузию. Очнулся он за колючей проволокой фашистского лагеря для военнопленных.

— Бежать, только бежать, — в полусне шептал сам себе Михаил Максимович.

Клименков изучал обстановку, шаг за шагом обдумывал план побега. Оккупанты ежедневно отправляли группы военнопленных на дорожные работы, заготовку дров, на погрузку и подвозку картофеля и брюквы. «Только там может сбыться моя заветная мечта», — думал Михаил и по мере возможности передвигался к тому месту, где каждое утро фашистские конвоиры отбирали себе работников из наиболее крепких пленных.

И вот наконец счастливый день двадцатого ноября. Гитлеровец, отбиравший работников, обратил внимание на здорового детину почти двухметрового роста и еще не полностью истощенного за эти дни проклятого плена и приказал выйти из строя. Михаил чуть ли не бегом поспешил в указанное место.

Грузовик с шестью военнопленными в кузове, среди которых был и двадцатитрехлетний комсомолец, командир Красной Армии Михаил Максимович Клименков, медленно полз по глинистой подмороженной дороге. Все шестеро решили сегодня бежать.

Неподалеку от украинского села грузовик остановился. Оба конвоира первыми выпрыгнули из кузова. Они отвели пленных к картофельному бурту и, отдав Клименкову железный лом, приказали вскрывать его и нагрузить машину картофелем.

Михаил Максимович и его новые друзья работали в поте лица. Ничто не вызывало подозрения у конвоиров. Через какое-то время один из них ушел в село, возможно, за продуктами.

— Ждите моей команды, — прошептал Клименков ребятам, наклонился и продолжал насыпать картофель в корзину.

Когда конвоир стал ногой на колесо и взялся обеими руками за борт, чтобы подняться и посмотреть в кузов, Клименков, как кошка, метнулся к машине, схватил дом и со всего размаху ударил конвоира. Фашист замертво шлепнулся на землю. Остальные пленные разделались с шофером, который уже давно возился с двигателем.

Забрали оружие и кинулись к оврагу, над которым рос небольшой кустарник...

В пути ребята разошлись. Михаил Клименков упорно пробирался к линии фронта. Спустя полтора месяца в слободском лесу его, дремавшего у костра, обнаружили партизанские разведчики из отряда «Родина».

— Расскажи, куда идешь и кто тебе подарил этот фашистский пистолет? — спросил у Клименкова командир отряда Алексей Федорович Данукалов.

И Михаил Максимович искренне и подробно рассказал все, начиная с первых минут войны и до сего дня.

— Да...— со вздохом произнес Данукалов.— Горя хлебнул ты вдоволь... Думаю, что можешь стать настоящим партизаном. Надеюсь, что не ошибаюсь,— с остановками, медленно говорил командир, на молодом лице которого залихватски сидели усы.— Назначаю тебя рядовым к Антипову. Не обидишься?

— Что вы, товарищ командир! Я очень рад такому доверию.

Так начался партизанский путь Клименкова на лесных тропах Белоруссии. Сам он родом из Духовщинского района Смоленской области. Вскоре Михаила Максимовича назначили командиром отделения, потом взвода, а затем и командиром роты.

А сейчас Клименков, имеющий уже почти годовой опыт командования крупнейшим отрядом, ведет своих народных мстителей на прорыв огненного кольца. Никто бы и не подумал, что окруженные и замкнутые тремя цепями партизаны ударят там, где располагается еще и четвертое мощное укрепление — фашистский гарнизон в Колышках.

Разведчики Борис Фроленко, Елена Смольская, Григорий Нагоров, Саша Зайцев и помощник комиссара отряда по комсомолу Юра Игнатович все время были впереди, выявляя уязвимые места противника.

Командир отряда подзвал к себе прибывшего в прошлом году из-за линии фронта специально обученного подрывному делу комсомольца Ивана Белогуба.

— Вот тебе задание: бери пулеметчиков и автоматчиков Василия Жукова, Валентина Сомова, Петра Трущенко, Ивана Дерюгина и Егора Маковеева, закапывайся в землю и держи фашистских гадов до нашего ухода, прикрой отход. Другая группа прикрытия будет оставлена около Колышек. Удержишься, Ваня?

— Удержусь, командир, обязательно удержусь.

— До скорой встречи, Ваня! Выполняй задание...

С другой стороны отход отряда прикрывали пулеметчик Николай Угаров, автоматчики друзья-москвичи, недавно прибывшие к партизанам из фашистского плена, Павел Сас, Виктор Румянцев, Василий Седов и разведчики Александр Печуров, Василий Шапуров и Александр Ласточка. Пашу Саса немцы ранили в ногу, друзья вынесли его с поля боя.

Через три дня догнала отряд и группа Ивана Белогуба. Не вернулся только пулеметчик Петр Николаевич Трущенко. Он погиб смертью героя, прикрывая отход отряда.

Отряды «Смерть врагам» и «Моряк» покружили по оврагам и перелескам Лиозненского района, чтобы оторваться от преследования карателей, а затем переправились за Двину, где находились основные силы бригады.

Но немцы и там не давали покоя. Нужно было запутать следы и уйти от гитлеровцев, дать хоть небольшую передышку людям, пополнить запасы продовольствия и боеприпасов. Было решено перейти в Сенненский и прилегающие к нему Богусhevский и Бешенковичский районы. Снова пошли в двух направлениях: часть отрядов во главе с комбригом Алексеем Федоровичем Данукаловым двинулась в обход Витебска с южной стороны, а вторая — во главе с комиссаром Иваном Исаковичем Старовойтовым и начальником штаба Федором Ивановичем Плоскуновым пошла севернее Витебска.

Вечером 15 мая партизаны во главе с комбригом удачно переправились через Двину и взяли курс на юг, в ивановский лес, где уже второй месяц действовали отряды имени Селиваненко и имени Ворошилова. Шли и несли на носилках раненого комиссара отряда Николая Ивановича Шерстнева. После войны Н. И. Шерстнев долго работал заместителем прокурора Витебской области. Сейчас он пенсионер. Остальных раненых отправили за линию фронта, в том числе и тяжелораненых заместителя комбрига Евгения Антоненко и его жену медсестру Аню.

Перешли шоссе Витебск — Сураж, приблизились к дороге Витебск — Смоленск, но переходить не стали, расположились на отдых в лесу. Тихо, никакого движения и шума. Приказ комбрига на этот счет был строгий. День прошел спокойно.

Как только стемнело — лагерь ожил. Построились. Разведка ушла вперед. Вскоре двинулись и отряды. Долго возились у железной дороги Витебск — Смоленск. Переход был трудным. Гитлеровцы за

несколько дней до этого согнали жителей из окрестных деревень и сделали сплошные завалы по обеим сторонам железной дороги. Пройти бесшумно через них такой массе людей было невозможно. Пришлось идти по дороге, где стояли посты. Бросок — и все на той стороне дороги. Охрана не подняла шума. Часовые, безусловно, видели партизан. По всей вероятности, они побоялись ввязываться в неравный бой.

Только через несколько минут, после того как прикрывающая группа партизан перешла железную дорогу и скрылась в кустах, в небо взвились ракеты. Началась беспорядочная стрельба. Били пулеметы с вышек, рвались мины, раздавались одиночные выстрелы, трещали автоматы. Но боя не было. Стреляли только немцы, да и то наугад, чтобы успокоить себя.

Партизаны же спешили дойти до любошковского бора. Спокойно перешли шоссе Витебск — Орша, углубились в лес. Остановились на отдых. Здесь решили пробыть до вечера. Но не тут-то было...

Немецкая разведка утром обнаружила лагерь партизан. Ей удалось бесшумно снять уснувшего часового, каратели подползли вплотную к лагерю и открыли огонь. Это для всех было полнейшей неожиданностью.

Но не растерялся комбриг. Он возглавил одну группу, а вторую — командир отряда «Моряк» Дмитрий Коркин. Партизаны разогнали немцев, преследовали их до самой опушки леса. Впереди, стреляя из маузера, бежал за фашистами командир бригады Алексей Федорович Данукалов.

Отличилась в этом бою и жена комбрига, корреспондент газеты «Віцебскі рабочы» Ольга Ивановна Симонова. Она возглавила взвод партизан, который обошел карателей стороной и такого огонька подпустил им с тыла, что те растерялись, посчитали себя попавшими в партизанскую ловушку и стали разбегаться по лесу.

В этом бою погибли комиссар отряда Павел Голиков и еще три партизана. Перед заходом солнца их похоронили. В любошковском бору вырос холмик братской могилы.

Ночью партизаны переправились через реку Лучеса, перешли железную дорогу Витебск — Орша и через анисковский борок пришли в ивановский лес, а оттуда отправились дальше.

Другая группа отрядов под командованием комиссара Ивана Исаковича Старовойтова и начальника штаба бригады Федора Ивановича Плоскунова пошла в обход Витебска с севера. Все было тщательно продумано и спланировано ими совместно с комбригом. Но жизнь внесла свои коррективы.

Обе группы выступили почти одновременно. Когда последняя лодка с комбригом достигла левого берега и светом карманных фонариков с нее просигналили прощальные приветы, понеслась команда Плоскунова:

— Поотрядно стройся!

Разослали дозоры, предусмотрели группы прикрытия. Начало было хорошее, движение отрядов шло по заранее разработанному графику. Но вот забрезжил рассвет, покатилося по небосклону солнце...

В воздухе появилась фашистская «рама». Казалось, она просто делает утреннюю разминку — медленно ползла в одну сторону, затем лениво разворачивалась и направлялась в другую. Но это только так казалось. Фашистский разведчик метр за метром просматривал территорию партизанской зоны и подходы к ней. Он обнаружил колонну алексеевцев. Видимо, летчик сообщил об этом по радио.

Не успели еще алексеевцы минуть Лушиху и Плешки, как гитлеровцы блокировали их со всех сторон и начали затягивать кольцо. Было около двух часов дня.

Комиссар и начальник штаба правильно оценили обстановку. Каждый из них имел достаточно военных знаний и богатый боевой опыт. Это были давнишние знакомые и соратники. Иван Исакович Старовойтов родился в деревне Заболотье Лиозненского района, а Федор Иванович Плоскунов — в деревне Горовые Богушевского района. Напрямик это не более десяти километров. Вместе учились на рабфаке в Витебске, вместе в 1931 году ушли служить в Красную Армию. Старовойтов в том же году вступил в Коммунистическую партию и решил посвятить свою жизнь обороне социалистической Родины. Окончил военно-политическое училище и в 1939 году в должности комиссара артиллерийской батареи участвовал в освобождении Западной Украины.

Плоскунов тоже окончил военное училище, был командиром взвода, роты, а затем командиром батальона 718-го стрелкового полка. Также участвовал в освобождении Западной Украины, затем был на финской войне, получил ранение, награжден орденом Красной Звезды.

Великая Отечественная война застала Старовойтова недалеко от Львова в должности комиссара дивизиона 125-го артиллерийского полка 18-й мотомеханизированной дивизии 6-й армии. При штурме города Лубны вражеская пуля тяжело ранила его в грудь. Во время отступления попал в окружение. Командир полка поручил девяти бойцам сделать все, чтобы спасти комиссара. Они забрались с ним в густой кустарник, что восточнее города Лубны. Вначале комиссара сами лечили, чем могли, а потом

нашли бывшую студентку мединститута, черноглазую Оксану, которая раз в два-три дня по оврагам пробиралась к ним и делала Ивану Исаковичу перевязки. Бойцы ежедневно ходили в села добывать продукты. Некоторые из них не вернулись оттуда. Может, погибли.

Иван Исакович стал поправляться. Раны затягивались. Силы прибавлялись с каждым днем. Опираясь на плечо бойца, он расхаживал по кустам, тренировался в ходьбе. Немного подлечившись, с земляком из Витебской области решил добираться домой. Остальных бойцов тоже отпустили. Сменили военное обмундирование на засаленные комбинезоны трактористов и отправились в путь. Перед Оршей новый друг комиссара повернул в сторону Толочина, а Старовойтов держал путь на Витебск. Не один раз останавливали гитлеровцы, но замызганный комбинезон выручал его,

В начале января 1942 года весь заросший, исхудавший и больной Иван Исакович прибыл в Заболотье. Здесь оказались и его родители. Отец и мать в первые же дни войны из Витебска убежали сюда к родственникам. Поселились в бросовом домике и коротали дни. Не было здесь жены Ивана Исаковича, молодой красавицы Оленьки, и дочурки Ларисы. Расставаясь под Львовом, они договорились, что Ольга с дочерью будет пробираться на землю витебскую к родителям или родственникам мужа. Так и до сего времени не знает Иван Исакович о судьбе своей жены и двухлетней дочки. Где-то затерялись, а может быть, погибли на военных дорогах.

Похожий путь прошел в начале Отечественной войны и Плоскунов. Встретились они снова с Иваном Исаковичем в родных местах, отдохнули, поправились и начали действовать. Нашлись и еще попавшие в окружение бойцы и командиры. Собралось человек тридцать. Создали партизанскую группу. Командиром единогласно избрали Федора Ивановича Плоскунова, а комиссаром — Ивана Исаковича Старовойтова. Вооружились. Начали совершать диверсии на шоссейных и железных дорогах.

Но вот до них дошли слухи, что недалеко, в каспянском лесу, действует боевая партизанская бригада «Алексея». Неоднократно сообщения о ней проскальзывали в фашистских газетах и радиопередачах. Партизаны решили разыскать эту бригаду и влиться в нее.

Весной 1942 года группа Плоскунова и Старовойтова прибыла за реку Касплю в деревню Дятлы, где находился штаб алексеевцев. Комбриг с радостью принял пополнение. Плоскунова назначили заместителем командира отряда «Прогресс», а Старовойтова — туда же политруком роты. Через несколько месяцев Старовойтов уже стал комиссаром отряда, которым командовал в это время бывший командир роты Григорий Гаврилович Огиенко. Потом Плоскунова перевели помощником начальника штаба бригады. Иван Исакович оставался комиссаром этого отряда до начала 1943 года, до ухода бригады «Алексея» из Аиозненского района.

Вот тогда-то и встал вопрос о новом комиссаре бригады. Эту должность раньше занимал Апанас Тимофеевич Щербаков, одновременно являвшийся и секретарем Аиозненского подпольного райкома партии. Щербаков должен был оставаться в своем районе со всем аппаратом и переданной ему алексеевцами группой партизан. В этой группе был и Альфред Юргенсон. В конце 1943 года райком партии во главе с Апанасом Щербаковым и райком комсомола, возглавленный Тamarой Дубовкой, ушли за линию фронта, а из партизан райкомовской группы создали отряд, который вошел в состав бригады П. И. Кириллова. Командиром этого отряда стал Кухтенюк, а комиссаром — Юргенсон.

По рекомендации Данукалова Витебский подпольный обком партии утвердил Ивана Исаковича Старовойтова комиссаром бригады «Алексея», одновременно назначив его секретарем Дубровенского подпольного райкома партии. В то время Плоскунов уже был начальником штаба бригады.

Не случайно Данукалов поручил возглавлять переход второй группы партизанских отрядов бригады на новое место не кому-нибудь, а именно им, боевым друзьям — начальнику штаба и комиссару бригады.

Поручил и не ошибся. Попав в плотное кольцо фашистов, Старовойтов и Плоскунов, посоветовавшись с Антиповым, Огиенко, Клименковым и другими командирами и политработниками, решили немедленно идти на прорыв блокады, прорываться в направлении деревни Красный Двор и торфопредприятия, не дать врагу закрепиться и взять в свои руки инициативу.

Партизаны сделали решительный бросок, ударили дружно и организованно. Прорвали фашистское кольцо, вышли из окружения. Но понесли большие потери: семь человек погибло и двадцать два партизана ранено.

Время уже было позднее. Наспех похоронили убитых. Всесторонне обсудили, как быть с ранеными. И решили... В лесу, недалеко от деревни Красный Двор, быстро вырыли землянки и оставили в них раненых. С ними осталась и тяжело раненная в обе ноги медсестра Вера Петровна Антипова.

К счастью, буквально в трехстах метрах оказалась землянка старика из деревни Красный Двор

Суражского района. Старик жил там со своей взрослой дочерью уже около года. На лесных вырубках и прогалинах они сеяли картофель, ячмень. Из скота в хозяйстве старика осталась лишь корова.

Обнаружив утром наспех вырытые землянки, старик долго присматривался, а затем решил и зашел в одну.

Сидя на земляном полу, с перебинтованными ногами, Вера Петровна делала укол раненому партизану. Дед поздоровался, прикинул, сколько здесь людей, и ахнул:

— А есть-то что будете, детки?

— Дня на три-четыре продуктов у нас хватит, а дальше трудно сказать, что будет,— ответила за всех Вера Петровна.

— Это худо,— проговорил дед, почесал затылок, покашлял и добавил: — Но не горюйте — как-нибудь прокормимся. Было бы только спокойно от супостатов. На след не напали бы...

Старик с дочерью постоянно находились около партизан, варили суп, носили воду, помогали Вере Петровне перевязывать раненых. Молоко, картофель и все, что у них было, отдавали бойцам. И ни разу старик не проявил недовольства или обиды. Все делал, чтобы спасти партизан от смерти.

До чего же добры наши люди! Они не только отдавали другим все, что имели, но и шли на сознательный риск. Отдавая партизану или бежавшему из лагеря военнопленному последний кусок хлеба, они обычно говорили:

— Ешь, не стесняйся, я как-нибудь проживу. У меня кладовка не пустая.— Хотя в ней гулял ветер и бегали голодные крысы, доевшие последний запыленный мукой мох, заложенный между бревнами стены.

Отдадут искренне, от души, и даже в мыслях у них не появится сожаления о сделанном. Отдадут, а своим детям скажут:

— Не горюйте, до завтрашнего дня проживем, а завтра будет видно. Будет день, будет и пожиток. Нам-то что — мы под крышей, а человек воюет, да к тому же голодный и холодный.

Вера Петровна с помощью старика и его дочери вылечила партизан, всех поставила на ноги, а сама встать не могла. Выздоровевшие ушли в бригаду, а Вера Петровна осталась в землянке старика. Вскоре сюда заглянули партизаны из бригады Д. Ф. Райцева и увезли ее в партизанский госпиталь, а оттуда на самолете переправили за линию фронта.

А отряды под командованием Плоскунова и Старовойтова после определения раненых двинулись в путь. Антипов только успел забежать в землянку и распрощаться с бойцами, поцеловать Веру Петровну.

— Теперь уж, наверное, расстаемся навеки,— обронил он.

— Брось, Петя, плакаться. Все будет в порядке... Так легко от меня ты не избавишься. Я тебя везде разыщу! — попыталась сквозь слезы пошутить она.

Быстро шли партизаны в направлении станции Лосвида, где рядом проходят железная и шоссейная дороги на Городок.

Противник, видимо, разгадал намерения партизан перейти дороги именно в этом месте. Он организовал засады, усилил охрану. Но и партизаны тоже предполагали, что их может ожидать при переходе дорог. По распоряжению Плоскунова из всех отрядов были собраны лучшие пулеметчики и автоматчики, самые опытные разведчики. Из них создали несколько ударных групп, которые должны будут обеспечить безопасный переход колонны через укрепленные пункты.

Не успели еще фашисты по-настоящему открыть огонь из засад, как были забросаны партизанскими гранатами и подавлены пулеметным и автоматным огнем.

Стремительным броском отряды вместе с обозами переправились через шоссе и железную дорогу. На помощь противнику подошел бронепоезд и открыл шквальный огонь из пушек и пулеметов. Но партизаны уже успели скрыться в лесу.

Никто, конечно, не считал потери фашистов в этом бою. Не до этого было. Сами же партизаны потеряли одного человека, и пятеро было раненых.

Отряды спешили перейти шоссейную и железную дороги Витебск — Полоцк, которые еще были впереди. Перед рассветом подошли к ним между станциями Старое Село и Шумилино. С самым восходом солнца партизаны без боя перешли их. Совершенно измученные, выбившиеся из сил люди и лошади еле добрались до леса вблизи Западной Двины, напротив деревни Комли. Остановились на дневку. Распрягли лошадей, похоронили убитого партизана — и на отдых. Никто не ожидал завтрака, сразу засыпали.

За ранеными, преодолевая усталость и сон, поочередно ухаживали медсестры Мария Менжинская, Фруза Зайцева, Мария Пчелкина и Валя Рыжикова. Охранять лагерь вызвались сами командиры Петр

Антипов и Михаил Клименков.

День прошел спокойно. Партизаны выспались, отдохнули. Отгулялись на лесных прогалинах и лошади.

Под вечер бойцы занялись подготовкой средств переправы. Разыскивали и пригоняли лодки, сколачивали плоты. С наступлением темноты недалеко от деревни Комли отряды благополучно переправились на левый берег Западной Двины. Все перевезли, ничего не оставили на том берегу реки.

В третьей декаде мая все прибыли в адамовский лес. Бригада снова собралась вместе, расположилась в окружающих деревнях, отдохнула немного и опять начала вести боевые действия против фашистов и их пособников.

К концу мая гитлеровцы уже начали предпринимать меры борьбы против алексеевцев в новом их месте расположения. Так, 31 мая в адамовский лес были посланы немецкая кавалерийская дивизия и сборище полицаев и «народников», чтобы разгромить прибывших сюда партизан. Но эта попытка их окончилась полным провалом. Партизаны нанесли большие потери противнику, а затем ушли на новое место, в лес, что возле деревни Буй. Каратели снова пытались окружить алексеевцев, но отряды уходили от преследования и не ввязывались в большие открытые бои. Вскоре фашисты отозвали свои войска и направили их на фронт.

Алексеевцы же обживали новые районы. Они вели разведку, подбирали связных, засылали надежных людей для работы в различные учреждения и организации врага, устанавливали контакты с подпольщиками и местным населением.

Пламя юных сердец

Патриотов, желающих влиться в партизанские отряды или помогать им, среди советских людей разных возрастов и пола всюду было предостаточно. Особенно много их было среди комсомольцев и молодежи. На оккупированной фашистами территории, да и по всей нашей необъятной Родине негасимым огнем полыхало пламя юных сердец.

В Мошканской зоне, в деревне Симаки, в первые дни оккупации подпольную комсомольскую организацию создал Анатолий Нахаев.

Кто он, как действовал?

22 июня 1941 года Толя Нахаев, только что окончивший среднюю школу и отгулявший выпускной вечер, со своими дружками шел в Богусевск.

Вначале слышался какой-то непривычный прерывающийся гул, а потом в небе показались самолеты. Звено за звеном над самым горизонтом с запада на восток в сторону Смоленска прошли три эскадрильи.

Долго всматривались хлопцы, казалось, они хотят дотянуться до самых стальных птиц и увидеть летчиков.

— Какой-то гул самолетов неровный. Я первый раз такой слышу,— сказав Толя Нахаев.

— Да,— поддержал его Саша Цуран.— Мне тоже так кажется.

— Значит, полетели самолеты новой конструкции, которые еще не летали над нашей территорией,— убежденно заявил Боря Уткин.

Все согласились с ним. Завязался оживленный разговор. Ребята вслух мечтали, какие будут новые самолеты, их скорость, потолок полета, грузоподъемность. Хлопцы кое-что понимали в авиации. А как же? Сейчас они шагают в Богусевск на медицинскую комиссию по отбору в военное училище. Голубое небо влечет к себе романтиков. Два старших брата Нахаева уже учились в военных училищах: Иван — в пехотном, а Николай — в авиационном. Толя решил пойти по стопам Николая и подговорил своих дружков поступить в авиационное.

Богусевск встретил их как-то необычно, не по-воскресному. На лицах людей не видно было праздничного настроения, наоборот, проступала печать озабоченности, тревоги, у многих женщин по щекам сбегали слезинки. Около столба, на котором висел громкоговоритель, стояла группа людей, к ним со всех сторон спешили мужчины и женщины, сбегались ребяташки. По радио выступал В. М. Молотов.

Война...

Так вот это какие самолеты с непривычным гулом летели на восток. Нахаев с друзьями поспешил в военкомат.

— Сегодня комиссии не будет. Возвращайтесь пока домой и ждите указаний. Сейчас не до вас. Война! — заявил военком.

Тревожно стало повсюду. Тревожно стало и в Симаках, куда вернулся Толя Нахаев со своими друзьями. Мать расплакалась и обняла сына. Отец, покашливая, проговорил:

— Нечего тебе, старая, нюни распускать. Не так страшен черт, как его малюют. Так и война. Я их две прошел.

Действительно, Александр Андреевич прошел две войны. В империалистическую сражался с немцами, в гражданскую бил белогвардейцев и пилсудчиков. Он хорошо понимал, что война — большое несчастье для людей, но коль она вспыхнула, необходимо без паники, мужественно пойти в бой. Два его сына уже, наверное, сражаются с ненавистным фашизмом, да и Анатолий, безусловно, пойдет на фронт.

Шли дни. Каждый из них становился все тревожнее и тревожнее. 25 июня при сельсовете создали истребительный отряд по борьбе с вражескими лазутчиками и десантниками. В него добровольно вошли комсомольцы, выпускники школы. Комсоргом отряда назначили Анатолия Нахаева. Бойцы его несли круглосуточное дежурство, обеспечивали соблюдение общественного порядка, помогали организовывать эвакуацию колхозного имущества, выполняли поручения командования воинских подразделений. И так до 9 июля. В тот день части Красной Армии отступили. Был распушен истребительный отряд.

По дорогам потянулись немецкие колонны танков, автомашин, обозов. Фашисты ехали в одних трусах, горланили песни, грабили, мародерствовали и насильничали.

Прошел первый день оккупации, второй, третий... Что же делать? Как быть? Все понимали, что нужно что-то предпринимать. Но что? Кто должен первым сказать слово? Ждать дальше нечего. Анатолий Нахаев поручил комсомолке Шуре Ляховской обойти в деревне наиболее надежных комсомольцев и предупредить их, чтобы к обеду незаметно собрались в орешник под Марчановщиной. Шура добросовестно выполнила это поручение и сама явилась туда первой.

— Друзья! Мы с вами комсомольцами остаемся. Создадим подпольную организацию Мошканского сельсовета и начнем действовать,— сказал Нахаев.

Все дружно поддержали:

— Правильно, Толя! Чего там смотреть...

— Смотреть-то надо в оба,— прервал Анатолий.— Сейчас война, и мы должны перестроиться на военный лад. Теперь не только опрометчивый шаг, но и необдуманное слово может погубить любого. Нам надо сегодня избрать руководство организации и наметить задачи на ближайшие дни, до получения указаний...

Нахаев не закончил свою мысль, не мог точно сказать, чьих и каких указаний нужно ждать. Он ничего этого не знал, знал только, что нельзя сидеть сложа руки, когда Родина в опасности. Нужно действовать.

Собрание единогласно избрало секретарем подпольной организации Анатолия Александровича Нахаева, а его заместителем Александрю Никифоровну Ляховскую. В ядро организации вошли Борис Уткин, Константин Тормозов и Иван Шендюков. Определили главные задачи на ближайшее время: сбор оружия и боеприпасов, накопление сил для будущей схватки с фашистами.

Теперь Анатолий Нахаев был все время среди друзей, организовывал работу. Его отец вскоре понял, что сын занимается опасным делом, но не мешал, а втайне даже гордился им.

Во второй половине августа 1941 года в лесу близ Мошкан была выброшена группа красноармейцев, которую возглавлял М. И. Ковалев. Об этом Анатолий узнал от своего отца. Тот случайно вышел ночью во двор и увидел за огородом снижающийся купол парашюта.

— Толя! Толя! Вставай! — тряс он сына за плечо.— Приземлился десантник, видимо, наш. Беги быстрее.

И Толя побежал. Он разыскал десантника. Это был Михаил Ильич Ковалев. Вместе собирали парашютистов, вместе прятали амуницию, снаряжение.

Теперь патриотам стало легче и веселее работать. Ковалев ставил конкретные задачи. Сведения, добытые подпольщиками, стекались к Нахаеву, а затем передавались на Большую землю.

Фашисты, по-видимому, запеленговали передатчик или обнаружили действия десантников. Немцы и полиция в октябре 1941 года организовали карательную экспедицию и прочесали леса от Мошкан до Ивановки. Но группа Ковалева ушла от преследования и переместилась ближе к фронту. Фашисты тогда здорово избили Толю Нахаева. Задерживать его не стали — прямых улик о связи с десантниками у них не было.

После нескольких недель, проведенных в постели, Нахаев снова взялся за руководство подпольщиками. Дело шло своим чередом. Вовлекали молодежь в организацию, вели разъяснительную

работу среди местного населения, распространяли сводки Совинформбюро, налаживали связь с появившимися в этой местности партизанами. Анатолию и его друзьям удалось связаться с ротой Ивана Павловича Казанцева из отряда имени Селиваненко. Вскоре подпольная организация полностью переключилась на совместную работу с бригадой «Алексея». Анатолий Нахаев с головой погрузился в выполнение заданий. Спустя некоторое время он ушел в партизаны, стал пулеметчиком 15-го отряда.

Хуже сложилась судьба у Александры Никифоровны Ляховской. Уходя в партизаны, Анатолий Нахаев передал ей руководство подпольной организацией. Многие сделали патриоты. Но в октябре 1943 года гитлеровцы арестовали Ляховскую. Ее мучили на допросах. Однако враги ничего не добились от славного комсомольского вожака. Немцы расстреляли Шуру. Она погибла как достойная дочь своего народа.

Когда началась война, Борису Мироненко пошел лишь четырнадцатый год. Он тогда находился в пионерском лагере около озера Лосвидо, куда направили после окончания пятого класса. Через несколько дней Борис вместе с другими мальчишками самовольно оставил лагерь и пешком отправился в Витебск. Он нашел там мать и сестру. Мать работала на строительстве укреплений, а Вера только что окончила медучилище и сейчас участвовала в эвакуации его оборудования. Борис стал помогать сестре.

Перед самой оккупацией Витебска Вера, Борис и мать ушли из города, добрались до деревни Поддубье Суражского района, где проживали родственники. Через неделю возвратились в оккупированный Витебск. Перед ними открылось страшное зрелище. Город разрушен. Он еще горел, многие улицы завалены обломками. Сгорел и дом Мироненков. Пришлось занять одну комнатку на зеркальной фабрике, где до войны работала их мать — Мария Ивановна Мироненко. Тогда же Борис и Вера впервые увидели повешенную советскую патриотку. Тело ее висело на столбе перед входом в здание обкома партии. До боли сжались кулачки пионера. Мысленно он поклялся беспощадно мстить фашистским извергам, которые надругались над его Родиной, его народом.

На углу улиц Гоголя и Фрунзе до войны размещалась аптека. Сейчас она смотрела на площадь Свободы разбитыми окнами и открытыми настежь дверями. Ветер выдувал оттуда маленькие квадратики бумаги, нарезанные для порошков, и разносил их по площади.

— Пойдем, братик, со мной,— обратилась Вера к Борису.— Может, лекарства какие уцелели.

Они взяли плетеную разноску и отправились в здание бывшей аптеки. Кто-то безжалостно похозяничал в ней, на полу валялись разорванные пачки ваты, рассыпанные порошки и таблетки. Вера старательно пересматривала полку за полкой, шкаф за шкафом, ящик за ящиком. Все, что уцелело и могло пригодиться для лечения раненых и больных, она бережно укладывала в разноску, а Борис относил домой и так же бережно выкладывал на стол. Так они создали большой запас медикаментов, перевязочного материала, необходимых инструментов.

— Теперь бы, братик, перенести все это добро в Поддубье. Вот было бы дело.

— Перенесем, не волнуйся. Все перенесем,— заявил Борис.

Через несколько дней Борис и Вера шагали в Поддубье, до отказа нагрузив вещмешки медикаментами. Это было как раз кстати. В лесу собралось более десятка раненых красноармейцев и командиров. Деревенские комсомольцы в чашобе сделали несколько шалашей, наносили туда сена и организовали настоящий госпиталь. Вера перевязывала раны, делала уколы. Пришлось Борису теперь уже одному идти в Витебск за оставшимися медикаментами.

Вернувшись из города, Борис увидел, что за ранеными вместе с сестрой ухаживает еще и незнакомая молодая женщина.

— Вот и мой братик вернулся, познакомьтесь!

— Пионер Борис Мироненко,— важно заявил он, первым подав руку.

— Комсомолка Дуся Никифоренко.

Дуся Никифоренко (девичья фамилия Зеленкова) родом из деревни Кочерино Суражского района, окончила Витебский финансовый техникум, работала в Минске, вышла замуж за Дмитрия Лаврентьевича Никифоренко. В начале 1941 года его перевели на комсомольскую работу в Белосток. Туда приехала и Дуся. В феврале родилась дочь. Назвали ее Галей. Так и жили счастливой семьей. Но вот война. Муж ушел в армию, а Дуся с четырехмесячной Галочкой на руках отправилась к родным. Дошла туда в конце июля, познакомилась с комсомолкой Мироненко и добровольно пошла помогать ей в лесном лазарете лечить раненых советских воинов.

Вскоре последний раненый — Николай Давыденко — покинул лазарет в лесу около Поддубья, искренне поблагодарил комсомолок Веру и Дусю, пионера Бориса за заботу и излечение от ран и пошел пробираться за линию фронта.

Но без дела патриоты долго не оставались. Вере удалось встретиться с секретарем подпольного

Лиозненского райкома партии Апанасом Тимофеевичем Щербаковым, который давал ей задания. По его указанию Вера ходила в Витебск, а также в 1942 году — за линию фронта через «Суражские ворота» в подпольный обком партии.

Пионер Борис Мироненко так сдружился с комсомолкой Дусей Никифоренко, что они стали, как родные, как брат с сестрой. Они не только помогали Вере в выполнении сложных заданий подпольного райкома партии и бригады «Алексея», в которой Щербаков вскоре стал комиссаром, но и действовали самостоятельно, по своей инициативе. Прежде всего стали вести разъяснительную работу среди населения. Дуся составляла тексты листовок, разоблачавших фашистское вранье о «новом порядке» и призывавших население саботировать все мероприятия оккупантов. В январе 1942 года Борис нашел на снегу пачку советских листовок, в которых рассказывалось о разгроме немцев под Москвой. Решили распространить их среди населения. Дуся разнесла листовки в ближайшие деревни, а Борис подальше, дошел даже до Витебска и рассовал их где только мог на Смоленском базаре.

В начале июля 1942 года Вера Мироненко ушла в партизанскую бригаду «Алексея». Ее назначили фельдшером 5-го отряда, где командиром был Борис Золотов. Так и воевала она до соединения с войсками Красной Армии, вначале в бригаде «Алексея», а потом в бригаде Кириллова, куда передали 5-й отряд. Не раз участвовала Вера в тяжелых сражениях, была в бабиновичском окружении, в боях под Курином, в щелбовской блокаде, около озера Палик. Многим раненым партизанам спасла жизнь, вынесла с поля боя тяжелораненого командира отряда Бориса Золотова. Да и сама была дважды ранена в боях.

Бориса Мироненко в отряд не взяли по возрасту. А Дусе Никифоренко не было с кем оставить малолетнюю Галочку, к тому же сама тяжело болела, до крови забивал кашель. Она никогда не жаловалась на здоровье, но Борис сам видел, как с каждым днем увядает его боевой товарищ. Он всячески старался поддержать ее и морально, и материально. То принесет ей хлеба, то немного сахара или порошок сахара.

Дуся и Борис постоянно помогали партизанам, выполняли их поручения, ходили в разведку, проводили народных мстителей на задания. Борис передал алексеевцам оружие, которое он в свое время припрятал в лесу, не раз ходил в Витебск за солью для них.

Летом 1942 года фашисты добрались до деревни Поддубье. Они выбили оттуда партизан, а деревню сожгли. Здесь в бою погиб сын комиссара бригады Гера Щербаков. Его похоронили в лесу. Через некоторое время алексеевцы напали в этом районе на врага, оттеснили его от Поддубья. Жители, оставшиеся в живых, построили землянки, снова стали обзаводиться хозяйством. Но если до этого было голодно, то теперь стало в три раза голоднее, да к тому же наступила зима, стало еще и холодно.

Люди умирали с голоду. Вот уже умерли дедушка и бабушка Бориса. Он остался только с матерью. Умерли с голоду дедушка, бабушка, а затем и отец Дуси. Вместе с Дусей на саночках Борис возил на кладбище своих и ее мертвых родственников. Там их закапывали в снег. Не было сил копать могилы. А вскоре на голову Бориса свалилось еще одно, самое тяжелое горе. Умерла его старшая боевая соратница комсомолка Дуся Никифоренко. Умерла тихо, как бы уснула. Только прошептала:

— Ты, Боря, о Галочке позаботься. Может, отец найдется. Прошу...

В суровую вьюгу, надрываясь, тащил Борис на кладбище тело своего боевого друга. Теперь на его попечении остались больная мать, мать Дуси и ее маленькая дочурка Галочка.

В июле 1944 года нашелся Дмитрий Лаврентьевич Никифоренко, бывалый комбат, майор. Он заехал на денек, забрал дочку и отвез ее к своим родственникам под Оршу, а сам пошагал дорогами войны на запад, на Берлин.

Жизнь у Марии Логиновой сложилась нелегко. В двухлетнем возрасте осталась без отца. Рано познала крестьянский труд. Помогала матери по хозяйству и училась. Окончила семь классов, работала телефонисткой в своем селе Велешковичи, что в Лиозненском районе. Потом в Витебске успешно окончила школу бухгалтеров. Комсомолку Логинову направили на работу в Брестскую область. Когда началась война, возвратилась в Велешковичи.

В этой деревне немцы создали полицейский участок и волостную управу. Вербовали в полицию молодежь, но никто туда не шел, кроме пьяниц и разложившихся людей.

Комсомольцы собирались на посиделки, шептались, думали, как найти свое место во всенародной борьбе. Вскоре Марии Логиновой и Тамаре Дубовке удалось связаться с партизанами-алексеевцами. Вслед за ними установили связь с партизанами и Миша Селезнев, Нина Кухтова, Женя Исаченко и Вера Дроздова.

Но вот в деревню нагрянули фашисты. Они вместе с полицией начали вылавливать коммунистов, комсомольцев и активистов. Схватили и расстреляли мать Миши Селезнева. Она перед войной была

председателем местного колхоза и депутатом Витебского областного Совета. Расстреляли еще несколько человек. Арестовали Марию Логинову с Тамарой Дубовкой. Два дня продержали в тюрьме, все допытывались о партизанах. Но девочки твердо стояли на своем: «Ничего не знаем». Отпустили их домой и пригрозили, мол, если что, расстреляют.

Через некоторое время снова арестовали Марию, но опять выпустили из-за отсутствия улик. Девушка ничего не рассказала.

Пришло указание партизанского командования немедленно уходить из деревни. Мария Логинова стала подрывником в отряде Ахмедчика. Потом, уже в бригаде Кириллова, ее назначили помощником комиссара отряда по комсомолу. В начале 1944 года была ранена осколком в голову и отправлена на Большую землю.

Война ворвалась в жизнь Саши Ласточки нежданно-негаданно, когда ему еще не исполнилось и четырнадцати лет. В солнечный воскресный день бегал с ребятами по Суражу, поднимая пылью по наезженной колее немощеной улицы. Только прибежали на Западную Двину искупаться, начали снимать одежду, как услышали из репродуктора, установленного на столбе около самой реки, тревожные позывные, а затем и речь В. М. Молотова. Война. Не стали купаться. Быстренько оделись и помчались домой...

Саша Ласточка носил пионерский галстук. Носил и тогда, когда война докатилась своей стальной лавиной до Суража в начале июля 1941 года, а потом поползла дальше. Ему запомнился этот роковой момент прихода немцев. Запомнился по испуганному, полному тревог лицу матери, по ее приглушенному голосу. В тот страшный день, когда в Сураже начали хозяйничать гитлеровцы, Саша сразу повзрослел...

С большой осторожностью вместе со своими сверстниками начал ходить он сначала к реке, потом в лес, а позже и к местам недавних сражений. Хлопцы нашли несколько винтовок, карабин, ручной пулемет с дисками, два пистолета, три оцинкованные банки патронов и около десятка гранат. Все оружие запрятали, а по пистолету взяли с собой Саша Ласточка и Витя Колоницкий.

В первую военную зиму советские войска и партизаны подошли к Суражу. На его окраинах завязались горячие бои. Фашисты уже и не надеялись удержать город. Они поджигали жилые дома, взрывали административные здания. На глазах у Саши немецкий солдат факелом поджег и его родной дом. Видел он и то, как оккупанты загнали несколько мужчин и женщин в здание бывшего магазина, на берегу реки Каспля, заперли их и подожгли...

«Мстить, только мстить ненавистному врагу», — решил Саша.

После окончания боев за Сураж и отхода наших войск семья Ласточки переехала к близким родственникам в местечко Яновичи. Здесь тоже хозяйничали фашисты, был там и крупный гарнизон, в котором находились набранные из различных подонков и любителей легкой наживы полицаи. Гитлеровцы пьянствовали, грабили, насильничали...

Нет, не мог спокойно смотреть на все это пионер. В июне 1942 года Саша Ласточка отправился в Сураж, достал из тайников карабин, патроны, две гранаты и пистолет. Ночью выполз по огородам за город и направился в сторону касплянских лесов. Утром его задержали партизанские разведчики, хотели разоружить, но он не дался.

— Ведите к командиру, — решительно заявил паренек. — Только ему все расскажу. И не приставайте.

Через полчаса он уже был в деревне Зори, где размещался партизанский отряд «Смерть врагам», которым командовал Михаил Максимович Клименков.

Долго командир не хотел согласиться с требованием Ласточки. Да, да, с требованием. Саша не просил, а требовал принять его в партизанский отряд.

— Куда тебе в партизаны! Ты же еще настоящий птенец из ласточкина гнезда, — заявил Клименков.

— Тогда я пойду в другой отряд. Отпустите меня, — потребовал Саша. — У меня и оружие есть. Даже ручной пулемет.

Не устоял Клименков перед подростком. Да и комиссар отряда Михаил Григорьевич Семенов, которому понравился Саша, замолвил за него слово. Александра Ласточку зачислили во взвод разведки.

Первое задание он получил уже на второй день. Ему вместе с Витей Колоницким, который еще зимой пришел в отряд с братом Михаилом, матерью и тетей Верой Шаппо, а также соседкой Лидией Войтеховой, поручили в местечке Яновичи узнать все об охране льнозавода, который восстановили фашисты и где организовали переработку тресты. Скирды льна стояли вокруг предприятия. Волокно отправляли в Германию, а отходы на фронт — утеплять блиндажи. На работу сюда гитлеровцы сгоняли

не только яновичских жителей, но и женщин из соседних деревень. Кроме того, в главном корпусе завода фашисты разместили ремонтную мастерскую, где восстанавливалась техника оккупантов, а в другой половине здания был склад боеприпасов.

Саша со своим другом незаметно пробрались в Яновичи. Домой заходить не стал. Боялся, что мать расплачется. Ласточка и Колоницкий установили, как охраняется льнозавод. В отряд вернулись под утро, принесли пулемет с тремя дисками и четыре винтовки.

Партизаны решили в следующую ночь поджечь льнозавод. Саша на этот раз выполнял два боевых задания: первое — ему под покровом ночи следовало незаметно провести партизан к льнозаводу, показать все посты охраны; второе — поджечь склад готовой продукции.

Вслед за Сашей партизаны подошли к ручейку, вытекающему из озера, бесшумно пробрались к колючему ограждению. Народные мстители сделали в нем проход и проникли на территорию завода. Группу партизан возглавлял командир взвода Василий Карпович Пенчуков. Он первый и бросился на охранника, который проходил мимо залегших партизан и насвистывал мотив какой-то песенки. Гитлеровец пикнуть не успел, как ему заткнули рот кляпом. Партизаны быстро разошлись по заранее условленным местам. Многие несли с собой бутылки с бензином.

Саше бутылки не нужны были. Льноволокно горит как порох. Поэтому полз он к складу с единственной трофейной зажигалкой. Вот и объект. Ползком пробирается около стены. Ищет щель в ней. Нашел. Просунул руку внутрь — волокно. Набрал горсть и потянул на себя. Вытянулась целая куча. Саша стал ждать сигнала, чтобы чиркнуть колесиком зажигалки. А сигнала все нет. Каждая минута кажется часом... Вдруг в темноте Саша заметил приближающегося к нему охранника с автоматом на груди. Что делать?

— Нет, гад! Не выйдет! — громко крикнул Саша и выстрелил в гитлеровца.

Вслед за этим он крутанул колесико зажигалки, подставленной под вытянутое льноволокно...

Почти одновременно взвилась зеленая ракета — сигнал к атаке.

Вспыхнуло волокно, загорелся склад, за ним мастерские, потом скирды льнотресты, а затем... Затем ухнул склад с боеприпасами, который поджег Витя Колоницкий.

Саша с партизанами в это время уже переплывал речушку. Операция удалась. Юных разведчиков Александра Ивановича Ласточку и Виктора (его еще звали Аркадием) Петровича Колоницкого представили к награде. Но Вите Колоницкому не суждено было получить ее. Вскоре он погиб в неравной схватке с гитлеровцами.

После яновичской операции все партизаны отряда, в том числе и его командование, признали Сашу Ласточку своим, бывалым партизаном и часто, на удивление всем, величали Александром Ивановичем.

Вскоре Саша вместе со своими друзьями удачно разведал гарнизон врага в деревне Лещево. Потом роты Николая Махнаткина, Петра Киреева и Федора Смирнова в ночной тишине под командованием командира отряда Михаила Максимовича Клименкова бесшумно сняли часовых и двинулись на бывшую колхозную конюшню, где немцы устроили казарму для приехавших с фронта на переформирование гитлеровцев. Конюшню забросали гранатами и подожгли. С богатыми трофеями возвращались партизаны. Саша Ласточка и его новый друг Александр Печкуров один перед другим хвастались трофейными парабеллумами. Командир отряда Михаил Максимович Клименков перед всеми партизанами отряда заявил:

— Александр Иванович Ласточка показал в этом бою пример мужества и сообразительности. Хоть мал золотник, да дорог...

Похвалил он тогда и Николая Трошкова, Валентину Мамонову, Павла Жилинского, Петра Варченко, Александра Печкурова, братьев Василия и Ефима Сухановых, командиров рот Николая Махнаткина, Петра Киреева, Федора Смирнова и других партизан.

Окрыленные удачей в Яновичах и Лещево, партизаны напали на гарнизон, размещившийся в Колышках, а потом разгромили опорный участок гитлеровцев в Тупиках.

Во многих боевых операциях участвовал Саша. Вместе со всеми радовался успехам отряда и переживал горечь неудач, хоронил погибших друзей...

Никогда не забудет он, как селищанская девушка в трудное для партизан время пробралась через вражеский заслон и принесла партизанам крынку молока и краюху хлеба.

А вот еще один эпизод из партизанской жизни пионера Саши Ласточки. Гитлеровцы задумали ограбить крестьян деревни Загородно. Саша находился тогда в дозоре и первым заметил движение врагов в направлении деревни. Он во весь опор помчался на своем коне в отряд и доложил все Клименкову.

Гитлеровцы ехали на подводах, курили и гоготали. Они спешили побыстрее добраться до деревни и погреть руки чужим добром.

Партизаны вовремя вышли к дороге и устроили засаду. Пятнадцать грабителей попали в плен, остальные были уничтожены. Один из поднявших руки вверх полицаев заявил командиру взвода Владимиру Врублевскому, что возле деревни Вальки он запрягал станковый пулемет «максим» и два ящика пулеметных лент, что, мол, давно собирался перебежать к партизанам, да все не подворачивался случай. Теперь хочет искупить вину перед Родиной. Первым делом отдать станковый пулемет. Врублевский приказал Ласточке, Печкурову и Трошкову пойти с предателем и притащить пулемет. Дали полицаяу лопату, чтобы откопать тайник.

Пошли. Ходили, ходили. Изменник никак не мог найти места, где запряган пулемет.

— Ах, вон где он закопан,— показал полицай и направился к лесу. За ним пошли партизаны.

В двух шагах от опушки изменник развернулся и со всего размаху ахнул лопатой по спине Трошкову. Хорошо, что Коля успел отвернуться, а так бы слетела с плеч голова: полицай целился в шею. Трошков упал. Ласточка и Печкуров открыли по предателю огонь из карабинов. Но он скрылся в зарослях; его только ранили в ногу. Изменник убежал. Обидно было уже повидавшим виды партизанам, что так просто смог провести их полицай. Но ничего не сделаешь. Проглотили горькую пилюлю. А Николай еще проболел с неделю после такого удара...

До соединения с войсками Красной Армии Саша был в конной разведке сперва отряда, а потом батальона.

Осень 1942 года на всю жизнь запомнилась Саше. Он тогда в партизанском отряде вступил в комсомол. Рекомендовали его Александр Печкуров и Михаил Пархоменко.

Не один раз встречался и я с рядовым конного взвода разведки партизанского отряда «Смерть врагам» Александром Ивановичем Ласточкой. Особенно запомнилась мне первая встреча. Возвращался тогда я из деревни Перевоз, где через окно закинул гранату на стол разгулявшейся фашистской компании. Прошел лес, иду по ивановскому полю. Навстречу мне рысью едет юный партизан с карабином за спиной.

— Эй ты, дружище! Куда топаешь? — спрашивает он меня.

— Домой.

— А где твой дом?

— Да вон, в Ивановке.

— Откуда идешь?

— Из гостей.

— Ты с какого года рождения?

— С двадцать шестого, а что такое?

— Ишь ты, шалопай! Я на год позже родился, но второй год воюю, а он по гостям рассказывает. А немцев кто бить будет, Родину освободить?..

— Думаю, что вы ее и освободите. А я человек мирный. Боюсь оружия, да и стрелять не умею.

— Смотри на него, какой гусь. Ждет, чтобы победу ему принесли готовенькую, на тарелочке.

— Я не гусь, а Лебедев. А победу можно и на тарелочке. Буду очень благодарен.

— Смотри — у тебя тоже птичья фамилия. А моя — Ласточка.

— Очень маленькая птичка...

— Зато я разведчик отряда, а ты балбес. Болтаешься без дела, по гостям ходишь вместо того, чтобы воевать. Фашисты топчут нашу землю, издеваются над народом, грабят...

И Ласточка прочитал мне целую лекцию о задачах советских людей в это трудное для Родины время. Предлагал пойти в партизаны, обещал уговорить Клименкова зачислить меня в конную разведку. Но я отнекивался и твердил, что от рождения я человек мирный и боюсь оружия.

— Несознательный ты элемент! — заявил в конце разговора Саша.— Подари мне хоть свой ремень. Он крепкий, и на него можно навешивать гранаты и другую амуницию. Хоть этим внесешь вклад в борьбу против фашизма.

У меня был широкий кожаный ремень учащегося ремесленного училища с вытиснутыми на блестящей металлической пряжке двумя крупными буквами «РУ». Жалко было ремня, но я подарил его рядовому конной разведки Александру Ивановичу Ласточке, как он представился при знакомстве...

Впереди его ждали многие жаркие бои, диверсии на дорогах, засады и блокады, тяжелые лесные тропы, по которым Александр Иванович Ласточка с достоинством пронес честь комсомольца, честь настоящего советского человека. В боях с оккупантами его два раза тяжело ранило.

Опусти пистолет, «Сорванец»!

Итак, на больничных койках я провалялся два месяца. И вот вернулся в Ивановку.

Собрались женщины-соседки, прибежал Коля Городецкий. Посмотрели на мою руку и запричитали:

— Ох, боже, лучше бы убили! Что ж с такой рукой делать будешь? Всю жизнь батька корми калеку...

Я кое-как отделался от бабушек, от их причитаний, и мы с Колей убежали в лес. Он радовался нашей встрече, а я, наверное, вдвойне. Коля вернул мой пистолет, комсомольский билет и другие документы. Я попробовал стрелять с левой руки, кажется, получается неплохо. Стрелял я всегда отлично: из пистолета на двадцать пять метров раз за разом попадал в торец пистолетной гильзы, загнанной в дерево. С левой руки сейчас результат был несколько хуже, но ничего, сразить врага смогу.

Значит, я снова в строю, а это главное. Больше мне ничего и не надо было. Настроение улучшилось, и никакие причитания бабушек не могли испортить его.

Бригада наша в мае передислоцировалась в Богушевский, Сенненский и Бешенковичский районы. Партизан везде стало много, немцы и их холоуи притихли.

Через несколько дней встретился с «Дядей Алешей». Около двух часов мы лежали в леске на Цурбановщине. Он охранялся партизанами, но ни один из них не подошел и не перебил нашего разговора. Никого из них я не видел близко. Вероятно, не видели и они меня. Я пришел в условленное место за час до их приезда. Лежал, вслушивался в шепот леса и ждал «Дядю Алешу». Когда услышал шорох и снизу заметил шагающие сапоги, вскочил, выхватил из-за пояса пистолет, взвел курок и готов был в любой момент выстрелить, если гость окажется неожиданным.

— «Сорванец»!

— Я, «Дядя Алеша»!

Из кустов показался Алексей Федорович Данукалов. На груди у него сиял орден Красного Знамени, справа на ремне висел маузер. От радости я растерялся и забыл опустить пистолет, продолжал стоять начеку.

— Опусти пистолет, «Сорванец»! Ты же убьешь меня на радостях.

Я спрятал за пояс пистолет и бросился к «Дяде Алеше» в объятия. Вначале он расспрашивал меня о здоровье, о моих злоключениях. Все рассказал по порядку, от начала бомбежки и до возвращения в Ивановку. Не забыл и о Черткове, об остальных медработниках, о пароле, который я придумал для доктора. Отдал сверток медикаментов — первый взнос Черткова.

«Дядя Алеша» посмеялся над моим паролем, потому что он был наивный. Ведь пароль без ответа — не пароль.

— Но отменять его не будем, чтобы не подорвать твой авторитет перед Чертковым, — сказал, улыбаясь, «Дядя Алеша». — Только ты должен узнать у «Сапожника» точные приметы связного, который будет приходить за медикаментами, и сообщить их Черткову.

Затем он кратко рассказал мне некоторые новости бригады. А бригада, как я узнал от «Дяди Алеши», потом от боевых друзей и из многочисленных архивных документов, совершила за это время большие боевые дела.

«Дядя Алеша» говорил со мной откровенно, с полным доверием. Это была моя третья встреча с комбригом. Я проникся глубочайшим уважением к этому доброму и сильному человеку. По его приказу, даже намеку бросился бы в огонь и воду, зубами рвал бы в клочья врага.

«Дядя Алеша» завел разговор о Коле Городецком. Можно ли ему доверить мое дело, если со мной что случится?

— Можно, «Дядя Алеша». Он честный, храбрый и всей душой ненавидит немцев. Он настоящий пионер.

— Хорошо. Это будет наш резерв, твоя замена. Только об этом ему пока ничего не говори.

— Хорошо.

— Будешь продолжать ходить к подпольщикам Витебска или трудно больному? — спросил он на прощанье.

— Буду. Обязательно буду, «Дядя Алеша». Теперь мне легче. Думаю, что сейчас получу документы и пропуск в Витебск. Надо же продолжать лечение... К тому же у меня есть справка доктора Черткова и его доброжелательное отношение к нам, — ответил я.

— Когда приступишь к делу?

— Завтра пойду в Оболь, в волостную управу, за документами, а потом хоть с места в

карьер...

— «Почтовый ящик» на старом месте под дубом с шершнями, следи за почтой.

Мы распрощались.

Назавтра я был в Оболи в волостной управе. Бургомистр Янчилин выдал мне аусвайс и пропуск в Витебск, Далеко в округе разнеслась весть о бомбежке Ивановки, где партизан в то время и в помине не было. Столько бомб и патронов истратили немцы. И на кого? На мирных жителей. Да и за день массированного налета убили одного и ранили троих, в том числе и своего старосту Келлера. Пособники оккупантов приуныли, стыдились этой операции карателей и не с таким рвением, как раньше, стали выполнять приказы и распоряжения захватчиков, отдельные начали подумывать о переходе к партизанам. А гитлеровцы старались сгладить впечатление от бомбежки.

Через день я получил пакет к «Сапожнику», а также записку, в которой говорилось, чтобы я передал ему, как связаться с Чертковым. Надо было обеспечить систематическое поступление в бригаду медикаментов.

Сейчас мне стало легче уходить из дому. Причина простая — надо же делать перевязки.

И вот я снова в Витебске. Зашел к «Сапожнику». Он искренне обрадовался и откровенно признался:

— А я-то думал, что ты погиб!

— Нет, как видите, жив. Немного царапнуло.

Передал ему пакет и рассказал, что их группе придется связаться с главврачом городской больницы Чертковым, получать от него и отправлять партизанам медикаменты. Для этого нужен надежный человек, местный житель. Передал ему и немудреный пароль, о котором было условлено с Чертковым.

— О, такой человек у нас найдется,— ответил «Сапожник».

Я попросил, чтобы вопрос этот решили сегодня же, и ушел в город. Нужно зайти к Черткову и окончательно уладить все подробности связи и передачи медикаментов. «Сапожник» сказал мне, что сможет дать ответ только часа через четыре.

Болтался по городу, зашел в больницу, передал старосте Келлеру приветы и новости из Ивановки. Сказал Черткову, что сегодня к вечеру я окончательно улажу его связь с подпольщиками и организую пути передачи медикаментов партизанам. Он ответил, что уже кое-что приготовлено, каждый день ждет посыльного.

— На этот раз придется мне забрать посылку,— сказал я,— сейчас мне это проще. А потом уж будет брать наш человек. Но мне сегодня придется задержаться в Витебске. Нельзя ли переночевать у ваших знакомых, надежных людей?

Чертков позвал Екатерину Семеновну и при мне спросил, не согласится ли она пустить меня переночевать. Она, конечно, согласилась.

Екатерина Семеновна жила во дворе больницы, в маленьком домике. Внутри он был перегороден. В одной половине жила она, а во второй находился морг. В комнатухе негде даже было повернуться. Екатерина Семеновна предложила мне кровать, а сама сказала, что ляжет спать на печке. Но печки-то не было. Стояла маленькая лежанка, на которую можно только сесть. Я отказался и заявил, что лягу на полу около кровати. Другого места не было.

Договорились с Чертковым, что еще раз с ним встретимся сегодня вечером. Я должен познакомить его со всеми деталями связи с подпольщиками.

«Сапожник» сообщил мне, что на связь к Черткову решили посылать девушку небольшого роста, которая выглядит подростком. Первый раз в больницу она придет в пятницу после обеда. Одета будет в платье в синий горошек, в руках — плетеная из корней разноска.

Я все рассказал Черткову. Распрощался. Переночевал у старушки-медсестры, получил от нее сверток медикаментов и ушел. Заходил к ним я еще раза три-четыре, потом перестал. Дело они наладили хорошо, и мне больше там стало нечего делать.

С тех пор медикаменты регулярно поступали в бригаду. Связь оказалась четкой и прочной, а врач Чертков со своими друзьями добросовестно добывал и передавал нам лекарства и медицинские инструменты.

Я получаю другие задания. Хожу в Витебск раз, а то и два раза в неделю. Посылают меня в разведку в гарнизоны противника: в Оболь (Мошканскую), Замосточье, Сосновку, Богушевск, Бочейково, Островно, Узварцы. Вожу подрывников на железную дорогу.

Окончательно отбился от дома. Да там на меня уже и не обращают внимания. О помощи семье с моей стороны сейчас уже никто и не думал.

Как-то днем перед уходом на задание я почистил пистолет, собрал его. Патроны из обоймы, кажется, вынул все. Оттянул кожух. Нажал на спусковой крючок... Грохнул выстрел! Это случилось в доме. Я сидел на кровати за шкафом. Спрятал пистолет за пояс. Хотел схватить гильзу. Только наклонился — вошел отец. Он был где-то во дворе. За ним вбежал мой двоюродный брат Иван. Отец поднял крик, мол, тебе мало того, что остался без руки, надо чтобы еще и без головы остался... Я оправдывался:

— Ковырнул патрон, а он и выстрелил.

И подал гильзу. Отец поверил.

Хорошо, что он слабо разбирался в оружии. Иначе обнаружил бы, что гильза стреляная. Наконец я понял, что с оружием надо обращаться осторожно, ибо оно, как говорится в пословице, один раз в жизни стреляет само.

Снова и снова хожу в Витебск. Основные явки — «Сапожник» и «Второй». Все идет отлично. Кроме того, встречаюсь с нужными людьми в Телятниках, в Узварцах, на Марковщине недалеко от трехэтажного общежития фабрики «КИМ», в поселке тарного комбината, на улице Гоголя, далее в церкви, которая стояла на углу улиц Гоголя и Безбожной.

В церкви витебский подпольщик должен передать мне важный документ. Лично его я не знал. Он, сказали мне, будет стоять у иконы Георгия Победоносца с двенадцати до тринадцати часов и рассматривать ее. Подойдя к нему, я должен начать: «Все-таки икона написана плохо». Он спросит: «А ты не смог бы написать лучше?» «Конечно, могу»,— должен ответить я. «Чем писать, возьми лучше готовые божьи иконы»,— предложит он.

Так все и случилось. Он передал мне готовые снимки икон. Среди них был и тот важный документ.

На Гоголевской улице, в бараке, раза три или четыре встречался я с девушкой лет двадцати. С ней встречался и в поселке тарного комбината. А потом, в конце 1943 года, во время перехода в Ушачскую зону, встретился с ней и в партизанской бригаде.

Всегда я старался четко выполнять задания командования, быть осторожным, никогда не забывать, что хожу по острию бритвы и каждый неточный шаг, малейший промах или поспешный поступок могут стоить жизни не только мне одному.

Но иногда моя увлекающаяся натура, шаловливый нор и мальчишеское ухарство толкали на необдуманные шаги. Кое-когда не выдерживал и допускал непозволительные вольности. Не часто, но все же было.

Я уже рассказывал, какую взбучку получил от «Дяди Алеши», когда принес из Витебска и передал через «почтовый ящик» четыре немецких пистолета и сверток медикаментов. В записке он категорически запретил мне переносить оружие и что бы то ни было, кроме почты, требовал делать только то, что будет поручаться командованием бригады. «И никакой самостоятельности. Это — приказ»,— заканчивалась записка. То же самое не раз втолковывал мне при встречах «Мишка-парашютист»...

Но не так-то легко было выполнить мне это приказание. Слишком много в жизни бывает соблазнов, от которых не так просто отделаться.

В Сосновке, Волосове, Замосточье, Перевозе и других местах не раз слышал я возмутительные рассказы жителей, особенно мальчишек, о недостойном поведении одной женщины из деревни Перевоз. Она путалась с фашистами и их пособниками, пьянствовала, открыто распутничала, превратила свой дом в настоящий притон. Кроме того, всякими путями — уговорами, угрозами и подкупом — старалась привлечь туда деревенских девушек. Ее побаивались все честные люди. Жила она в доме вместе с родным братом Семеном, заядлым полицаем, который на всю округу славился жестокостью и грабежами.

Я заинтересовался этой особой, узнал, где она живет, когда чаще всего бывают сборы, кто и когда посещает этот притон. Не один раз проходил мимо дома Васютиных, запомнил каждую стезжку, тропку, кустик, все подходы и отходы.

Как и другие, я всей душой ненавидел эту тварь, возмущался и был глубоко убежден, что она не должна жить и своими грязными ногами топтать нашу землю. Но что предпринять? Сначала думал написать обо всем этом «Дяде Алеше». Решил его не беспокоить. Разве мало важных дел у комбрига, стоит ли отрывать у него время на чтение такого письма. Но и оставлять гадину без наказания тоже нельзя. Как ни убеждал себя не вмешиваться, как ни пытался рассудить все трезво — ничего не вышло. Желание победило рассудок. Я решился...

В воскресенье взял с собой гранату-«лимонку», пистолет и отправился в деревню Перевоз.

Одновременно я должен был по делу побывать в Сосновке, в семье Шипуло. Зашел к ним, передал, что надо было, и часа в два дня пришел в Перевоз. Стоял погожий день. Солнце своими лучами заливало все вокруг. Прошел два раза через деревню, медленно прошагал около дома той женщины. Первый раз, когда проходил, несколько фашистов курили во дворе. Окно было раскрыто настежь, я хорошо видел накрытый стол, вокруг которого хлопотали хозяйка и две девицы.

За деревней на лужайке побродил несколько минут, чтобы убить время, и снова пошагал к нужному дому. Теперь уже во дворе фашистов не было. Они сидели за столом и усиленно «работали». Одни брали закуску, другие наливали рюмки. Перед окном у граммофона возилась хозяйка. Вдогонку мне понеслась музыка.

«Ну, теперь пора», — подумал я и направился в другой конец деревни. Нервы напряглись до предела, в висках стучало, как будто кузнец непрерывно колотил молотом о наковальню. За деревней вынул гранату, прочно прижал скобу к чешуйчатому корпусу, зубами выдернул чеку взрывателя, всунул в карман руку с зажатой гранатой и быстро пошагал обратно. Вот и дом, будь он трижды проклят. Хорошо слышны музыка и говор пирующей компании.

В двух-трех метрах от раскрытого окна повернулся к дому. За столом лицом к окну, прямо передо мной, сидела раскрасневшаяся хозяйка, рядом — несколько фашистов. Я выхватил из кармана руку с зажатой гранатой, подскочил к окну и швырнул «лимонку» на середину стола. Я видел и даже слышал, как она шлепнулась в большую глиняную миску с салатом.

Несколькими прыжками пересек улицу, перемахнул через забор, забежал за сарай и пулей помчался к кустам, которые начинались за самыми огородами.

Взрыва не слышал. Или это мне показалось от нервного напряжения, или действительно граната не взорвалась. Когда я был уже около кустов, началась беспорядочная стрельба из пистолетов, а потом раздалась и автоматные очереди. Но я уже убежал далеко.

Да, граната не взорвалась. Видимо, не сработал взрыватель. Я проклинал всех на свете: и тех, кто сделал эту гранату, и тех, кто изготовил к ней взрыватель, и всех, всех, в том числе и себя. Себя больше всего корил за то, что вообще связался с гранатой, которая сейчас казалась мне самым ненадежным в мире оружием. Мог же я выхватить пистолет и в упор через окно уложить хозяйку, пристрелить несколько офицеров и успешно скрыться.

Всегда мы разумны потом. Произошла ошибка, но хоть страху разгулявшейся компании я нагнал предостаточно. Гитлеровцы, видно, онемели от ужаса и с минуту глядели на гранату, влетевшую в салат и готовую в любой момент взорваться. Уж потом, спохватившись, бросились во двор. Говорили, что через день та женщина оставила Перевоз и умчалась к родственникам, то ли в Витебск, то ли в Оршу.

Я молчал о происшедшем¹ никому даже не заикнулся об этом, хотя обида за такую горькую неудачу еще долго угнетала меня. Но весть о случившемся быстро разнеслась за пределы Перевоза. Об этом заговорили в партизанских отрядах. Всех интересовало, кто же совершил такое рискованное покушение.

Только много позже, в начале августа, перед отправкой меня в разведку в Оболь, «Дядя Алеша» как бы между прочим спросил:

— А ты не знаешь, какой это сорванец забросил гранату через окно на стол разгулявшихся фашистов в деревне Перевоз?

Это было сказано так неожиданно, что я не успел ничего сообразить и сделать вид, будто ничего о том случае даже не слышал. Сразу же ответил:

— Нет, не знаю, «Дядя Алеша».

— А я знаю. Это дело твоих рук. Имей в виду... В другой раз пойдешь под суд... Озорство несовместимо с дисциплиной.

Я стоял перед ним потупив голову и не мог промолвить ни слова. Врать не смел, а сказать в свое оправдание было нечего.

— Чтобы больше подобного ничего не было. Ясно?

— Ясно, «Дядя Алеша».

Вскоре после покушения на пировавшую компанию в деревне Перевоз по заданию командования бригады я пошел в Витебск на связь с подпольщиками. Иду через анисковский борок, вдруг слышу — кто-то зовет меня из кустов:

— Малчик! Малчик!

Остановился. Нигде никого. Только хотел продолжить свой путь, снова слышу:

— Малчик, хады суда, нэ бойся...

Только теперь замечаю в кустах орешника худого, заросшего щетиной человека в старой

потрепанной одежде с начищенной до блеска винтовкой на плече. По акценту и облику сразу догадываюсь, что он кавказец.

— Я советский солдат Кокая,— начал он, когда я подошел поближе.— Был в плену у фашистов, бежал с поезда, ищу партизан.

Мы отошли чуть подальше в кусты, сели, и он рассказал о своих мытарствах уже подробней.

Грузин. Родился в 1911 году. Коммунист, инженер-строитель. В первые дни войны мобилизован в армию и сражался с фашистами. Под Харьковом попал в окружение, а затем в плен.

Лагеря, колючая проволока, голод и холод, каторжный труд, расстрелы, травля овчарками — прошел все круги ада; не думалось, что когда-нибудь удастся вырваться, пока не загнали пленников в товарные вагоны и не повезли их куда-то на запад.

На четвертые сутки ночью Кокая бежал, выбросившись из окна идущего эшелона.

Сильно ушибся при падении, но обращать на это внимания не было времени. Пополз подальше от железной дороги. Потом прилег отдохнуть; только задремал, как со стороны железной дороги послышался оглушительный взрыв. Кокая обрадовался: это вражеский эшелон наскочил на партизанскую мину. Значит, партизаны где-то поблизости. Вспыхнуло неодолимое желание быстрее найти их, влиться в их семью и громить врага. Поднялся. Вот опушка леса и впереди на взгорке — деревня. Правее увидел пасущихся коров. Значит, там должен быть и человек. Направился туда. Возле коров сидел пастушок и плел лапти. От него Кокая узнал, что находится в Белоруссии, в деревне много гитлеровцев, в соседних тоже стоят немцы, партизан близко нет, к железной дороге они приходят издали, ставят мины, пускают под откос эшелоны, взрывают мосты и снова уходят.

Поблагодарил Кокая своего юного друга и подался лесами и болотами в направлении возможного расположения партизан. Колесил вокруг деревень, обходил поля и озера, перебирался через реки и оживленные дороги. Боясь попасть в руки немцев, в деревни заходил редко: летом в лесу голодному легче, питался ягодами, щавелем, заячьей капустой. Вот так уже месяц он ищет народных мстителей, и все безуспешно.

Наконец ему повезло. Он узнал, где можно встретить партизан. Два дня назад в лесу увидел двух подростков, рассказал про свою беду, ребята принесли ему лопоту хлеба, ржавую винтовку и десяток патронов, провели его сюда, в анисковский борок, и посоветовали здесь ждать партизан. Вот и сидит Кокая вторые сутки в кустах. За это время очистил, привел в порядок винтовку.

— Помоги мне, малчик,— закончил свой печальный рассказ Кокая.— Очень прошу, век не забуду!

Глубоко в душу запала мне его грустная исповедь. Искренне поверилось, что Кокая говорит правду. Но как же мне быть? Что предпринять? По долгу разведчика не имею права ничего предпринимать самостоятельно. Но совесть не позволяла оставить человека в беде. И я пообещал ему на обратном пути помочь разыскать партизан, хотя точного расположения, мол, не знаю.

— Буду возвращаться скорее всего завтра днем,— сказал я.— Если хотите, ждите, только будьте осторожны и из кустов больше не высовывайтесь, по большаку нередко ездят фашисты. А встретятся вам партизаны раньше моего возвращения, идите с ними, только сломайте вот эту ветку, чтобы я знал, что вы ушли. Вот вам кусок хлеба, перекусите. До свидания!

— До свидания, кацо! Буду очень ждать,— пообещал Кокая.

На другой день я возвращался из Витебска и в том же анисковском борку встретил его. Через два часа мы были уже около церковищенского кладбища, где стоял дозор 1-го батальона нашей партизанской бригады.

— Принимайте пополнение, товарищи,— сказал я старшему дозору Лукьянову.— Нашел бедолагу по дороге.

— А сам-то ты кто такой? — поинтересовался Лукьянов.

Я его и многих других командиров не раз видел и знал хорошо, а они меня нет.

— Я? Никто. Просто человек.

Лукьянов насторожился. Видя это, я продолжал:

— Если уж вам так хочется знать, кто я, дайте листок бумаги и карандаш.

Я написал всего одно слово «Сорванец» и передал бумажку Лукьянову.

Позже мне не раз приходилось встречаться с Варламом Павловичем Кокая, вместе ходить в засады и на диверсии, участвовать в боях. Став партизаном, он быстро завоевал уважение товарищей, зарекомендовал себя находчивым, смелым, умеющим быстро оценивать обстановку и принимать правильные решения бойцом, а потом и командиром отделения.

Все шло своим чередом, но однажды, возвращаясь из разведки, пробираюсь по кустам недалеко от

фашистского гарнизона, где два часа назад вели бой партизаны, и слышу стон. Ползу туда и глазам своим не верю: Кокая! Лицо бледное, искажено от боли, губы посинели, одной рукой зажал на животе рану и между пальцами течет кровь, в другой держит у виска пистолет со взведенным курком.

— Кокая! Кокая! — шепотом зову его.

Он открыл глаза. Узнал.

— Умираю,— говорит,— прощай. Лучше застрелюсь, чем снова в плен...

— Не надо,— прошу его.— Я утащу тебя к своим.

— Нет. И сам попадешься из-за меня... Уходи. Передай, что честно погиб Кокая...

А у меня мысль — как отнять у него пистолет. Ведь нажмет крючок — и готово.

Хитростью выманил-таки у Кокая пистолет. Потом быстро снял с себя нательную рубашку, разорвал на части, кое-как перевязал его рану и медленно, тяжело повел товарища к своим. Он стонал, ругал меня, но прислушиваться к этому не было времени. Километра через четыре мы встретили партизан.

В лесном госпитале врач осмотрел Кокая и приказал немедленно класть на операционный стол. Позже узнал, как его ранили. С пистолетом в руке вел бойцов в атаку, вдруг резко остановился, зашатался и упал. К нему подбежали два партизана, чтобы вынести с поля боя, он отказался от помощи, заявил, что сам уползет, но, по-видимому, сбился с дороги, так и остался в кустах, где я на него случайно наткнулся...

Провал в витебском подполье

В начале августа 1943 года (уже в который раз) отправился на задание в Витебск. Подхожу утром к дому «Сапожника». Кажется, еще не дошел до крыльца, как в полуоткрытой двери показалось взволнованное лицо хозяина.

— Немедленно уходи, мы провалились. Все арестованы. Петр тоже арестован. Передай своим, что в часы попал песок,— сказал «Сапожник» скороговоркой и захлопнул дверь.

Я пошел в город. Было больно за товарищей. Надо спокойно собраться с мыслями. Все ли арестованы? Добрались ли до Черткова? Что со «Вторым»?

Подхожу к развилке, где сходятся дороги из Сенно и Бешенковичей перед лучесским мостом. До этого места в теплое время я всегда ходил босой. На развилке полным-полно немцев. Сидят на обочине. Курят. Болтают. Вначале подумал — не облава ли? Это у них часто бывает. Но нет. Прохожу. Они не обращают на меня внимания, а я делаю вид, что они для меня вообще не существуют.

Прешел и сел на обочину. Развязал одной рукой шнурки ботинок, вторая рука на повязке. Под ней за поясом пистолет. Начинаю обуваться. Как трудно надеть ссохшийся ботинок одной рукой! Сижу, мучаюсь...

Крайний немец смотрел-смотрел на меня, потом поднялся. Я насторожился, сжался в комок, как пружина. Но напрасно. Немец садится передо мной на корточки. Надел мне ботинки. Зашнуровал. Спрашивает, что у меня с рукой.

— Партизаны подстрелили. Отца убили. Он полицай. А меня вот ранили,— объясняю ему словами и жестами.

— Партызан никс гут, плёх, плёх,— прошепелявил немец, вынул из кармана галету и дал мне.

Он или вспомнил сына своего, или у него проснулись отцовские чувства, или просто оказался человеком.

Поблагодарил немца, поднялся и пошел.

Я знал, что ко «Второму» могу идти либо по указанию, либо если что случится с «Сапожником». Значит, должен идти ко «Второму». Но это вечером. Свободного времени у меня было предостаточно, и я решил сначала зайти в городскую больницу, выяснить, не арестован ли Чертков.

Пришел на Лобазную улицу к больнице, сел в тени на противоположной стороне и наблюдаю. В больницу заходить не стал, боюсь попасть в ловушку или навести на след. Через некоторое время вижу — выходит со двора старушка-медсестра Екатерина Семеновна. Значит, не арестована. Жду. Всматриваюсь в окно на втором этаже. Там кабинет Черткова. Где-то часов в двенадцать в белом халате и шапочке показался Чертков, открыл окно. Я обрадовался, настроение поднялось. Значит, нить, пойманная немцами и ведущая в подполье, не дотянулась сюда.

Иду на Полоцкий рынок. Прохожу по тропе в сторону Юрьевой горки. Никаких изменений в домике не замечаю. На окнах по-прежнему белоснежные занавески, калитка заперта на крючок, во

дворе чистенько подметено. Кажется, все в порядке.

Вечером захожу в дом. И «Дядя Жора» и «Тетя Катя» дома. «Дядя Жора» немножко взволнован, но старается не показывать виду.

— Я шел к «Сапожнику», но там случилась беда. Поэтому пришел к вам. Принес пакет,— начал я.

— Да, случилась беда. В механизм попал песок. Нам отрубили одно крыло. Жаль людей. Так хорошо все было организовано и продумано, но просмотрели. Враги тоже не спят,— проговорил «Дядя Жора» в глубоком раздумье.— Но они еще узнают наших, мы отомстим за смерть товарищей.

— Они что — уже расстреляны? — спросил я.

— Нет. Только один убит. Он оказал вооруженное сопротивление, уложил наповал фашиста и сам погиб. Ему легче, а остальным предстоят пытки.

— Не смалодушничает кто-нибудь из них, не выдаст остальных?

— Что ты? Не должно быть. Все ребята надежные и испытанные,— уверенно ответил «Дядя Жора».— Тем более у нас хорошая конспирация, и арестованные знают немногих.

Я спросил, известно ли ему, что Чертков связан с группой через «Сапожника».

— Конечно. И сегодня от него получили очередную партию медикаментов. Чертков ничего не знает об аресте товарищей. Ему не следует говорить об этом. Так спокойнее,— предупредил он.

— А что с «Сапожником»?

— Ничего. Мастерскую закрыли. Перевели в надежное место, продолжает работать.

Перед сном он опять попросил, чтобы я отдал ему пистолет.

— А может, не надо, «Дядя Жора»? Вдруг что случится. Я не хочу живым попадаться в руки фашистам.

— Не волнуйся. Этого не случится. Во-первых, еще никакой опасности нет, а во-вторых, если что и случится, то ничего не останется ни от нас, ни от того, кто за нами придет. Наш домик надежно заминирован,— сказал он, потрепал меня по щеке и забрал пистолет.

Назавтра, возвращаясь домой, я заметил, что на домике «Сапожника» уже не было вывески. На дверях висел большущий замок. После этого я еще два месяца ходил в Витебск ко «Второму». Всегда обращал внимание на домик «Сапожника». На дверях все так же одиноко висел тот большущий замок.

Фашисты почти одновременно схватили около ста пятидесяти патриотов, активных участников подпольных организаций Витебска и прилегающих к нему населенных пунктов. Тогда были арестованы и патриоты торфопредприятия «Городнянский мох», которыми руководил Антон Никитич Козлов.

Как выяснилось потом, оккупантам удалось заслат в витебское подполье провокаторов из группы хорошо обученных и подготовленных «ловцов партизан». Так фашисты называли завербованных ими различного рода предателей и изменников Родины, которые уже успели замазать свои руки в народной крови, проявить себя рьяными служаками «нового порядка». Организация «ловцы партизан» была создана при тайной полевой полиции (сокращенно ГФП).

В начале 1943 года в район Витебска в составе войск ГФП-703 в строжайшей тайне прибыла большая группа «ловцов партизан», которую возглавлял бывший унтер-офицер русской армии Печенкин. Он после Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны бежал за границу, где вместе с недобитыми белогвардейцами поступил на службу к фашистам, и до войны жил в Германии.

Провокаторы немедленно приступили к выполнению своих подлых планов. Они выступали то в качестве партизанских представителей, прибывших в город на связь с подпольщиками, то в роли военнопленных, желающих связаться с партизанами с целью ухода в лес. Используя высокий патриотизм советских людей и горячее стремление бороться с фашистской чумой, пользуясь неопытностью и доверчивостью отдельных патриотов, «ловцы партизан» вскоре сумели проникнуть в некоторые подпольные организации. Они развернули активную деятельность, нащупывали нити связей с партизанами, разыскивали подпольные организации, выявляли советских патриотов и молодежь, желавших уйти в партизанские отряды.

Августовские провалы в витебском подполье и аресты многих руководителей лучших организаций, испытанных и закаленных в борьбе с врагом, серьезно обеспокоили подпольные обком, горком партии и партизанское командование. Были срочно приняты меры к выявлению провокаторов. Подпольщики, над которыми нависла угроза, отзывались в партизанские отряды. Горком партии работал над восстановлением подпольной сети, создавал новые организации и группы.

Начавшиеся аресты и провалы в подпольных организациях, особенно арест патриотов торфопредприятия «Городнянский мох» во главе с Антоном Козловым, сильно обеспокоили сосновских

подпольщиков и руководство партизанской бригады «Алексея». Александр Фомич Шипуло чувствовал, что фашисты все больше и больше к нему присматриваются, меньше доверяют, следят за его работой. Не раз по мельчайшим деталям он замечал, что его рабочий стол и шкаф подвергались досмотру.

Обо всем этом я сообщил в бригаду. Было решено на первый случай вывести в партизаны одиннадцать человек: семью Шипуло и восемь других подпольщиков, над которыми нависла угроза.

Эту операцию поручили провести начальнику разведки 16-го отряда Михаилу Григорьеву, бывшему ученику Сосновской средней школы. Неуловимый разведчик и бесстрашный комсомолец, он еще в мае 1942 года установил контакт со штабом отряда имени Селиваненко, а затем и с отрядом «Моряк», регулярно передавал партизанам разведданные, документы и бланки немецких аусвайсов, добываемые сосновскими подпольщиками, сам проникал в штабы фашистских подразделений и выуживал необходимые сведения, участвовал в диверсиях, передавал подпольщикам указания партизанского командования.

Не раз фашисты и их ищейки нападали на след Миши Григорьева, арестовывали и держали в застенках его отца, но схватить юного разведчика им так и не удавалось. Лишь летом 1942 года его случайно задержали в Лиозненском районе, продержали сутки под арестом и, не зная с кем имеют дело, отпустили. В начале февраля 1943 года Михаил вынужден был уйти в партизаны, стал разведчиком отряда «Моряк», затем его назначили начальником разведки отряда «Комсомолец», позже — «Большевик», а с января 1944 года — командиром отдельной роты разведки 1-го батальона бригады «Алексея». Так и провоевал он до соединения с Красной Армией.

Когда в ноябре 1943 года бригаде потребовалось связаться непосредственно с командованием частей Красной Армии, действовавших на витебском направлении, чтобы передать разведданные и важнейшие немецкие документы, попавшие в руки партизан, А. Ф. Данукалов направил за линию фронта именно комсомольца Михаила Григорьева. Михаил с шестью бойцами долго возился в боевых порядках фашистской обороны, пока отыскал щель. Задание командования было успешно выполнено. Через неделю Михаил Григорьев вернулся в бригаду, не потеряв ни одного бойца.

— Молодец, Михаил! Везучий ты человек! — заключил комбриг, выслушав рапорт Григорьева.

Не раз Григорьев попадал под вражеские пули и снаряды. Но счастье никогда ему не изменяло — везло человеку. Сколько случалось: то изрешетят полы кожанки, то осколком вырвет клоч голенища, то автоматной очередью прошьет шапку-чапаевку, а Михаил всегда оставался почти невредим, отделялся легкими царапинами руки, ноги, головы... Лишь однажды пролежал месяц после контузии. И на этот раз человеку, считай, здорово повезло. У спящего Михаила Александровича в кармане кожаной куртки взорвалась граната, изрешетила стену дома, а ему — ни царапины, только сильно оглушило.

Семь дней лежал Михаил без сознания, и все это время возле него сидела отрядная медсестра Валентина Кравченко. Разведчики уже думали, что не придет в себя их бесстрашный командир. Врачи не обещали ничего утешительного, записали Михаила в безнадежные. Валя не раз тайком вытирала слезы. Любила она этого храбреца, любила втайне, боясь признаться даже себе.

А за эти дни так привыкла к нему, что и представить не могла жизни без него.

На восьмой день Михаил очнулся, начал кое-что соображать. Только никак не мог понять, почему он не слышит голоса друзей. Глазами видит, что они что-то говорят, смеются, но слышать ничего не слышит. Оказалось, что от разрыва гранаты лопнула в правом ухе барабанная перепонка, левое же — временно оглохло, но постепенно позже стало отходить. Дела пошли на поправку. Вместе с сознанием и слухом возвращалась к нему и прежняя веселость, ухарство. Все чаще шутил он, а однажды не то в шутку, не то всерьез заявил медсестре:

— Хорошая ты дивчина, Валя, добрая, сердечная. Вот воскресила меня с того света. Давай, родная, поженимся, да и только.

— Да ты что?! С ума спятил,— покраснела до самых ушей Валя.

— Люблю я тебя, очень люблю.

— А я не люблю,— соврала она,— смотреть на тебя не могу.

— Это не беда, привыкнешь ко мне, а там и полюбишь.

Не затаил зла на Валю Михаил, но первое время старался избегать ее, пытался не встречаться с ней наедине, не возвращался к разговору о любви и женитьбе, все присматривался со стороны, думал: «Правду ли сказала она, что не любит его, или сболтнула так, сгоряча?» Он хорошо знал, что не одна девушка вздыхает по нему, за счастье бы приняла его ухаживания, хоть в великий пост пошла бы замуж за Михаила, не задумываясь. А эта нет. Гордая...

Валя все время терзала себя, каялась, что оттолкнула Михаила, соврала, сказала, что не любит. «А если он рассердится, поверит, что я действительно не люблю, и не подойдет ко мне больше?..»

Но Михаил все чаще и чаще стал искать поводы встретиться с Валентиной, выискивать возможности остаться наедине, снова и снова заговаривать о любви. Валя крепко стояла на своем: «Не люблю, и все». Скажет, а потом плачет ночами. Вот натура человеческая. Думает, мечтает, ласкает мысленно, старается хоть издали взглянуть на любимого, с нетерпением ожидает встречи, дает клятву, что признается ему в любви, а сама, когда встретится, говорит совершенно другое.

Наконец Валя снисходительно сказала:

— Хорошо. Выйду за тебя замуж, но только после войны. Может, и вправду привыкну, а там, кто знает, и полюблю...

— Что ты, Валя, говоришь?! Когда эта война кончится? Может, пять раз погибну.

— Если захочешь жениться, то выживешь,— сказала она, как отрезала.

И сдержала слово. Действительно, только после войны вышла замуж за Михаила Григорьева.

Но до этого еще время дойдет не скоро, много воды утечет.

А сейчас Михаил Григорьев взял с собой Аркадия Макеенко, Виктора Савицкого и Ивана Шняка и отправился в Сосновку выполнять задание командования. Добрались благополучно. Остановились в деревне Железняки и через связных сообщили Шипулам, что их ждут.

В ночь на 13 августа одиннадцать подпольщиков явились в назначенное место. Все были вооружены, имели винтовки, гранаты, патроны, а некоторые — автоматы и пистолеты. Только Александра Александровна (мы всегда ее звали Шура Александровна) шла с медицинской сумкой, набитой медикаментами и бинтами, да пачкой немецких карт и планов, которые различными путями сосновским подпольщикам и военнопленным удалось добыть в штабах вражеских частей.

Удачно перешли железную дорогу, незамеченными обошли фашистские гарнизоны, добрались до реки Черничанки, а за ней уже вон на горке и деревня Песочно. Около самой окраины ее — мост, через который незаметно не пройдешь. Сюда часто наезжают полицаи и немцы. Залегли в кустах над болотиной. Солнышко уже поднялось высоко. Решили отдохнуть и подождать ночи, а там под ее покровом спокойно перейти мост и пойти дальше. Пролежали несколько часов, перекусили. Дело шло к полудню. Нигде не видно ничего подозрительного.

— Давай, командир, пойдем,— говорит Савицкий.— Видать, фашистов сегодня здесь не будет.

— Правильно! — поддержали остальные, особенно бывшие подпольщики.

Каждому из них хотелось побыстрее добраться до отряда и стать настоящими партизанами. Согласился с ними и Григорьев. Аркадия Макеенко он послал в деревню Песочно в разведку. Тот осторожно вышел на мост. Никого. Кругом тихо. Зашел в крайнюю хату. Все Спокойно.

М. Ф. Логинова

И. Д. Свириденко

Н. П. Покладов

С. Э. Беккер

В. Г. Крузигер

Н. И. Чертков

А. М. Муравьев

Е. Н. Конюхов

Группа партизан-алексеевцев (слева направо): в первом ряду — И. Ф. Аскерко, И. П. Лепло, А. В. Антоненко; во втором ряду — С. Е. Сележко, Я. В. Гайдаревский, А. Т. Щербаков, И. Ф. Пржевальский, А. А. Шипуло, М. И. Максимов; в третьем ряду — С. Д. Махлаев, И. В. Менжинский, В. Е. Мараринова, Н. И. Шерстнев, Т. А. Бородулина, Ф. Т. Якушев; в четвертом ряду — К. А. Старикович, А. А. Нахаев, М. Ф. Якушева, В. И. Бородин, М. В. Гайдаревская, И. П. Казанцев, И. С. Поливкин

В. И. Пирогов

Ф. С. Крыжевич

А. Г. Антонов

Л. С. Павроз

Е. Р. Мироненко

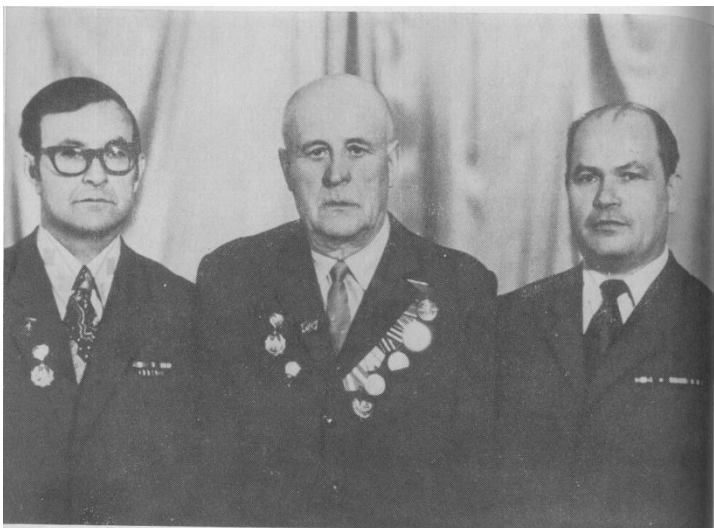
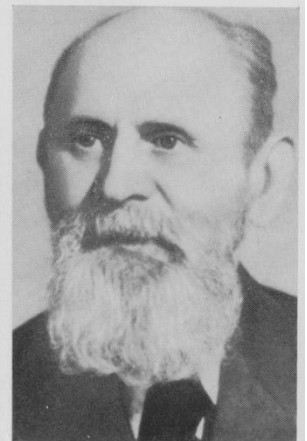
А. Г. Малаховский

Г. Ф. Макеев

А. Ф. Шипуло

Ф. С. Кузнецик, П. А. Казаков, В. Т. Погибко

Семья Давыдовских (1940 год)

В. В. Григорьев

Через тридцать лет Е. Е. Войтенко-Бруева встретила со своим спасителем П. Л. Лебедевым

П. Д. Богдановский

Участники подполья в Сосновке (слева направо): сидят — А. А. Шипуло, И. Г. Томашова, А. И. Яковлева, С. Е. Сапежко; стоят — М. М. Яскин, В. В. Макеев, В. Я. Дягилев, Н. М. Яковлев, В. М. Яковлев, М. А. Григорьев

И. А. Шипуло

Е. Л. Смольская и И. А. Белогуб

Г. А. Милошевский

Н. Г. Столяренко и П. Л. Лебедев

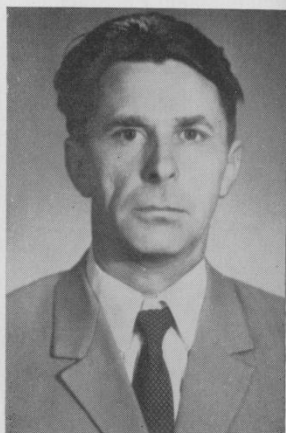

Встретились боевые друзья — бывшие партизаны-алексеевцы (слева направо): сидят — М. К. Яковлева, А. С. Кигашова, Л. Т. Глебо, Ф. П. Рогачева; стоят — В. И. Рыжикова, И. Н. Сипаров, Э. М. Пржевальская, Л. И. Благушко, Л. П. Антоненко

Здесь, под дубом с шершнями, был партизанский «почтовый ящик»

С. М. Корнеев

Б. Р. Мироненко

Семья П. А. Лебедева (1978 год)

В. Д. Шелухо

В музее колхоза имени А. Ф. Данукалова Лиозненского района бывшая партизанка бригады «Алексея» Е. А. Яковицкая рассказывает школьникам о боевом пути прославленного комбрига

*27 апреля 1974 года, в день 30-летия гибели
А. Ф. Данукалова, бывшие партизаны-алексеевцы
пришли на могилу комбрига в городе
Лепеле*

Григорьев оставил группу в кустах, а сам приблизился к мосту, чтобы видеть сигналы Аркадия.

— Давайте быстрее! Никого нет! — сообщил Макеенко.

Группа поднялась и побежала к мосту. Григорьев впереди, за ним новички, а Витя Савицкий и Ваня Шняк, как и положено, последними, чтобы на всякий случай прикрыть людей. За ними спешила и Александра Александровна. То ли ей тяжело было, то ли, имея медицинскую сумку, чувствовала она свое место в этом строю. Скорее всего, последнее.

Партизаны выскочили на дорогу. Когда до моста оставалось не более полусотни метров, со стороны колковского кладбища из-за горки выползли два грузовика, битком набитые фашистскими солдатами. Возвращаться назад уже было поздно. Выбора другого нет. Только вперед. Каратели заметили партизан и поддали «газу», машины помчались к мосту.

— Быстрее, быстрее! Вперед, через мост и в кусты! — кричал Григорьев.

Сам он перебежал мост и из-за кустов открыл по передней машине огонь из автомата. С горки от Песочно бежал Макеенко и на ходу посылал одну за другой автоматные очереди по машинам. Партизаны перебежали мост и над рекой уходили к кустам. Первая машина буквально на плечах группы Григорьева мчалась к мосту, но в пяти метрах от него вильнула влево и поползла в реку. Видно, автоматные очереди достигли цели. Фашисты выскочили из кузова и бежали через мост, но им преградил путь второй грузовик. Григорьев, Шняк, Савицкий, Макеенко и Игорь Шипуло открыли огонь по нему. Вторая машина выползла на мост, однако левое колесо ее сразу же провисло, и она накренилась в речку. Немцы выпрыгнули из кузова, многие из них перебежали мост, стреляя на ходу. Оставшиеся на левом берегу залегли и повели прицельный огонь.

Григорьев приказал прикрывающей группе отходить в сторону Ивановки. Побежали догонять новичков, которые уже скрылись в кустах. Отходил по огородам и Аркадий Макеенко, изредка

отстреливаясь. Витя Савицкий оглянулся и увидел, как в двадцати метрах от него оккупант целится в Аркадия. Он вскинул винтовку и выстрелил. Немец рухнул на землю. В этот момент из-за моста поднялась группа карателей и кинулась за уходящими партизанами. Витя схватил противотанковую гранату и со всего размаху бросил ее в гущу гитлеровцев. Но автоматная очередь прошла грудь комсомольца Савицкого. Он упал замертво. От разрыва гранаты несколько фашистов свалились на землю убитыми и ранеными. Остальные растерялись и замешкались. Макеенко подскочил, схватил винтовку погибшего Вити и скрылся в кустах. Он догнал группу уже в лесу.

Так получили боевое крещение сосновские подпольщики, уходя в партизаны. Комсомолец, партизанский разведчик Виктор Савицкий сознательно отдал жизнь, чтобы спасти товарища по борьбе Аркадия Макеенко.

К вечеру сосновские подпольщики прибыли в 16-й партизанский отряд и были зачислены в его личный состав.

Остальные подпольщики оставались в Сосновке, трудились, кому где приходилось, но связи между собой не теряли. После ухода в отряд их руководителя Александра Шипуло там целенаправленного руководства деятельностью сосновских подпольщиков не стало. Сейчас они в основном занимались добычей оружия и боеприпасов, подготовкой к уходу в партизаны. Подпольщики уже знали, что бригада «Алексея» ушла в сенненском направлении. Иногда через связных оставшиеся подпольщики получали весточки от своих боевых друзей из леса.

Но вот нависла новая опасность. Упорно поползли слухи, что фашисты готовятся вывезти молодежь Сосновки и окружающих деревень в Германию. А спустя некоторое время уже вывесили списки юношей и девушек, подлежащих вывозу в фашистскую неволю. Дальше время тянуть было некуда.

Первыми ночью ушли пять бывших учеников Сосновской средней и Селютской неполной средней школ Юрий Павленко, Владимир Зиновьев и другие, вооруженные винтовками и гранатами. Они самостоятельно пробирались к алексеевцам, но по дороге встретили разведчиков бригады И. К. Захарова и пошли вместе с ними.

Затем перебрались в бригаду «Алексея» шесть комсомольцев Сосновской школы, живших в деревне Волосово: Анатолий и Василий Сорокины, Василий Артеменко, Михаил Пугачев, Василий Постеев и Андрей Баринов. Перед уходом в партизаны Анатолий и Василий Сорокины из дома своего дяди, где квартировали немцы, утащили пулемет и два автомата.

Через несколько дней после этого в ивановский лес, на лесопилку, где временно остановился 16-й отряд алексеевцев, сосновский комсомолец Алик Осипов, который верховодил среди своих сверстников, привел вооруженную группу бывших учащихся Сосновской и Селютской школ. Их было около двадцати человек. Среди них с винтовкой на плече и подсумками на немецком ремне стояла шуленькая девушка Надя Шаврова. Она тоже пришла бить фашистов, защищать Родину.

Прибывшую группу добровольцев, выстроенную в шеренгу, обходил начальник штаба Ставицкий. Командир отряда Артем Исаевич Ваканов отсутствовал. Начальнику штаба бросился в глаза самый маленький по росту партизан с немецким автоматом на груди — Алик Осипов. Ставицкий безапелляционно приказал:

— Выйди из строя, сдай оружие и возвращайся домой! Здесь не детский сад...

Как ни просили ребята за Алика, ничего не помогало. Просила за него и прибежавшая сюда Александра Александровна Шипуло. Но начальник штаба стоял на своем. К счастью, вскоре вернулся командир. Выслушав внимательно обе стороны, он приказал:

— Зачислить в личный состав отряда комсомольца Александра Осипова!

Так снова пополнилась семья алексеевцев за счет бывших воспитанников Сосновской средней школы. Справедливости ради следует сказать, что не было в бригаде «Алексея» такого количества воспитанников других школ, сколько Сосновской. Их насчитывалось сто два человека. Да, наверное, и в других бригадах не было ничего подобного.

Среди алексеевцев находились многие учителя Сосновской школы. Так, комиссаром 20-го отряда стал учитель этой школы Евсей Георгиевич Дягилев. В первые дни войны он ушел на фронт, громил фашистов, но в 1942 году попал в окружение, вырвался оттуда, вернулся в Сосновку, а затем подался к алексеевцам. В конце июня 1944 года за несколько часов до соединения с частями Красной Армии Евсей Георгиевич пал смертью храбрых в бою с отступавшими озверевшими эсэсовцами.

Коллектив Сосновской средней школы смело может гордиться своими воспитанниками и считать своей партизанскую бригаду «Алексея», которой командовал Герой Советского Союза Алексей Федорович Данукалов. Не зря в 1976 году Совет Министров Белорусской ССР присвоил Сосновской

средней школе почетное имя А. Ф. Данукалова.

Во имя жизни

Немцы опять предпринимали отчаянные попытки покончить с партизанами. Вновь против них бросили регулярные войска, подразделения так называемой РОА, полицию и организацию «ловцы партизан».

Карательная экспедиция за экспедицией, аресты подпольщиков... Но от этого количество народных мстителей не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось. На место убитого партизана или казненного подпольщика становились десятки других. Фашисты еще больше зверели: жгли, убивали, вешали... Но это не утрашало людей, а вызывало еще большую ненависть к оккупантам, и все новые и новые патриоты брались за оружие, беспощадно громили фашистов и их пособников.

В июне алексеевцы уничтожили фашистский гарнизон в районном центре Чашники, разбили отряд карателей возле деревень Боровцы, Толпино, Липовичи и Гора. В июле отряды «Сокол» и имени Селиваненко под командованием В. А. Блохина уничтожили гарнизон в деревне Плисса Бешенковичского района, сожгли казармы, волостную управу, молокозавод, взорвали четыре дзота.

В августе враг снова стянул силы, готовился к очередному наступлению против партизан. В Оболь (Сенненскую) прибыл батальон карателей из бригады предателя Каминского.

В деревне Оболь, которая расположена на правом берегу реки Оболянка, находился фашистский гарнизон. Его задача — поддерживать в исправном состоянии шоссе Богушевск — Сенно и охранять мост через реку. Немцы и полицаи здорово укрепили свое гнездо. Построили блиндажи, дзоты, окопы с ходами сообщений, искусно оплелись колючей проволокой. Несколько севернее деревни, на берегу реки, с давних пор стоит высокое здание спиртзавода. В нем оккупанты постоянно держали человек пять наблюдателей и дозорных. Оттуда хорошо просматривались шоссе и мост через Оболянку. По дороге двигались колонны машин, обозы, шли гитлеровские войска на Богушевск и дальше в сторону фронта. Около моста в блиндажах дежурило боевое охранение.

Немцы и полицаи, боясь партизанских диверсий на шоссе, постоянно патрулировали свой участок. Нередко по утрам они выгоняли местных крестьян и заставляли их бороновать гравийное полотно дороги, чтобы выявить мины, если партизаны успели поставить их ночью. Гитлеровцы без жалости использовали для этого и «живые миноискатели»: прогоняли по дороге группы крестьян из окрестных деревень.

Только мост через Оболянку враги считали в полной безопасности. Считали, но просчитались... Алексеевцы добрались и до него. Группа подрывников из отряда «Интернационал» под командованием Валея Валерьяновича Имангулова 7 августа бесшумно пробралась к мосту, заложила сильный заряд взрывчатки и так же бесшумно ушла. Затем повернули ручку подрывной машинки... Ночную темень разорвало пламя, а тишину потряс оглушительный взрыв. Эхо его, переливаясь через верхушки леса, покатилося во все стороны, оповещая о новой победе народных мстителей.

Прибежавшие к месту диверсии фашисты увидели разрушенный мост и трупы двух его охранников. Движение по шоссе надолго прекратилось. Оккупанты почему-то не стали сразу восстанавливать мост, хотя гарнизон в Оболи оставался.

Сейчас для этого сюда и прибыл батальон «народников» из бригады Каминского. Расположился. Вскоре под оружием согнали мужчин из деревень и начали строить новый мост через реку.

Командование бригады направило меня туда в разведку. Обошел все. По-прежнему гарнизон и его охрана находились на старом месте, только еще больше укрепились и оплелись теперь уже в два ряда колючей проволокой. На спиртзаводе все так же несли вахту полицаи. «Народники» не стали селиться в деревне. Они разместились прямо в поле, на левом берегу реки, правее шоссе. Натянули палатки, поставили две походные кухни, установили три «сорокапятки» и одну 122-миллиметровую пушку, выкопали окопы, замаскировали пулеметные гнезда.

Строительство моста продвигалось вперед. Уже забили сваи, укладывали балки, отесывали бревна, волокли их к мосту, закрепляли...

Свыше сотни головорезов из 4-го батальона бригады Каминского, одетых с иголки и вооруженных до зубов, суетились на правом и левом берегах реки. Одни возились около орудий, другие устанавливали минометы, третьи стерегли крестьян, чтобы не разбежались. Командир батальона, матерый предатель Гляков, чуть в стороне стоял на полотне дороги, высоко поднимая голову и опершись о бок левой рукой. В правой держал хлыст и время от времени похлопывал им по начищенному до блеска голенищу. Весь его высокомерный, напыщенный вид говорил, будто он вершит судьбами человечества.

Мы с деревенскими мальчишками с хохотом и визгом носились по лугу, ловили бабочек, гонялись за кузнечиками, забегали в расположение «народников», выпрашивали сигарету, совали нос в казенную часть пушек, возле которых возились артиллеристы, пока не получали от них щелчка по носу, а то и доброго подзатыльника. Вся босоногая ватага ринулась к мосту и с гиком пустилась по балкам, перебежала на другую сторону реки. Нас ругали охранники, что-то кричали, но мы не слушали и не обращали на них никакого внимания. Там один «народник» успел каждому из нас дать лозовым хлыстом по спине и грязно выругаться. На эту мелочь тоже никто из нас не обратил внимания. С хохотом и визгом бросились мы в поле, повернули к спиртзаводу, промчались около самых проволочных заграждений гарнизона...

Разведка прошла удачно.

Командование бригады поручило провести операцию 1-му отряду.

25 августа партизанский отряд «Прогресс» по правому берегу реки бесшумно приблизился к лагерю «народников». Бойцы залегли в кустах и повели наблюдение. Из-за широкого куста орешника на изменников направили три бинокля: командир отряда Огиенко, начальник штаба Кудрявцев и комиссар Пименов. Они изучали обстановку, внимательно «прощупывали» лагерь врага, уточняли план нападения.

Время было послеобеденное. Крестьяне копошились у моста, около дымившихся кухонь возились повара. Вон пушки выставили свои хоботы-стволы, вон минометы, пулеметные точки... Все как и должно быть согласно данным разведки. Жарко. Солнце печет по-настоящему. Огиенко расстегнул воротник кителя, подкрутил светлые пушистые усы.

— Дай, Гаврилович, и мне глянуть туда хоть одним глазом,— попросил у него бинокль подползший к кусту пулеметчик Дмитрий Барашкин.

— Дывысь, дывысь! Только не пугайся. Их много. Больше сотни,— отдавая бинокль Барашкину, прошептал командир.

— Пуль на всех хватит,— вздохнул Барашкин, вернул бинокль и пополз на свое место.

«Храбрый хлопец,— подумал Огиенко, провожая уползающего пулеметчика.— С таким можно и в разведку, и в засаду ходить, не подведет».

Второй год парень носит пулемет. Пришел в отряд еще в Аиозненском районе. Командир повернулся к Кудрявцеву.

— Ну что, Лексей, будем работать? Пора и начинать.

— Пора-то пора, Гаврилович, да придется несколько изменить план нападения.

— Зачем менять? Все хорошо продумано. Ударим с двух сторон — и баста,— вмешался комиссар.

— Я предлагаю новый план.

— Ну, давай, давай, Лексей, выкладывай.

Суровая партизанская жизнь сдружила этих двух храбрых командиров. Оба они вступили в бой с врагом в первый день войны, на западной границе. Лейтенант артиллерист Кудрявцев с боями отступал на восток, бился под Минском, потом отходил снова. За Оршей, уже в окружении, встретился он с кадровым командиром, кубанским казаком Григорием Гавриловичем Огиенко, примерно таким же путем оказавшимся в этом «котле». Вместе выходили из окружения, вместе пробирались в сторону фронта по оккупированной территории, создали партизанскую группу, нападали на оккупантов, вместе попали к фашистам в плен, а потом на другой день убили конвоира и сбежали, вместе в начале 1942 года влились в бригаду «Алексея», много верст отшагали партизанскими тропами и не раз вместе смотрели смерти в глаза. Любил Огиенко своего начальника штаба и верил ему, как себе.

Алексей Николаевич изложил свой новый план операции.

Позвали под ореховый куст заместителя командира отряда по разведке Кузьму Брюсова и командира взвода Геннадия Пукова.

— Обстановка изменилась. Лексей родил новый план операции. Ты, Кузьма, берешь пять-шесть человек с пулеметом и автоматами, переправляешься через реку, идешь в обход и занимаешь позицию около шоссе на случай, если фашисты задумают тикать на Сенно. Пименов с группой направляется к спиртзаводу, чтобы заткнуть глотку дозору и сковать силы в самом гарнизоне, не допустить подхода подкрепления. Пуков со взводом по правому берегу накроет караульных. Я с отрядом переправлюсь на левый берег и двигаюсь по кустам к лагерю, а Лексей выходит на шоссе от Богушевска и первым наносит удар. Ясно?

— Ясно! Еще как ясно!

Огиенко поднес к глазам бинокль и чуть не закричал:

— Глядите, глядите, хлопцы! Да це ж бисовы ублюдки купаться пошли.

Все прилипли к биноклям. Действительно, многие «народники» были уже в реке, плавали, брызгались, другие лежали на песчаном берегу. К реке все шли и шли новые группы, раздевались и бросались в воду. Вон и тот долговязый офицер, что стоял на полотне шоссе, вытянув шею, как гусь, тоже направился к реке и стал раздеваться.

— Ну, пора, хлопцы. За дило! Удачи тебе, Лексей, удачи тебе, Кузьма, удачи тебе, Михаил, и тебе, Геннадий,— обнимая и по-русски троекратно целуя своих боевых соратников, говорил Огиенко.

Кудрявцев взял в свою группу шесть человек: трех с автоматами и трех с ручными пулеметами. Через минут десять они уже были около шоссе и, пригнувшись, по придорожной канаве бежали к мосту. Вот уже триста, двести, сто метров оставалось до гитлеровцев. Партизан пока еще не обнаружили. У Кудрявцева захватило дух. «Только бы не заметили, только бы не заметили»,— как молитву повторял он эту фразу. У него появилась дерзкая мысль.

Вот и долгожданный берег. Голые изменники разлеглись на песке, другие, сгрудившись в реке, брызгались так, что над ними образовались фонтаны воды.

— Огонь! За Родину! — крикнул Кудрявцев и бросил гранату в самую гущу предателей.

Полетели гранаты. Пулеметчик Иосиф Андреевич Белисов стоя, прямо в упор расстреливал изменников, автоматчики залегли и начали поливать свинцом мечущихся по берегу гитлеровцев. Страшная паника... Голые «народники», кто вплавь, кто по берегу, пустились в кусты, куда уже выходила группа Огиенко. Автоматчики было кинулись преследовать их.

— Назад! — что есть силы заорал Кудрявцев.— За мной!

Стреляя на ходу из автомата, он бежал к мосту.

Кудрявцев вовремя сообразил, что гнаться за убегающими нет никакого смысла, там их ждет Огиенко. Нужно воспользоваться паникой и захватить орудия, минометы и пулеметы врага. Сам он первым выскочил на мост и по балкам побежал на другую сторону. Под мостом притаились строители.

— Лелейте и не выходите до конца боя! — крикнул он перепуганным крестьянам и выстрелил в выскочившего из-под моста «народника».

Кудрявцев со своей группой быстро овладел лагерем. Часть изменников сразу же сдалась в плен, другие в панике бросились по кустам в сторону Сенно. Их тоже не преследовали. Там в ожидании врагов залегла группа Кузьмы Брюсова. Да и без этого хватало дел у Алексея Николаевича. Выкуривали фашистских вояк из огневых точек. Одни поднимали руки и сдавались в плен, другие пытались отстреливаться. Прикончив охрану, партизаны захватили штабную палатку с документами.

А пока группа Кудрявцева хозяйничала в центре вражеской берлоги, на других участках происходили не менее жаркие события. Несколько вооруженных изменников, не успев одеться, бросились на партизан из группы Огиенко.

— А.-а, мерзавцы! — закричал командир.— Огонь!

Часть голых вояк упала на землю вниз лицом, другие повернули и припустили что было сил. Огиенко оставил трех автоматчиков во главе с Михаилом Денисовичем Ландыченко охранять пленных, а сам с группой стал преследовать убегающих. Пригнали их прямо к Пукову, где тот на берегу наводил порядок. Здесь всех пленили.

Пленных вывели и посадили на лужайку. Всего — человек сорок. Многие были в чем мать родила.

— Дайте одежду,— взмолился один.

— Загорайте, загорайте. Это очень пользительно. Особенно благотворны лучи заходящего солнца,— шутил Ландыченко.— Придет время — всех оденем. Не вести же по деревьям в таком виде служак фюрера.

Когда Кудрявцев бросил первую гранату и у моста завязался бой, группа Пименова уже была на месте. Она залегла около самого спиртзавода. Услышав стрельбу, из завода выскочили четыре полица, но сразу попали под партизанские пули. Пятый полицай спрятался на втором этаже за дрожжевальный чан, и когда Михаил Тарасович вытащил его оттуда за воротник, то у него уже было в одной полно, а во второй как завязать...

Группа Пименова засела на спиртзаводе и повела обстрел гарнизона. Со второго этажа, как на ладони, были видны все укрепления. Прицельный и автоматный огонь горстки партизан прижимал врагов к земле и не давал возможности поднять головы. Да и перепугались те так, что, видимо, не собирались ни на кого нападать, остаться бы самим живыми.

Хорошую позицию со своей группой занял и Кузьма Брюсов. После поднявшейся стрельбы около моста ей недолго пришлось ждать врагов. Первым заметил «народников» автоматчик Николай Свириденко.

— Вот прут, аж кусты трещат,— шепнул он Брюсову.

Из кустов высыпало человек двадцать изменников. Впереди их мчался невысокого роста круглый, как арбуз, офицер. Без фуражки, весь в пене, он, казалось, не бежит, а катится.

— По изменникам — огонь! — раздалась команда Брюсова.

Многих «народников» сразу же скосили партизанские пули. Офицер залег и начал отстреливаться из автомата. Бой быстро затих. Шесть человек сдались в плен.

А в центре лагеря кипела работа. Партизаны собирали оружие, обмундирование, выкуривали из кустов спрятавшихся «народников». Перетрясли одежду и отдали ее голым пленным. Те быстро одевались. На берегу нашли обмундирование, документы и оружие командира этого продажного батальона майора Глякова. Самого его обнаружить не удалось. Решили, что погиб он от партизанской пули или голый сумел убежать.

Пригнали лошадей, которые паслись недалеко на лугу, запрягли в повозки, погрузили оружие, обмундирование, продовольствие. Запрягли лошадей и в «сорокапятки», походные кухни. Все штабные документы батальона завернули в плащ-палатку и аккуратно уложили на повозку. Поручили их везти братьям Ивану и Леониду Олыпаниковым. Ездовыми стали также партизаны Прохор Семенов, Захар Пименов, Анатолий Захаренко, Золотков, Куриленко, Матвеев. Пленных конвоировал взвод Пукова.

Огиенко и Кудрявцев мозговали, как быть со 122- миллиметровой пушкой. И увезти трудно, и оставить жалко.

— Давайте обстреляем из нее Богушевск! А потом взорвем,— подал идею подошедший Геннадий Пуков.

— Правильно, правильно! — подхватили партизаны.

— Молодчина, Геннадий! Ты гений! — похвалил Пукова Огиенко.

Партизаны развернули пушку и навели ее на Богушевск. Иван Рогов и Федор Гладченко поднесли снаряды. Алексей Николаевич Кудрявцев был артиллеристом. Больше среди партизан специалистов не оказалось. Нашлись, правда, добровольцы среди пленных «народников».

А в это время старый воин, участник гражданской войны пятидесятилетний автоматчик Петр Людвигович Малаховский обходил лагерь. Он любил во всем порядок. И сейчас ему хотелось ничего не забыть. Солнце уже клонилось к закату. Петр Людвигович по кустам отошел от своих боевых друзей метров на пятьдесят. Сзади неожиданно грохнул пушечный выстрел. Это Кудрявцев с Огиенко выпустили первый снаряд по Богушевску. По лагерю понеслось многоголосое «ура!». Малаховский невольно оглянулся. В кустах что-то промелькнуло.

— Стой! Стрелять буду! — вскинул автомат партизан.

И тут же над самым ухом его просвистела пуля. Малаховский в ответ дал автоматную очередь. Он отчетливо увидел голого «народника» с пистолетом в руке, который кинулся за куст, залег, выстрелил и, как змея, своим телом заскользил по траве, на которую уже садилась роса. Малаховский стал обходить беглеца. Он до того разволновался, что даже не слышал орудийные выстрелы, которые раз за разом раздавались сзади под громкое партизанское «ура!». «Только бы не ушел»,— думал старый партизан, переползая от куста к кусту и ведя огонь из автомата одиночными выстрелами. Его противник быстро полз к бугорку, на котором рос ельничек.

Петр Людвигович находился от бугорка в двадцати метрах, а «народнику» оставалось не более десяти. Только сейчас увидел Малаховский, что на бугорке не ельничек, а замаскированное пулеметное гнездо. Из-под еловых лапок холодным волчьим глазом смотрел станковый пулемет «максим». «Так вот куда он рвется»,— сразу понял партизан замысел врага. Малаховский на секунду даже растерялся, почувствовал страх, но не за себя, а за своих товарищей. Обернулся назад и в полусотне метров увидел ликующих народных мстителей, сбившихся гурьбой около трофейной пушки, которая обстреливала Богушевск. Малаховского охватил ужас: «Сейчас по партизанам ударит пулемет».

— Нет, не пройдешь, гад! — закричал он и бросил по ползущему изменнику гранату.

Перелет. А «народник» уже у самой цели. Осталось метров пять до пулемета.

«Не спеши, не спеши, спокойно, партизан!» — уговаривал себя Малаховский, принимая удобное положение для стрельбы лежа. Перевернул предохранитель автомата на очередь, взял на мушку предателя. Сейчас он, наверное, сделает прыжок.

«Народник» сжался в комок, прыгнул и на секунду повис в воздухе. Петр Людвигович нажал на спусковой крючок. Длинная очередь, как треск сухого валежника, разорвала вечерний воздух. «Народник» встал на ноги, вскинул руки к небу, выронил пистолет, зашатался и упал навзничь.

Партизаны слышали длинную автоматную очередь. На выстрелы кинулись взвод разведки Ивана Коваленко и с десятков бойцов Геннадия Пукова. Они нашли Петра Людвиговича Малаховского,

уткнувшегося лицом в землю. Видимо, от нервного напряжения. В двадцати метрах от Малаховского и в метре от пулемета лежал изрешеченный командир продажного батальона майор Гляков. Вот где он оказался!

— Вот, видите... Разве можно так?... Ротозеи... — как бы извиняясь, говорил Малаховский.

— Спаситель наш! — кинулась к нему на шею и поцеловала помощник комиссара отряда по комсомолу Дуся Пахомова.

А пушка все грохотала и грохотала, посылая снаряд за снарядом по Богушевску. Много шума наделала орудийная пальба. Были недолеты, были перелеты, но были и попадания по станции, где разгружались фашистские танки и бронемашины, по складу продовольствия и по пустырю. Но главное — нагнали страху фашистам. Они растерялись и ничего не могли понять. Фронт проходил восточнее Богушевска неблизко, хотя и четко доносилась канонада, а тут на тебе — обстрел ведется с запада.

— Шабаш! — резко опустив руку, крикнул Кудрявцев, отправив последний снаряд по вражескому гарнизону. — Теперь придется тебя, голубушку, взорвать, — похлопал он по казенной части пушки.

Взорвали орудие, подожгли недостроенный мост.

Отряд снялся с места диверсии. Далеко растянулся обоз, тащили «сорокапятки», гнали колонну пленных... Хороши итоги боя. Убито тридцать пять, взято в плен пятьдесят два гитлеровца, освобождено сорок мужчин, мобилизованных на строительство моста. Захвачены все документы батальона. Везли большие трофеи, среди них три 45-миллиметровых орудия, три миномета, семь пулеметов, винтовки, пистолеты, мины, снаряды, патроны, обмундирование и продовольствие. Взято двадцать лошадей и десять велосипедов.

В этом бою почти не пришлось заниматься своим делом врачу партизанского отряда Лидии Ивановне Копыловой и медицинской сестре Валентине Ивановне Рыжиковой. Они больше пользовались карабинами. Отряд не имел потерь. Только двоих партизан немножко царапнуло. Прижгли им царапины йодом да перебинтовали. Зато трофеи богатые достались Копыловой и Рыжиковой. Батальонный санитарный пункт «народников» отрядным медикам достался в полной сохранности. Все инструменты, медикаменты и перевязочные материалы были аккуратно упакованы в специальные ящики, которые находились на санитарной повозке. «Народники» даже не успели развернуть свой медпункт. Осталось только запрячь лошадей. Медработники Лидия Копылова и Валентина Рыжикова важно сидели на сиденье пароконной повозки, обтянутой брезентом, на белых кругах которого был нарисован красный крест. На козлах расселся храбрый пулеметчик Витя Банифатьев и правил здоровенными немецкими тяжеловозами. Рядом лежал его неразлучный друг — ручной пулемет.

Бригада радостно встречала победителей...

В тот же день был пойман полицай из гарнизона в деревне Поршни. Он назвал себя Анисимом Поразенко. Рассказал, что уже два раза ходил по заданию немцев в партизанскую бригаду «Алексея» и возвращался обратно, сообщил, что гарнизоны Поршни и Рубежица готовятся к выступлению против партизан. На этот раз предателю не повезло. Его расстреляли.

Несколько раньше разведчики отряда «Сокол» привели пятьдесят вооруженных власовцев из гарнизона Дыманово. Они перешли на сторону партизан, перед уходом убили трех немцев, которые были поставлены для наблюдения за их поведением.

Партизаны активизировали свои действия на железной и шоссейных дорогах. Летели под откос эшелоны, взрывались машины.

«Дядя Алеша» 27 августа направил меня в разведку в гарнизоны Поршни и Рубежица.

— Нельзя ждать, пока гитлеровцы подготовятся и нападут на нас, — сказал он на прощанье.

29 августа Алексей Федорович Данукалов лично повел на штурм Поршней и Рубежицы шесть отрядов — «Прогресс», «Смерть врагам», имени Ворошилова, «Моряк», «Звезда» и «Гвардеец». Одним ударом фашистские гарнизоны были разгромлены в пух и прах и перестали существовать.

Гитлеровцы усиливали репрессии: жгли деревни, расстреливали женщин, стариков и детей, загоняли людей в помещения и сжигали заживо. А куда не могли пойти, беспощадно бомбили с воздуха.

31 августа снова бомбили мою родную Ивановку. Фашистские самолеты налетели рано утром, забросали деревню бомбами, обстреливали из пулеметов. Партизан и на этот раз там не было.

Гитлеровцы не застали сейчас жителей Ивановки врасплох. После первой бомбежки каждая семья выкопала и оборудовала в огороде земляночку с тайными ходами. Как только ухнули первые бомбы, все юркнули туда. Более смелые выскакивали и сбрасывали с крыш и чердаков зажигательные бомбы, а когда приближались фашистские стервятники, снова скрывались в землянках.

В тот день часа четыре непрерывно бомбили нашу деревню. Стерли, смешали Ивановку с землей.

Там осталось только несколько домов. Погибло много скота. Но все люди были живы, никого даже не царапнуло осколком.

Враг зверствовал.

Народ уходил в леса. Люди копали землянки. Там жили сами, содержали оставшийся скот. Жили и боролись.

Белорусские леса стали родной матерью, кровом, домом для своего народа. Врагов же они встречали сурово. Грозный шум деревьев как бы предупреждал:

— Не оглядывайся трусливо. Никуда ты не уйдешь. Не смоешь со своих грязных рук крови народной, крови невинных людей, слез матерей и жен. Не уйдешь от справедливого возмездия. Дрожи, подлый! Далее смерти твоей мало, чтобы искупить вину перед человечеством. Ты пришел в чужой дом, принес сюда смерть, ты ее и получишь.

Моя Белоруссия! Твои леса становились домом, матерью и кормилицей для твоего народа, для воинов твоих. Они укрывали их от неприятельских глаз, каждый кустик оберегал от врага. Даже холодной зимой на снегу в лесу можно приготовить себе постель из еловых ароматных веток. Кронами своими лес укрывал от ветров и метелей, дыханием своим согревал от лютого мороза, нежным шепотом убаюкивал, чтобы глубоким сном исцелить своего воина от усталости. Даже зимой лес находил пищу, чтобы прокормить свой народ. Из корней, почек, трав и лишайников люди готовили целебный отвар, чтобы излечиться от ран и болезней.

Болота надежно охраняли их от внезапных налетов. Они всегда готовы были принять в свои объятия врагов, чтобы засосать их в трясину. А своих воинов невидимыми тропами проводили под покровом ночи к самому сердцу врага, наказывая:

— Рази его беспощадно! Ты исполняешь благородный долг свой перед Отечеством.

И как бы ни зверствовал враг, как бы ни старался уничтожить на нашей земле жизнь — ничего не выходило.

Сожжет селение, сотрет, смешает все живое. Кажется, ничего и никого не осталось здесь и никогда на этом месте не появится жизнь. Но нет. Через несколько дней как из-под земли приходят сюда люди, как муравьи, день и ночь трудятся. Смотришь, вырастают шалаши, бугорки землянок, а затем и дома. Появляется скот. Пашут землю, рожают и растят детей. И снова жизнь забила ключом.

Первые трещины и чуть ли не провал

Увы, вскоре в моей работе начали образовываться трещины. Все больше и больше партизан стали знать меня лично, да и не только партизаны. Это — первая трещина.

Далее. Однажды мы с двоюродным братом Сергеем (после войны он долго работал председателем колхоза «Мошканы», а сейчас является начальником отдела Белптицепрома Министерства сельского хозяйства БССР) пошли в Оболь. Я в разведку, а он по своим делам.

На обратном пути нас задержал партизанский патруль 19-го отряда бригады «Алексея». Отвели к командиру отряда Сергею Медаеву (бывшему военнопленному и сосновскому подпольщику), по кличке «Казбек», в домик, что стоял посередине деревни Мошканы.

«Казбек» был малость навеселе. Он не узнал меня и начал уговаривать пойти к нему в отряд разведчиком. Я всячески отказывался. Но командир стоял на своем. Тогда я намекнул, что выполняю специальное задание. Но и это не помогло. Он громко стал выпытывать, что за задание и чье оно. Я отказался говорить. Двоюродный брат Сережа сидел в передней и все слышал. Медаев начал угрожать, что меня расстреляет. Сергея отправили домой одного, а мне пришлось задержаться. Попросил брата в деревне ничего обо мне не говорить, мол, остался по своим делам, да и только. Правда, он никому ничего не сказал, только, как позже узнал, сообщил моему отцу.

А дальше события развивались таким образом. Часа через два после ухода брата из-за реки Оболянка партизан начали обстреливать немцы. Был небольшой бой. Мы отошли в лес за деревню. Командир позвал меня и приказал:

— Ты должен вывести отряд в деревню Быково. Это твое первое боевое задание.

— Ну что ж. Первое так первое,— пожал плечами я.

Я повел отряд по известным мне лесным и болотным тропам на Марчановщину. Оттуда направились в Задорожье. Но там, как и в соседней деревне Рямшино, уже могли быть немцы. Пришлось ехать в разведку, хотя это и очень некстати. Дело в том, что здесь меня многие знали. Сюда я ходил в школу, часто играл с ребяташками. Но ничего не поделаешь, надо было ехать. Взял у партизана Бориса Ротомского его шапку с длинными ушами. Ротомский когда-то учился с моим братом Николаем

в железнодорожном училище и был моим добрым другом. Надел для маскировки эту шапку и поехал в Задорожье. Немцев в деревне не оказалось.

Проскочили Задорожье, Рямшино. Вот и Быково.

Я ломал голову, как сообщить мне обо всем «Дяде Алеше». Вышел на улицу, смотрю — идет девушка. Я, кажется, где-то ее видел. Да, да! На дороге, недалеко от «почтового ящика» под дубом. А 1 апреля она оставила почту под углом амбара. Я подошел к ней и спросил:

— Это вы обслуживаете «почтовый ящик» под дубом с шершнями?

— А что?! — удивленно спросила девушка.

— Мне срочно нужно связаться с командиром бригады Алексеем Федоровичем Данукаловым.

Мы зашли в дом. Я написал записку «Дяде Алеше», в которой сообщил о результатах разведки гарнизона в Оболи, о том, что немцы уже выступили и обстреляли партизанский отряд в Мошканах и что я поневоле, под угрозой расстрела, оказался в отряде «Казбека».

Часа через два, запыхавшись, прибежал «Казбек» и стал оправдываться:

— Что же ты мне ничего не сказал?

— А что же скажешь, когда вы даже не узнали меня. Забыли Сосновку?

— Ох, это ты, бригадный разведчик?! Мне здорово влетело за тебя. Немедленно собирайся и скачи домой. Лошадь и сопровождающий ждут тебя.

Мы поскакали. Я ехал и думал, что моей конспирации приходит конец. Провал может быть самым неожиданным. Недалеко от родной деревни я соскочил с лошади, отдал ее спутнику, а сам пошел домой.

Во время второй бомбежки Ивановки сгорел и наш дом. Теперь мы жили у тети Матрены.

— Ну что, припелся, волоцуга! — прошипел отец мне в самое ухо, открывая ночью дверь.— Допрыгаешься, что и семью повесят.

Я догадался, что Сергей кое-что рассказал отцу...

Вскоре я ушел в Витебск, побывал у «Второго», передал и получил почту. Распрощались мы тепло с «Дядей Жорой» и «Тетей Катей». Я ушел. Был конец сентября. Больше жизнь не свела нас вместе. Это было мое последнее посещение Витебска.

Дня через два, 1 октября 1943 года, я шел по деревне. Меня нагнал наш, ивановский хлопец Мирон Змитрущенко (Толкачев Мирон Дмитриевич). В начале оккупации он появился в деревне у своих родителей. Лет на десять был старше меня. Где работал он до войны, не знаю. Когда вернулся в деревню, Келлер уже был старостой. Вскоре Мирон стал лесником. Кто его назначил, не могу сказать. Но он и Келлер были самыми влиятельными в Ивановке людьми, считались представителями оккупантов.

Так вот, Мирон нагнал меня и завел разговор, а затем как бы между прочим шепотом спросил:

— Мы-то все считали тебя беззаботным весельчаком и балагуром, а ты, оказывается, отчаянный партизан...

— Ты что, мух ел или так очумел? — резко повернулся я к нему и чуть ли не закричал: — Откуда ты взял этот вздор?

— Ночевала одна партизанка в Ляхове у Борисенковых, говорила про тебя, расхваливала,— прищурился, полушепотом, заговорщически проговорил он.— Меня-то можешь не бояться... Меня ты знаешь, я никому не проговорюсь...

— Да пошел ты к черту,— оборвал я его, плюнул, повернулся и зашагал в обратную сторону.

Его я хорошо знал, да и не только я, а вся деревня. Секреты у Мирона держались, как вода в решете. Он пошел к Келлеру. И я был уверен, что минут через двадцать эти новости будет знать Келлер, а через час-другой и вся деревня. Это была вторая и самая серьезная трещина в моей работе.

Я пустился что было сил к «почтовому ящику». Наспех написал записку «Дяде Алеше». Сообщил, что я полностью раскрыт. Уже многое знает лесник Толкачев. Пока я пишу, наверное, узнает и староста Келлер, а к вечеру вся деревня будет посвящена в эту новость. Просил срочно сообщить, что мне дальше делать.

Вечером я снова сбегал к «почтовому ящику». Записки моей там уже не было. Ящик опустел. «Видно, все-таки партизанская почта работает четко»,— подумал я.

Всю ночь не спал, прислушивался к каждому шороху.

Утром собрался полностью. Все было при себе — пистолет, комсомольский и профсоюзный билеты, удостоверение ремесленного училища, немецкий паспорт, метрика. Словом, все захватил с собой, даже ложку.

Позавтракал и ушел к Гулидиным.

Я очень дружил с этой семьей, а с их сыном Тимофеем вместе ходили в школу, собирали грибы и ягоды. Его старшего брата Дмитрия вместе со мной отправили в Осинторф. Оттуда позже меня он тоже бежал. Тимофей Игнатьевич сейчас работает начальником Борисовского городского отдела внутренних дел Минской области. Их домик стоял на возвышении. Из окон хорошо были видны деревня, дорога в обе стороны, хатка тети Матрены, где мы жили. Из этого домика легко было ускользнуть в случае опасности: за огородом сразу начинался лес.

Сижу у окна и жду. Начала собираться деревенская молодежь. Пришел и Коля Городецкий. Я отозвал его за сарай и предупредил, что сегодня или меня схватят немцы, или уйду в партизаны. Третьего быть не может. Он не удивился, потому что уже слышал разговор по деревне, что я партизан. Просил и его взять с собой. Мне было очень тяжело отказать другу в просьбе, но сам решить такой вопрос не мог, тем более что «Дядя Алеша» планировал Колю Городецкого на мое место, если со мной что случится.

Я тогда не знал, что последний раз вижу своего бескорыстного, честного и храброго друга. Коля остался в Ивановке. Когда молодежь деревни уходила в партизанскую бригаду П. И. Кириллова, его отказались взять, ибо он был еще подростком. Городецкий догнал колонну добровольцев где-то уже за деревней Ляхово, примкнул к ней, и на него махнули рукой. Учили то, что некоторые здоровые парни шли в партизаны с пустыми руками, а у Коли на поясе висел пистолет ТТ и на груди немецкий автомат с двумя запасными обоймами.

Говорят, Коля храбро воевал. Когда в мае 1944 года группа партизан около озера Палик попала в окружение, он отстреливался до последнего патрона и погиб как настоящий защитник Родины. Потом немцы навесили на труп Коли Городецкого груз и утопили в болоте. После войны я рассказал его отцу, матери и сестрам все, что знал о Коле. Они поплакали, но были горды за своего единственного сына и брата. Николай Городецкий отдал свою молодую жизнь за счастье Родины. Мать и отец его Виктор Наумович умерли. Сестры Зина, Таня и Валя живут в Витебской области. Зинаида Викторовна работает учительницей. В 1967 году ей присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы БССР».

Так вот, распрощался, расцеловался с Колей и жду, что будет дальше. Часов в десять утра заметил, что мчатся со стороны Ляхова два конника. Кажется, партизаны. Прискакали в деревню и прямо к дому тети Матрены. Один соскочил с лошади и побежал в хату. Оттуда вышла мать и показала рукой на хату Гулидиных. Они поехали туда. Я вышел на улицу.

— Готов? — шепотом спросил один.

— Готов, — ответил я.

Он стеганул меня плетью через спину и начал дико орать:

— А, предатель, немецкая собака! Вот ты и попался нам!

И повел перед собой. Вся деревня высыпала на улицу. Мать бежала сзади, плакала и причитала.

Один партизан (Иван Иванович Бабахин) за деревней сказал, чтобы я как-нибудь успокоил мать. Но чем же я мог ее успокоить? Не мог же сказать ей правду. Отец и мать будут все время бояться, чтобы немцы не расстреляли семью. Я повернулся, остановился. Подбежала мать.

— Не волнуйся, мама, я вернусь... А если не вернусь, тоже не волнуйся, — сказал я и крепко поцеловал ее в губы. — До свидания...

Под конвоем двух вооруженных конников я ушел от матери. Прошли Ляхово. За ляховским кладбищем ожидал еще один конник и держал оседланную лошадь. Я вскочил в седло, и мы поскакали в сторону Сенно. На привале спросил Ивана Ивановича, куда меня везут.

— Комбриг приказал доставить тебя в семнадцатый отряд, — ответил Бабахин.

Он был старшим группы, а в отряде политруком роты.

Так я исчез из Ивановки. Это событие заглушило разговоры, что я партизан.

Через несколько дней по деревне поползли слухи, будто меня расстреляли партизаны в латыгском лесу. Даже нашлись очевидцы, которые якобы видели, как меня расстреливали. Они, мол, собирали грибы и из-за кустов наблюдали весь процесс казни. Родители ходили разыскивать мой труп, но не нашли. Затем устроили поминки. Как водится, выпили по рюмке за упокой моей Души.

А я тем временем продолжал воевать. Ходил в разведку в Сенно, в другие вражеские гарнизоны, вместе с подрывниками минировал шоссе Богушевск — Сенно, Бешенковичи — Сенно, железную дорогу Орша — Витебск. Это у меня тоже неплохо получалось.

Командиром 17-го отряда тогда был Михаил Иосифович Смычков («Платон»), начальником штаба — Василий Михайлович Маршалков и комиссаром — Михаил Иосифович Дрозник. Потом, уже в конце января 1944 года, когда объединили 17-й и 19-й отряды и присвоили ему номер «17», командиром стал

Сергей Медаев («Казбек»), чеченец по национальности, храбрый младший лейтенант, тот самый, который в Сосновке был коноводом у немецкого генерала. Комиссаром стал Иван Павлович Мамонькин.

В самом центре ада

В первой половине октября 1943 года в Бешенковичском и Сенненском районах гитлеровцы снова стали накапливать силы и все чаще и активнее нападать на партизан. «Дядя Алеша» позвал меня и послал, как он выразился, «пронюхать» намерения врагов. 12 октября я пошел по деревням, где были вражеские гарнизоны, играл с мальчишками и «пронюхивал». На второй день под вечер в деревню, где меня уже считали «своим» среди хлопцев, прибыло около полусотни фашистов. Забегали, засуетились полицаи. Срочно собирались, готовились к выступлению против партизан. Об этом мне рассказали ребятишки, которые все знали в деревне. У некоторых из них отцы были полицаями.

Заночевал с новыми своими друзьями на сеновале в колхозном сарае. Не спал, а делал вид, что сплю, и напрягал все силы, чтобы не пропустить ни единого шороха, старался разгадать намерения врага. Под утро колонна немцев и полицаев без лишнего шума покидала деревню. Под сопение сонных ребятишек я соскользнул с сена, выполз на улицу, затем на огороды. Приблизился к колонне и, как тень, шел за ней на небольшом расстоянии. Враг направлялся в район дислокации 1-го батальона нашей бригады. Я не знал, что буду дальше делать, зачем иду, но двигался вперед неотступно, то прячась за кусты, то пластом припадая к земле. Прошли километров восемь.

Начало светать. До расположения наших партизан оставалось не более трех километров. Дорога дальше извивалась по чистому полю через холмик, слева и справа от него в низинке рос кустарник. Колонна разделилась на две группы. Одна пошла правее, а другая взяла левее. Я пополз прямо по дороге. Немцы и полицаи начали окапываться в кустах по обеим сторонам холмика, подковой охватывая дорогу в направлении, откуда могли идти партизаны. Видимо, им удалось разгадать намерения командования батальона.

Выполз на бугорок. Что делать дальше? Как предупредить своих. Уползти отсюда уже трудно. Я оказался в центре засады. В двадцати — тридцати метрах справа и слева фашисты. И быстро рассветало. В нескольких метрах от меня на самой вершине холмика, как букет, возвышается полуметровой высоты можжевельник.

Ползу к нему. Яма. Видимо, еще до войны кто-то закапывал здесь на зиму картофель. Со временем края ямы обросли можжевельником. Спустился в яму. Стал на дно. Как раз по моему росту. Стою и как на ладони вижу врагов справа и слева. Копшатся, закапываются в землю. Впереди километра на полтора видна дорога. Боюсь, как бы немецкому командиру не вздумалось здесь организовать командный пункт. Если бы я командовал этим фашистским сбродом, обязательно в этой яме был бы мой командный пункт.

Стою, смотрю на дорогу, на одно, второе крыло засады, собираюсь с мыслями... Страх одолевает меня. Холодной змеей по спине ползет мороз, зубы невольно начинают отплясывать чечетку, чувствую, как волосы поднимаются дыбом...

Не верю я, что есть на свете такие отчаянные храбрецы и лихие смельчаки, которым никогда не бывает страшно, что они лишены этого чувства. Нет, мне кажется, что страх присущ каждому человеку, только одному в большей, а другому в меньшей мере. Один легче поддается его стремительному бегу, теряет рассудок и полностью отдается в его ненасытную власть, превращается в жалкого, беспомощного трусишку, у которого душа трепещет как осиновый лист, а другой собирает и мобилизует всю свою волю, все мысли, трезво соизмеряет свое собственное «я» с интересами и судьбами людей, своим долгом перед товарищами, народом, Родиной. Он подчиняет нервы, сознание, волю интересам дела, успокаивается и сознательно, с трезвым рассудком принимает решения, идет на самый рискованный шаг, не думая о себе.

Помню, как-то в августе 1942 года немецкие самолеты налетели на расположение попавшего в окружение в бабиновичском лесу отряда И. И. Гурьева, куда я пробрался накануне вечером. Началась бомбежка и пулеметный обстрел позиций. Самолеты сбрасывали бомбы, I строчили из пулеметов, бросали продырявленные бочки и ящики, которые в воздухе выли на все голоса преисподней. Над головами, зацепившись за ветки деревьев, рвались осколочные мины-хлопушки («лягушки»). Мы с Павлом Петровичем Рахановым залегли под развесистым шатром ели, вжались между корней, приросли к земле. С другой стороны пластом вытянулись Полина Лютенко и жена командира Мария Гурьева. Лежим, а вокруг, как в кромешном аду, все бурлит и воет.

Вдруг подбегает партизан с карабином на плече, взбудораженный, взлохмаченный.

— Ложись, Тимофей! — кричит Раханов.

— Ложитесь на меня, ложитесь на меня! — вопит перепуганный партизан и бежит вокруг ели, под которой лежим мы.

Ель застонала от воя пикирующего самолета. Перепуганный боец остановился как вкопанный. Рядом на сучьях разорвалась хлопушка. Осколки просвистели над нами. Мы повернулись в ту сторону, где стоял партизан. Он лежал на земле навзничь, широко раскинув руки. Подбежали к нему. Боец был весь изрешечен осколками, из ран фонтанчиками свистела кровь. Полина приложила ухо к груди Тимофея.

— Готов! — сказала она и махнула рукой. — Трус...

И вот теперь я стою в ямке. Шепчу себе: «Спокойно, спокойно, «Сорванец»! Не трусь, ведь ты же комсомолец».

Перед глазами поплыла вся картина вступления в комсомол. И так четко, так ощутимо, что я на минуту забыл об опасности и с нежным трепетом в душе еще раз пережил это незабываемое событие.

В конце января 1941 года мне исполнилось пятнадцать лет. Как я ждал этого дня! В то время в ВЛКСМ принимали юношей и девушек не моложе пятнадцати. Мне очень хотелось стать комсомольцем. Я всегда с умилением смотрел на комсомольский билет и завидовал его владельцам.

И вот 2 февраля состоялось собрание, меня приняли в комсомол. Все поздравляли, пожимали руки, хлопали по плечу, а девушки нашей второй токарной группы Валя и Циля даже поцеловали меня, по-настоящему поцеловали в губы... А потом бюро Железнодорожного райкома комсомола... Как все было величественно, строго и торжественно! Секретарь вручил мне комсомольский билет, крепко пожал руку и сказал:

— Поздравляю! Это высокая честь для каждого молодого человека нашей страны. Надеюсь, нам никогда не будет стыдно, что приняли тебя в комсомол.

— Клянусь честью, что оправдаю высокое доверие Ленинского комсомола! — ответил я.

Потом я бежал в общежитие, не чувствуя под собой ног; счастье переполняло душу. Как драгоценность держал в руке комсомольский билет. На углу Комсомольской улицы, где размещалось наше общежитие, на шею мне кинулся мой закадычный друг Петя Карпук по кличке «Харитоша». Он был родом откуда-то из Польши. Когда в 1939 году туда пришли фашисты, Карпук сбежал и оказался в Советском Союзе. О родителях он так ничего и не знал. А «Харитошей» его прозвали за исключительное обожание песни об аккуратном почтальоне из известного кинофильма «Трактористы».

— Поздравляю, Петя! Я уже давно жду тебя. Только боялся, как бы ты не пошел другой улицей, — обнимая меня, говорил Карпук. — Пойдем я мороженым тебя угощу.

Ему я дал посмотреть комсомольский билет, подержать в руках. Он осторожно погладил обложку и со вздохом сказал:

— Двадцать второго июня и мне исполнится пятнадцать лет.

На второй день мастер построил группу и перед всеми теплыми отеческими словами поздравил меня, под аплодисменты товарищей пожелал успехов в труде на благо Родины.

...От этих мгновенно проплывших перед глазами картин счастливых дней мне стало тепло-тепло. Зубы перестали отбивать чечетку, и у меня, невольно вырвалось:

— Нет! Вам не будет стыдно за меня!

Сказал и оглянулся. Но ничего страшного. Немцы заняты своим делом. Впереди так и бежала дорога, по которой бы кинулся я к своим боевым друзьям, к партизанам, к моему доброму «Дяде Алеше».

Глядь на дорогу... В нашу сторону движется колонна партизан. Все ближе, ближе. Впереди на белом коне командир 1-го батальона Антипов. Вот он пришпорил коня и скачет к нам. Немцы заметили партизан, прижались к земле. Ругаю на чем свет стоит Антипова, шепотом умоляю опомниться. Ведь попадет лее прямо в петлю. Видимо, он мчится, чтобы с холмика оглядеть местность.

Антипов приближается быстро. Семьсот... шестьсот... пятьсот метров осталось до вражеской засады. Дальше медлить нельзя, будет поздно. Выхватываю пистолет и стреляю вверх. Это явилось сигналом к бою. Немцы открыли ураганный огонь. Но цель далеко. Белый конь вздыбился, повернулся и галопом пошел назад. Отряд развернулся и залег. Со стороны немецкой засады неслась отборная брань на различных языках, в том числе и на русском. Одни обвиняли других за преждевременный выстрел.

Немцы просчитались. Оказывается, в километре от холмика справа один партизанский отряд из 1-го батальона раньше фашистов уже занял оборону. Второй, который вел Антипов, должен был занять

оборону на месте нынешней немецкой засады, только в обратном направлении. Гитлеровцы увлеклись перестрелкой с отрядом, который вел Антипов, и не заметили, как сбоку подошел другой отряд и открыл ураганный огонь. Враги в беспорядке начали отступать, оставляя раненых и убитых. Километра три партизаны преследовали немцев и полицаев.

Я ушел в бригаду и доложил все «Дяде Алеше». Ну и здорово же тогда влетело Петру Михайловичу Антипову, хотя и потрепали немцев основательно.

Петр Михайлович Антипов родился в 1915 году в Рыбновском районе Рязанской области. В 1937 году ушел в Красную Армию, служил в 99-м полку 121-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в Могилеве. В звании старшего сержанта участвовал в сентябре 1939 года в освобождении Западной Белоруссии. Затем в финскую войну воевал на Карельском фронте. В первый день нападения немецко-фашистских войск на нашу Родину вступил в бой под Белостоком. Потом отступление.

Отходили с боями. На удобных для обороны рубежах закреплялись и наносили врагу ощутимые удары. За Оршей попал в окружение. С группой красноармейцев в тридцать человек продвигался к линии фронта. В конце июля 1941 года они пришли в касплянские леса Смоленской области и начали партизанскую борьбу.

Вскоре в Слободском районе Антипов встретился с группами политрука Алексея Данукалова, инструктора Витебского подпольного обкома КП(б)Б Ивана Павловского и лейтенанта Александра Грабовского. Влился в их ряды.

Вместе с А. Ф. Данукаловым Антипов укреплял отряд, а затем создавал партизанскую бригаду. В бригаде сначала был командиром отряда, позднее командиром 1-го батальона. В этой должности воевал до соединения с наступающими частями Красной Армии.

Петр Михайлович отличался исключительной смелостью и находчивостью. Много выигранных боев на его счету. За сообразительность и отвагу любил его А. Ф. Данукалов.

— Вот ему спасибо скажи,— показал на меня «Дядя Алеша», отчитывая Антипова.— А так бы попал тепленький как кур во щи.

Это было 14 октября, а 16-го началась новая карательная экспедиция против партизан. Три дня десять отрядов бригады сдерживали атаки противника на линии Рубеж — Добригоры — Осовец — Водопоево — Канево — Голован. С вражеской стороны участвовало два полка пехоты, шесть танков, четыре бронемашин, артиллерия. Все атаки противника были отбиты, партизаны подожгли два танка, на mine взорвалась бронемашин. Потеряв около ста пятидесяти солдат и офицеров, противник отошел.

Потери партизан были незначительны. Это окрылило народных мстителей. И уже 22 октября наша бригада совместно со 2-й Заслоновской штурмовала немецкий гарнизон в Бочейково. Три дня оборонялись гитлеровцы, три раза переходило местечко из рук в руки. Партизаны измотали врага, хотя Бочейково осталось у него.

В разведке гарнизона Бочейково и штурме его мне не пришлось участвовать. 21 октября я был тяжело ранен второй раз. Но об этом несколько позже.

Интернациональный взвод

Командование бригады «Алексея» постоянно заботилось о создании в Витебске подпольных организаций и групп, засылало своих людей в различные немецкие учреждения. Руководству подпольщиками, налаживанию связей с ними уделялось много внимания. И от них получали ценную информацию.

В первую подпольную организацию, созданную бригадой «Алексея», вошла группа советских патриотов Стадионного поселка города, которая действовала до осени 1942 года и в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками проявила бесстрашие. Группу образовал Василий Иванович Кириленко, отец моего друга Володи Кириленко, по прямому заданию Алексея Федоровича Данукалова. Кириленко до войны работал участковым уполномоченным милиции в Витебске. В первый день оккупации он ушел из города, пробирался за линию фронта и стал партизаном-алексеевцем. Потом комбриг направил его в Витебск на подпольную работу.

В боевую группу Василия Ивановича вошли его жена Лидия Васильевна, сын Володя, братья Константин и Николай, сестры Вера и Дарья, а также надежные соседи. Она вела разведку и совершала диверсии, подкладывала магнитные мины под легковые и грузовые машины. Не одна автомашин была ею взорвана на улицах города. В августе 1942 года при выполнении боевого задания от взрыва мины в кармане погиб Володя, а Константин, который сопровождал на этот раз его, тяжелораненым попал в руки врага и был замучен. Остальные члены группы срочно покинули город и вступили в алексеевскую

бригаду, с оружием в руках храбро сражались с оккупантами. Вера Ивановна стала разведчицей бригады, но осенью 1942 года ее схватили фашисты и расстреляли в Витебске.

После ухода в партизаны группы Кириленко большую помощь бригаде «Алексея» оказывала подпольная группа Марфы Свечкиной, которая также действовала в районе Стадионного поселка и раньше имела связь с группой Василия Ивановича. Свечкина и ее соратники постоянно доставляли в бригаду медикаменты и разведданные, а в город от партизан они приносили мины, взрывчатку, литературу. Группа Свечкиной действовала до ноября 1943 года, когда ее члены были арестованы фашистами.

Другой наиболее деятельной подпольной организацией, созданной в Витебске по заданию командования бригады «Алексея» и подпольного райкома партии, руководила Валентина Демьяновна Шелухо. Организация возникла летом 1942 года в поселке тарного комбината, по соседству с фашистским военным городком авиаторов. Валентина Шелухо уже имела солидный опыт борьбы в тылу врага. С первых дней оккупации она руководила подпольной комсомольской организацией в родной деревне Застодолье.

Группе Шелухо, в которую входили бывшие учительницы Лидия Николаевна Овсянкина, Мария Тимофеевна Цветкова, Клавдия Ивановна Потапенко, Александра Николаевна Овсянкина и бывшая ученица Зина Голыня, быстро удалось завязать деловые связи с немецкими солдатами и офицерами, отыскать среди них нужных людей и узнавать необходимые для командования бригады «Алексея» сведения. В стане врага нашлись настоящие антифашисты, которые добровольно помогали подпольщикам. Таким, например, оказался один из сотрудников витебской фельдкомендатуры, назвавший себя немецким коммунистом Эрихом. Он собирал разведданные в частях, дислоцировавшихся в городе, не раз предупреждал партизан о готовящихся карательных операциях, снабжал их бланками пропусков с подписями и печатями, расклеивал советские листовки в самых опасных местах, помог добыть план города и нанести на нем расположение вражеских военных объектов.

Подпольщикам удалось завязать дружбу с чехословацкими патриотами Вилимом Креузигером и Вацлавом Шмоком, которые работали слесарями на витебском аэродроме в немецких полевых авиаремонтных мастерских. Мобилизованный в конце 1942 года в фашистскую армию Вилим Креузигер, оказавшись на витебском аэродроме, создал из чехов и немецких антифашистов подпольную диверсионную группу. Она старалась выводить из строя немецкие самолеты, создавая скрытые дефекты. Антифашисты особенно усилили диверсионную работу, когда через подпольщиков связались с алексеевцами. Фашисты обнаружили на аэродроме явные факты саботажа, взяли под наблюдение Креузигера. Чтобы предотвратить провал всей диверсионной группы, Вилим Креузигер и Вацлав Шмок в начале октября 1943 года покинули город и в сопровождении подпольщиц явились в партизанскую бригаду «Алексея».

Алексей Федорович Данукалов уделял исключительно большое внимание пропагандистской работе по разложению вражеских войск, выявлению антифашистов и организации их перехода на сторону партизан. В отрядах оказалось немало перешедших в бригаду немцев, чехов, словаков, югославов и поляков. Из них в составе отряда «Прогресс» создали интернациональный взвод. Командиром его был назначен Вилим Говбертович Креузигер, активный участник молодежного и рабочего движения Чехословакии. Он с 1930 года был членом Союза Коммунистической молодежи Чехословакии, не раз арестовывался и сидел в тюрьмах за политическую деятельность.

Вскоре интернациональный взвод пополнился немецким антифашистом ефрейтором Пеленгой. Пеленга часто приезжал за продуктами в подсобное хозяйство авиачасти, где работала жена советского командира Анна Сеткина. С ее помощью он установил контакт со связной алексеевцев Надеждой Лебедевой. Вскоре вопрос о переходе в партизаны Эриха Пеленги был решен. 19 октября 1943 года он совершил побег на грузовой автомашине вермахта, прихватив с собой Сеткину с детьми, советских патриотов Казимира Поплавского и Ивана Жбанкова, а также увез партизанам две винтовки, три ящика патронов и две бочки бензина. Машину ждал за Поклонными горками партизанский связной. Он сидел около указательного столбика «Вороники». Правая рука его висела на белой повязке. Видно, что пацан был ранен и ждал попутного транспорта.

— Э!.. Вы!.. Не на Ивановку плывешь? — спросил шофер.

— Не плыву, а иду, — ответил хлопец.

— Садись быстрее.

Паренек сел, и машина рванула по грязной дороге в сторону Сенно.

Интернациональный взвод под командованием Билима Креузигера вместе со всей бригадой

храбро сражался с фашистами, участвовал во многих боевых операциях: в засадах на дорогах, подрывах эшелонов, в «рельсовой войне», в разгромах гарнизонов, в прорывах блокад карателей. Многие бойцы сложили головы на белорусской земле. А Вилим Креузигер и его чехословацкие друзья после соединения с Красной Армией влились в корпус генерала Людвиг Свободы и участвовали в освобождении своей Родины.

Вилим Говбертович Креузигер после войны вместе с семьей долгое время жил в городе Карвина, а потом в Гоштялковцах Онавского района. В 1968 году он с женой Марией приезжал в гости к своим витебским боевым друзьям. В 1974 году Креузигер снова посетил Белоруссию. Его пригласили на празднование тридцатилетия освобождения республики от фашистской неволи. В 1969 году Вилима избрали секретарем комитета партии химкомбината, а жену — председателем народного фронта города. Там В. Креузигер трудился до самой смерти, которая в 1975 году вырвала из рядов ветеранов войны нашего боевого друга.

До конца дней своих Вилим Говбертович оставался настоящим патриотом своей Родины, убежденным коммунистом-интернационалистом. Таким он был и в трудные для Чехословакии августовские дни 1968 года.

Вот что писала 13 сентября 1968 года газета «Красная звезда» в корреспонденции «Дорогами дружбы»:

«...Это произошло под Островой. Окончился трудовой день, но не все рабочие и инженеры пошли домой. Многие из них остались для того, чтобы в составе группы народной милиции охранять свой завод. Время тревожное.

В одной из таких групп был и мастер химического цеха старый коммунист Вилим. Окончив дежурство далеко за полночь, он возвращался домой. И вдруг на одной из улиц услышал русскую речь. В темноте вырисовывались кузова грузовых машин.

Вилим подошел, поздоровался с советским офицером. Ему, человеку, умудренному житейским опытом, закаленному в боях с врагами коммунисту, не надо было объяснять, для чего пришли на чешскую землю эти парни в пилотках с красными звездами. Когда-то в годы Великой Отечественной войны он с оружием в руках воевал против фашистских захватчиков в составе партизанского отряда в лесах Белоруссии.

Завязалась беседа.

— Вы верно сделали, что пришли,— сказал Вилим русским солдатам,— плохо у нас. Мы не знаем обстановку в стране, нас запугивают, контрреволюция не сдастся.

— Все будет хорошо,— заверил Вилима командир и попросил рассказать, как проехать на аэродром.

— Зачем рассказывать, товарищи, я сам поеду с вами и покажу дорогу,— с готовностью согласился Вилим. На аэродроме, куда пришла колонна автомашин, Вилим подошел к подполковнику А. Манько:

— У меня в России много друзей. Я воевал под Витебском. Командиром партизанского отряда был у нас Огиенко, а комиссаром — Терентьев. Я дружил с партизаном Гавриленко. Вот так дружил,— и Вилим крепко сцепил свои рабочие руки.

Потом проводник показал советским офицерам именные часы, полученные в 1944 году от советского командования за образцовое выполнение боевой задачи.

— Вы и сегодня выполнили боевую задачу,— сказал ему подполковник Манько,— и опять образцово.

— Это не боевая задача,— смутился чех,— я иначе поступить не мог...»

Вацлав Шмок работает на заводе в городе Угерске-Градище. Он тоже член Коммунистической партии и высоко несет ее великое знамя.

Эрих Францевич Пеленга, немецкий антифашист, храбро сражался с оккупантами, более шести месяцев был партизаном в Белоруссии, вместе со всеми алексеевцами выходил из ушачской блокады и в этой беспощадной мясорубке пропал без вести... Так и числится он в партизанских архивах пропавшим без вести.

Особое задание

20 октября 1943 года я ушел в Сенно в разведку. Там пришлось заночевать. Утром возвращался обратно. В лесу меня окликнул политрук роты 17-го отряда Иван Иванович Бабахин. Я свернул с дороги. В кустах кроме Бабахина стояли еще двое незнакомых мне партизан.

— Мы ждем здесь со вчерашнего вечера. Тебя срочно вызывает Алексей Федорович Данукалов,— сказал Бабахин.

Я кратко доложил Ивану Ивановичу результаты разведки. На этот раз я ходил в Сенно по заданию начальника штаба 17-го отряда Василия Михайловича Маршалкова. Бабахин сделал себе пометки в блокноте. За кустами стояли четыре оседланные верховые лошади. Мы втроем поскакали в штаб бригады, а Иван Иванович — в свой отряд.

«Дядя Алеша» встретил меня радостно.

— Есть очень ответственное боевое задание. Придется вернуться в знакомые места. Сегодня из Витебска на Смоленск выйдет особо важный немецкий эшелон. Взорвать его поручено нашей бригаде. А мы решили доверить тебе выполнить это почетное задание. Согласен?

— Согласен, товарищ командир бригады! Согласен, «Дядя Алеша»,— отчеканил я.

— Но дело это сложное. И сложность заключается в том, что придется мину ставить на шнур. Ведь все эшелоны идут с несколькими груженными гравием платформами впереди, а особо важные — с еще большими предосторожностями. Впереди пускают обыкновенный эшелон, а через десять — двадцать минут самый важный,— сказал он.

Я хорошо знал и понимал, что обычным минированием такой эшелон не возьмешь. Здесь нужно ставить мину натяжного действия и ждать появления поезда, чтобы дернуть за шнур. Или есть еще выход... Но я не стал говорить об этом «Дяде Алеше». Обстановка покажет.

— Дам тебе двух здоровых и смелых помощников. Отправляться нужно сейчас же. Мину в деревянном ящике с пудовым зарядом тола уже повезли в анисковский борок. Она будет ждать тебя там. Дальше придется нести на себе. Дорога тебе знакома. Место подрыва выбери сам,— сказал комбриг.— А сейчас покушай — и в путь. Что тебе нужно еще?

— Дайте мне автомат. Свой я оставил в семнадцатом отряде. Меня перехватили в дороге, когда возвращался из Сенно. Если есть, дайте немецкий. Он в этом деле более удобен. И дайте мне винтовочный шомпол, а вдруг пригодится,— попросил я.

Пока ел, мне кашли подходящую одежду, принесли немецкий автомат и винтовочный шомпол.

Мы распрощались. «Дядя Алеша» пожелал удачи и сказал:

— Надеюсь, завтра встретимся.

— Обязательно,— ответил я, вскочил в седло, и мы поскакали в сторону Витебска.

В этот раз на нашей встрече с «Дядей Алешей» присутствовал Петр Михайлович Антипов.

Дорога длинная, а времени мало. Мы мчались во весь опор. Хорошо, что «Дядя Алеша» дал хороших лошадей. Настоящие рысаки. Проскочили партизанскую зону. Минули деревни Ходцы, Быково. Подъезжаем к Рямшину. Навстречу идет старушка.

— Откуда идешь, бабка?

— Из Рямшино, касатики мои, из Рямшино, голубочки родимые.

— Не видела ли ты там полицаев наших? — спрашиваю я.

— Видела, голубочки родимые, видела, касатики мои. Недалеко от школы у Грибковых пьянствуют ваши дружочки.

— Где часовой стоит? В этом конце деревни?

— Вон за той горкой, на купинской дороге, за поворотом, касатики мои, за поворотом, голубочки родимые.

Что делать? Можно повернуть на Купино, а оттуда на Ляхово и Ивановку. Хотя мне очень хотелось повидать родных, ехать через Ивановку я не решился; зачем лишний раз ставить под удар родителей. Тем более «Дядя Алеша» сообщил мне, что в Ивановке я уже похоронен. К тому же в деревне Купино тоже могут быть немцы или полицаи. Да и дорога длинная по чистому полю. А здесь, проскочив через окраину Рямшино и через Задорожье, до леса не более двух километров. А там уж по лесным дорогам и тропам — до самого анисковского борка.

Рискнули ехать напрямую. Бабка же сказала, что полицаи пьянствуют. А говорила она так искренне, что не верить ей было невозможно. Видимо, старушка все-таки догадывалась, что мы не полицаи, а партизаны. Прощаясь, она полушепотом проговорила:

— Остерегайтесь, голубочки родимые, остерегайтесь, касатики мои. Их человек двадцать.

Она перекрестилась, положила крестное знамение в воздухе и в нашу сторону, а затем потопала по дороге на Быково.

Будь что будет. Договорились только не горячиться. Мои помощники будут ехать в десяти метрах от меня и никаких решений сами не станут принимать. Стрелять — в крайнем случае и только после меня.

На полном ходу выскакиваем из-за поворота — и прямо на полиция. Он стоит посредине дороги, левой рукой держится за ствол винтовки, приставленной к ноге, а правую засунул далеко под рубашку и с большим удовольствием чешется. Я резко осадил коня.

— Ты что на посту вшей ловишь, сволочь! С такими дозорными партизаны нас, как слепых котят, голыми

руками передают,— заорал я на часового, надвигаясь на него лошадью.

— А что? — промямлил он.

— Ты как стоишь, ротозей, перед курьером гебитскомиссара?

Он вытянулся и начал застегивать рубашку.

— Где начальник полиции?

— Начальника с нами нет. Заместитель. Он там где-то около школы,— заикаясь, произнес полицай.

— А это тебе не начальник! Ишь как заелись, свинопасы. Заместитель им уже не начальник. Генерала подавай в начальники. Только и научились вшей ловить да пьянствовать. Жаль, что времени нет. А так бы мы научили сволочей любить землю русскую! — размахивая пистолетом, распекал я полицай.— Стань вон на горке и следи за дорогой на Быково. Проморгаешь партизан — расстреляют вшивого негодяя!

— Есть стоять на горке и следить за дорогой на Быково! — повторил приказание полицай.

— За мной! — скомандовал я своим спутникам, вздыбил коня и над самой головой перепуганного полицай перенес передние копыта лошади.

Мы поскакали в сторону школы, а полицай побежал на горку выполнять приказание «курьера гебитскомиссара».

Впереди, на школьном дворе, были видны привязанные к забору верховые и запряженные в повозки лошади полицаев. У ручейка, не доезжая школы, мы повернули налево и по дороге возле кладбища выскочили в деревню Задорожье, проехали ее и через несколько минут уже были в лесу. На привале здорово посмеялись над незадачливым служакой фюрера.

Мы загнали лошадей, однако в бок добрались только к часу дня. В нашем распоряжении оставалось еще девять часов времени. Но это не так уж и много, особенно если учесть, что дальше идти придется пешком, обходя немецкие и полицейские гарнизоны, и тащить на себе пудовую мину, перебираться через реку Лучеса, а затем — через железную и шоссейную дороги Витебск — Орша, где постоянно снуют фашисты.

Оставили подвозчику мины лошадей и пошли. Договорились попытать счастья рядом с Витебском, между станциями Заболотинка и Крынки, недалеко от деревни

Копти. Этот участок сильно охранялся немцами, здесь как раз есть железнодорожный мост через речушку Лососина, которая впадает в Суходревку. Но на этом участке редко проводились диверсии, и бдительность немцев должна быть несколько ослаблена.

Часам к восьми вечера добрались до места, залегли в небольших кустах метрах в сорока от дороги. Пошел дождь. Вначале мелкий, а затем разошелся, как будто прорвалось небо. Лежим, присматриваемся. По полотну железной дороги все время ходят два фашиста. Пройдут метров двести, повернутся и шагают обратно. Дальше такое же положение. И так все время. Как маятники. Попробуй тут поставить мину! Ни при каких условиях не успеешь выкопать ямку, поставить мину и замаскировать ее. Лежим, спорим, ни до чего не можем договориться. Уже прошло несколько эшелонов туда и обратно. Но по времени знаем, что не «наши». Ждем «своего».

— Единственный выход — поставить мину на шомпол. Когда пройдет первый эшелон, я выскочу и побегу к дороге. Если немцы заметят меня, стреляйте по ним. Поезд не успеет остановиться,— предложил я дерзкий и опасный план операции.

Я о нем подумал еще в штабе бригады. Но не стал говорить «Дяде Алеше». Хорошо и тогда понимал, что в спешке поставить мину на шомпол не всегда удастся. Это почти верная смерть, но желание выполнить задание было так велико, что я решился.

Мои спутники согласились. Другого-то выхода не было. Лежим под проливным дождем и считаем минуты. А они тянутся так медленно, что сил уже нет дожидаться. Подошло время. Наконец слышим — гудят рельсы. На быстром ходу проскочил эшелон с двумя груженными балластом платформами впереди паровоза. Выждав, пока немцы пройдут мимо нас, я вскочил и, поддерживая руками ящик мины (он висел на ремне у меня на шее), помчался что было сил. Ничего не видел, кроме полотна железной дороги, ничего не чувствовал, кроме желания успеть поставить мину.

Выскочил на полотно дороги, поставил между рельсами ящик, вставил в чеку взрывателя шомпол

и нижний его конец осторожно загнал в землю. Получился своеобразный рычаг, который передняя решетка паровоза зацепит и выдернет чеку. Мина взорвется как раз под паровозом. Оси передних вагонов с балластом выше, и они до шомпола не достанут.

Поезд мчался прямо на меня. Он уже близко. Я бросился бежать от полотна. Вспыхнуло ослепительное пламя, а за ним и раздирающий воздух оглушительный взрыв. Все загремело, заскрежетало, затрещало... Бегу дальше, ничего не соображая.

В чувство привели меня сверкающие нити трассирующих пуль, которые тянулись со всех сторон и во все стороны, вспарывая и прошивая темень дождливой ночи. Это уж чисто немецкая привычка стрелять независимо от видимости цели. Безразлично, видна она или нет. Петля между ориентирами, я кое-как выбежал из обстреливаемой зоны, передохнул минуту и опять рванул, сколько было сил, к месту сбора, к кустам в лощинке, километрах в трех от железной дороги.

Хлопцы мои уже лежали там и курили в рукава. Мое появление для них явилось полной неожиданностью. Они были убеждены, что я подорвался на mine вместе с эшеленом, но ожидали в пункте сбора, так сказать, для очистки совести. А я стоял перед ними, притом цел и невредим.

Порадовались успеху и под шепот дождя в приподнятом настроении отправились в свою бригаду. Прошли шоссе, перебрались через Лучесу, проскользнули незаметно железную дорогу Витебск — Орша. Идем в направлении борка. Подходим к деревне. Днем, когда мы шли на задание, здесь никого не было. Хочется есть.

— Давайте, хлопцы, зайдем в дом, попросим. Дадут так дадут, а нет — пойдем дальше,— сказал один партизан.

— Конечно,— согласился второй.

По правде сказать, мне очень не хотелось заходить в деревню, но не устоял. Облюбовали хатенку поближе к лесу. От кустов по меже растут вишни. Подходим к дому. Сени открыты. Вхожу первый, ребята — за мной. Потянул на себя дверь, не заперта. Только ступил ногой на порог — фонарик ослепил меня. В отсвете все же успел разглядеть, что на полу, как сосиски, лежат в одном белье немцы, в изголовьях — оружие и обмундирование. Я схватился за свой автомат, дал очередь, вторую, третью и, захлопнув дверь, бросился на огороды.

В деревне поднялась стрельба. Немцы посыпались из всех домов. В горячке я побежал не прямо к лесу, а по огородам. Поворачивать уже было поздно. Единственное спасение — сеной сарай в конце огородов. Только туда, к сараю, думаю я, а оттуда — в лес. Только бы за угол... Только бы за угол... Наконец вот и он.

А из-за другого угла сарая, тоже сколько есть сил, бежит в одном белье немец. Я убегал от фашистов, а они убегали от партизан. Но вот встретились и не можем разминуться. Слишком большую скорость развили. Я успел только выхватить и выставить перед собой пистолет. Он вскинул автомат. Мы ударились один в одного, и я выстрелил. Он упал. Я схватился за ремни, четко вырисовывавшиеся на его белье, рванул и побежал в лес. В руках у меня болтался его автомат и на ремне — планшет и пистолет. Я перекинул их через плечо и бегу. Догоняю на тропинке своих хлопцев. И только после того, как догнал их, вдруг почувствовал страшную боль в правой руке. Схватился за нее — липко...

— Я ранен, ребята,— говорю.

— Вот тебе на.

Быстро сняли с меня фуфайку. Разрезали рукав. Выше локтя — слепая рана. Забинтовали. Пошли дальше. К утру уже пришли в борок. Лошади на месте. Наш подвозчик обрадовался, что мы живы и вернулись все.

Вскочили на лошадей и к вечеру уже были в бригаде. Радостно, что выполнили задание, но меня страшно знобит. Соскочил с лошади. У меня два автомата и два пистолета — свои и трофейные. Иду навстречу «Дяде Алеше», а ноги подкашиваются. Меня подхватили партизаны, отнесли в санчасть. Разбинтовали. Обнаружилось, что в кости правой руки сидит пуля. Нужно срочно делать операцию, чтобы извлечь ее, а наркоза нет.

— Как же быть? — спрашивает доктор.

— Делайте так. Вытерплю,— говорю я.

— Может, самогона выпьешь? Легче будет,— говорит главный хирург бригады Яков Владимирович Гайдаревский.

Я отказался. Привязали к «операционному столу». Его роль выполняла обыкновенная деревянная широкая скамейка. Началась операция. Якову Владимировичу помогали врач Татьяна Ивановна Шишова и фельдшер Федор Семенович Кузнечик. Потееют врачи, потею и я. Страшно больно, но молчу... Операция окончена. Автоматная пуля извлечена. Оказывается, мы с немцем выстрелили

одновременно. Я из пистолета убил его. Он же попал мне в руку.

— Ну и терпеливый же ты, «Сорванец», даже не застонал,— сказал «Дядя Алеша». Он, оказывается, присутствовал на операции от начала до конца.

В дневнике партизанской бригады об этом октябрьском событии скромно записано с опозданием ровно на месяц:

«20.11.43 г. На ж.-д. ст. Витебск за Жлобинским мостом агентурщиком отряда № 17 Лебедевым П. спущен под откос воинский эшелон с живой силой и боеприпасами. Уничтожено 12 вагонов».

Вот и все, что сохранила история.

Вот какие они, Шинкоренки!

После операции отвезли меня на квартиру к начальнику штаба 1-го батальона Тихону Михайловичу Шинкоренко. Он с женой занимали небольшой бросовый домик, переполненный клопами и прусаками. И Тихон Михайлович, и его жена Ольга Петровна — люди очень добрые, чуткие и внимательные. Они откармливали и отпаивали меня всем, чем только могли и располагали. Перевязки мне делала Ольга Петровна. Время от времени заходила врач Татьяна Ивановна Шишова. Прожил я у них до самого перехода в Ушачский район. Ольга Петровна для меня была и поваром, и медсестрой, и родной матерью.

Мне хотелось бы кратко рассказать об этих замечательных людях — Тихоне Михайловиче и Ольге Петровне Шинкоренко.

О них у меня остались самые хорошие воспоминания. После войны я встречал их один раз, а затем надолго потерял из виду. И только в 1967 году, 2 июля, в Лиозно на слете бывших партизан бригады «Алексея», посвященном двадцатипятилетию организации ее, встретился я с Тихоном Михайловичем. Затем Тихон Михайлович побывал у меня в дни празднования пятидесятилетия Великой Октябрьской революции, когда я работал первым секретарем Березовского райкома партии Брестской области, а 5 декабря 1967 года мы с женой съездили к ним в Смоленск.

И Тихон Михайлович, и Ольга Петровна — люди скромные. Работали. Занимали невысокие должности. Наверное, многие друзья по работе даже и не подозревали о том, что Тихон Михайлович и Ольга Петровна в годы Великой Отечественной войны все отдавали своему народу, не жалели себя и своей жизни во имя освобождения Родины.

Тихон Михайлович Шинкоренко родился в 1913 году в деревне Маклаки Октябрьского сельсовета Лиозненского района Витебской области в семье крестьянина. В 1929 году окончил семь классов неполной средней школы. В Красной Армии служил с 1935 по 1937 год, в кавалерийских частях. После демобилизации работал на железнодорожном транспорте кондуктором, а затем, окончив курсы при Оршанском железнодорожном техникуме, дежурным по станции Лиозно. Война застала его на том же посту на станции Крынки.

В первые дни оккупации Тихон Михайлович установил связь с группой красноармейцев, попавших в окружение, и лично с Николаем Васильевичем Селиваненко. Он был одним из организаторов первого партизанского отряда на Лиозненщине, который впоследствии стал отрядом № 1, а затем № 8 имени Селиваненко. Так назвали отряд в июне 1942 года после гибели первого командира Николая Васильевича Селиваненко, уроженца деревни Лобаны Лиозненского района.

Вначале Тихон Михайлович был разведчиком отряда. По заданию командира устроился счетоводом кобыльнической волостной управы Лиозненского района. Имел доступ к документам, общался с немецкими служащими и их прихвостнями. Проводил большую работу не только по сбору и передаче отряду разведанных, но и по разложению немецкого гарнизона. И когда в июне 1942 года гитлеровцы напали на след партизанского разведчика, Шинкоренко не только сам ушел в отряд, но и увел с собой четырнадцать вооруженных полицейских, унес радиоприемник с запасным комплектом электропитания.

В отряде он стал сначала командиром взвода, а затем уже в июле 1942 года его назначили начальником штаба партизанского отряда.

3 октября этого же года Тихон Михайлович был тяжело ранен в левое бедро. Направили его за линию фронта для лечения. Но туда он не попал: немцы к этому времени успели закрыть «Суражские ворота». Тихона Михайловича оставили в партизанском госпитале бригады Д. Ф. Райцева, где он находился десять месяцев.

Что такое партизанский госпиталь? Это повседневная кочевка, перевозки и переноски со всеми вытекающими из этого последствиями.

После выздоровления в августе 1943 года Тихона Михайловича назначили начальником штаба 1-го батальона партизанской бригады «Алексея». В этой должности он провёл до соединения с войсками Красной Армии. Временно исполнял обязанности начальника разведки бригады.

Это умный, храбрый и мужественный человек. Во время войны мне часто приходилось с ним встречаться. Как разведчику бригады мне немало было известно. Знаю, что некоторые операции 1-го батальона разрабатывались лично Тихоном Михайловичем и были выиграны партизанами. Шинкоренко совместно с командиром батальона Петром Михайловичем Антиповым всегда участвовал в боях, показывая личный пример храбрости.

Тихона Михайловича хорошо знал и уважал Алексей Федорович Данукалов. Комбриг неоднократно вызывал его к себе в штаб бригады и советовался с ним.

Шинкоренко наградили именованным пистолетом ТТ № 47111, а при соединении с войсками Красной Армии — медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Ольга Петровна награждена медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

После войны Тихон Михайлович два месяца работал в группе по приведению в порядок архива партизанской бригады «Алексея», затем начальником железнодорожной станции Стайки, потом начальником станции Колодня, которая возле Смоленска, диспетчером Смоленского железнодорожного узла. Сейчас Почетный железнодорожник Тихон Михайлович Шинкоренко на пенсии.

Ольга Петровна под стать своему мужу: чуткая, внимательная, заботливая, бескорыстная. Многие партизаны отлично ее помнят. Командиры всегда отдавали ей самых безнадежных раненых. При этом говорили:

— Если в нем еще сохранилась жизнь, то Оля выпоит.

Не один я обязан Ольге Петровне жизнью. Многих увела она от смерти после ранения. Так, до меня выходила партизана Петра Ивановича Королева. Ольга Петровна была ласковой и веселой, и никто не подозревал даже, что на душе она носит тяжелое горе. Уходя в партизаны, Шинкоренки оставили матери свою маленькую дочурку Верочку. Немцы арестовали бабушку с внучкой и вывезли за пределы Белоруссии. Ни Тихон Михайлович, ни Ольга Петровна не знали ничего о них. Только после войны разыскали Верочку. Она жила и воспитывалась в семье наших польских друзей.

Тихон Михайлович в 1942 году стал кандидатом в члены партии, в 1946 — членом КПСС. Прошло много времени потому, что долго разыскивали в архивах материалы о приеме в кандидаты. Ведь в условиях партизанской жизни нелегко было вести и хранить архивы.

Тихону Михайловичу Шинкоренко сейчас далеко за шестьдесят. Но я убежден, что, если бы потребовалось, он без колебаний снова стал бы с оружием в руках на защиту нашей Родины.

Рассматривая бумаги его сына, я как-то обнаружил вырезку из газеты, где написано буквально следующее:

«Благородный поступок.

На днях на станции Колодня распоясавшийся хулиган набросился на одного пассажира и нанес ему ножом несколько ударов. Потерпевший упал на пол, пассажиры в беспорядке бросились к дверям.

Начальник станции Колодня т. Шинкоренко, услышав шум в зале ожидания, выбежал из своего кабинета и, оценив обстановку, бросился на хулигана. Завязалась борьба. Хулиган, отчаянно сопротивляясь, замахнулся ножом на т. Шинкоренко, но подоспевший ревизор поездов станции Смоленск т. Мазурек вовремя предотвратил удар.

Тов. Шинкоренко и Мазурек совершили самоотверженный поступок. Рискую собственной жизнью, они задержали вооруженного преступника, обезоружили его и доставили в отделение милиции. Отрадно сознавать, что советские железнодорожники не стоят в стороне от борьбы с преступностью и оказывают органам милиции посильную помощь.

К. Лужков».

Как кратко и как ясно. В этом поступке виден наш Шинкоренко. Весь, какой он есть. Другим мы его и не знали. Да, это коммунист Шинкоренко. А коммунист всегда коммунист. Дома и среди людей. На работе и в отпуске. И даже один на один с собой.

Последние дни в тылу врага

В конце ноября 1943 года пришла радиограмма из Центрального штаба партизанского движения за подписью П. К. Пономаренко о переходе нашей бригады в Ушачский район, где уже давно была партизанская зона со всеми советскими учреждениями. Работали сельские Советы, школы, колхозы и другие предприятия и организации. Теперь немцы предпринимали все меры, чтобы стереть с лица

земли партизанскую зону и упрочить свой тыл.

Началась подготовка к переходу. Командир батальона Петр Михайлович Антипов объявил нам, раненым, что предстоит большой марш. Раненых, которые не смогут передвигаться, повезут на подводах или понесут на носилках. Остальным дадут в помощь людей.

Я сказал, что ноги у меня целы и смогу идти сам. Ко мне присоединилось еще несколько человек. В помощь каждому из нас дали провожатого.

Слышу, кто-то назвал мою фамилию. Я откликнулся.

— Мне приказано вас сопровождать в переходе,— говорит девушка.

Смотрю, старая знакомая, витебская подпольщица. Она меня сейчас не узнала. После второго ранения я, наверное, действительно не похож был сам на себя. Напомнил, что мы с ней встречались в Витебске.

— Ой, а я-то гляжу и думаю, вроде где-то видела, но где, не могу припомнить. В бригаде людей много, всех не запомнишь.

Путь велик. Трудно отправиться в дальнюю дорогу в таком состоянии. Девушка не только помогала мне идти, но постепенно переложила на свои плечи мое оружие, а затем и вещмешок.

Одновременно с нами переходили в Ушачский район Смоленский полк И. Ф. Садчикова и некоторые другие партизанские бригады. Шли по болотам и тропам, в обход крупных гарнизонов. Путь лежал через Чашникский, Лепельский, Холопеничский и Бегомльский районы.

Зима в 1943 году наступила поздно. Мы утонули в грязи. В дополнение ко всему налетали немецкие самолеты, бомбили, обстреливали из пулеметов. Гитлеровцы устраивали засады, старались навязать затяжные бои, чтобы затем окружить и уничтожить нас.

Помню, шли мы через болото. Это был единственный путь. Имелось два выхода: или соорудить греблю, или бросить обоз. За ночь греблю проложили. Уже перебрался почти весь обоз, но на рассвете налетели немецкие самолеты. Началась бомбежка. Девушка схватила меня за воротник тужурки и, сама проваливаясь в болоте, потащила вперед. Мне жаль было ее, но что мог поделать — силы были на исходе. Я понимал, что самоотверженная девушка на этот раз спасла мне жизнь.

Я не знал ни фамилии этой девушки, ни даже имени. За время подпольной работы в привычку вошло не спрашивать и не узнавать того, чего тебе не говорят. Хотя в то время уже и следовало бы узнать фамилию и имя. Но я не спросил. Не до этого было.

Разыскал ее не скоро, только в 1967 году. Но об этом расскажу несколько позже.

Люди устали. Комиссар бригады Иван Исакович Старовойтов сам выбился из сил, навещая отряды. Трудно сказать, когда он спал и ел. Его всегда можно было видеть в подразделениях. То шуткой, то просто теплым словом подбадривал уставших до смерти, промокших до костей партизан.

— А ну, алексеевцы! Что носы повесили? Давайте-ка споем бригадный марш,— предложил комиссар.

Пулеметчик Владислав Тимофеенко запел. Партизаны подхватили песню. Люди подтянулись. На повороте показалась голова колонны. Все увидели, как впереди по грязи размеренно шагал командир бригады. Песня зазвучала громче, веселее. Легче стал шаг.

Восемь дней партизаны находились на марше. 7 декабря бригада прибыла в Ушачский район и получила тридцатикилометровый участок обороны.

Здесь в санитарной части я немного отдохнул после трудной дороги. Потом, хотя рана еще не закрылась, уговорил врача Гайдаревского отпустить меня в отряд. Вместе с 17-м отрядом участвовал во всех операциях.

С середины декабря ударили морозы, заковались реки и болота, а вскоре выпал снег. Больше в разведку меня не посылали. Только один раз получил такое задание комбрига, которое запомнилось мне на всю жизнь.

Ночью в конце декабря 1943 года меня срочно вызвали в Великие Дольцы, в штаб бригады. «Дядя Алеша», комиссар Старовойтов и начальник штаба Плоскунов, склонившись, колдовали над картой.

— Как твои дела, «Сорванец»? — спросил комбриг.

— Отлично. Немножко лежу и немножко воюю.

— А здоровье как? Рука болит?

— Здоров, как зверь! Рука так себе... Девчат обнимать можно, да и то осторожно.

— Как всегда шутишь?

— А что остается делать?

Комбриг походил по комнате, покашлял, сел за стол.

— Нам нужно срочно доставить важные документы в Первую Заслоновскую бригаду,— без

всяких предисловий начал он.— Штаб стоит в Старой Белице, недалеко от Сенно. Километров сто будет. Но придется объезжать фашистские гарнизоны. Так что прибавь еще двадцать.

— Я согласен...

— Согласен-то согласен, но дело не простое. Прежде всего придется вырваться из кольца, которым окружена наша партизанская зона. Да и к заслоновцам, наверное, путь тоже не открытый. Мы много думали, кого послать, и остановились на тебе. Ты смекалистый в этих делах. Уверены, что проберешься.

— Спасибо за доверие!

— Вот карта, изучи и подбери себе маршрут. Поедешь верхом. Лучшая кобылица Ласка в твоём распоряжении.

Я решил проскочить между Казимировом и Ветче. Командование бригады одобрило этот план.

Сборы были недолгими. Накормили меня хорошенько, снабдили махоркой и спичками. Планшет с запакрованными в плотную бумагу документами привязали ремешками через плечи под фуфайкой так, что он оказался у меня на спине и не мешал моим движениям.

Перед рассветом мы подъезжали к деревне Ветче. Впереди на своем жеребце «Дядя Алеша», за ним я, за мной Плоскунов. В дороге много было разговоров, но больше всего не о моем трудном задании, а о разных эпизодах нелегкой партизанской жизни.

Около Ветче нас встретили командиры двух отрядов: Михаил Смычков и Сергей Медаев. Из штаба им позвонили и передали указание подготовить отряды к выполнению важного боевого задания.

— Хе! Ехали двое, а приехали трое,— не удержался Медаев.— «Сорванца» совершенно не видно.

Теперь он уже узнавал меня хорошо. А при отряде Смыčkова я почти все время находился после ухода из Ивановки, не раз участвовал с ним в боевых операциях.

— Это хорошо, что «Сорванца» издали не видно,— задумчиво проговорил комбриг.— Предстоит дальняя дорога, на которой его подстерегают многие фашистские ловушки. Вот и нужно пропустить его через вражескую линию, открыть путь в тыл фашистов.

План быстро утрясли. Определили место прорыва кольца около болотины, подходящей к самой речушке. Пропустить меня решили на рассвете, когда на людей нападает непреодолимая тяга ко сну. Завертелось колесо. Отдавались команды, двигались роты бойцов. К месту прорыва подъехали и мы. Остановились в трехстах метрах на бугорке, поросшем молодым ельником, и наблюдали, как партизаны бесшумно добрались до речушки, переправились на вражеский берег и кинулись туда, где за пулеметами дремали гитлеровцы.

Брешь в обороне противника быстро расширялась в обе стороны...

— Пора, «Сорванец»! — схватил меня в объятия и троекратно расцеловал «Дядя Алеша».— Счастливого пути!

Расцеловались мы и с Плоскуновым. Ласка сорвалась с места и понесла меня в поле, к шоссе Лепель — Березино. Недалеко от деревушки Савин Дуб перескочил ее и по тылам гитлеровцев безостановочно двигался в сторону шоссе Лепель — Бегомль, объезжая гарнизоны противника.

Недалеко от Старолесья незамеченным пересек шоссе Лепель — Бегомль, повернул направо, выскочил на большак, который вел к Волосевичам. Уже шестой час нахожусь в пути, нигде еще не останавливался ни на минуту, даже не закурил, забыл об этом, хотя был заядлым курильщиком и полный кисет махорки лежал в моем кармане. Да и коня пора покормить. Решаю заехать в деревню. Если немцев в ней нет, сделаю небольшой привал.

Волосевичи предстали предо мной, как только я выскочил из-за поворота. Сразу заметил шлагбаум и возле него немецкого солдата. Свернуть в сторону поздно, можно навлечь на себя беду—уж очень близко подъехал. Что делать? Будь что будет,— во весь опор мчусь вперед. Авось гитлеровцы не успеют разобраться, кто въехал в деревню, и я сумею выбраться на окраину, к огородам. Так оно и случилось. Я уже был в лощине и взял курс к Лукомльскому озеру, когда из Волосевичей заговорили немецкие пулеметы. Но пули высоко проносились надо мной.

Когда проскочил большак Чашники — Лукомль, оказался в партизанской зоне. Теперь я повернул кубанку красной лентой вперед. Меня никто не задерживал, я шел на полной скорости, минуя деревню за деревней, уверенно приближаясь к цели.

В Старой Белице я быстро нашел штаб. Когда вошел в дом, за столом сидели комбриг 1-й Заслоновской Людвиг Иванович Селицкий и еще несколько командиров (Селицкого назначили комбригом после гибели Константина Сергеевича Заслонова). Доложил, что привез пакет от комбрига «Алексея».

Я скинул маскхалат, затем фуфайку и повернулся спиной, где был кожаный планшет, к Селицкому. Ремешки впились в мое распотевшее тело. Их быстро разрезали и сняли планшет. В дом вбежал часовой.

— Товарищ комбриг! Лошадь пала.

— Какая лошадь?!

— Белая. Приезжего посыльного.

Я пулей вылетел во двор. Ласка лежала на снегу, протянув ноги. Стекланный глаз, заплывший слезами, безжизненно смотрел на меня. Да, я загнал эту добрую кобылицу. А ведь можно было ее спасти. Следовало не привязывать к коновязи, а поводить полчаса, пока остынет, и было бы все в порядке. Но тогда я и не подумал об этом, а побежал быстрее передать драгоценный пакет, ради которого была предпринята вся эта рискованная затея.

Я сидел над Лаской с зажатым, как в тисках, сердцем и перебирал в памяти весь длинный путь, который пронесла меня по вражеским тылам эта кобылица.

— Ты долго собираешься оплакивать свою лошадку? — спросил нагнувшийся надо мной Селицкий.— Пошли в хату, а то еще и простынешь...

Назавтра сообща обсудили, как мне лучше добраться к алексеевцам. Взамен павшей Ласки мне предложили другую лошадь. Но я отказался. Стоит ли снова подвергать себя риску и мчаться по тылам врага, опять стать мишенью для противника? Теперь же никакой срочности нет. Лучше идти пешком, осторожно обходя вражеские гарнизоны, чтобы при любой опасности незаметно юркнуть в кусты. Договорились, что заслоновцы подвезут меня к большаку Чашники — Лукомль, а там уж я отправлюсь пешком, обойду с севера Лукомльское озеро, приму несколько южнее моего конного маршрута и лесными тропами доберусь до своих.

После обеда мы отправились в путь. Меня сопровождала группа партизан-заслоновцев во главе с Василием Степановичем Ждановичем. Распрощался с ней, когда между Лукомлем и Поповкой пересек большак. Заслоновцы поехали обратно, а я взял курс на запад.

Возле деревни Кисели меня заметили фашисты. Они кричат «Хальт! Хальт!», а я продолжаю идти прежним шагом, делая вид, что это меня не касается. Уже недалеко до кустов. Рассчитываю скрыться за ними. У фашистов, очевидно, кончилось терпение. Они открыли огонь, но брали высоко; пули со свистом пролетали над головой. Конечно, немцы это видели и внесли поправки. Пули начали ложиться рядом. Я помчался к кустам, не отстреливался. Думал, что гитлеровцам надоест гоняться за мной.

Хотелось мне обогнуть Лукомльское озеро, не выходить на лед, где невозможно было замаскироваться. Фашисты, видимо, это поняли и стали так обстреливать местность, чтобы остался один безопасный путь — к озеру. Мне ничего не осталось делать, как рвануть туда.

Валенки не скользили по льду, и я бежал изо всех сил. Быстрее бы добраться до противоположного берега! Немцы в сапогах, не очень-то побегают. Но я — один, а их группа. Один автомат против нескольких... Пули рикошетят и летят вместе с осколками льда. Страшная картина. Я ползу и отстреливаюсь. Укрыться негде. На земле несравненно легче, там всегда найдется бугорок, ложбинка, а если и их не окажется, то даже на ровном месте сожмешься весь и, кажется, что вот уже и втиснулся в землю, прикрылся от пуль. А на льду — нет! Как бы ты ни укладывался, как бы ни вертелся, все равно на виду, со всех сторон доступен пулям.

Это на бумаге передать очень трудно. Кому не приходилось испытать такое на себе, тому нелегко представить хотя бы приблизительно эти ужасы.

Прошло, кажется, уже немало времени. Начало темнеть. Берег близок. Но что это? Там какая-то суета. Всматриваюсь. Гитлеровцы устанавливают станковый пулемет. Дальше ползти нельзя. Дал автоматную Очередь и свернул в другое направление. Снова ползу и снова отстреливаюсь.

Когда основательно потемнело, я выбрался на берег. Принял севернее и через некоторое время оказался на окраине деревни Симоновичи. Осторожно прошел по кустарнику, забежал на огороды и по задворкам вышел за деревню и — будьте вы трижды прокляты, фашисты!.. По болотным и лесным тропам направился к Ушачской партизанской зоне, где мои боевые друзья-алексеевцы упорно защищали свои рубежи.

В деревни не заходил. Дневал в лесу. Ночами пробирался к цели. На четвертые сутки, недалеко от Медведовки, наткнулся на группу конников из отдельной разведроты 1-го батальона бригады «Алексея», которую возглавлял мой друг Миша Григорьев. Они подобрали меня и переправили через немецкую линию в Ушачскую зону...

«Дядя Алеша»! Как он был рад моему возвращению.

В разведку меня больше не посылали. После небольшого отдыха вместе с партизанами 17-го

отряда я участвовал в разных операциях. Вот тогда-то меня третий раз тяжело ранило. А случилось это вот как.

14 января 1944 года мы устроили засаду на дороге Пышно — Березино. Человек двенадцать автоматчиков и пулеметчиков 17-го отряда под руководством командира отряда Михаила Иосифовича Смычкова на рассвете недалеко от деревни Савин Дуб залегли в тридцати метрах от дороги. Только начало светать, как из-за поворота показалась небольшая колонна фашистов. Впереди шли два рослых солдата. Как гусаки, вытянув шеи, они прощупывали глазами один одну, а второй другую сторону обочины дороги. Я лежал крайним по ходу колонны. Рядом со мной окопался в снегу командир группы подрывников отряда Павел Толкачев, пожилой и бывалый партизан. Он шепотом передал мне приказ командира: когда голова колонны поравняется с засадой, без команды бить по этим двум «гусакам».

Впился глазами в двух фашистов и с нетерпением жду, когда они достигнут указанного места, которое я наметил и перемерил мысленно не один раз. Все ближе и ближе... Держу на мушке. Больше никого не вижу. Остальные для меня не существуют. Два «гусака» достигли роковой черты. Нажимаю на спусковой крючок. Мои «подшефные» рухнули на землю. Застрочили пулеметы и автоматы, полетели гранаты. Оставшиеся в живых фашисты залегли в кювете и открыли огонь.

Смотрю, Чуть правее меня, за дорогой, длинными очередями плюет пламенем фашистский пулемет. Зубами выдернул чеку «лимонки», приподнялся и левой рукой метнул гранату. Пулемет замолк. Взрывной волной его выбросило на дорогу. Но меня обнаружили фашисты, повели прицельный огонь. Пули засвистели над самой головой. Прижался к земле, переполз немного правее, залег и снова открыл огонь. Вдруг будто кто-то ударил по спине. Слышу, разлилось тепло под рубашкой. Вот уже и живот оказался в теплой луже. А я все стреляю...

— Что с тобой? — подполз ко мне Толкачев.

— Я ранен.

Он схватил меня за ворот фуфайки и потащил за пригорок. Вскоре собралась вся группа.

— Ну и невезучий же ты, «Сорванец», — с сожалением проговорил Смычков.

Содрали с меня одежду. Пуля навывлет прошла через правую лопатку, чуть не задев позвоночник. Перевязали рану. Не очень приятная процедура раздеваться на дворе в двадцатиградусный мороз.

Так закончился мой последний бой в период Великой Отечественной войны.

Привезли меня в санитарную часть. Обработали раны, снова перевязали и уложили в постель. Вечером ко мне пришел Алексей Федорович Данукалов со своим ординарцем. Приехал и начальник штаба 17-го отряда Василий Михайлович Маршалков.

— Ну что ж, «Сорванец»... Видно, немцы все-таки решили добить тебя, напали, как блохи на мокрое место, — весело говорил «Дядя Алеша», пересыпая свой разговор острыми словечками.

Справедливости ради следует сказать, что Алексей Федорович был большим мастером художественного слова и острых выражений. Но это у него как-то получалось не грубо и не оскорбительно.

— Придется тебе, «Сорванец», лететь за линию фронта, на Большую землю, — продолжал комбриг.

Я упрашивал «Дядю Алешу» оставить меня в бригаде, уверял его, что скоро поправлюсь, что на мне все заживает быстро, ко всему еще хочу воевать с фашистами.

— Но у него еще не закрылась рана на руке после второго ранения, — вставил Яков Владимирович Гайдаревский.

— Вот видишь, а ты говоришь, заживает быстро, — сказал «Дядя Алеша». — Нет, «Сорванец». Я не стану больше брать греха на свою душу. Ведь тебе еще нет и восемнадцати лет, а ты уже три раза тяжело ранен.

— Двадцать седьмого января мне исполнится восемнадцать лет, — хватаясь как утопающий за соломинку, вставил я.

— Тебя нужно было отправить за фронт еще в октябре, после взрыва эшелона, — сказал Алексей Федорович. — Нет, и не проси. Вопрос решен. Если тебя убьют, я никогда не прошу себе этого. Постарайся после войны обязательно разыскать меня. Тебе это легче будет сделать, чем мне, потому что меня знают больше, чем тебя.

Мне выписали необходимые для отправки за линию фронта документы. Распрощались. Я не знал тогда, что никогда больше не увижу «Дядю Алешу».

Часа через два, закрученный в одеяло, я лежал в санках, направляясь на партизанский аэродром в Сержаны. Ровно 920 дней пробыл я в тылу врага. Для меня война окончилась, а для других была еще в полном разгаре.

Стоять насмерть!

Да, не знал я тогда, что уже немного осталось воевать этому храброму командиру прославленной партизанской бригады, одно имя которого приводило в ужас фашистских вояк и их прихвостней.

Гитлеровцам был знаком почерк алексеевцев. Враг наверняка узнавал его по внезапным налетам партизан, по дерзким диверсиям в самых неожиданных местах и выходу из сложнейших ситуаций, по быстроте передислокации и перегруппировки сил, по неожиданному появлению там, где их не ожидали, и по такому же моментальному исчезновению, по глубоко продуманному решению сложнейших военных задач со многими неизвестными, по дисциплинированности, организованности, храбрости и бесстрашию рядовых партизан и командиров. Враги хорошо знали и самого Данукалова, знали, что шутить с ним опасно.

Не успели еще алексеевцы по-настоящему разместиться на новом месте в Ушачской зоне, как о прибытии их туда стало известно не только друзьям, но и врагам.

Да и как не узнаешь о них! Только командир Полоцко-Лепельского партизанского соединения В. Е. Лобанок определил почти тридцатикилометровую линию обороны, на которой алексеевцы должны закрепиться и стоять насмерть, чтобы не допустить фашистскую нечисть в освобожденную партизанскую зону, как бригада начала проводить диверсию за диверсией. Алексей Федорович всегда считал, что при любых ситуациях врага нужно держать в страхе, не только причинять ему ущерб, но и трепать нервы.

— Если враг тебя боится, значит, уже обеспечено пятьдесят процентов победы,— неоднократно говорил он командирам и политработникам.— Держите фашистов всегда в страхе.

В штабе бригады собрался партизанский совет, съехались командиры батальонов и отрядов, а также начальники штабов, комиссары и другие должностные лица. Начальник штаба бригады Федор Иванович Плоскунов докладывал о размещении батальонов и отрядов, о строительстве линии обороны. Он внес предложение создать группу военных специалистов, которые бы изучали и решили, где какие укрепления нужны.

— Ты прав, Федор Иванович! — выслушав его, сказал комбриг.— Укрепления действительно строить надо разумно. Здесь придется стоять не один день, а либо до победы, либо до смерти. Подумай, кого включить в эту группу. Заодно необходимо создать и другую группу, которая бы изучила обстановку, организовала глубокую разведку и внесла предложения о немедленной организации диверсий против фашистов. В этом деле нельзя терять ни одного дня.

— Что ты, Алексей Федорович! Может, повременим недельку-две? Пускай люди отдохнут от перехода, да и укрепления построим.

— Нет, Федор Иванович! — вмешался в разговор комиссар бригады.— Отдыхать, значит, помогать врагу собраться с мыслями и силами. Комбриг прав. Необходимо бить врага, трепать ему нервы, нагонять страх. Это нужно и для поддержания высокого боевого духа партизан. Давайте поручим возглавить эту группу Зюкову и Шестакову. А строительством обороны займется начальник штаба. Вы, Федор Иванович, в этом деле собаку съели.

Все поддержали комиссара.

— Дело говорит комиссар! — согласился комбриг.— Так и порешим. Тебе, дорогой Федор Иванович, остается одно — выполнять. Большинство на нашей стороне.

Закипела работа. Одни строили блиндажи, дзоты, рыли окопы, ходы сообщения. Другие делали вылазки в тыл врага. Да и не только вылазки, совершали рейды на несколько десятков километров в глубь вражеского расположения.

Начальник штаба мотался день и ночь, руководил строительством укреплений на тридцатикилометровом участке от Хроменок и Ветче до Замошья и Аубенцов — расстояние немалое и местность неодинаковая, на каждом шагу загадки. Вот и попробуй реши их.

В каждом отряде были созданы ударные группы, в которые, как правило, входили автоматчики, пулеметчики и подрывники. Ни днем ни ночью алексеевцы не давали покоя немцам. Фашисты подрывались на минах, из засад косили их меткие партизанские пули, отряды совершали внезапные ночные нападения на гарнизоны. С каждым днем радиус действия алексеевцев ширился. Шоссе Пышно — Березино постоянно находилось под контролем партизан. Добрались они и до железной дороги Полоцк — Молодечно.

Фашисты решили проучить неутомимых алексеевцев. Они бросили свыше двухсот солдат против 13-го партизанского отряда и около деревни Угольцы попытались переправиться через реку Березину. Но не тут-то было. Враг потерял около шестидесяти солдат убитыми, и ему пришлось срочно обратиться

восвояси. Тогда фашисты подключили авиацию и артиллерию. Два дня непрерывно бомбили и обстреливали расположение 8-го и 13-го отрядов, методично, метр за метром вспахивали землю бомбами и снарядами. А 21 января до семисот гитлеровцев тремя колоннами двинулись на деревню Угольцы. Только через три часа им удалось несколько потеснить партизан, но фашисты не сумели закрепиться на занятых позициях. Под партизанским огнем пришлось им уносить ноги. Свыше сотни фашистов навсегда осталось лежать в нашей земле.

На дорогах ежедневно устраивались засады. То в одном, то в другом месте алексеевцы трепали противника. В январе разгромили они гарнизон в Путилковичах, вывели из строя участок дороги Новины — Любово, уничтожили двенадцать километров линий связи.

Командование бригады также решило нанести удар по гарнизонам противника в Липниках и Любове, которые слишком рьяно начали браться за партизан. Надо было сбить с них спесь. Три отряда (10, 14 и 18-й) повел на Липники заместитель комбрига Константин Зюков.

Партизаны прорвались в гарнизон, овладели частью окопов, заняли один, а потом и второй дзот. Три часа шел жаркий бой. Казалось, что победа алексеевцам уже обеспечена, осталось только сделать еще один рывок. Зюков поднимает бойцов в атаку. С чердака ближайшего дома предательски застрочил пулемет, изрыгая смерть. Изрешеченный пулями, Зюков упал. Командир 14-го отряда Василий Васильевич Григорьев встал на место убитого командира и повел людей в атаку.

Григорьев в боях был не новичок, а выдавший виды партизан. Он прибыл в бригаду из-за линии фронта с группой в девять человек. В ней были и две девушки. Одна из них — молоденькая медсестра, симпатичная комсомолка из Горького Мира Швиндлер. Вскоре Василия Васильевича назначили помощником командира 10-го отряда, и он неоднократно участвовал в боевых операциях. В июне 1943 года ему и Михаилу Григорьевичу Семенову поручили создать новый партизанский отряд. Им быстро удалось выполнить приказ командования бригады. Отряду присвоили четырнадцатый номер; командиром его назначили Григорьева, а комиссаром — Семенова. Василий Васильевич попросил назначить медсестрой в отряд Миру Самойловну Швиндлер. Вскоре она стала женой Григорьева. После гибели М. Г. Семенова комиссаром стал Леонид Степанович Павроз. Григорьев и Павроз не раз водили отряд на выполнение рискованных боевых операций.

Вот и сейчас Василий Васильевич, встав на место погибшего комбата Зюкова, поднял отряд в атаку. Комиссар Павроз с бойцами подавили пулеметную точку противника. Но атака захлебнулась. К фашистам подоспело подкрепление.

В это же время четыре отряда (6, 13, 17 и 20-й) под командованием комбата Антипова штурмовали гарнизон противника в деревне Любово. Партизаны ударили с трех сторон одновременно. Хотя и крепкий был орешек, но удалось его разгрызть. Противника выбили из пяти дзотов. Первый дзот забросали гранатами подползшие вплотную Сергей Шабашов, Георгий Милошевский, Дмитрий Махлаев и Арменак Парнакьян из отряда «Моряк», второй ловко обложил со своей ротой Феликс Крыжевич и выкурил оттуда фашистов.

Хорошо дрались ребята из 20-го отряда под командованием Сергея Сметанина, 17-го во главе с Михаилом Смычковым и 13-го под командованием Василия Пенчукова. При штурме штаба гарнизона бесстрашно действовали комиссар 13-го отряда Яков Старостин и комиссар 20-го Евсей Дягилев, а также помощник комиссара по комсомолу Иван Свириденко. Подобравшись вплотную к зданию вместе с бойцом Иваном Шебеко, они забросали противника гранатами и заставили его замолчать.

Но особенно отличился в бою отряд «Моряк». Все роты проявили находчивость и смекалку, четко выполняли команды, слаженно и умело взаимодействовали. Командир Коркин и комиссар Шерстнев руководили боем, как настоящие дирижеры. «Молодцы, не уронили чести «Мишки-моряка», — отмечал Антипов, подводя итоги операции.

В этом бою были ранены Арменак Парнакьян, Феликс Крыжевич и Дмитрий Махлаев. Погибли Александр Гуделев, Михаил Рябунькин, Гильденков и Гайда.

В тот день жарких боев отличились многие бойцы. В бригадном дневнике отмечено свыше шестидесяти человек. Среди них В. Белисов, Д. Жек, А. Савич, И. Федосенко, Д. Рубан, И. Ключко, А. Потапенко, Ф. Нардымов, И. Коваленко, Л. Василис, В. Титов, А. Бессонов, девушки-партизанки Аня Федосенко и Валя Приставка и многие другие.

К вечеру партизаны оставили деревни Любово и Липники. Итоги дня были отрадными и печальными. При штурме этих гарнизонов погибло 16 партизан и ранен 51. Погиб и наш славный заместитель командира бригады Константин Васильевич Зюков, прошедший по тылам врага партизанскими тропами не одну сотню километров.

Константин Васильевич Зюков пришел в партизанскую бригаду «Алексея» в мае 1942 года с

небольшой группой подготовленных для борьбы в тылу врага людей: Старостиным, Монаховым, Салаженком, Кузнецовым и другими. В начале июня из личного состава бригады «Алексея» был сформирован партизанский отряд под командованием К. В. Зюкова, который направился под Оршу. Вскоре он разросся, и его реорганизовали в партизанскую бригаду. В состав бригады Зюкова

входили три отряда. Немало удачных боев провела бригада, совершала диверсии на шоссейных и железных дорогах, нанося ощутимый урон оккупантам. Но в августе 1942 года во время окружения в районе Бабиновичей бригада Зюкова понесла большие потери. Многие бойцы погибли в жестоких схватках с врагом, другие рассеялись и влились в соседние отряды и бригады. Константин Васильевич, вырвавшись из окружения, вернулся к алексеевцам. Его назначили заместителем командира бригады. В этой должности он и прошел славный боевой путь по тылам врага и закончил его при разгроме фашистского гарнизона в Липниках.

Нелегко сложилась жизнь Константина Васильевича. Родился он в 1914 году в городе Кольчугино. Рано остался без родителей, воспитывался в детском доме, потом окончил школу ФЗО, после службы в Красной Армии работал слесарем на Нижне-Троицкой суконной фабрике. С 1937 года служил в органах НКВД в Башкирии, а с начала 1941 — в Литве. В Вильнюсе и застала его война. Там он жил с женой Любовью Александровной и маленькой дочерью Нинелью. Последней машиной наркомата успел отправить из Вильнюса семью. На литовской земле принял первый бой с войсками противника. Потом отступление, окружение. Почти месяц с боями пробиралась к линии фронта небольшая группа литовских работников милиции. Среди них был и Зюков. После выхода из тыла врага Константина Васильевича направили в Горький. Вскоре его перевели в Москву, где обучал военному делу молодых бойцов и сам готовился к возвращению на фронт.

Из Москвы, затем с фронта, а позже и из партизанской бригады он писал письма семье. Десятки их сохранилось у Любови Александровны. Эти письма она прислала мне из Казани. Читаешь их и проникаешься еще большим уважением к этому сильному и мужественному человеку. Сколько в них оптимизма, любви к Родине, горячей веры в свой народ и его победу над коварным врагом!

Вот отрывки из некоторых писем.

«28 июля 1941 г. г. Москва.

Скоро на фронт пойдем бить немцев, а вернусь — так мы с тобой еще заживем на 120%, тогда уж никто нам с тобой не помешает жить так, как нам хочется. А пока будем защищать Родину, так как это наша первая задача, а вторая — это личное. Я коммунист и должен быть в первых рядах защитников своей матери, ибо я воспитан Советской властью и ей за это должен отплатить... Обо мне не беспокойся и не горюй, ибо, если придется умереть, я умру почетной смертью и тебе не придется краснеть за меня, хотя я и не собираюсь умирать, а, наоборот, собираюсь жить, и жить еще лучше...»

«20 сентября 1941 г. г. Москва.

Чувствую себя хорошо, не хотел тебе сообщать, что был ранен, все прошло, и я снова уже команду взводом хороших ярославских ребят...»

«9 декабря 1941 г. Действующая армия.

Немцы засели под Москвой крепко, так что не знаю, как они будут отсюда выбираться... Москва — это не Варшава, они ошиблись в расчетах... Каждый метр подмосковной земли им обходится в сотни солдатских жизней. А чем дольше они сидят здесь — тем дороже...»

«13 декабря 1941 г. Действующая армия.

Дело у нас под Москвой сейчас хорошее, немцев мы поперли, и довольно крепко, так что они бегут и бросают все, что могут,— танки, орудия, автомобили...»

«25 декабря 1941 г. Действующая армия.

Вчера вечером мы захватили одно село... Да так интересно... Ребята у меня все молодые, сильные и смелые, с которыми можно воевать и бить этих гадов, а уж разгромить их разгромим — это как пить дать...»

«25 мая 1942 г. Действующая армия.

Завтра я со своим отрядом ухожу далеко к немцам в тыл, где буду партизанить в районах Белоруссии, поэтому если что услышишь в газетах об отряде «Кости 3.», действующем в БССР, то можешь с уверенностью догадаться, что это мой отряд, а действовать я буду отчаянно, так, чтобы немцам тошно стало... Оправдаю доверие, которое мне оказали партия и правительство...»

«10 июня 1942 г. Белоруссия.

Сообщаю, что я жив и здоров, бью немцев в их тылу. Отряд у меня хороший. Здесь нет ничего страшного, надо быть только смелым, находчивым и, главное, неуловимым, и отряд не будет иметь поражения. Вот на днях я был в «гостях» у немцев, нагнал им жару, так что они часов пять молотили по

лесу из минометов и пулеметов, но там уже никого не было...»

«27 июля 1942 г. Белоруссия.

У меня большая радость... Через фронт пришел связной и принес письмо от тебя... Я сейчас командую большой партизанской бригадой. Ребята у меня во всех отрядах смелые и боевые, так что спуску немцам не даем... Пишите по адресу ППС-414, т. Стулову, для Зюкова (Кости)...»

«20 декабря 1942 г. Белоруссия.

Мы здорово бьем немцев... В день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции разгромили два гарнизона, взяли пленных, а сейчас ведем бой с карательной экспедицией. Опять много побили, так что счет увеличиваем... Мой адрес: ППС-414, часть 137, бригада «Алексея»...»

Много лет спустя научный сотрудник Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР Юрий Павлович Кизин в архивах обнаружил интересное письмо Константина Васильевича Зюкова, адресованное трудящимся Башкирии. Письмо написано в июле 1942 года в Белоруссии. Привожу его полный текст:

«Трудящимся орденоносной Башкирии!

Первым долгом разрешите передать партизанский привет трудящимся Башкирии и свои заверения в том, что мы, партизаны, находящиеся в глубоком тылу, не посрамям свою родную Башкирию.

Мы били, бьем и будем бить поганых [гитлеровцев] здесь, в тылу, а вы, товарищи, обеспечьте трудом скорейшую победу над этим хвастливым и гнусным врагом, напавшим на нашу любимую Родину.

Теперь я хочу рассказать немного о том, как мы бьем врага здесь, в тылу. Наша партизанская бригада организовалась не так давно и за этот период провела несколько диверсий и три больших боя. В результате — мы уничтожили около 400 [немцев], разбили десятки машин и несколько эшелонов с боеприпасами и вооружением.

В каких условиях нам приходится бить врага? Для иллюстрации я расскажу один случай. 15 июля 1942 года мы находились на своей базе в большом лесу в районе О. и Б. (Орши и Богушевска.— П. Л.). В 10 часов утра нам стало известно, что немцы идут в лес с задачей разгромить нашу бригаду. Мы подготовили несколько засад и заняли круговую оборону. В 11 часов засада сообщила на КП, что около 70 немцев подходят к ней. В 11¹⁰ все 12 пулеметов, подпустив немцев на расстояние 30 метров, открыли огонь, и из этой группы... никто не ушел.

Наткнувшись на одну засаду, немцы решили нанести удар со стороны, но... и здесь мы их встретили так же. Несколько раз немцы пытались найти слабое место, но, не найдя его, ушли, оставив на месте боя более 300 [солдат].

Бой длился девять часов, [гитлеровцев] было в четыре раза больше, чем нас, и все же разбить нас им не удалось, мы потеряли три человека убитыми и ни одного раненого. Вот как мы бьем тех, кто явился непрошено к нам. Можно рассказать много эпизодов, но это сразу сделать нельзя.

Теперь я хочу рассказать о том, что из себя представляет глубокий немецкий тыл. Они хвастаются, что завоевали Белоруссию, но... в «завоеванной» республике мы им не разрешаем ночью ни пройти ни проехать. Днем они кое-как ездят по шоссе и на дорогах, а ночью — мы хозяева всех дорог и магистралей.

Дело доходит до курьеза. Немцы пригоняют свои резервы и на месте их обучают. В процессе обучения нередко бывают тревоги, так они тревоги поднимают криком: «Партизаны!» По этому окрику все вскакивают и обычно разбегаются. Для [гитлеровцев] слово «партизан» — это страшнее всего. Уезжая на борьбу с партизанами, солдаты прощаются и плачут, зная то, что многим из них не вернуться назад, а когда вернутся с операции, радости тех, кто вернулся, нет предела. Они целуются, бросают свои вшивые пилотки вверх, поют песни и черт знает что только не делают. Так живут на «завоеванной» территории «освободители».

Заканчивая свое первое письмо, я хочу выразить уверенность в том, что в дальнейшем наша связь будет регулярной. Мы постараемся сообщать вам все, что вам будет интересно, и вы сообщайте все, присылайте газеты, издающиеся в Баш. АССР. Это для нас будет большой радостью.

С партизанским приветом!

Командир партизанской бригады Костя З.»

И дальше приписка:

«Если что в письме будет непонятно, то в Уфе живет моя жена Кузьмина Любовь Александровна. Адрес ее: 1 ул. Сталина, № 59, кв. 6. Она поможет вам разобраться в этом письме.

Костя З.»

А вот последнее письмо Константина Васильевича, датированное 22 ноября 1943 года. Он писал

жене в Уфу:

«Мы делаем одно большое дело, направленное к скорейшему освобождению Родины... Описать всего не могу, так как у меня одно — бить, бить и бить гадов... Все происходящее я записываю в дневник. Когда вернусь к тебе, сама прочитаешь. А что не поймешь, я разъясню... Полевая почта 92835 «К». Бригаде «Алексея».

Но не суждено было Константину Васильевичу вернуться к семье, принести домой дневник о грозных событиях тех дней.

После войны прах К. В. Зюкова перенесли в деревню Великие Дольцы и захоронили в братской могиле. Там установлен памятник-обелиск.

Родина высоко оценила заслуги своего защитника. Константин Васильевич Зюков был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Алексеевцы успешно действовали и на железной дороге. Группы подрывников постоянно отправлялись на диверсии. Количество пущенных под откос эшелонов с каждым днем росло. А 4 февраля комиссар отряда «Прогресс» Александр Васильевич Терентьев вывел весь отряд на железную дорогу между станциями Подсвилье и Зябки в районе деревни Боровое и такой концерт устроил, что немцы не могли опомниться. Было взорвано несколько километров железнодорожного пути. Одновременно подрывники 10-го отряда во главе с Рудиком уничтожили мост около деревни Куголовка.

Александр Васильевич в бригаде «Алексея» был новичком. Появился он во второй половине 1943 года, прибыл из 4-й Смоленской бригады А. Ф. Шестопалова, где воевал с первых дней оккупации. Алексеевцы знали Терентьева по совместной обороне в бабиновичском окружении в августе 1942 года, там сражался 2-й отряд шестопаловцев. В нашей бригаде он быстро завоевал авторитет храбростью и незаурядным умом.

Сам комбриг А. Ф. Данукалов в те дни дважды водил группу отрядов на железную дорогу. 13 марта под его командованием ходили на «железку» 1, 6 и 12-й отряды и 19 марта—13, 14, 17 и 20-й отряды. Были взорваны железнодорожные мосты, разрушены пути, уничтожены два эшелона противника, разбиты гарнизоны железнодорожной охраны.

Массовые налеты на «железку» проводились часто. По два-три отряда сразу водили на железную дорогу Полоцк — Молодечно комиссар бригады Старовойтов, заместитель комбрига по разведке Шестаков, командиры батальонов Антипов, Блохин и Пименов. Не раз здесь действовал 4-й отряд под руководством командира Калмыкова и комиссара Постниченко.

О славных ратных делах алексеевцев и раньше хорошо знали не только в Каспьянском, Пониловском и Слободском районах Смоленской области, Лиозненском и Суражском районах Витебской области, где первое время действовала бригада, но также и в Богусhevском, Сенненском, Чашникском, Бешенковичском и Лепельском районах. Алексеевцы были мастерами глубоких рейдов. Фашисты хорошо помнили, как зимой 1942/43 года несколько отрядов под командованием Данукалова из Суражского района совершили рейд через Лиозненский, Богусhevский, Чашникский, Лепельский и Бешенковичский районы. За неделю алексеевцы в непрерывных боях прошли тогда свыше пятисот километров, сметая на пути фашистские гарнизоны. И теперь бригада наводила ужас на врага, прорываясь к его дальним гарнизонам.

1 марта 1944 года было решено совершить глубокий рейд на запад. Этой операцией руководил комбат Антипов. Три отряда (14, 15 и 16-й) отправились в поход. Прошли Вилейскую область и оказались в Литовской республике, затем и в Польше. На пути громили гарнизоны противника.

Интересным был захват местечка Камелишки. Партизаны с ходу ворвались в соседнюю деревню. Фашисты гарнизона не успели еще ничего сообразить, как оказались в руках алексеевцев. Командир 16-го отряда Артем Ваканов и комбат Петр Антипов заскочили в помещение сельуправы. Перепуганный полицай кричал в трубку:

— Партизаны! Партизаны!..

Ваканов выстрелом из пистолета наповал уложил полицая, схватил трубку телефона и передал Антипову. Оттуда неслось:

— Что ты мелешь? Какие партизаны?

— Я не мелю,— спокойно ответил Антипов.— Я сообщаю, что пришли партизаны.

— Какие партизаны? — кричали в трубке.

— Обыкновенные, алексеевцы.

— Кто это говорит?

— Это говорит Антипов, командир первого батальона партизанской бригады «Алексея»,—

ответил Петр Михайлович.— Готовьте себе могилы! Скоро будем в Камелишках.

Почти без всякого сопротивления фашисты оставили гарнизон. Попытались было обстрелять партизан из костела. Им удалось ранить Федора Голуба и контузить пулеметчика Анатолия Нахаева. Но вскоре перестрелка затихла. Гитлеровцы и их прихвостни сбежали. Многие попали под партизанские пули. Были взяты большие трофеи.

Вторично несколько отрядов бригады совершили рейд в Литву в конце марта. Среди других был разгромлен и крупный фашистский гарнизон в местечке Мелегяны.

Много шуму наделали эти вылазки алексеевцев, хотя и носили они второстепенный характер. Главной задачей, которую выполняла бригада со всем партизанским соединением, была оборона освобожденной Ушачской зоны.

17 апреля в бригаду прибыл командир соединения В. Е. Лобанок. Вместе с А. Ф. Данукаловым, Ф. И. Плоскуновым и И. И. Старовойтовым он побывал во всех отрядах и подразделениях, занимавших оборону, проверил боевую готовность, прочность укреплений. Владимир Елисеевич остался доволен алексеевцами.

Утром 18 апреля фашисты начали наступление. После непродолжительной, но массивной артиллерийской подготовки, при поддержке пяти танков, артиллерии и минометов они двинулись в направлении деревень Хроменки и Ветче. Оборону здесь держал 17-й отряд, которым в это время командовал Сергей Медаев, Основная линия обороны проходила вблизи деревни Ветче. Хроменки фактически являлись ничейными. Там стоял лишь дозор разведчиков под командованием заместителя командира отряда по разведке Лукьянова.

После непродолжительного боя группа Лукьянова отошла. Фашисты под впечатлением первой победы ринулись на деревню Ветче, но плотный партизанский огонь заставил их залечь, а затем и поползти назад. Снова началась артиллерийская обработка партизанских позиций. Три раза поднимался противник в атаку и грозной волной накатывался на передний край обороны алексеевцев и три раза вынужден был отходить назад. Враг вызвал на помощь самолеты. Около двух часов пятнадцать фашистских стервятников беспрерывно бомбили партизанскую линию обороны, сделав по три боевых вылета. Затем снова артиллерийский и минометный огонь и атака. Все же к вечеру противнику удалось прорвать партизанскую оборону и захватить Ветче. 17-й отряд отошел на вторую линию, на высоту севернее деревни. Каратели праздновали победу. Но рано...

В штаб отряда прискакал комбриг. Медаев, Мамонькин и Лукьянов колдовали над картой. Настроение у них было неважное. Это сразу заметил Данукалов.

— Ну что, Сергей, нос повесил? — обратился он к Медаеву.— Страху нагнали фашисты, что ли? А еще «Казбеком» зовут...

— Я не трус, товарищ комбриг! — оправдывался Медаев.— Но неприятно, что отступили.

Комбриг не подозревал «Казбека» в трусости. Он хорошо знал храбрость этого человека, да и не только он, все алексеевцы это знали. Медаев никогда не прятался от пуль.

— Не из одних удач и побед состоит война. Она таит в себе и массу неожиданностей, непредвиденных поворотов, неудач и поражений,— говорил комбриг.— Тем более пока никакого поражения не вижу. Столько продержаться перед такой силищей и таким плотным огнем — уже большая победа. Не нос вешать надо, а продумать, как отбросить фашистов назад и занять прежние рубежи,— вот что главное.

— А мы, товарищ комбриг, над этим и ломаем голову,— ответил «Казбек».— И уже кое-что вырисовывается. Вот послушайте...

И он изложил свой план. Комбриг слушал внимательно, задавал вопросы, уточнял. Переговорил с командиром соседнего, 14-го отряда Василием Григорьевым, приказал помочь Медаеву, поставил перед ним конкретную задачу. Затем связался с начальником штаба бригады Плоскуновым и приказал немедленно перебросить на этот участок лучшего бронебойщика Георгия Федоровича Иванова.

Под покровом вечерней темноты Лукьянов с группой разведчиков бесшумно пробрался через вражескую линию обороны, обогнул Ветче и с тыла ударил по противнику. Это был сигнал к наступлению. В атаку ринулся 17-й отряд, с фланга ударил 14-й. В панике противник оставил Ветче и откатился к Хроменкам. Опомившись, немцы решили во что бы то ни стало восстановить положение и под прикрытием двух танков поднялись в контратаку. Но в самый критический момент бронебойщик Иванов поджег головной танк. Он вспыхнул как свеча. Это вдохновило партизан. С громовым «ура!» они кинулись за фашистами и гнали их до самых Хроменок.

В тот же день противник пытался прорваться и в районе деревни Казимирово, где оборону держал отряд «Гвардеец». Несколько раз фашисты поднимались в атаку при поддержке танков и артиллерии, но

продвинулись на незначительную глубину. Командир отряда В. К. Пенчуков и комиссар Я. И. Старостин повели своих партизан в контратаку и отбросили противника на исходные рубежи.

Первый день боев для оккупантов окончился полным провалом и не обещал ничего хорошего.

На следующий день сильные бои развернулись в районе Казиминова. К шести часам утра комбриг был уже в штабе 13-го отряда. Пенчуков и Старостин доложили обстановку.

— Что-то всю ночь здорово шевелятся фашисты на нашем участке,— закончил Пенчуков.

— Думаю, что главный удар сегодня они попытаются нанести именно здесь,— решительно заявил комбриг.

Данукалов как в воду смотрел. Часов в восемь над обороной появились фашистские штурмовики. Они бомбили Казиминово, обстреливали из пулеметов. Затем ударили пушки и минометы противника. Все перепахали, казалось, ничего живого не осталось в расположении партизан. Фашисты поднялись в атаку. Но она быстро захлебнулась под ураганным огнем алексеевцев. В тот день враг еще девять раз ходил в атаку. Четыре раза поднимались партизаны в контратаку. Четыре раза господствующая над местностью высота, расположенная перед нашей линией обороны, переходила из рук в руки. После полудня противник уже было начал окапываться на ней, посчитал себя ее хозяином. Но не тут-то было. Под прикрытием плотного огня в наступление повел свою роту Сергей Поцепня, храбрый и умный командир. Он ударил с фланга, и высота снова оказалась в руках партизан.

Под вечер противнику удалось несколько потеснить отряд и добраться до самого переднего края обороны. На одном участке фашисты даже вскочили в партизанские окопы и начали накапливаться. Но командование отряда быстро приняло ответные меры. Помощник комиссара отряда по комсомолу Леонова, автоматчик Коробовский и комсомольцы Иван Шебеко и Егор Конюхов скрытно подползли и внезапно забросали фашистов гранатами.

Наступил критический момент. Это отчетливо понимал комбриг. Он выхватил маузер.

— За мной, орлы!

Многоголосое «ура!» взорвалось над деревней Казиминова, через поля и болота долетело до леса и громким эхом покатило по его голым верхушкам.

Фашисты были отброшены на исходные позиции, но и здесь им задержаться не удалось — они бежали без оглядки за Сухаревичский хутор.

13-му отряду вовремя приходил на помощь соседний, 20-й отряд. Он отбил пять атак противника. Его командир Сергей Сметанин и комиссар Евсей Дягилев два раза поднимали бойцов в контратаки.

Вечером комбриг поблагодарил командование этих двух отрядов за высокое боевое мастерство и четкое взаимодействие. Он отметил храбрые действия Евсея Дягилева, Сергея Поцепни, Ивана Шебеко, Егора Конюхова, Коробовского, Леоновой, Клевакина, пулеметчиков Никифоренко, Красикова и Бояра.

В этот же день Сергей Медаев повел свой отряд и роту 14-го отряда под командованием их комиссара Леонида Павроза на штурм противника, засевшего в Хроменках. Гитлеровцев выбили из деревни. Георгий Иванов в этом бою подбил два вражеских танка.

22 апреля было горячим для бронейщика Георгия Иванова. На этот раз он находился на участке обороны 20-го отряда, которым командовал Сергей Сметанин. Фашисты пошли в наступление. Впереди пять танков. В первые же минуты бронейщик поджег один. Но его обнаружили и начали накрывать огнем. Иванов несколько раз менял позицию. Вскоре подбил второй танк. Но три оставшихся на полной скорости шли вперед, на ходу посылая снаряд за снарядом. Осколок угодил бронейщику в грудь. Иванов левой рукой закрыл рану, прицелился, собрал последние силы и выстрелил. Еще один танк загорелся. Остальные два повернули назад. Атака захлебнулась. Бронейщика вынесли с поля боя в бессознательном состоянии.

Гибель комбрига

Жаркие бои вспыхнули 25 апреля. Фашисты снова повели наступление по всему фронту. Особенно жестокий бой разгорелся в районе Казиминова. В шесть часов утра началась бомбежка, потом — артиллерийская подготовка. Гитлеровцы пошли на штурм. На позиции 13-го отряда ползли четыре танка и три штурмовых орудия. За ними шла пехота. Головной танк партизаны подбили, остальные повернули обратно. Народные мстители поднялись навстречу оккупантам. Атака была отбита.

Тогда снова налетела авиация. Пятьдесят гитлеровских «юнкерсов» свыше двух часов обрабатывали партизанские позиции, потом немцы обстреливали их из минометов и пушек. Казалось, что уже после этого никого нет там в живых. Но когда фашисты возобновили атаку, их встретил убийственный огонь. Только после шестичасового боя партизаны оставили Казиминово. В этот день и

на других участках противнику удалось несколько потеснить алексеевцев, а кое-где и просочиться в тыл. Однако в целом обороняющиеся остались на месте и больших потерь не понесли. В отрядах погибло по два — шесть человек и по пять — десять было ранено.

Но, к великому огорчению, бригаде был нанесен серьезный урон. В руки фашистов в бессознательном состоянии, тяжело контуженным, попал начальник штаба бригады Федор Иванович Плоскунов. Немцы сострипали фальшивку о добровольном переходе начальника штаба на сторону врага, разбрасывали листовки с портретом Плоскунова, громкоговорители непрерывно призывали последовать его примеру.

Но ничто не могло поколебать высокий боевой дух партизан-алексеевцев. Они не верили этой фальшивке и продолжали удерживать свои позиции.

Начальником штаба назначили командира 2-го батальона Ивана Филипповича Пименова, а его помощником — Алексея Николаевича Кудрявцева. Штаб бригады работал бесперебойно, оперативно решал важнейшие вопросы.

Гитлеровцы превосходящими силами теснили партизанские бригады зоны. Кольцо все сужалось и сужалось... Вот уже получено указание командира соединения В. Е. Лобанка о подготовке к прорыву из окружения и выходу из блокады. Первым совершить прорыв приказано алексеевцам. А пока они удерживали свои позиции, дрались за каждую пядь земли. Как легенда, из уст в уста передавались тогда рассказы о героических делах бригады.

И вот этот роковой день 27 апреля 1944 года.

Долго охотились гитлеровцы за Алексеем Федоровичем: засылали в бригаду шпионов и диверсантов, неоднократно готовили на него покушения. Но он был неуловим. Ни пуля, ни яд не настигали его. Оккупанты назначили цену за голову партизанского вожака. Сто тысяч рейхсмарок и поместье обещали за его жизнь. Но совесть народная не имеет цены и денежного выражения. Партизаны все делали для того, чтобы уберечь своего комбрига от вражеской пули и яда, хотя это и нелегко было, учитывая его бесстрашие, его стремление быть всегда там, где труднее и опаснее.

26 апреля заехал комбриг в партизанский госпиталь навестить раненых бойцов и командиров. Побыл в одном помещении, во втором, поговорил с ранеными, пошутил, рассказал о новостях, добрым словом подбодрил людей. Вышел в сопровождении врачей и своего адъютанта и направился через двор к следующему помещению. Навстречу шел переводчик. Недавно он оказался в бригаде, якобы бежал из плена, и занял эту должность. В нескольких шагах от комбрига он выхватил пистолет и в упор выстрелил в Данукалова раз, второй...

Адъютант выбил пистолет из рук предателя, медики набросились и скрутили руки врагу. Алексей Федорович предотвратил самосуд.

— Он должен отвечать перед партизанским судом, — безапелляционно заявил комбриг.

Данукалов получил легкое ранение. Одна пуля прошла мышцы левой руки, вторая разрешила кожу. Легко отделался в тот раз наш комбриг.

Расследование дела показало, что стрелял в комбрига изменник Родины, специально засланный фашистами из РОА. 24 апреля он успел передать своим хозяевам данные о бригаде, личном составе и вооружении, а также фотокарточку Данукалова.

Но уберечь от смерти Алексея Федоровича партизанам так и не удалось.

Штаб нашей бригады находился в Великих Дольцах, в доме крестьянина Александра Амбражевича. Здесь же и жил комбриг.

В этот солнечный апрельский день он находился в штабе, совместно с комиссаром Старовойтовым и начальником штаба Пименовым разрабатывал план прорыва блокады и выхода из окружения. Все было продумано и предусмотрено. Осталось уточнить только отдельные детали. Алексей Федорович наклонился над картой, задумался...

Тишину нарушил надрывный рев самолетов, взрывы бомб и треск пулеметов — налетела фашистская авиация. В дикой злобе враги бомбили деревню; смерть разгуливала по Великим Дольцам. Бомбежка окончилась. Самолеты улетели.

Из подвалов, траншей и щелей высыпали люди, принялись тушить пожары и перевязывать раненых. По соседству со штабом разворотило дом. Из-под обломков его кто-то звал на помощь. Туда кинулся комбриг.

В это время из-за леса на бреющем полете появился «юнкере». Из него посыпались бомбы. Раздалась серия взрывов. Полосой вскинулись к небу фонтаны земли и снега.

Алексей Федорович резко остановился, медленно повернулся назад, зашатался, взмахнул руками и начал падать...

Осколок фашистской бомбы навывлет прошил грудь командира бригады. Рана оказалась смертельной. По пути в госпиталь Алексей Федорович скончался. Это было 27 апреля 1944 года.

Алексею Федоровичу в конце февраля только исполнилось двадцать восемь лет. И вот оборвалась славная жизнь этого мужественного человека, который до последней капли крови все отдал партии, народу, Родине.

Он оставил неизгладимый след и в моей жизни. Многим я обязан этому храброму, умному, честному и доброму человеку, моему «Дяде Алеше».

Со всеми воинскими почестями Алексея Федоровича Данукалова похоронили в Великих Дольцах. У гроба своего командира партизаны поклялись беспощадно бить врагов.

Клятвой прозвучали слова бригадного поэта, пулеметчика отряда «Моряк» Дмитрия Сидоровича Махлаева, который со слезами на глазах читал над могилой комбрига только что написанные стихи:

*Крепче в руках винтовки сожмите,
Слез не надо. Он был коммунист.
Врага на прицел точнее возьмите,
Пусть не уйдет ни один фашист.*

*Партизаны, в атаку смелее!
Пусть единым наш будет порыв.
За комбрига! За Алексея!
Все мы дружно пойдем на прорыв.*

Эти слова как набат прокатились над шеренгами алексеевцев, участвовавших в похоронах комбрига, болью за утрату и ненавистью к врагам отозвались в каждом сердце.

Дорого заплатили фашисты за смерть прославленного комбрига. Он и мертвый продолжал громить оккупантов.

В ночь на 3 мая алексеевцы по плану, разработанному Алексеем Федоровичем, прорвали кольцо блокады, вышли из окружения и по пути разгромили шесть немецких гарнизонов, размещенных в Боярах, Бондарях, Лапейках, Пискунове, Слободе, Колшонках, штаб 26-го охранного полка СС и вышли в район озера Шо.

Этим начался прорыв блокады партизанами Полоцко-Лепельской зоны. Все бригады зоны вышли из окружения.

Фашисты боялись даже мертвого партизанского вожака. Они извлекли из земли гроб с телом Алексея Федоровича Данукалова, сфотографировали его, а затем обложили толлом и подорвали. Патриоты тайком собрали останки командира и снова похоронили его.

В 1946 году прах Алексея Федоровича Данукалова перенесли в Лепель, в центр города, в сквер на площади Свободы. На черном граните обелиска золотом сверкает лаконичная надпись:

«Герой Советского Союза, комбриг Алексей Федорович Данукалов. Родился в 1916 году — погиб 27 апреля 1944 года».

На могиле А. Ф. Данукалова в 1964 году установлена надгробная плита из белого мрамора, на которой высечена надпись:

«От трудящихся Лиозненского района легендарному командиру партизанской бригады, созданной и действовавшей на Лиозненщине, Данукалову Алексею Федоровичу в день 20-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Июль 1964 г.».

В нижнем правом углу — четверостишие:

*И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог,
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.*

Командир прославленной партизанской бригады, коммунист, Герой Советского Союза Алексей Федорович Данукалов родился 29 февраля 1916 года в селе Новорясляевка Новоузенского уезда Саратовской губернии в семье сельского кузнеца Федора Кузьмича Данукало.

Отец и мать его родились и жили на берегу Азовского моря, недалеко от Запорожья, а затем в период столыпинской реформы как безземельные крестьяне переселились в Заволжье. Так и осели здесь

на постоянное жительство. Федор Кузьмич был человеком работающим и мастеровым. Он построил домик, кузницу, завел хозяйство и начал помаленьку обживать.

Росли достатки, росла и семья. Появились три сына и две дочери, а потом в 1916 году родился и четвертый сын. Повезли кумовья в церковь в Мавринку крестить младенца. Но попик замешкался. За это время крестные на радостях успели хорошенько хлебнуть спиртного и нарекли Алексеем, забыв, что у Федора Кузьмича уже есть сын с таким именем. Возвращаясь домой, кума вспомнила и ахнула.

— Ох ты, нехристь окаянный,— шумела она.— Тебя только и тянет до кумы и горелки. А про дело святое так и забыл. Ты ж крестный отец младенца. А что у Кузьмича первенький сынок Алексей, про то тебе память отшибло. И четвертого таким лее именем нарекли...

И действительно. Как же быть? Повернули назад. Да прямо к попу.

— Ох, мой святой отец, сокол наш ясный. Прости нас, грешных,— причитала кума.— Перемени имя младенцу. Такое уже есть в семье.

— Не могу,— ответил попик.— Уже записано в святцы. Да и по божьему писанию подходит Алексей.

Кум сунул в руки попу полтинник. Тот несколько помолчал, задумался, уставился в книгу.

— Хорошо. Будет ни по-вашему и ни по-моему. Чтобы не путали в семье Алексея первого и второго, запишем меньшенькому фамилию Данукалов. Пусть будет русским.

— Ой, болсенька праведный! — вскинула к небу руки кума.

Но ничего не поделаешь. Так и появился в украинской семье Данукало сын русской национальности Алексей Федорович Данукалов. А крестные приехали и сообщили родителям, что сына нарекли Ленькой. Так и звали его, пока не обнаружили обман.

Когда ему исполнился год, умерла мать. Страшное горе свалилось на голову кузнеца. Шестеро детей, один меньше другого. Каждого надо обмыть, накормить, доглядеть. Да и хозяйством нужно заниматься, кузнечные работы выполнять.

Через год Федор Кузьмич снова женился. Привез из села Семеново-Полтавки двадцатитрехлетнюю веселунью Анну Васильевну. Работающая жена попалась кузнецу. Она быстро навела порядок в доме, скоро и дети признали ее за мать. Вот только меньшенький никак не хотел смириться с этим. Как ни старалась привлечь его к себе новая мать, ничего не получалось. Заберется под кровать и бросается оттуда валенками и казанками, шумит что есть мочи.

— Уходи! Ты цузя! Моя мама все равно придет!

Но доброта и ласки Анны Васильевны одержали верх. Ленька сейчас не отходил от нее и на всех кричал:

— Отойди, это моя мамка, ты узе большой!..

Время шло. Появились еще маленькие дети. Вначале родилась дочь Галя, потом сын Володя. А затем еще два сына и две дочери. Так в семье Данукало Федора Кузьмича и Анны Васильевны стало двенадцать детей.

В 1929 году на эту дружную счастливую семью обрушилось несчастье. Кулацкий сынок, друживший с Верой, обещавший жениться на ней, утопил ее в реке Узень, которая с востока на запад вдоль проходит над самым селом, затем поворачивает и делит его на три части. Старшие братья Веры хотели устроить самосуд над подлецом, но вовремя прибежал Федор Кузьмич. Он предотвратил беззаконие.

— На это есть наш, советский суд,— как топором, отрубил он.

Вообще с Федором Кузьмичом никто не пытался спорить. Его силу в селе все знали. Всегда прибегали к нему за помощью, чтобы навести порядок возле пивных, кабаков и даже в семьях, где возникали драки. Федор Кузьмич пользовался большим авторитетом и уважением в селе. Не зря его избирали депутатом Рефлекторского Совета, а потом и председателем сельсовета, где он проработал до ухода на пенсию.

В Поволжье случился страшный неурожай, а потом и голод. Семья Данукало перебивалась из кулька в рогожку, а в 1933 году от голода умерло двое детей. Ленька (Алексей) еще вдобавок ко всему заболел ospой. Не думали уже, что он выдержит. Но ничего. Выжил.

Алексей учился хорошо. Класс за классом шагал по ступенькам к знаниям. Окончил семь классов. Одновременно был большим общественником, верховодил в комсомолки села, был первым участником художественной самодеятельности, отлично декламировал, пел, плясал, боролся, скакал на лошади, участвовал в кулачных боях.

Алексей поступил в Балашовский сельхозтехникум и в 1936 году стал механиком. Его направили в Сибирь, в Омскую МТС Иркутского района. Там работал заведующим ремонтными мастерскими.

17 октября 1937 года Алексея призвали в Красную Армию. Сначала служил в артиллерии, а потом направили в Иркутское военно-политическое училище. Здесь он вступил в кандидаты, а потом и в члены КПСС, получил партбилет № 3352735. После окончания училища назначили политруком танковой роты 33-го полка 17-й танковой дивизии.

А перед самой войной через станцию Мавринка, что рядом с родным селом, со своими боевыми друзьями воинским эшелоном проехал на запад. Забежал на несколько минут домой, чтобы встретиться с родными. Распрощался со всеми. Но отца не было дома. Он нашел его в Рефлекторском сельсовете. Федор Кузьмич проводил сессию. Сделали перерыв. Со всеми депутатами простился Алексей Федорович. На наказы отца твердо заявил:

— Вам никогда не будет стыдно за меня.

Война... Как гром среди ясного неба обрушилась она и на семью Данукало. Первый сын Алексей работал редактором железнодорожной газеты «Большевицкий транспорт» в Пензе. Ушел на фронт и в чине капитана сражался с фашистами на Курской дуге, был тяжело ранен. После госпиталя отпустили домой. Приехал и в декабре 1943 года умер. Как раз в это время на побывку домой приехал после ранения и Владимир. Проводил он брата в последний путь, а сам снова уехал на фронт, сражался с оккупантами, дошел до Австрии. Там и закончил свою солдатскую стезю. Третий брат Юрий тяжелораненым под Севастополем попал в плен. Его увезли в Германию. Не один раз пытался бежать из плена — и все тщетно. Как назло, обязательно поймают, избыют и снова водворят за колючую проволоку. После пятого побега ему вырезали звезды на спине и груди. Думали, что теперь-то уж сломили волю этого неугомонного русского. Но на шестой раз все-таки он убежал из неволи, добрался до Франции, там попал к союзникам. Подлечили немного. Вернулся домой больным туберкулезом и в сентябре 1946 года скончался.

Долго не было весточки от Алексея Федоровича Данукалова. Отец и мать окончательно потеряли надежду. Но в сентябре 1942 года получили от него письмо. Он сообщал, что временно находится в Москве и скоро опять уедет на выполнение боевого задания. Мол, не огорчайтесь, нахожусь в безопасном месте. После разгрома фашистов встретимся. Все расскажу. И снова ни звука. Ждали, надеялись...

Но вот в 1945 году семье вручили Грамоту Президиума Верховного Совета СССР. В ней указывалось, что за геройский подвиг, проявленный при выполнении правительственных заданий в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника, и за особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии Президиум Верховного Совета СССР присвоил Данукалову Алексею Федоровичу звание Героя Советского Союза. Получили также сообщение о гибели Алексея Федоровича.

Федор Кузьмич Данукало умер в 1967 году. Сейчас сестра Алексея Федоровича — Галина — живет в городе Перми и работает на железной дороге, фамилия у нее Чудинова. Брат Владимир Федорович после разгрома фашистов вернулся из армии, живет в Богородске Горьковской области, работает механиком на заводе. Сестра Раиса Федоровна окончила университет, является директором средней школы в Павлодаре. Фамилия ее Лаврикова. В городе Уфе живет самый младший брат — Николай. Он тоже в семье второй носит такое имя. И ему присвоили русскую национальность и фамилию Данукалова. Николай Федорович Данукалов — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии Башкирского филиала Академии наук СССР. Вместе с ним живет и его мать Анна Васильевна Данукало. Ей уже более восьмидесяти лет.

Вырвавшиеся в ночь на 3 мая 1944 года из ушачской блокады к озеру Шо изнуренные, почти без боеприпасов алексеевцы стали обживать эту лесисто-болотистую местность. Бригада расположилась по опушке леса вокруг сожженных фашистами деревень Ольховка и Глота, построили шалаши, а затем на возвышенных местах землянки. С этой задачей справились быстро. Добыть же продукты и боеприпасы оказалось сложнее. Под нож пришлось пустить уцелевших лошадей, обнаружили в сожженных деревнях немного зерна и картофеля, которые были довольно надежно запрятаны крестьянами и не похищены карателями. Хуже всего было с боеприпасами: у бойцов осталось по два-три патрона, да и то не у всех; все гранаты израсходовали при прорыве блокады.

Командованию удалось по радио связаться с Белорусским штабом партизанского движения, сообщить свои координаты и доложить обстановку. На следующую же ночь прилетел самолет и сбросил несколько ящиков патронов и медикаментов. Снова во все стороны послали разведчиков, пошли группы подрывников на железные и шоссейные дороги, отправлялись отряды в засады и на разгром вражеских гарнизонов.

Оставшиеся в лагере партизаны не сидели сложа руки. Все занимались строительством

оборонительных сооружений и прежде всего аэродрома. День и ночь кипела работа. Назначенный командиром бригады Блохин вместе с начальником штаба Пименовым и комиссаром Старовойтовым дни и ночи находились среди бойцов, руководили строительством. Когда аэродром был готов, сообщили в Белорусский штаб партизанского движения. Ждали быстрее наступления ночи, а с ней и самолетов с Большой земли. Ведь раненых набралось много.

И вот послышался гул моторов. Вспыхнули партизанские костры, в небо взвились ракеты. Один за другим сели четыре самолета. Радостно встречали партизаны посланцев с Большой земли...

Теперь каждую ночь прилетали самолеты, доставляли оружие и боеприпасы, медикаменты и инструменты, газеты и журналы, а отсюда увозили раненых. Партизанская жизнь алексеевцев снова входила в обычную колею. На наш аэродром стали поступать грузы и для других бригад и отрядов, которые вышли из окружения в эти леса.

Алексеевцы успешно проводили диверсии и засады, нападали на гарнизоны и колонны противника, снова слава бригады загрела на всю округу. Новый комбриг Василий Александрович Блохин стал достойным преемником Алексея Федоровича. Бригаде теперь присвоили имя А. Ф. Данукалова.

Партизаны готовились к очередному этапу «рельсовой войны». Во всех отрядах и ротах бойцы осваивали правила подрыва рельсов, учились обращению с толлом, взрывателями, бикфордовым шнуром. Комплектовались группы разведки, нападения, прикрытия подрывников и другие. Вновь и вновь инструктировались бойцы, командиры и политработники.

19, 20 и 21 июня бригада выходила на железную дорогу Полоцк — Молодечно. Всей своей мощью обрушилась она на охраняемые гарнизоны противника, смела их с полотна и вышла на железнодорожные пути. Каждый партизан подложил по две-три толловые шашки. Алексеевцы полностью разрушили железную дорогу сначала от Прозорок до Подсвиля, а потом и от Подсвиля до Крулевщизны. Здесь немцы и не сумели восстановить движение до прихода наших войск. Партизаны с победой вернулись на свою базу.

Наступило 23 июня — начало решительного наступления советских войск в Белоруссии. Эта весть молнией облетела все отряды, роты и взводы, долетела и до отдаленных партизанских дозоров и секретов.

Алексеевцы ринулись громить фашистские колонны и обозы, а затем и отступающие части гитлеровцев. День и ночь участвовали в боях партизаны, помогая наступающим частям Красной Армии.

Последние крупные бои бригада провела 30 июня на шоссе на дорогах Ушачи — Крулевщизна и Ушачи — Докшицы. На Докшицы, как сообщили по радию, отступала большая колонна гитлеровцев. Совершив пятидесятикилометровый марш по лесным и болотным тропам, бригада почти в полном составе (кроме 20-го отряда, который ушел на засаду в противоположную сторону, на грунтовую дорогу, ведущую на Крулевщизну) вышла в район Весницка и залегла. Она заняла километра два пз фронту, окопалась. Оружия и боеприпасов сейчас было достаточно: алексеевцы к этому времени имели свыше 200 ручных пулеметов, 18 ротных минометов и столько же противотанковых ружей, свыше 700 автоматов.

Перед этой последней засадой на кратком совещании у комбрига все обговорили до мельчайшей детали. Отряды заняли места в засаде согласно своим порядковым номерам по ходу вероятного движения колонны отступавших фашистов. Приказ гласил — по разведке не стрелять, не обнаруживать себя, когда голова колонны фашистов войдет в зону отряда «Прогресс», командир Огиенко открывает огонь. Это — сигнал к бою для всей бригады.

Первыми весть о приближении фашистской колонны принесли конные разведчики отряда «Смерть врагам» три друга — Александр Ласточка, Иосиф Сипаров и Александр Печкуров. На взмысленных конях перед засадой партизан промчались они прямо к командиру бригады Василию Александровичу Блохину.

Двигался 526-й эсэсовский полк. По цепи передана команда: «Внимание, противник!» Показалась группа мотоциклистов, около двадцати машин. Ехали медленно, настороженно, немцы оглядывались по сторонам. Видимо, ничего подозрительного не заметили и подались в сторону Докшиц. Появилась колонна главных сил полка. Идут танки, автомашины, бронетранспортеры, тягачи с прицепленными орудиями. Все они облеплены солдатами. Опять мотоциклисты, за ними — пехота. Голова колонны вошла в зону обстрела отряда «Прогресс».

— Огонь! За Родину! — подал команду Огиенко и выпустил в небо красную ракету.

Все всколыхнулось, загрело, затрещало. Бронебойщики подожгли два головных танка. Загорелись автомашины, столб огня взметнулся к небу от взорвавшегося бензовоза. Полегло много

фашистов. Оставшиеся в живых сдались в плен.

Эсэсовский полк полностью был уничтожен. Бригада захватила его знамя и документы.

В этом последнем бою алексеевцы потеряли 8 партизан убитыми и 19 ранеными. Тогда погиб и командир роты отряда «Истребитель» коммунист Григорий Федорович Макеев, который прибыл в бригаду из Сосновки в сентябре 1943 года. До войны он был кадровым политработником Красной Армии, попал в окружение, а затем в плен. Оттуда сбежал, добрался до своей родной деревни Черепни, что недалеко от Сосновки, связался с подпольщиками, а потом возглавлял одну из подпольных групп в организации Антона Никитича Козлова. В бригаде сначала был рядовым, потом командиром взвода, а с января 1944 года командовал ротой в 14-м отряде.

20-й отряд нашей бригады в это же время по приказу командования около деревни Липово организовал засаду на грунтовой дороге, которая по лесам и болотам ведет к Крулевщизне. По ней пробирались фашисты.

Здесь всего за несколько часов до соединения с войсками Красной Армии погиб наш славный комиссар 20-го отряда Евсей Георгиевич Дягилев. Он вместе с политруком роты Николаем Петровичем Покладовым руководили частью засады, на которую и нарвалась крупная группа отступающих эсэсовцев. Фашистов разбили, но и партизаны понесли потери.

Евсея Георгиевича Дягилева похоронили на опушке леса около деревни Ольховка. Это был последний холмик земли, укрывший погибшего в Великую Отечественную войну партизана-алексеевца. Дали последний прощальный залп и ушли. А у могилы остался сын комиссара Валентин Евсеевич, который вместе с отцом прошагал много верст по партизанским тропам Белоруссии.

Алексеевцы соединились с частями Красной Армии. Несмотря на потери во время блокады и в момент прорыва ее, в бригаде насчитывалось 1817 партизан, объединенных в 12 отрядах.

Наконец-то я в небе

Поздним вечером 14 января я уже был на партизанском аэродроме в Сержанах. Раненых встречал Иван Иванович Гурьев, старый мой знакомый. Это он был командиром партизанского отряда в бабиновичском окружении. Гурьев получил несколько ранений и теперь являлся представителем партизанской бригады «Алексея» на аэродроме в Сержанах.

Жена его, Мария Ивановна, ухаживала за ранеными, делала им перевязки, готовила еду, кормила, кто сам не мог держать в руках ложку... Короче говоря, была она здесь главврачом, медсестрой, поваром и нянечкой. Сама из Суража, девичья фамилия Андреева, до войны работала учительницей в Понизовье, а в войну, с мая 1942 года — партизанка нашей бригады. Так и шагала вместе с другими по лесным и болотным тропам, участвовала в боях, а сейчас вот здесь выполняла не менее важную задачу.

Гурьев принял меня в команду раненых алексеевцев, которые ждали отправки за фронт.

— Уже две ночи самолеты не приходили,— сказал мне Иван Иванович.— По всему видно, не будет и сегодня. Погода пасмурная. Раздевайся да ложись спать. Выбирай место, где можно прилечь.

Раненые алексеевцы устроились на полу в небольшой халупе. Я облюбовал себе место около самой печи; там даже ноги можно было под печку просунуть, где когда-то на зиму закрывали кур. Подпечек черной дырой смотрел на спящих бойцов. Я бросил туда свой вещмешок; в нем лежали пара белья и два сухаря, которые дал мне на дорогу из своего запаса Маршалков. Вышел на минутку на улицу. Остановился за углом. Прислушался. Было тихо-тихо. И вдруг каким-то образом уловил отдаленный шум, напоминающий приглушенный гул самолетов. Я влетел в хату:

— Иван Иванович! Самолеты!

— Какие тебе самолеты? Ложись спать,— сказал он, но сам все-таки прислушался. Затаили дыхание и проснувшиеся раненые.

Да. Шум нарастал, и сейчас уже отчетливо слышался гул самолетов, заходивших на посадку.

— Быстрее собирайтесь! — заторопил Гурьев.

Мы выскочили на улицу. Там наготове стояли лошади, запряженные в сани. Быстро уселись, лежачих торопливо принесли на носилках и устроили на санях.

Примчались на аэродром. Но слишком поздно. Пять самолетов стояли в ряд. Их уже полностью освободили от оружия, боеприпасов и других привезенных с Большой земли грузов. Полным ходом шла погрузка раненых из других бригад. Мы опоздали. Иван Иванович чертыхался, а мы нервничали, высказывали сожаление.

Самолеты один за другим оторвались от земли и улетели на далекую и столь близкую, дорогую сердцу Большую землю.

Все начали разъезжаться с аэродрома. Больше самолетов не ожидалось, а на второй рейс трудно было надеяться.

— А мы будем ждать здесь! — решительно заявил Иван Иванович.— Вдруг да прилетят. Снова прозеваем, Видите, как получилось. Приехали к шапочному разбору.

— Ждать, ждать! — в один голос зашумели раненые.

— Кто может ходить, топайте, чтоб не замерзнуть, а кто не может, дрожите, согревайтесь...— в шутку добавил Гурьев.

Томительно медленно тянулось время. Прошло не более двух часов, как улетели самолеты, а казалось, что миновала целая вечность. Все ждали, надеялись. Каждый превращался в слух.

И вот часа в четыре ночи над лесом послышался отдаленный гул.

— Самолеты! Самолеты! — закричали раненые.

Ярким пламенем вспыхнули костры на аэродроме.

Один за другим сели пять самолетов. Наши трое саней сразу же подкатили к первым двум самолетам Р-5. Иван Иванович Гурьев принял такой решительный вид, что с ним не осмелился спорить. Даже начальник аэродрома. Каждый раненый уже знал, в каком самолете он полетит, и стоял около него, тяжелораненые на носилках находились здесь же. Сам Гурьев и три подводчика усиленно выгружали привезенные боеприпасы и оружие. Как только освободились самолеты, нас немедленно водворили каждого на свое место. Одних засунули в прикрепленные под крыльями самолета трубы, других в люк под мотором. Я же попал в кабину, устроился позади летчика. Там мы уместились вдвоем. Сиденье было убрано. Раненый в живот партизан скорчившись сидел внизу, а я стоял над ним, поставив одну ногу между его ног, а другую за спиной.

Самолет оторвался от земли, набрал высоту и над лесом взял курс на восток.

Вот когда только мне пришлось оказаться в небе, да и то по несчастью, притом не летчиком, а пассажиром. Мне вспомнились далекие дни, когда казалось, что мечта моя стать военным летчиком становится действительностью. Я снова увидел себя девятилетним мальчишкой на хуторе Горелое Лядо и снова пережил свой неудачный побег к дяде...

Наверное, у многих мальчишек с возрастом появляется заветная мечта стать летчиком. Была она и у меня. Но как ее осуществишь, если, как говорится, еще молоко на губах?

Дядя, родной брат матери — Георгий Андреевич Никитин,— был военным летчиком. Он преподавал в Ейском военном училище морской авиации. Иногда приезжал в отпуск в Белоруссию, тогда гостил и у нас, на хуторе Горелое Лядо. Те дни были для меня настоящим праздником. Я ни на шаг не отходил от дяди, любил слушать его рассказы о самолетах, о жизни и работе военных летчиков.

Приехал в гости дядя Жора ранней весной 1934 года. Учился я тогда в третьем классе и считал себя уже вполне взрослым. Все время крутился возле дяди, даже умудрился несколько дней не ходить в школу. Обычно, когда наш гость просыпался, я уже был на ногах и, надев его пилотку и китель морского летчика, который доставал мне чуть ли не до пят, вертелся перед зеркалом.

— Что, Петя, нравится тебе летная форма? — спросил как-то дядя.

— Ой как нравится! Подари хоть пилотку...

— Ты, наверное, летчиком хочешь стать?

— Конечно, дядя Жора!

— Коль такое дело, снимай форму и быстро ко мне. Поговорим как мужчина с женщиной.

Я быстро юркнул под одеяло и прижался к теплому телу дяди, обвил его руками за шею.

— Так вот, друг мой,— шепотом заговорил Георгий Андреевич.— Если ты действительно хочешь стать летчиком, то нам нечего откладывать. Давай собирайся и поедem разом со мной в Ейск. Там научу тебя летному делу. Смотришь, года через два станешь летчиком. Правда, ты еще маловат. И большой самолет, то есть бомбардировщик, тебе сразу не дадут. А маленький истребитель вполне доверят. Но ты же, наверное, не согласишься, станешь требовать большой.

— Что ты! Соглашусь. Обязательно соглашусь. Зачем мне большой? Мне нравится маленький. Он быстрее летает,— лепетал я без умолку.

— Коль так — значит, договорились. Но пока никому ни слова. Когда буду уезжать, захвачу тебя с собой...

Я был на седьмом небе. Шутка ли! Скоро стану летчиком. Через каких-нибудь два года пролечу над хутором Горелое Лядо, над Церковищем, сделаю разворот над нашей школой и умчусь снова в Ейск. Как завидовать будут мальчишки! Вот только Сережки — двоюродного брата и моего лучшего друга — жалко. Как он будет без меня? Сесть бы на хуторе и забрать его с собой. Но дядя говорил, что самолет мне дадут маленький, а значит, одноместный. Куда же возьмешь Сережку?

Я не мог дожидаться отъезда дяди. Теперь уже держался дальше от него, боялся, как бы не разгадал кто наш сговор.

— Может, мне и в школу на занятия уже не ходить эти дни? Все равно же уедем? — шепотом спросил дядю, когда тот умывался, а я поливал ему на руки воду.

— Почему не ходить в школу? Куда уедем? — с недоумением спросил дядя. Но быстро поправился: — Ах, в летчики. А я сразу и не понял. Нет, Петя, в школу ходить надо до самого отъезда. И учиться получше.

Я старался изо всех сил. Каждый день приносил две-три пятерки. Даже специально просил учителя Андрея Сидоровича, чтобы тот как молено чаще вызывал меня.

Наконец и день отъезда. Дядя уложил свои вещи в чемодан. Я тоже собрал свои книги и тетради в сумку. Когда дядя вышел во двор, моментально оказался около него, позвал за угол и зашептал на ухо:

— Дядя Жора! А мне как уходить? Папке с мамкой и сегодня не скажем?

Дядя растерянно смотрел на меня. Скорее всего, он тогда и не подумал, что шутку я восприму всерьез.

— Не волнуйся, дяденька. Я собрал свои вещи и убегу в лес, обойду по опушке хутор и там встречу тебя на дороге,— скороговоркой залепетал я.

— Ни в коем случае. Так делать нельзя. Я... Я даже не подумал, я просто по... Идем в хату, там и поговорим. Без отца нельзя. Пойдем, пойдем, Петя.

Дядя Жора, наверное, только теперь понял, какую ошибку совершил своей шуткой. Зашли в хату. Стол был накрыт. Все ждали появления дяди Жоры. Он извинился за задержку и как-то не очень связно начал разговор, стараясь пересыпать его шутками.

— Видите ли, дорогая сестрица и свояк, дорогие гости (здесь присутствовали еще отец и мать Сережи — дядя Купрей и тетя Аксинья), с Петей у нас получилось маленькое недоразумение. Он хочет стать летчиком... Ну я ему пообещал забрать с собой и научить... Но... Но... Я забыл, что в летное училище принимают после школы.

— Так через месяц окончу,— по-своему понял я это условие.

Все рассмеялись. А дядя подошел ко мне и шепнул:

— Я приеду за тобой... Будешь летчиком. Обязательно будешь.

Так и уехал дядя Жора, а я продолжал хорошо учиться. Тот год завершил с пятерками по всем предметам. Наступило лето, а мне покоя нет. Когда же дядя за мной приедет? В августе меня охватила тревога: скоро опять в школу, а дяди все нет. «Нечего мне больше ждать,— решил я.— Мало ли там у дяди забот. Может, не отпускают его. Да и что я — маленький, чтобы за мной ездили. Сам поеду. И немедленно, чтобы не опоздать к началу занятий».

Сборы были недолги. Книги и тетради ни к чему — в школу больше ходить не буду. Теперь подавай самолет — и баста. Брючата и рубашка на мне. Ботинки бы еще не мешали, но их не было: сам еще не успел заработать, а отец не догадался купить или не имел за что. Да они и ни к чему. Летом всегда ходили босиком, а осенью, зимой и весной — в лаптях. Сейчас в такую важную дорогу, конечно, ботинки бы не помешали. Но на нет и суда нет. Добраться бы только до Ейска, а там летная форма обеспечена.

О деньгах на дорогу задумываться не пришлось. Их не было. А продуктами не мешало запастись. Решение пришло мгновенно. Схватил пустую полотняную торбу и помчался к дяде Купрею. Время было послеобеденное. Дома никого не оказалось. Только тетя Аксинья во дворе кормила кур.

— Тетя Аксинья, мама просила одолжить буханку хлеба. А то у нас кончился, к ужину не осталось и кусочка,— выпалил я.

— Что-то быстро вы съели. Мать, кажется, на этой неделе пекла,— пожимая плечами, сказала тетя, но, поразмыслив немного, пошла в хату и через минуту вышла на крыльцо с круглой буханкой хлеба килограмма на четыре и передала ее мне.

Вышел со двора, осмотрелся. Нигде никого. Сунул буханку в торбу, забросил через плечо и двинулся к кустам вдоль канавы, побежал в лес, а оттуда на большак и помчался в сторону Скрыдлева.

Часа через три уже был на станции Замосточье. Вечерело. Мне нужен поезд на Оршу. Раньше только один раз, весной этого года, вместе с отцом ехал по железной дороге, когда возвращались из города. Теперь обошел все закоулки станции, прочитал расписание движения поездов, таблицу цен на билеты, правила пользования транспортом. Все говорило не в мою пользу. Вот только расписание радовало: до прихода поезда оставалось минут двадцать.

Как же без билета незамеченным пробраться в вагон? Решил идти туда, где больше пассажиров. Выбрал такую группу и пристроился к ней. Поезд остановился. Не успела проводница проверить

билеты у нескольких человек, как я оказался в тамбуре, а затем и в маленькой клетушке, где установлена топка для обогрева вагона. Когда состав отошел от станции, я уселся на уголь, уложил перед собой свою торбу. Под мерный стук колес уснул сладким сном. Мне снилось, что веду самолет. Истребитель то поднимался ввысь, то камнем падал вниз, то плавно плыл под облаками. При изменении скорости он резко тормозил, да так, что, казалось, вылетаю из него. И больно уж мало воздуха было в небе, дышать становилось тяжело, пот градом катился по лбу и заливал глаза. Вдруг самолет так дернуло, что я ударился головой о кабину и... проснулся.

Поезд со скрипом катился в обратную сторону. В вагоне было тихо-тихо. Приоткрыл дверь своего убежища, вышел в тамбур. За окном проплывали огни вокзала. Над зданием прочитал «Орша». Поезд загоняли в тупик, он шел медленно. Я подхватил на плечи торбу, открыл дверь вагона, спустился на подножку и спрыгнул на землю. Вдоль забора стал пробираться к вокзалу, стараясь избегать лишних глаз.

На перроне, неподалеку от здания вокзала, лежали вещмешки, ящики, чемоданы и другие вещи. Около них стояла группа красноармейцев. «Вот где мое спасение»,— подумал я и подошел к военным.

— Здравствуйте, дяденьки!

— Что, хлопец? — спросил один красноармеец.— Есть хочешь? Ваня, дай ему кусок хлеба.

— У меня свой хлеб есть, вот целая буханка,— показал на свою торбу, поставленную к ногам.— И есть я не хочу. Просто еду в далекую дорогу, аж до Ейска, к дяде Жоре!

— Ого, куда хватил. Попутчиком будешь до Ростова... Но одежда у тебя уж больно неважная,— тот, кого назвали Ваней, окинул меня взглядом с ног до головы.

В разговор вступили другие красноармейцы. Кажется, каждый задал вопрос. Я отвечал, те смеялись. Но вот спросили, почему папа с мамой так отправили меня в дальнюю дорогу. На этот случай имел свою легенду. Рассказал ее. Отец и мать давно умерли, когда я был еще маленьким. Воспитывался у тети. Она злая-презлая. Все время измывалась надо мной. Но терпел. А сейчас уже не хватает терпения. Окончил три класса. Больше не разрешает ходить в школу. А учиться хочется. Вот и бежал. Решил пробираться в Ейск к дяде Жоре. Он военный летчик и не станет запрещать учиться, а, наоборот, еще поможет и на летчика выучит.

— Денег у меня нет ни копейки. Вот только буханка хлеба. Сюда доехал без билета,— закончил я свою исповедь.

Красноармейцы начали советовать, как помочь мне в беде. Одни предлагали пойти к военному коменданту или начальнику станции, рассказать все как есть. Мол, там не бессердечные, помогут, дадут бесплатный билет или указание начальнику поезда забрать мальчика. Другие считали такой ход бесполезным и опасным, так как вмешается милиция и меня заберут в детприемник, а оттуда снова отправят к злой тетушке или в детдом. Я придерживался такого же мнения. И решили... везти меня «зайцем» до Ростова. А дальше будет видно. Если и обнаружат беглеца, то скорее всего отправят к дядюшке в Ейск — к нему будет намного ближе.

На рассвете мы уехали. В вагоне красноармейцы меня замаскировали вещмешками и чемоданами. Несколько суток находился в этом укрытии. Все обошлось благополучно. В Ростове-на-Дону мои новые друзья договорились с проводницей одного из вагонов поезда Ростов— Ейск и задолго до посадки пассажиров определили меня под полку служебного купе.

И вот я в Ейске. Вышел в город. Куда идти? Адреса-то дяди я не знал. Даже не подумал об этом. Мне было известно одно: дядя Жора учит летчиков. На привокзальной площади подошел к стоявшей у тротуара полуторке и попросил отвезти меня в школу, где учат летать. Водитель грузовика отказывался ехать, но, выслушав мою историю, погладил по голове и усадил в кабину. Он довез меня до самой проходной училища.

Там начались новые испытания. Матрос с красной повязкой дальше ворот не пустил меня. Он куда-то позвонил, сообщил, что на проходной находится какой-то грязный, босой мальчуган и заявляет, что приехал из Витебской области, ищет дядю Жору. Вскоре пришел человек в форме морского летчика и тоже с красной повязкой на рукаве. Опять расспросы: кто ты, откуда приехал, зачем?

— Ищу дядю Жору,— твердо отвечал я.— Он здесь работает, учит летчиков. И форма у него точно такая, как у вас. Он в этом году приезжал к нам в гости...

— А фамилию дяди знаешь? А отчество как?

Я вспомнил, что взрослые его величали Георгием Андреевичем. Ну а фамилия, наверное, Лебедев. Коль я Лебедев, значит, и дядя Жора — Лебедев. Он же родной брат мамы, а она тоже Лебедева. Даже не мог подумать, что у дяди Жоры может быть другая фамилия, что мать, хотя она и родная сестра дяди, носит фамилию отца. И я ответил:

— Георгий Андреевич Лебедев.

— Что-то не припомню такого в училище. Пойдем-ка со мной. Будем искать...

Дежурный привел меня в какой-то кабинет.

Он начал звонить, уточнять. Рассказывал обо мне, называл фамилию, имя и отчество дяди Жоры. Затем ему звонили, потом он опять спрашивал меня и снова звонил. Наконец, положив трубку, он с улыбкой сказал:

— Нашелся твой дядя Жора. Сейчас придет. Только фамилия его не Лебедев, а Никитин.

С нетерпением ждал встречи, напрягал слух. Заслышав шаги в коридоре, вскакивал, а когда открывалась дверь, сжимался в пружину, готовясь прыгнуть в объятия дяди.

Дядя Жора появился на пороге кабинета и замер в недоумении и растерянности, впившись в меня смущенным и каким-то виноватым взглядом. Пулей сорвался я с места, кинулся к нему и, повиснув у него на шее, разрыдался, осыпая его поцелуями, обливая слезами и приговаривая!

— Я очень, очень ждал... Каждый день ходил встречать. А тебя все нет и нет... Не дождался... Сбежал из дому. Вот и приехал...

— Прости меня, Петенька... Это я виноват, во всем виноват. Не подумал... А видишь, как получилось... — не выпуская из объятий, говорил дядя Жора. — Но ничего. Все будет хорошо. Поехали домой. Там тетя Рая ждет.

Нас ждала легковая машина. Я залез на заднее сиденье, поздоровался с водителем. Дядя сел на переднее и сказал шоферу:

— Видишь, какой летчик к нам прибыл на пополнение. И все я виноват. Да, с детьми, брат, шутить нельзя.

Я ехал и пытался понять, почему дядя виноват, в чем его вина. О каких шутках он говорит. Вдруг дядя повернулся ко мне:

— А там тебя ищут, наверное. всю деревню небось подняли на ноги, думают, что погиб где-нибудь или волки разорвали в лесу...

Только теперь я представил, какой переполох творится на хуторе Горелое Лядо и в деревнях Лесная Слобода и Ивановка. За всю дорогу об этом даже и не подумал. Мне стало не по себе. Хотелось выскочить из автомашины и закричать во весь голос: «Не плачьте и не ищите, я здесь!» Настроение испортилось, радость достигнутой заветной цели омрачилась. Но я быстро овладел собой и решил, что дядя Жора — всесильный человек, он знает, как поступить. В крайнем случае самолетом моментально долетит до хутора и сообщит, что все в порядке...

Тетя Рая встретила меня испуганно.

— Боже, какой он грязный! — воскликнула она.

Я с тетей Раяй виделся первый раз. Она к нам в гости еще не приезжала.

— Готовь, Рая, ванну. А я дам телеграмму домой. Там же ничего не знают. Он сбежал.

Я не мог понять, почему дядя и тетя такие встревоженные. всю дорогу рассчитывал на торжественную и радушную встречу.

В ванне я блаженствовал. После дальней и трудной дороги казалось, что попал в рай. Вскоре вернулся дядя Жора, сообщил, что телеграмму отправил подробную. Все будет понятно. Разыскивать перестанут. Меня нарядили в чистые майку, трусики, носки, туфли, которые купил дядя Жора, возвращаясь с телеграфа.

— А костюмчик купим позже. Нужно же примерить. Пообедаем и пойдем в магазин.

Стол был уставлен кушаньем. А тетя Рая все носила и носила с кухни новые блюда; принесла и поставила посредине стола вазу, из которой свисали крупные гроздья винограда, ласково смотрели на меня краснобокие груши и улыбались яблоки.

— Ну что же, летчик, усаживайся за стол.

Во время обеда дядя и тетя шутили, смеялись, весело переговаривались. Я радовался, что так быстро прошли первоначальная натянутость и, как мне показалось, некоторый испуг, даже недовольство моим столь неожиданным и необычным появлением.

Наелся я плотно. Потянуло на сон. Дядя Жора завел меня в спальню, уложил на кровать. Я сразу же забылся.

Вечером у нас не состоялся разговор о важных делах, в том числе и о летных. Я крепко спал. Меня не могли разбудить ни под вечер, когда собирались ехать в магазин, чтобы купить одежду, ни к ужину, ни после, когда дядя и тетя сами ложились спать. Дядя Жора взял меня сонного на руки и перенес в другую комнату, где мне была приготовлена на диване постель.

Проснулся я только утром, когда дядя Жора уже позавтракал и собирался уходить на службу.

— Часа в два я приду. Сегодня у меня не много работы,— сказал он.— Ну и спал же ты, богатырским сном. Наверное, хорошо намаялся за дорогу. Три раза будил, и ничего не вышло. Теперь, друг мой, придется тебе пока заниматься с тетей Раей. Сходите на базар.

Мы с тетей Раей позавтракали и пошли на рынок. Меня изумило разнообразие фруктов, которыми там торговали, множество их. Сделав необходимые покупки и побродив по рынку ради любопытства, пришли домой, быстро справились с домашними делами и отправились к морю.

Море... Его я видел впервые. После пруда на хуторе или речки Черничанки, куда мы иногда ходили купаться, это было что-то невообразимое. Морская гладь простирается до самого небосклона, не видно ни конца ни края. Берег усеян мелкой галькой или песочком. На них все время накатывается волна, которая волочит за собой кружево морской пены. А то на морской глади появляется вал, и катится, катится к берегу этот водяной гребень по всей видимой длине моря, затем вода уже не убегает обратно за валом, а уплывает, будто ее кто-то силой тянет назад, она же упирается, цепляясь за гальку, и образует пологую выемку. Там, куда добежал вал, остается грядка гальки и щебня.

Мы с тетей Раей купались, загорали. Правда, я старался быть дольше в море, наслаждался соленой водой. Плавал, пока тетя не требовала, чтобы я полежал на солнце.

Дядя пришел к обеду, как и обещал. Мы поехали с ним в магазин. Он купил мне костюм, две рубашки; одну серенькую, а другую — белую в полоску, черную фуражку с блестящим козырьком. С каждым шагом я становился наряднее и наряднее. Смотрел в зеркала, которых было много, и не мог поверить, что это и есть не кто-нибудь, а я — Петька из Горелого Ляда. Потом купили еще черные ботинки. Примерил, да так и остался в них. Туфельки дядя сложил в коробку и забрал с собой. Потом еще покупали майки, трусы, носки... Я уже не обращал внимания на дядины покупки, а любовался своей одеждой.

Дома тетя Рая, повернув меня несколько раз, заявила, что костюм на мне лежит хорошо и я похож на настоящего летчика. Эта похвала пришлась по душе, ведь я ни на минуту не забывал о главной цели своего приезда в Ейск.

— Разговор о летных делах, Петя, давай отложим до ужина,— сказал за обедом дядя Жора,— а сейчас пойдем на аэродром, посмотрим самолеты. Я с начальством договорился, нас пропустят. Не только посмотрим, но и по-настоящему пощупаем их. Может, и штурвал в руках поддержишь.

Я обрадовался. Ведь намек на штурвал был явно недвусмыслен. «Может, и в небо взлетим, хоть немножечко прокатимся на самолете»,— мелькнула у меня счастливая мысль.

После обеда мы с дядей отправились на морской аэродром, который размещался на берегу лимана. Часовой в проходной взял под козырек. Он заговорщически подмигнул дяде и бросил:

— Это тот самый летчик?

— Да, да. Будущий летчик Петр Леонович Лебедев.

Это для меня было наивысшей наградой. Шутка ли — обо мне знают на аэродроме, считают летчиком. Мы побывали в ангарах и на стоянках самолетов, где выстроились в ряд морские бомбардировщики и истребители. Дядя рассказал, как их по лоткам спускают на воду, а после посадки снова затаскивают в ангары или на стоянки. Пока мы были на аэродроме, несколько самолетов поднялись в воздух, а два совершили посадку. Это было так интересно. Я ловил каждое слово дяди, который объяснял мне все или разговаривал с матросами, обслуживавшими аэродром. Но самое главное и интересное ждало впереди.

Мы подошли к расчехленному самолету, около которого трудились два человека. Дядя поздоровался с ними и сказал:

— Вот племянник мой приехал из Витебска. Сбежал от родителей. Летчиком хочет стать. Дайте-ка ему посидеть в кабине.

— Коль это — будущий летчик, так пожалуйста,— ответил один и отодвинул фонарь.— Давай-ка залазь сюда на крыло.

Он подал мне руку. Я мигом оказался на крыле самолета, а затем и в кабине. Боже, сколько там различных кнопок, стрелок!.. На крыло поднялся и дядя Жора. Он перегнулся через край кабины и начал пояснять мне, что к чему, как поворачивать штурвал, чтобы самолет шел вправо или влево, вверх или вниз. Я повторял все эти движения. Потом попросил дядю показать бомбардировщик. И в том самолете посидел.

Возвращаясь домой, я уже чувствовал себя настоящим летчиком и разговаривал с дядей, как знаток авиационного дела. Дядя Жора никаких насмешек и шуток не допускал. Это еще больше заставило меня держаться по-взрослому. Даже потерянный кем-то на дороге мячик не посмел отфутболить, считая это ниже своего достоинства.

Вечером за ужином состоялся откровенный разговор по поводу моей летной карьеры. Дядя Жора заявил:

— Так вот, племянник мой, во всем я виноват, только я. Просто безо всякой задней мысли пошутил над тобой. Чтобы поступить в наше училище, необходимо иметь образование не ниже семи классов и возраст не моложе восемнадцати лет, да еще пройти медицинскую комиссию. А скоро станут принимать в училище только со средним образованием, причем уже имеющих навыки летного дела. А это приобретается в аэроклубах Осоавиахима. Прости меня, Петенька. Ты летчиком станешь, обязательно станешь, только немного позже. Не горюй. Все придет в свое время. А сейчас отдохни у нас недельки две и езжай домой, учись и готовься стать летчиком.

С каждым словом дяди Жоры мне становилось не по себе. Рушилось все то прекрасное здание, так хорошо и складно воздвигнутое моим воображением на шатком фундаменте дядиной шутки. Стало больно за те мытарства, которые пришлось мне перенести, чтобы добраться от Горелого Ляда до солнечного приморского города Ейска. Слезы брызнули у меня из глаз и крупными горошинами покатались по щекам, какой-то комок душил горло. Я не мог ничего сказать в ответ...

А на хуторе Горелое Лядо события развивались своим чередом. В первый день исчезновения моего почти никто не заметил, а кто и заметил, тот не придавал никакого значения. Подумаешь, не явился к ужину. Экая беда. Что это первый раз? Может, уснул где-нибудь на сеновале или чердаке. Утром отец рано ушел на работу. Пора была горячая, полным ходом в колхозе шла уборка урожая. Вслед за ним ушла и мать, наспех накормив детей и наказав Наде и Коле собирать травы, дать корм свиньям, подоить корову, накопать и начистить картошки, посмотреть младшего братишку Гришу и т. д. и т. п. Обо мне снова не возникло никакого разговора. Наверное, сбежал утречком в лес собирать грибы, да и только. Так и раньше не раз бывало.

Первыми встревожились Надя и Коля, а потом Ваня и Сережа, двоюродные мои братья. Ведь я не явился и к обеду. Они обсудили на детском совете и решили, что заблудился в лесу. Надя стала заниматься хозяйством и досматривать малых детей, а Коля, Ваня и Сережа побежали в лес разыскивать меня. Обошли все грибные места — нигде нет. Шумели, кричали, звали, лазили на высокие деревья, чтобы осмотреть мелколесье. Но меня не было. Вернулись ни с чем и сначала втайне один от другого пускали слезу, а затем уже собрались все вместе и разревелись. Так и застали их отец с матерью вечером, когда вернулись с работы.

— Чего нюни пораспускали, что случилось? — спросил отец.

— Петьки нет, — в один голос ответили они. — Весь лес обыскали. Нет нигде.

Мать присоединилась к плачущей компании. Отец постоял в растерянности, пожал плечами и спросил:

— Когда видели его в последний раз? Может, обидели чем?

— Вчера в обед был, — хором ответили дети.

— После обеда он приходил к нам, одолжил хлеба, — заявил Сережка.

— Какой хлеб? — одновременно насторожились мать и отец.

Они пошли к Купрею.

— Беда, брат, — сказал отец, переступив порог, — Петька пропал.

— Как пропал?

— Вчера после обеда он взял у меня буханку хлеба. Сказал, что мамка просила одолжить, — подтвердила тетя Аксинья. — Я и подумала, что-то не так. Знаю, что ты три дня назад пекла хлеб. Но дала буханку...

— Подумала, подумала. Все вы умные теперь, — оборвал ее дядя Купрей.

Судили, рядили и решили, что Петька ушел к дедушке в Лесную Слободу или к бабушке в деревню Бабинцы. Но вот буханка хлеба мешала всем расчетам и догадкам. Зачем столько хлеба, если идти к дедушке или бабушке? Ночью отец отправился в Бабинцы и Шилки, а дядя Купрей — в Лесную Слободу. Но ни у бабушки, ни у Кати в Шилках не было беглеца. Не оказалось и в Лесной Слободе у дедушки и у дяди Антона.

К утру отец и дядя вернулись на хутор. Всей гурьбой навалились обыскивать холодные постройки, перерыли сено, облазили чердаки и пристройки, даже заглянули в пустые бочки. Никаких следов обнаружить не удалось.

Днем собравшиеся родственники организовали поход в лес. Проводником стал Сережка. Он показывал все наши с ним тропы и места, где устраивали игры, организовывали наблюдение за птицами и дикими животными или собирали грибы... Но безрезультатно.

На четвертый день приехал участковый уполномоченный милиции. До него дошел слух о моем

исчезновении. Он изучил все обстоятельства, переговорил с отцом и матерью, дядей Купреем, тетей Аксиньей, вначале со всеми вместе, потом с каждым отдельно, так же поступил и с братьями и сестрой. Ничего подозрительного выяснить не удалось. Снова и снова все приходило к выводу, что меня кто-то чем-то обидел и я решил в отместку спрятаться на время. Иначе для чего нужна была буханка хлеба. Мог бы дома отрезать краюху, да и только.

Опасались, что я прячусь в лесу и что сонного могут растерзать волки. Но Сережа на этот счет высказался вполне определенно: Петька на земле ночевать не станет. И рассказал, как мы не раз строили гнезда-палатки на сучьях дубов и елей и спали там вдвоем. Он привел милиционера и отца к двум таким гнездам-палаткам. Но и там следов не оказалось.

Участковый собрал мужчин из Лесной Слободы и Ивановки. Они еще раз под его руководством прочесали лес. Но снова беглеца не обнаружили.

Тогда всем миром сошлись на том, что никак не разгадать Петькиного плана и лучше всего набраться терпения и ожидать, пока он сам не объявится.

Мать с сестрой втихомолку пускали слезы. Отец ходил злой и хмурый, всячески старался избегать разговоров.

Наконец наступил шестой день ожидания и поисков. Казалось, медленно катится солнечный шар по небу. Все ждали вечера, чтобы забыть во сне о беде, постигшей хутор, а там, может, утром появится и Петька или какая-нибудь весточка о нем. Всем казалось, что это может случиться только утром. Ждали вечера, чтобы быстрее наступило утро. Уже ложились спать, когда Коля в окно увидел мерцающий свет.

— Мама, что это?

Все кинулись к окну. Свет, мигая, быстро бежал от большака по дороге к дому. Вот он уже и совсем близко. Стал виден велосипед, а на нем — человек. Семья бросилась во двор, а оттуда на улицу. К калитке шел мужчина, размахивая бумагой.

— Нашелся ваш Петька! Жив, здоров.

— Где он? — в один голос зашумели взрослые и дети.

— В Ейске, на берегу Азовского моря. Вот телеграмма.

Прибежали дядя Купрей и тетя Аксинья, а за ними Ваня и Сережа. Зажгли лампу, уселись на скамейки, а приехавший почтовый работник подсел поближе к свету и стал медленно читать, четко выговаривая каждое слово:

«Мошканы Витебской Горелое Лядо Лебедеву Леону Дмитриевичу Сын ваш Петька приехал Ейск жив здоров все порядке подробности письме не волнуйтесь Георгий Андреевич Никитин».

Наступила минута какого-то оцепенения. В хате было тихо-тихо. Первым нарушил тишину Сережа. Одним махом выдал со вздохом:

— Вот так Петька!

— Да-а-а,— закуривая, сказал дядя Купрей.

— Ох и доберусь же я до этого Петьки,— решительно заявил отец.— Давно уже ремень скучает по его мягкому месту.

Только сейчас вспомнили, что я вместе с дядей Жорой собирался ехать в Ейск.

— Так вот где собака зарыта,— проговорил отец.— Я выбью ему из головы эту дурь!

Через несколько дней пришло письмо от дяди Жоры. Он подробно описал, как все это получилось, и в случившемся винил полностью себя. На хуторе успокоились...

Не промолвив ни слова, я поднялся из-за стола и как в полудремоте, ничего не соображая, дошел до постели, разделся, забрался под одеяло и уткнулся носом в подушку. Никакие мысли не лезли в голову, чувствовалось полное опустошение, казалось, наступил крах не только моей мечте, но и смыслу жизни. Подошел дядя, уселся около меня, ничего не говорил, только осторожно, еле прикасаясь рукой, гладил по голове. Так он просидел долго.

Дядя ушел в спальню, а я не мог уснуть. Мне казалось, я настолько опозорился, что будет стыдно смотреть в глаза не только родителям, но и всем своим сверстникам. Особенно воочию представилось, как приду в школу, а там будут показывать на меня пальцами и улюлюкать, свистеть, кричать:

— Летчик! Летчик с Горелого Ляда идет!

И учитель Андрей Сидорович Сипаров их не успокоит.

Что же теперь делать? Решил как можно быстрее уйти от дяди, броситься в обратное путешествие. Теперь меня не пугала дальняя дорога без копейки в кармане. Но сделать это сейчас же я не осмелился. Лучше уехать из Ейска днем, когда дядя уйдет на работу, а тетя займется делами.

Теперь вопрос, в чем ехать. В одежде, которую купил дядя Жора, я не собирался. Пусть останется

им. Поеду в своей. В ней и сподручнее укрываться под полками в вагонах. Но где она? Когда тетя ушла на рынок, я перевернул все в шкафу, в ванной, на кухне. Не нашел. Решил бесповоротно: «Сейчас тепло. Поеду в майке и трусиках». Умылся, пошел на кухню. На столе стояла тарелка творога со сметаной и стакан молока, лежал нарезанный хлеб и сдобная булочка. «Дорога дальняя,— подумал я.— Надо подкрепиться хорошенько. Не помешало бы и с собой взять кусок хлеба, да нет во что, даже карманы к трусам никто не догадался пришить».

— Ничего, свет не без добрых людей! — громко сказал я и перешагнул порог квартиры, захлопнув за собой дверь.

Через несколько минут на вокзале я уже изучал расписание. Поезд на Ростов пойдет только вечером. Но ждать мне нельзя. Очередной пригородный отправится часа через два. Придется ехать им, если какой-нибудь товарняк не подвернется.

С этими грустными мыслями я и отправился в конец - перрона, уселся на разломанную скамейку, кем-то заброшенную подальше от людского глаза. Погрузился в свои невеселые думы и не обратил внимания на подошедшего человека, который уселся рядом на обломок скамейки. Очнулся, когда тот положил мне на плечо руку и еле слышно сказал:

— Ты так и не простил мне шутки?..

Это был дядя Жора. Лицо его осунулось. Я вздрогнул от неожиданности, хотел вскочить и бежать. Дядя крепче прижал рукой мое плечо.

— Подожди. Давай поговорим как мужчина с женщиной.

Я молчал. Меня давила обида.

— Послушай меня, Петенька. Расскажу тебе, как я стал летчиком.

— Говорите,— выдал я.

— Не так мне легонько досталось небо, как я наобещал тебе, не подумав, во что обернется мой легкомысленный разговор. Кое-как удалось окончить три класса церковноприходской школы. Больше учиться не пришлось. Семья большая. Хлеб надо зарабатывать. Пошел в подпаски, а потом стал пастухом. Пасу, а как увижу, что дети в школу идут, так сердце сжимается до боли. Вечерами часто заходил к ребятам, узнавал, какие задачи и стихотворения задавали на дом, старался у них прочитать в книжках. Да не все давали мне: подумаешь— пастушок. Так и мыкался с кнутом в руках. Года через два пришла ко мне наша сельская учительница Мария Ивановна. Добрая такая была. Пришла и спрашивает: «Ты, Жора, говорят, очень переживаешь, что не пустили тебя учиться, скот заставили пасти?» «Нет,— говорю,— не очень. Мне учиться и не хотелось. Коров пасти даже интересней, Мария Ивановна. Вон Звездочка все время ходит за мной и слушает, как я пою, а Пеструха, так та убегает, так и норовит залезть в посевы».

Я старался показать Марии Ивановне, что мне здесь очень нравится и совсем не думаю о школе, хотя каждое слово приходилось выдавливать через силу. Хотелось плакать и крикнуть: «Мария Ивановна, заберите меня в школу. Я очень хочу учиться». Но не закричал. Сдержал порыв. Через силу, но сдержал. Она дала мне книгу сказок. Велела заходить к ней за другими книгами. Ходил к ней раз в неделю или две, чтобы очень не беспокоить учительницу и не надоедать ей. Она всегда старалась узнать, что больше всего мне понравилось из прочитанного.

Годы шли, я рос и пас стадо деревенских коров. А тут война. Империалистическая, первая мировая. Мужиков забрали на фронт. Теперь уже приходилось мне не только пасти скотину, но и землю пахать, хлеб сеять, сено косить. А вот и революция. Одна, потом другая, а следом и гражданская война. Вижу, что наша власть пришла, за людей стоит. А коль она за нас, то нам за нее встать надо. Вот и решил взяться за оружие. Хоть лет мне было всего шестнадцать, но ростом и силой бог меня не обидел. Бросил я своих коров прямо в поле и примкнул к группе красноармейцев, которые спешили на фронт белых битъ, чтобы не задушили они Страну Советов. Как и ты, ничего не сказал родным, даже не предупредил. Провоевал до самого конца, пока и японцев с американцами не выгнали из Владивостока. Был два раза ранен. Так и остался в Красной Армии. Учился. Окончил все курсы, куда только ни посылали, закончил вечернюю школу. Направили меня в Ейск в авиационное училище. Стал морским летчиком. Долго летал над Балтийским морем. Потом снова учился. Года четыре назад назначили сюда преподавателем. Теперь уже я учу летчиков. Вот и вся моя трудная и длинная дорога.

Дядя умолк, а затем продолжил:

— Дернул меня черт за язык, надо же было пошутить над тобой. А ты разобиделся... Решил снова бежать. Да лишь в майке и трусиках. Хуже, чем сюда приехал. Что подумают обо мне там, на родине. Скажут, голого выгнал, даже хлеба буханки не дал. И тебе нисколько не жалко меня? Я же просил у тебя прощения за свою оплошность, об этом написал и родным в Горелое Лядо. Еще раз

прошу простить меня, Петенька...

Я посмотрел ему в глаза. Дядя плакал. Мне стало не по себе. Было стыдно, что заставил этого бывалого солдата так переживать.

— Я прощаю, дядя Жора. Простите и вы меня за все. Больше не буду,— сказал я и со слезами бросился к нему в объятия.

На этом конфликт был исчерпан. Я прожил у дяди до 20 августа. Не раз вместе с ним ходил в училище и на аэродром, облазил не один самолет, провожал дядю Жору в полеты и с нетерпением ждал, когда он прилетит и посадит на Ейский лиман свою машину с номером шесть. Просил покатать меня, но дядя отказался, заявив, что на военных самолетах эти вольности запрещаются.

И вот наступил день отъезда из Ейска. Мне купили плацкартный билет. Дали чемоданчик с вещами, полную сумку всевозможных продуктов, плетеную корзинку груш и винограда. Меня провожали дядя и тетя. Перед отходом поезда дядя Жора дал мне кошелечек с деньгами. Там была мелочь, рубли, тройки и пятерки. Дядя рассказал, как пользоваться деньгами: где сколько надо, столько и вынимать. Разъяснил еще и еще раз, как ехать, где пересаживаться, где и как компостировать билет.

— До свидания. Будь здоров, Петя. Только не обижайся,— говорил он, целуя меня.— Всем, всем передавай большой привет. Пусть они не осуждают меня. Я не совсем плохой человек.

Эти слова запомнились мне на всю жизнь. И теперь я с любовью вспоминаю своего, уже покойного, дорогого дядю Жору. Он запомнился мне своей добротой. Может быть, благодаря ему и я вышел в люди. Георгий Андреевич Никитин первым из нашей родни стал летчиком.

За четыре дня доехал до Замосточья. Теперь надо пешком пройти 15 километров. И с таким грузом. Но попутчиков, которые помогли бы, не встретил.

Когда прошел Скрыdleво и начал приближаться к ивановскому лесу, меня охватил страх. Осталось два километра, а мне хотелось, чтобы расстояние стало бесконечным. Чем ближе подходил к Горелому Ляду, тем более страшно становилось перед отцом. Я его хорошо знал. Отец был добр и строг. Но сейчас-то наверняка даст волю своему гневу. В Ейск он написал коротенькое письмо. Зачем ему было распространяться! Химическим карандашом вывел несколько слов: «Спасибо, Жора, что сообщил об этом фулигане. Хай быстро едет домой. Цалую цябе я и моя женка Мария. Твой шурин Лявон».

Пришел на хутор еще засветло, спрятал в кустах подаренные в Ейске вещи и фрукты и стал пробираться к дому. Теперь-то у меня пропала романтика, и я не чувствовал себя больше летчиком. Знал, что получу хорошего ремня... Прележал в огороде, пока по-настоящему потемнело, и пополз по картофелю, чтобы никто не видел. Подобрался под самый дом. Оказался в полосе света из открытого окна. Смотрю, вся семья сидит за столом и ужинает. Мне так стало радостно и хорошо, что наконец нахожусь у порога отчего дома. Беспечно высунул голову из картофеля, чтобы оглядеться, и не подумал, что меня могут заметить. А отец увидел.

— Вот он, блудный сын! Появился,— крикнул он.

Не успел я и повернуться, чтобы быстрее уползти из этого опасного места, как отец схватил меня за воротник замазанного землей новенького костюма. Привел в хату. Мать кинулась ко мне и со слезами на глазах начала обнимать и целовать. Дети обступили нас. А отец взял ремень, помочил водой и ждал, когда маме надоест целоваться, чтобы отдать блудному сыну заслуженную дань...

Так закончился мой тернистый путь в небо. Я продолжал учиться, старался хорошо закончить среднюю школу, чтобы на самом деле поступить в авиационное училище. Но события повернули круто, и мне не довелось стать летчиком...

Наконец-то поднялся я в небо, но не в качестве летчика.

Весь израненный, летел я на Большую землю в качестве пассажира. Мне было все видно, что делалось за бортом. Мелькали огоньки фар машин, вспышки взрывов снарядов и мин. На самолете я летел впервые. Все интересно, и смотрел по сторонам, пока не замерзали уши и лицо. Потом наклонился над своим спутником, оттирал нос и уши, немного отогревался и снова высовывал голову за борт.

Летели долго. Я наклонился в кабину, стал растирать лицо.

— Ой, что это? — крикнул, мой спутник.

Мелькнул яркий свет. Я выглянул за борт. Со всех сторон по небу шарили лучи прожектора. Некоторые проплывали вблизи нашего самолета, освещая все в кабине. Потянулись к самолету пунктиры трассирующих пуль, зенитных снарядов. Все вокруг заклокотало, зашипело. Самолет бросало из стороны в сторону, казалось, что он совершенно неуправляемый и попал в какой-то водоворот.

Затаив дыхание, я следил за этим вертепом, творившимся вокруг машины. На минуту мне представилось, что наш самолет соьбют. Около обломков будут валяться мертвые пассажиры. Среди

них обнаружат и мой труп с вещмешком за плечами, в котором лежат-то всего два сухаря да пара белья. Фашисты будут хохотать над моими пожитками.

Я сорвал с плеч вещмешок, размахнулся и вышвырнул его за борт. В этот момент самолет так рвануло в сторону, раздался такой оглушительный взрыв и блеснуло такое ослепительное пламя, что я чуть не вылетел из кабины вслед за своим вещмешком. Удержался за край кабины, когда уже по пояс торчал из нее. Втиснулся, назад и прижался к своему спутнику.

Самолет пошел в пике. Земля приближалась быстро. У самых деревьев он выровнялся и полетел над крышами домов, а потом над лесом.

Через полчаса самолет сел на льду озера где-то недалеко от Крестов. Там нас уже ждали грузовики. Так я и оказался в советском тылу.

— Счастливые вы, ребята! — весело заявил на прощанье спрыгнувший с крыла самолета летчик. — Весь самолет изрешетили, гады!

В Богородском госпитале

Нас доставили в большущие землянки с двойными нарами, записали аккуратно все биографические данные, обработали и перевязали раны, накормили горячим завтраком, выдали по пачке махорки... С удовольствием затаились партизаны. Никто не стоял над душой и не требовал оставить «сорок». На второй день перевезли в эвакогоспиталь в Кресты, а оттуда через несколько дней — во Ржев.

Раненых много. Битком забиты палаты. На каждой одиночной кровати — валиком по два человека. На полу, в проходах и коридорах больные лежат прямо на носилках.

Тяжелораненых постоянно отправляют дальше, в тыл страны. Через пять дней пришли и моя очередь. Погрузили нас в вагоны и отправили на восток. Ехали несколько суток. Наконец приехали.

— Город Богородск Горьковской области. Эвакогоспиталь номер двадцать восемь двадцать девять! — объявили раненым.

Здесь разместили нас по-барски. Я попал в шестой корпус. На втором этаже в небольшом зальчике стояло всего двадцать пять кроватей. Меня поместили в самом углу. На кровати один — благодать! Нормальное питание, хорошее лечение. И главное — тишина. Не слышно бомбовых и снарядных разрывов, трескотни зенитных пушек и пулеметов, даже светомаскировки никакой нет. Вечером и ночью город утопает в огнях. Это так непривычно, кажется сном. Боишься, как бы не проснуться.

Жизнь в госпитале шла своим чередом. Скучать было некогда: часто демонстрировались кинофильмы, читались лекции и доклады, прямо в палатах выступали участники художественной самодеятельности богородских предприятий, организаций и школ. Наверное, не было дня, чтобы нас не посещали шефы. Каждая палата имела своих шефов.

Больше всех от шефов, особенно от школьников, доставалось мне. В то время на весь госпиталь я был единственный партизан. Да и по возрасту не очень-то далеко ушел от учеников, а мне пришлось уже столько повоевать, быть трижды раненым.

Затаив дыхание, слушали школьники мои рассказы о партизанах. С какой-то завистью смотрели они на меня, видимо, потому, что мне довелось бить фашистов, ходить в разведку, участвовать во многих операциях. Я видел, какой глубокой ненавистью блестели глаза ребят, когда речь заходила о зверствах и бесчинствах гитлеровцев на оккупированной земле.

Когда шефы навещали госпиталь, около моей кровати всегда было полным-полно школьников. Сотни раз приходилось мне рассказывать одни и те же эпизоды из партизанских будней. Особенно допекали малыши. Им понравились эпизоды о принятии присяги, первом посещении «Сапожника», о том, как я пустил соплю в немецкой каталажке, как накричал на полицаю от имени курьера гебитскомиссара, как взорвал эшелон, и многие другие. По нескольку раз заставляли они рассказывать одно и то же, хотя сами уже на память заучили каждую деталь, каждый мой шаг. И когда во время рассказа я вдруг замолкал и задумывался, как бы силясь вспомнить какую-то деталь, дети хором подсказывали мне, а если начинал сокращаться, чтобы быстрее закончить рассказ, перебивали и напоминали:

— Нет. Тогда ты крикнул на полицаю: «Ты как стоишь, ротозей, перед курьером гебитскомиссара!»

Приходилось снова начинать рассказывать все по порядку, безо всяких сокращений.

Особенно подружились со мной четыре пионера: Володя Санкин, Боря Назаров, Женя Бородин и Коля Столяренко. Они каждый день приходили ко мне, рассказывали школьные новости, делились своими радостями. Дежурные в проходной к ним так привыкли, что в любое время безо всякого

пропускали в госпиталь.

— Опять к своему партизану направляетесь? — спрашивал дежурный.

— Угу! — наперебой отвечали они.

Когда зажили мои раны и я выписался из госпиталя, пионеры вчетвером провожали меня до вокзала и подарили свои фотокарточки. Снимки эти и сейчас хранятся у меня. На обороте одной фотографии карандашом написано: «Пете — партизану от шефов Владимира Санкина и его друзей. Г. Богородск, ул. Ленина, дом 205, кв. 6. Санкин Владимир Алексеевич».

Еще находясь на излечении в госпитале, я все яснее сознавал, что уже стал непригодным к дальнейшей военной службе, что меня навсегда спишут в гражданку. Об этом откровенно говорили и врачи. Передо мной все отчетливее вставали вопросы: «Что же делать? Куда ехать? Чем заняться?» Я токарь и слесарь по металлу. Другой профессии у меня нет. А какой же я металлист без правой руки? Она-то у меня почти бездействует... Мне определили вторую группу инвалидности и пенсию в размере 120 рублей в месяц. В Богородске в то время за эти деньги можно было купить лишь полбуханки хлеба. При выписке из госпиталя мне дадут сухой паек на время следования до места жительства. А где оно — это место жительства? Где и кто меня ждет? На земле витебской все еще хозяйничают гитлеровцы. Да и неизвестно, остались ли в живых мои родители и близкие родственники. «Куда ехать? Как быть дальше?» — эти вопросы не давали мне покоя. Все чаще и строже корил себя за то, что послушался «Дядю Алешу» и улетел на Большую землю. Во вражеском тылу мог бы еще воевать и с одной рукой. А здесь что? Да со мной и говорить на эту тему никто не станет.

Куда же ехать? С каждым днем настроение у меня ухудшалось. Сам тогда не знал и мне никто не подсказал, что надо бы ехать в Белорусский штаб партизанского движения. При нем были созданы курсы, которые готовили кадры различных профессий для работы на освобожденной от врага территории. Там заранее формировались все звенья аппарата для районов, которые еще стонали под фашистским игмом. Тогда я этого не знал и даже не предполагал.

— Куда ты поедешь из госпиталя, Петя? — вдруг, словно разгадав мои мысли, спросил сосед по койке Иван Яковлевич Мелешко.

— Куда? Трудно сказать — куда. Все думаю, — ответил я.

— Некуда тебе ехать. Да и куда ты с одной рукой, да еще без правой? Вот и хочу предложить тебе один вариант: езжай-ка ты ко мне домой, на Кубань...

Иван Яковлевич Мелешко был старше меня лет на семь. Сам он родом из станицы Ханской, что в десяти километрах от Майкопа. Работал в колхозе. Семья небольшая — мать-старушка, жена Груня да трехлетний сын Вася. Родился сын перед уходом Ивана на фронт. Жили средне, не очень в достатке, но и не так уж бедно. Хлеб и к хлебу всегда было в доме. Вот и решил он направить к себе на родину белоруса, который чем-то понравился ему. Пусть переживет там трудное время. Может, и семье в чем-нибудь поможет. Ему-то, Ивану, еще придется воевать. Рана не очень серьезная, а война в самом разгаре.

— Не знаю, как живут мои там сейчас, — продолжал Иван Яковлевич. — Но временно побыть в нашей семье сможешь. Домик свой — квартиру искать не придется, худо-бедно прокормят несколько дней, пока определишься на работу, а в крайнем случае, если шинель придется продать на хлеб, то не замерзнешь — у нас все-таки теплее... А там, может, и женишься на богатой казачке. Племянница у меня хорошая есть. Таней зовут... Не пропадешь.

Не стал я упираться и заставлял долго себя уговаривать. Видел, что Иван Яковлевич Мелешко — человек степенный, серьезный и рассудительный. Вот и решил воспользоваться его добротой, принял приглашение.

Оформили мои документы на Майкопский райвоенкомат, выписали проездные, продовольственный аттестат и прочие бумаги. Получил обмундирование. Правда, моя партизанская одежда, в которую нарядили меня по личному указанию «Дяди Алеши», куда-то исчезла. Но спасибо начальнику госпиталя майору медицинской службы. Он без особой волокиты распорядился выдать мне новую военную форму и даже новые кирзовые сапоги. Жаль было моих хромовых, которые сдал. Но и за то спасибо. В то время и офицеров выписывали из госпиталя в худшем одеянии.

Иван Яковлевич написал письмо своей мамаше Февронье Ивановне и жене Груне с просьбой принять меня, как родного сына, и оказать посильную помощь в устройстве. Рассказал мне, как доехать на его родину, как идти от железнодорожной станции до станицы Ханской, в которой находились четыре колхоза, плодovinзавод и другие предприятия, обрисовал весь путь до самого дома. В силу привычки все это так отложилось в голове, что я заранее отчетливо представлял все расположение станицы и домика Ивана Яковлевича.

В ночь с 11 на 12 марта 1944 года я приехал на железнодорожную станцию. Хотел переждать там, а уж утром идти разыскивать семью Мелешко. Но дежурный по станции показал свое помещение, где мог разместиться только он один за столиком, на котором установлена аппаратура. Никаких других зданий здесь не было. Дежурный посоветовал идти прямо в станицу, вон по той дороге. Это всего три километра — рукой подать.

Мне ничего другого не оставалось делать, как последовать его умному совету. Я и пошел в станицу. Ночь была не очень темная. На близком расстоянии можно различить некоторые ориентиры. Ага, вот и шоссе. Оно идет из Майкопа в Белореченскую. Значит, справа должен быть плодovinзавод. Точно. Вон видна высокая труба. Идти надо прямо через шоссе, никуда не сворачивать, завод должен остаться по правую руку. Через километр будет базар. Вот и он. Его трудно не узнать. Три ряда широких деревянных скамеек, над которыми на столбиках держатся крыши. Сразу за базаром дорога резко поворачивает налево, в сторону Майкопа. По ней следует пройти еще километра два. По обеим сторонам дороги насажен высокий пирамидальный тополь, потом будет небольшой разрыв домов и насаждений, а впереди метрах в пятидесяти покажется кирпичное здание школы, двор которой с четырех сторон тоже обсажен тополями. Вот этот последний дом с левой стороны, от которого начинается разрыв и впереди виднеется школа, и есть дом Ивана Яковлевича Мелешко.

Привычка разведчика помогла мне безошибочно отыскать его безо всякой помощи. Захожу во двор. Стучусь в дверь. Было уже часа три ночи. Начинался воскресный день. В хате кто-то затопал, приоткрыл дверь на веранду.

— Кто там? — спросил молодой женский голос.

«Значит, Груня», — подумал я.

— Откройте, не бойтесь, свои!

К дверному стеклу припало женское лицо.

— Мама! Ваня приехал! — что есть мочи закричала женщина.

— Ох, соколик мой родименький, прилетел ненаглядный, — послышался другой женский голос.

Загремели многочисленные засовы дверей.

— Нет, Груня! Не Ваня, но от него. Это он прислал меня сюда, вместе в госпитале в Богородске... — скороговоркой объяснял я.

Груня раскрыла дверь и стояла передо мной в одной ночной рубашке. Она не верила моим словам. Ей очень хотелось, чтобы это был Ваня. Выскочила и мать Ивана Яковлевича — Февронья Ивановна, не разглядела спросонья, не поняла, кинулась прямо мне на шею.

— Сыночек мой, соколик мой ясный, прилетел, голубочек мой ненаглядный, в родное гнездышко! — причитала она, осыпая горячими поцелуями и обливая солеными слезами.

Я чувствовал себя неловко. Только потом прояснилось, что во всем виновата была моя белая кубанка. В ней последнее время ходил я в партизанах и прилетел на Большую землю, не сдал ее вместе с вещами, а с планшетом и пистолетом хранил у себя в тумбочке. В этой же кубанке сфотографировался в госпитале Иван Яковлевич и послал домой фотокарточку. Вот она и наделала столько переполоху.

Но все стало на свое место. Я вручил письмо, рассказал о житье-бытье Ивана Яковлевича, передал приветы и скромные подарки, пересланные семье моим добрым другом.

Документы я оформил на второй день, определился на работу в колхоз «Красный пахарь». Жить остался в семье Мелешко. Вначале меня назначили учетчиком тракторной бригады МТС, которая обслуживала колхоз, а потом поручили новый участок. Я занимался добычей и доставкой запасных частей к тракторам и сельхозмашинам. В поисках запчастей исколесил весь юг. Побывал в Тбилиси, Ереване, Баку, Махачкале, Грозном, Кизляре, Дербенте, Нальчике, Сочи, Туапсе, Новороссийске, Краснодаре, Кропоткине, Ростове, Воронеже, Сальске, Сталинграде, Мучкапе и многих других городах.

Запчасти больше всего не покупали и не получали со складов, а добывали из разбитой, валяющейся по обочинам дорог и на полях сражений техники. Например, на Керченском полуострове я оказался через несколько дней после освобождения его от фашистов нашими войсками. Навывинчиваешь дефицитных частей, подшипников, шестерен, в военных походных мастерских у солдат навыпрашиваешь баббита, припоя, самокальной стали, резцов, метчиков, сверл и других железяк, нагрузишь чемоданы, да так, что своей силенкой и с места сдвинуть их не можешь. Просишь военнoслужаших помочь перенести, погрузить. Кто же не поможет своему брату, инвалиду войны, который старается не для себя, а для колхоза, чтобы землю пахать, хлеб растить!..

Так и мотался я по белу свету, старался изо всех сил оправдать доверие правления колхоза, обеспечить технику необходимыми деталями, инструментами.

Как ездить приходилось? В лучшем случае в теплушке с солдатами, а больше всего на подножке,

на тендере, на крыше. И это с таким грузом и моим здоровьем.

Но руководители колхоза и МТС были довольны моей работой. Это я чувствовал по всему — по отношению ко мне, по заботе о моей жизни...

Я всегда с глубочайшим чувством благодарности вспоминаю добрую семью Ивана Яковлевича Мелешко, его мать Февронью Ивановну, жену Груню и сына Васю, которые заменили мне в те трудные времена отчий дом, старались сделать все, чтобы я чувствовал себя нормально. Я всегда с благодарностью вспоминаю моих добрых друзей — жителей станицы Ханской, которые приютили меня, окружили заботой и старались заменить мне далекую многострадальную родную Белоруссию. Никогда я не чувствовал себя там чужим.

Вторые похороны

Июнь 1944 года. Советские войска прорвали немецкую оборону и могучей лавиной двинулись на Минск, охватывая одновременно железными клещами Витебск. В первый же день наступления они освободили мою родную Ивановку и продвинулись дальше в сторону Сенно. Ивановку освободили без боя. Немцы не дождались прихода сюда советских войск, снялись — и пустились убежать. Старики и старухи, дети и женщины с хлебом-солью встречали своих освободителей, радовались окончанию неволи. Железной поступью наши войска неумолимо продвигались вперед. Уже освободили Сенно, Бешенковичи, Лепель и другие районные центры. Ивановка осталась в глубоком тылу.

Только в стороне Витебска все еще не смолкала канонада. Фашисты, зажатые в окружении, упорно сопротивлялись. Но жители Ивановки не обращали внимания на эту канонаду, ликовали. Они взялись за работу, вытаскивали из хранилищ свои пожитки, приступали к восстановлению колхоза и его разрушенного и разграбленного хозяйства.

В этот день я приехал из Ханской в Майкоп по делам. Выхожу на привокзальную площадь. Около столба, на котором укреплен громкоговоритель, собрался народ. Все ждали передачи сводки Совинформбюро. Я влился в толпу и тоже стал ожидать. Левитан громовым голосом сообщил о прорыве нашими войсками немецкой обороны с севера и юга Витебска и Орши, об успешном продвижении на запад. Затем стал перечислять населенные пункты, освобожденные от немецкой оккупации.

Стою, вслушиваюсь, ловлю каждое слово. Замосточье, Скрыдлево, Рямшино... О, какие знакомые и родные места! Ивановку не назвал, но в том, что она уже освобождена, у меня не оставалось никаких сомнений. Она скрывается в лесу между Скрыдлевым и Рямшином. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Радость охватила меня.

Я, ничего не соображая, не видя и не чувствуя, качался вместе с ликующей толпой, как на морских волнах. Невольно из глубины души вырвалось громкое «ура!», заглушившее слова Левитана. Все обернулись ко мне. Что-то спрашивали, говорили. Я что-то отвечал. Меня подхватили на руки и начали качать. Как перышко перелетал я с рук на руки этой ликующей толпы, бурно выражавшей свою радость.

Освободившись от поздравляющих и обнимающих меня жителей Майкопа, помчался на почту, написал и отправил письмо родителям в далекую Белоруссию. После этого каждый день писал и каждый день ждал от них ответа. Но его не было...

А в районе Витебска события развивались таким образом. На третий день после освобождения нашей местности от оккупантов на бедную Ивановку снова свалилась страшная беда. Часть немецких войск, окруженных в Витебске, прорвалась и ринулась на запад, в сторону Сенно. Немцы, оставив всю свою технику, лавиной шли через леса и болота.

В послеобеденное время через Ивановку ехал на лошадях небольшой обоз наших войск. Солдаты и жители увидели — из лесу высыпали гитлеровцы и, как саранча, двинулись на деревню. До двадцати советских воинов залегли и открыли огонь. К ним присоединились подростки и старики, взявшие в руки оружие. Но силы были слишком неравные. Немцы смяли наспех устроенную оборону, стерли с лица земли Ивановку. Убивали всех, кто попадал на глаза. Не щадили женщин, стариков и даже грудных детей.

Третий раз за войну Ивановка была сожжена дотла. Остались от всей деревни два домика. Мать с сестрой Надей и двумя братишками Гришей и Васей спрятались во ржи, в земляночке, выкопанной на всякий случай. Отец не успел добежать до ржи вовремя и, чтобы не выдать место укрытия семьи, заскочил в погреб. Фашист подбежал, из автомата дал очередь в темную яму погреба, но пули пощадили старика, врезались в стену намного выше головы отца. Фашист поджег соломенную крышу

погребя. Задыхаясь в дыму, отец сидел, прижавшись к стене. Но стали рушиться перекрытия. Дальше сидеть нельзя, да и терять было уже нечего. Мой отец сквозь огонь выскочил на поверхность, только здорового обжег себе лицо и руки.

Налетели наши самолеты, прочесали леса и болота, перебили фашистскую нечисть. Оставшиеся в живых гитлеровцы сдались в плен.

Свободно вздохнула Ивановка. Похоронили погибших, прибрали раненых и снова взялись за хозяйство. Вырастали землянки, на полях собирали первый после боев урожай. Приятно запахло на покосах сено, хотя скота в деревне почти не было. Единственное, что досталось от войны в наследство односельчанам,— это две раненые кобылы. Но жизнь остается жизнью. Живой человек думает про живое. Убирали хлеба, готовили семена, пахали землю на себе и на этих двух кобыленках.

Начали возвращаться домой партизаны. Вернулся в наше село и Мирон Толкачев. Собралась вся деревня, обступили Мирона. Каждый спешил узнать, не видел и не знает ли что о сыне, отце, брате. Подошел и мой отец.

— Что сказать-то тебе, Леон Дмитриевич? — начал Мирон.— Николая-то может и дождешься. А уж Петра-то не жди. Я его сам собственными руками похоронил. Убит в бою с немцами. Завернул его в свою плащ-палатку, закрыл глаза и закопал на горке под березкой недалеко от озера Палик. Храбрый малый был и погиб геройски.

Не знаю, для чего он это сказал. После ухода из Ивановки его я ни разу не видел. Я воевал в бригаде «Алексея», а он был в бригаде П. И. Кириллова. Брат мой, Николай, был вместе с Мироном в партизанах. В одном из боев его тяжело ранило, и перед самым соединением с советскими войсками он попал в плен. Николая вывезли в Германию. Освободили наши войска. Затем служил в Советской Армии. Мне же с Мироном не приходилось встречаться.

В общем, он наговорил обо мне столько, привел такие подробности моей гибели, что земляки поверили. Собралась вся деревня, принесли кое-какую закуску, расселись на траве и еще раз помянули мою душу. Мирон сидел в центре компании, как человек, не пожалевший своей плащ-палатки и похоронивший своего односельчанина по-человечески. Он рассказывал всякие небылицы о моей смерти, хотя ничего не знал и не мог знать обо мне.

На этот раз, на вторых «похоронах», меньше плакали, а больше радовались. Плакать было нечего. Ведь меня уже раньше похоронили, и к этой мысли все привыкли. А радость была обоснованной. Раньше меня хоронили как расстрелянного партизанами, а сейчас — как защитника Родины. Если раньше родители стыдились моей смерти, то теперь они гордились мной и с достоинством смело говорили, что я погиб, защищая Родину.

Утрата близкого человека очень тяжела, но еще тяжелее позор измены Родине.

Так вот, меня еще раз похоронили, погоревали и начали снова понемножку забывать. Нельзя же все время думать о мертвых.

Здравствуй, мама моя!..

А я в это время все писал и писал письма домой. Писал родным, близким, знакомым, просил сообщить о судьбе моих родителей. Но ответа никакого. В конце августа написал несколько писем в Мошканский сельский Совет.

И вот однажды женщина-почтальон пришла на поле, где работали колхозники, в том числе и мой отец, мать и сестра. Она сообщила, что Лебедевых Леона и Марию через сельский Совет разыскивает их сын, будто бы Петр. Все приняли это за шутку или ошибку, которых тогда встречалось полным-полно. Кто-то из односельчан тяжело вздохнул и грустно заявил:

— Дай бог получить весточку от живых, а от мертвых нам не надо — их очень много зарыто в земле.

Я же все ждал письма или сообщения. Но так ничего и не дождался. Засобирался ехать домой. В таком деле только бы начать, потом трудно остановиться. День кажется годом. Дату отъезда стал переносить и переносить поближе. И вот в середине сентября собрал свои пожитки, купил четыре буханки кукурузного хлеба и отправился в путь. За четыре дня доехал пассажирским поездом до Смоленска, а оттуда то на товарняке, то на паровозе, то на грузовой машине. К утру добрался до Витебска. Сразу же бросился к домику за Полоцким рынком, где жил «Дядя Жора» — «Второй». Ничего не осталось от домика — все стерто с лица земли. Да и вблизи одни пепелища.

Взвалил свои вещи на плечи и пошагал по знакомой дороге в Ивановку. Тяжело идти. Ноша подходящая, а силенок-то не очень много. Наконец осталось километров десять. Догнали меня девчата

из соседней деревни, разговорились, рассказали, что мои родители живы. Помогли нести вещи. Прошли ивановский лес. Больше у меня нет сил. Вот уж и Ивановка, а идти не могу, не только от усталости, но и от радости — ведь рядом мой родной дом.

— Нет, девочки, я дальше не могу, посижу немножко. Идите. До свидания.

Они пошли. Я остался со своими мыслями. За горкой моя деревня. А это наши кусты. Знаю их наперечет. Под каждым из них был: то ли собирал ягоды, то ли грибы, то ли прятал оружие, то ли укрывался сам от чужих глаз, когда ходил на задания.

Посидел с полчаса, поднялся и пошагал в деревню, до которой осталось не больше километра, только перевалить через взгорок — и Ивановка как на ладони. Поднялся на горку и ахнул. Деревни не было. Стояли шалаши, а кое-где вырыты землянки. Только на улицу почему-то высыпали люди и бежали в мою сторону. Оказывается, девчата зашли в деревню и сообщили, что домой идет Петька Лебедев. Эта весть молнией облетела все землянки и шалаши. И кто только мог двигаться, выскочили на улицу. Это же чудо — человек, который дважды похоронен и помянут в деревне, идет живой.

Впереди — мальчишки и девчата, сбившись гурьбой, бегут навстречу мне, сзади — женщины, старики и старухи.

Среди них и мать моя. Бежит. Падает. Встает, бежит и снова падает. Я тоже изо всех сил бегу навстречу ей. Метров десять разделяют нас. Она распростерла руки, чтобы обнять меня. Но не добежала метра три — подкосились ноги. Рухнула на землю и забилась в рыданиях.

Бедная мама! Сколько бессонных ночей ты провела, думая обо мне! Сколько горя причинил я тебе! Сколько слез пролила из-за меня! Наверное, не раз в душе ты ругала меня. Но я ни в чем не виноват перед тобой. Я вернулся в Ивановку с чистой душой и израненным телом.

Бросился, чтобы поддержать ее, но не успел. Рядом с ней упал и я на землю. Целую мать. Целую землю. Мать обняла меня. Плачет и тоже целует. Нас обступили односельчане, трогают — не привидение ли это? Но нет. Живой человек, живой Петька.

Прибежал и мой грозный, строгий, но честный и добрый отец. До него позже долетела весть о возвращении погибшего непутевого сына. Он где-то косил сено. Прибежал, поднял нас с мамой... Всей собравшейся семьей в обнимку с матерью и отцом, с сестрой и братишками, в окружении односельчан мы пошли по тому месту, которое раньше называлось деревней Ивановкой.

Счастливы были мы, счастливы были и все деревенские жители. Каждый думал, что и их сын, брат, муж или отец может вот так же неожиданно явиться домой. Ведь пришел же Леонов сын после двух достоверных похорон, притом похорон со свидетелями из нашей деревни.

Мирона Толкачева в это время в Ивановке не было. Он служил в армии. После демобилизации я встретил его и спросил, зачем наврал он тогда в деревне о моей гибели и похоронах. Мирон заверил, что парня, в точности похожего на меня, он действительно похоронил и считал, что это был я. Ну что ж, пусть будет так...

Поиски и находки

Давно мои боевые друзья настоятельно просили написать воспоминания, рассказать о славных партизанах-алексеевцах и их боевых делах.

В 1970 году в издательстве «Беларусь» вышла моя первая книга «Суровая юность». В ней я описал в основном только то, как сам воевал, будучи сначала разведчиком бригады «Алексея», а затем и ее партизаном. После выхода «Суровой юности» работу по воссозданию истории боевого пути нашей бригады имени А. Ф. Данукалова не прекратил, да и не мог прекратить из-за моих друзей и любознательных читателей. Продолжал поиски, находил ответы на многочисленные вопросы. Написал вторую книгу — «Мы — алексеевцы», изданную в 1975 году.

Десятки раз перевернул записки военных лет, не раз днями просиживал в архивах, кропотливо копался в запыленных бумагах, встречался с боевыми друзьями-алексеевцами: рядовыми бойцами, командирами и политработниками, написал сотни писем и получил на них более двух тысяч ответов. Многие вопросы стали проясняться. Найденные в архивах и присланные бывшими партизанами документы, рассказы очевидцев и участников событий и, наконец, попавшие в руки дневники бригады, получить которые помог наш добрый боевой друг Геннадий Пуков, помогли мне восстановить многие эпизоды боевой жизни алексеевцев.

Во время отпусков и в другое удобное время мне удалось побывать в деревнях и городах Витебской и Смоленской областей, в Москве, Армении, Грузии, в станице Ханской Краснодарского края и многих других местах, встретиться с боевыми друзьями, разыскать родственников погибших

партизан-алексеевцев, найти документы и фотографии.

Не раз побывал в Ивановке, на Наумовом хуторе, в Борку, на хуторе Горелое Лядо. Много раз стоял возле дуба, где когда-то был партизанский «почтовый ящик». Ни разу этого места я не обходил и не объезжал, когда бывал на земле витебской. Этот дуб прирос к моему сердцу так же прочно, как он прирос своими корнями к земле. Кстати, на дубе установлена бронзовая мемориальная доска, отчеканенная умельцами Ольговской восьмилетней школы. На ней изображена фигура партизана и золотом сверкает надпись: «Лесная почта партизанской бригады «Алексея». 1942—1944 гг.». Дуб обнесли оградой. Лесник обхода комсомолец Александр Кобуров и мой односельчанин объездчик Иван Эрнестович Поге, как святыню, охраняют его.

Сохранилась и яма в бору, откуда мы с Колей Городецким в 1941 году унесли три ящика винтовок и одиннадцать ящиков патронов. Около ямы еще и сейчас валяются металлические детали и остатки противогазных коробок. Сохранились и два солдатских окопа возле большака, откуда мы испытывали ручной пулемет по немецкой автомашине. Через третий лесорубы проложили дорогу на лесосеку, и от окопа ничего не осталось.

2 июля 1967 года я был в городе Лиозно на встрече партизан-алексеевцев, посвященной празднованию 25-летия создания партизанской бригады имени А. Ф. Данукалова.

Эта встреча для меня была двойным праздником. В тот день исполнилось двадцать пять лет с памятного вечера, когда на Наумовом хуторе стоял я на колене перед комбригом Алексеем Федоровичем Данукаловым и принимал партизанскую присягу.

Трудно передать на бумаге чувства, охватившие тогда меня, как и всех других бывших партизан-алексеевцев, съехавшихся сюда из всех уголков страны. Сколько волнующих встреч, объятий, поцелуев было в этот день, сколько воспоминаний, радости за живых и печали за павших боевых друзей!

Когда на митинге мне предоставили слово, с трудом взошел на трибуну. К горлу подкатил какой-то комок и сдал его так, что еле проговорил с десяток слов. Больше не мог. Вручил Лиозненскому району — родине прославленной партизанской бригады «Алексея» — щепотку земли Брестской крепости-героя и сошел с трибуны.

Здесь встретился со многими боевыми друзьями, в том числе и с Тихоном Михайловичем Шинкоренко.

Когда после выступления направился на свое место в президиуме, первым, кого увидел, был Тихон Михайлович. Он пробирался ближе к трибуне и показывал жестами, чтобы после окончания торжественной части я подошел к нему. Только успели закрыть митинг, как я кинулся со сцены и попал в объятия сразу двух человек — Тихона Михайловича Шинкоренко и Петра Михайловича Антипова, бывшего командира 1-го батальона нашей бригады.

Жена Антипова, Вера Петровна, тоже была партизанкой. Это она в блокаду в мае 1943 года вместе с двадцатью двумя ранеными партизанами осталась в лесу во временном госпитале. Вера Петровна тогда была ранена в обе ноги. Два месяца ползала она от землянки к землянке и перевязывала раны бойцам.

В Лиозно впервые после войны встретил комиссара бригады И. И. Старовойтова, командиров отрядов М. П. Ахмедчика, Г. Г. Огиенко, Н. Д. Семенова, Д. М. Коркина, П. А. Казакова, командиров рот А. П. Зайцева, А. Г. Малаховского, начальника штаба 17-го отряда В. М. Маршалкова, который при отправке меня за фронт отдал свою запасную пару белья и последние два сухаря, помощника командира 1-го батальона М. Г. Анощенко и многих других боевых друзей суровых лет Великой Отечественной войны.

Из Лиозно поехал в Витебск. Три дня с восхода солнца и до поздней ночи ходил по улицам и закоулкам. Раньше город знал настолько, что с завязанными глазами мог найти любой дом, а теперь он так изменился, отстроился, что трудно узнать. Прежде чем выйти в нужное место, надо хорошенько подумать.

Разыскиваю бывших подпольщиков, с которыми свела судьба в период войны. Ох как сложен этот поиск! Как трудно сейчас их разыскать! Тогда было проще. Я отлично знал город, знал адреса, явки, пароли. А сейчас ничего не знаю.

Первым нашел врача Черткова. Узнал, что он работает на санэпидстанции Витебского железнодорожного узла. Прихожу туда с младшим братом Григорием. Черткова нет. Говорят, ушел в город по делам. Ждем в полутемном коридоре. Наконец открывается наружная дверь, в просвете знакомая фигура.

— Здравствуйте, доктор Чертков,— протягивая руку взволнованно говорю я.

— Здравствуйте. Что вы хотите? — спрашивает он.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Пойдемте в кабинет.

Входим, садимся. Я смотрю на него, он на меня. Доктор почти не изменился. Те же мохнатые брови, чистые умные глаза. Только на голове уменьшилось волос, да и те поседели.

Ему трудно узнать во мне, сорокалетием мужчине, семнадцатилетнего подростка военных лет. Напоминаю ему о событиях в городской больнице в 1943 году, о наших переговорах, пароле, медикаментах, отправленных партизанам. Лицо его светлеет, озаряется улыбкой, из глаз катятся слезы, бегут по щекам и капают на стол.

Да. Сейчас он вспоминает. Но разве думал, что через столько лет снова придется встретиться! Жизнь у Черткова сложилась нелегко. Он был отличным хирургом, а в послевоенное время работал врачом-эпидемиологом железнодорожной санитарно-эпидемиологической станции. В этом, возможно, повинен и я. Не разыскал ведь его после войны, поверил рассказам, что Нестор Иванович расстрелян немцами.

Н. И. Чертков со своей группой не только снабжал партизан медикаментами и инструментами, но и спас жизнь многим партизанам, подпольщикам и воинам, попавшим после ранения в больницу. Так, среди спасенных им был тяжелораненый начальник штаба 29-го стрелкового корпуса 22-й армии полковник Павел Никонович Тищенко. Чертков перехитрил немцев. Снабдил Тищенко документами и переправил его к партизанам.

Кроме того, подпольная группа витебских медработников вылечила и отправила в партизаны попавших в плен летчика Александра Георгиевича Шатарашвили, рядовых и сержантов Алексея Николаевича Куклина, Михаила Михайловича Морозова, Виктора Сергеевича Монова и многих других советских воинов.

В подпольной группе Черткова работали многие. Врач Мария Брониславовна Мурашко. Я ее отлично помню. Женщина среднего роста, с глазами монгольского типа. Хирургическая сестра Екатерина Семеновна Караго — та самая старушка, которая жила во дворе больницы в клетушке, отгороженной от морга. Старшая сестра Нина Михайловна Будникова. Медсестра Мария Ивановна Касаткина. Военнопленный Николай Волочик, который лежал вместе со мной, а после выздоровления работал парикмахером при больнице.

У Нестора Ивановича сохранилась круглая печать, которую он тогда ставил на документы.

О Марии Брониславовне Мурашко следует рассказать подробнее.

В первые дни войны Мария Брониславовна проводила в армию мужа майора медицинской службы Василия Антоновича Мурашко. Сама осталась с двумя малолетними детьми: Вадимом и Элеонорой. Фронт быстро приближался к Витебску. Эвакуировались фабрики, заводы, учреждения. Эшелон за эшелонам отправлялся в тыл страны. Везли станки, оборудование, запасы сырья и продовольствия, ехали женщины и дети... Но все эвакуироваться, безусловно, не могли и не успели. Многие остались на оккупированной территории. Осталась здесь и Мурашко.

Как быть дальше? Что делать? Фашисты топчут нашу землю. Вокруг царит произвол и беззаконие. Мало того что немцы повсюду грабят, убивают, насилуют, так еще повыползали из своих нор различные уголовные элементы, убийцы, воры и предатели. На каждом шагу подстерегает опасность. Изменники шныряют во всех закоулках, выискивают коммунистов и активистов.

Мария Брониславовна целую неделю сидела дома с детьми, никуда не выходила. Но кончаются продукты. Чем кормить детей? Она решила пойти посоветоваться к своему однофамильцу, другу семьи, бывшему заведующему кафедрой судебной экспертизы мединститута Михаилу Леонтьевичу Мурашко. Он тоже не успел эвакуироваться, остался с семьей в Витебске. По пути Мария Брониславовна невольно услышала разговор двух немецких солдат, который до глубины души покоробил ее.

— Ты зачем, Ганс, ходишь по цветникам. Можно же обойти их,— обратился сухопарый немец ко второму, только что прошагавшему прямо через клумбу.

— Победителей не судят,— высокомерно отозвался тот.— Я солдат непобедимой армии фюрера. Мои кош достойны того, чтобы ходить по цветам, а не по булыжнику. Мы заставим этих русских свиней устилать цветами все дороги, где будет проходить солдат Гитлера.

«Боже мой, какие хамы! — подумала Мария Брониславовна.— Какое высокомерие у этого фашистского ублюдка». Она знала немецкий язык и отлично разговаривала. «Как бы вам самим не пришлось устилать наши дороги своими трупами»,— шепнула сама себе Мурашко.

Михаил Леонтьевич встретил ее у калитки.

— Вот хорошо, что ты пришла. А я уже не раз вспоминал о тебе. Хотел послать за тобой человека.

— А что такое? — взволнованно спросила Мария Брониславовна.
— Надо братья за работу. До каких пор будешь сидеть сложа руки? Я уже второй день работаю.
— Где вы работаете? — насторожилась Мурашко.
— Заведующим городским отделом здравоохранения.
— У немцев?!

— Да, у немцев. А что же делать? Другого выхода нет.
— Никогда бы не подумала, что вы, Михаил Леонтьевич, перейдете на службу к врагу.
— Ты не горячись, Марийка. Не шуми. Можно потише разговаривать. Зайдем в квартиру.
— Не пойду! — категорически заявила Мурашко, хотела повернуться и уйти.
— Нет, пойдешь! — схватил он за руку свою собеседницу и почти силой втолкнул во двор.
— Ты на меня не шипи, я не враг и не предатель, — начал он, как только захлопнулась дверь квартиры. — Рассуди хорошенько сама, без горячности. Что высидишь ты, если не пойдешь на работу? Думаю, что, работая, все-таки можно быстрее придумать, как помочь Родине, чем сидя на печи. Тем более мы же будем лечить не фашистов, а своих людей. Конечно, придется лечить и разных предателей и изменников Родины. Но мы же их и раньше лечили. Разница лишь в том, что тогда не знали, что они сволочи. Кроме того, наверное же, и жить как-то надо, детей кормить. Или у тебя там продовольственный склад под полом квартиры? Нужно идти работать, Мария Брониславовна, работать и бороться, — утвердительно, чуть ли не приказным тоном закончил он.

— Работать... Работать у фашистов!.. Боже мой! — схватилась за голову Мария Брониславовна.

— Обдумай все хорошенько и приходи ко мне через два-три дня, — подавая на прощанье руку, сказал Мурашко.

Вскоре Мария Брониславовна с направлением городского отдела здравоохранения пришла на улицу Лобазную в первую городскую больницу. Главврач Нестор Иванович Чертков определил ее дежурным врачом больницы.

Начался новый период труда и борьбы советских патриотов, полный опасностей и неожиданностей. Лечение раненых советских солдат и командиров, организация их побега, оформление документов, добыча гражданской одежды, сбор и отправка партизанам медикаментов с головой захватили Марию Брониславовну. Теперь она поняла, что прав был Михаил Леонтьевич Мурашко, заставляя ее идти на работу. Она гордилась, что нашла свое место в миллионном строю борцов против черных сил фашизма.

В ноябре 1943 года Мария Брониславовна при бомбежке города была тяжело ранена. 9 декабря она умерла от газовой гангрены.

После гибели Марии Брониславовны Нестор Иванович Чертков отправил ее детей Вадима и Элеонору в Борисов, к родственникам Мурашко.

Затем я встретился с Неонилей Емельяновной Олынанко — женой Петра Даниловича Богдановского. Она работала тогда медсестрой травматологического отделения Витебской областной больницы. Неонила Емельяновна рассказала, что ее муж родился в 1917 году, перед войной работал электромонтажником в Витебской дистанции связи. Во время войны по улице Замковой открыл часовую мастерскую и работал там мастером. В августе 1943 года немцы его арестовали прямо на работе. Арестовали и Неонилу Емельяновну. Петра Даниловича расстреляли в ноябре 1943 года в Орше.

О подпольной работе мужа она ничего не знала и не подозревала. Друзей Петра она тоже не знала. О «Сапожнике» ничего не слышала. Правда, однажды муж принес ей новые сапоги и сказал, что их сшил какой-то знакомый сапожник.

Незадолго до ареста мужа к Богдановским заходил молодой человек. Петр Данилович долго шептался с ним, а после его ухода сказал, что это — друг. Потом, после ареста мужа, «друг» участвовал в аресте Неонилы Емельяновны. Это был немецкий лазутчик из группы «ловцов партизан». Он пробрался в подпольную группу Богдановского, и многие патриоты были арестованы. Как говорил «Дядя Жора» — «Второй»: «В механизм попал песок. Нам отрубили одно крыло». Значит, часть организации была раскрыта немецким провокатором и арестована фашистами в августе 1943 года.

Богдановский и члены его группы мужественно перенесли пытки, не выдали своих друзей. Ведь они знали «Сапожника», меня, группу Черткова. Но «Сапожник» тогда не был арестован. Он дождался меня, предупредил об опасности и перешел в надежное место, чтобы продолжать работу, как сказал «Дядя Жора».

Но кто такой «Сапожник»?

Я пытался разыскать в этом районе города хотя бы кого-нибудь, кто знал этого человека. Мне посоветовали обратиться к Поляровым, которые в то время жили по Ново-Островенской улице. Они как будто жили и в войну в этом районе. Нашел Екатерину Андреевну Полярову. Ей было тогда семьдесят два года.

Да, она помнит того сапожника. Он однажды даже помогал садить или окучивать картошку. Появился этот человек на Лучесе в начале оккупации и поселился в пустующем цыганском домике. Жил один, без семьи, сапожничал. Человек он был тихий, незаметный, ни с кем из соседей дружбы не водил. Появился и исчез незаметно, даже трудно сказать когда. Как его звали, не помнит, может, и не знала. Это же подтвердила и Ирина Константиновна Полярова. Она немного моложе Екатерины Андреевны, но тоже ничего больше не смогла добавить.

Долго ходил я за Полоцким рынком и один, и вместе с Николаем Владимировичем и Ниной Ивановной Дорофееенко. Хотелось что-нибудь узнать о «Дяде Жоре» — «Втором». Но все безрезультатно. Нам далее не удалось найти ни одного человека, который бы жил во время войны в этом районе.

Нина Ивановна Дорофееенко занимается изучением витебского подполья давно и, надо сказать, плодотворно. Она показала мне одну фотокарточку. На ней стоят два человека. Одного я сразу узнал. Это тот самый Иван Григорьевич, у которого я был в 1941 году по поручению «Мишки-парашютиста», чтобы передать привет от «племянника». Он стоит в гимнастерке, та же клиновидная бородка и интеллигентное лицо. А кто он на самом деле, трудно сказать. Второй на фотографии — бывший руководитель подпольной группы на торфопредприятии «Городнянский мох» Антон Никитич Козлов, арестованный и расстрелянный немцами в 1943 году.

В соавторстве с Н. И. Пахомовым и Н. В. Дорофееенко в 1969 году Нина Ивановна издала хорошую книгу «Витебское подполье». В 1974 году вышло ее второе издание.

Следует добавить, что Нина Ивановна Дорофееенко была партизанкой нашей бригады, потом в бою фашисты ее ранили. Партизаны отправили Нину за линию фронта через «Суралские Борота».

После лиозненской встречи мне удалось разыскать многих партизан-алексеевцев и витебских подпольщиков. Они помогли вспомнить некоторые события военных лет. Помогла мне также и вторая встреча в Лиозно — в июле 1972 года, когда отмечали тридцатилетие создания бригады «Алексея».

Немало партизан-алексеевцев живет и работает в Витебске. Это — бывшие разведчицы Полина Лютенко и Фекла Рогачева, боец Владимир Гавриленко, медсестра Валентина Рылсикова, комиссар отряда «Моряк» Николай Шерстнев, бригадный поэт Дмитрий Махлаев, подрывник Феликс Крыжевич, пулеметчица Люба Глебко, юный партизан Иван Шебеко и пионер Борис Мироненко, бесстрашный командир роты разведки Михаил Григорьев и его боевая подруга Валентина Кравченко, руководитель Мошканской подпольной комсомольской организации Анатолий Нахаев, сосновский подпольщик Василий Яковлев. В Ольгове под Витебском живут сосновские подпольщицы Серафима Сапежко и Александра Александровна Шипуло, ее сын Игорь живет в Витебске, а Александр Фомич умер в 1974 году. В Сосновке живут Ирина Григорьевна Томашева, Аркадий Макеенко и Аркадий Голиков. На БелГРЭСе трудятся Аня Антоненко и ее муж бывший командир отряда Иван Казанцев. Первым секретарем Витебского обкома партии работает бывший помощник комиссара отряда «Моряк» по комсомолу Сергей Михайлович Шабашов, заместителем председателя облисполкома — помощник комиссара бригады по комсомолу Иосиф Владимирович Менжинский.

Директором Брестского областного Дома юных техников является Георгий Милошевский. Бесстрашная подрывница «Оксана» (Лидия Ивановна Шумская) из отряда «Моряк» долго работала председателем Брестского обкома профсоюза работников культуры; в 1976 году она умерла.

Много алексеевцев живет в Минске. Большинство из них работают или работали на тракторном заводе, в том числе Петр Михайлович и Вера Петровна Антиповы, Дмитрий Матвеевич Коркин, Алексей Николаевич Кудрявцев, Иван Александрович Блохин, Александр Иосифович и Григорий Иосифович Симаковы и многие другие. Иван Исакович Старовойтов, Василий Александрович Блохин, Павел Александрович Казаков, Николай Дмитриевич Семенов — пенсионеры. Бывший храбрый пулеметчик Дмитрий Иванович Барашкин стал известным в стране сталеваром, работал на Минском автозаводе. Ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, он почетный гражданин города-героя Минска. А Геннадий Васильевич Пуков — начальник Минского областного управления внутренних дел. От комиссара партизанского отряда он дошел до генерала — комиссара милиции. В столице Белоруссии трудятся также Иван Павлович Мамонькин, Анатолий Гаврилович Захаренко, Захар Семенович Пименов.

Иван Александрович Белогуб является председателем Гомельского областного комитета

народного контроля, жена его — наша партизанка Елена Лазаревна Смольская — учительница. Николай Алексеевич Горовой — майор, долго служил в милиции Гомеля, сейчас пенсионер, а мой добрый боевой друг побратим Петр Иванович Королев — полковник, был начальником музея Брестской крепости-героя, а сейчас начальник политотдела Гомельского облвоенкомата.

В Минске жила жена Алексея Федоровича Данукалова — Ольга Ивановна Симонова. Она была журналистом, работала в редакции газеты «Советская Белоруссия»; в 1976 году умерла. В конце 1942 года Ольга Ивановна пришла в тыл врага специальным корреспондентом газеты «Віцебскі рабочы». Она воевала в бригаде до соединения с войсками Красной Армии. 27 апреля 1944 года в Великих Дольцах была очевидцем гибели комбрига. Она сохранила дневники Алексея Федоровича и многие документы бригады, вынесла их из блокады и бережно хранила у себя.

Ольга Ивановна успешно занималась литературной работой. После войны написала и опубликовала четыре книги для детей: «Мы будем жить», «Кухаренок», «Володькин друг» и «Комендант Михеевского леса». Она усиленно работала над книгой об алексеевцах, но коварная смерть не дала закончить этот труд. Уже после смерти Симоновой, в 1977 году, вышла ее повесть «Дорога к дому» о героической борьбе советских людей с оккупантами.

В Риге живут Вера Родионовна Мироненко и Михаил Петрович Ахмедчик, в Березе — Мария Федотовна Логинова.

Наш храбрый командир отряда «Смерть врагам» Михаил Максимович Клименков после войны был директором леспромхоза в Витебской области. Потом, после окончания в Гомеле курсов усовершенствования, его направили на работу в лесную промышленность Сибири. Сейчас он трудится в Братске.

Совершенно случайно разыскал бывшую витебскую подпольщицу, с которой встречался в 1943 году в поселке тарного комбината и на Гоголевской улице в Витебске, а затем в конце ноября в партизанской бригаде. Ока сопровождала меня при переходе в Ушачский район, помогала идти, несла мое оружие и вещмешок, а когда началась бомбежка, вытащила по болоту из-под огня фашистской авиации. Я не знал ее фамилии, имени и отчества. А разыскать эту женщину мне удалось вот как.

В январе 1967 года по телевидению шла передача, посвященная 50-летию Октября. Я вошел в комнату, когда диктор сказал, что женщина, которую видели на экране, награждена медалью «За отвагу». Взглянул на нее и почти закричал:

— Это она спасла мне жизнь в болотах!

Но никто — ни члены семьи, ни гости не запомнили ее фамилии и места работы.

Я сразу же написал письмо в телестудию республики. Кратко описал все, как было, и просил сообщить мне ее фамилию, имя, отчество и адрес. Письмо отправил. Но увы! Ответа не получил. Рад был, что она жива.

Наконец на республиканском совещании по строительству мы неожиданно встретились с ней в дверях Дворца спорта. Зовут ее Валентина Демьяновна Шелуха. Она живет в Минске и работает начальником отдела в Министерстве просвещения.

Нашлась и мать моего боевого друга Васи Ткаченкова. Анна Евдокимовна сейчас пенсионерка, живет в селе Пржевальское Демидовского района Смоленской области. Разыскал также отца и мать славного командира отряда «Мишки-моряка». Василий Наумович и Екатерина Митрофановна Наумовы живут в деревне Кошевичи Руднянского района Смоленской области.

В 1967 году встретил бывшего сосновского подпольщика, неуловимого партизанского разведчика Михаила Александровича Григорьева. В 1950 году его, корреспондента республиканской газеты «Сталинская молодежь», направили на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Он не только успешно окончил ЦКШ, но и одновременно заочное отделение философского факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова. И все это за два года. Михаил Александрович работал корреспондентом «Комсомольской правды» в Средней Азии, а сейчас — собкор «Сельской газеты» по Витебской области. Жена его, наша славная партизанка Валентина Ивановна Григорьева, работает в Витебске учительницей средней школы № 31.

Съездил и в Осинторф. Пытался разыскать старого слесаря. Пока найти не удалось. Многие старожилы одиннадцатого поселка считают, что это был Козлов, по национальности литовец. До войны в течение долгого времени был слесарем по ремонту оборудования. При немцах тоже работал, затем куда-то уехал.

А что же случилось с начальником штаба бригады Федором Ивановичем Плоскуновым, который 25 апреля 1944 года в бессознательном состоянии после тяжелой контузии попал к фашистам в плен? Ведь немцы так трубили, что он добровольно перешел на их сторону и собирается верой и правдой

служить фашистам. Партизанские позиции засыпались фашистскими листовками с портретом Плоскунова и обращением к партизанам последовать его примеру. Немецкие автомашины с громкоговорителями подъезжали близко к линии обороны бригады, и из них сыпались призывы быть благоразумными и сдаться в плен, как Плоскунов, который понял бессмысленность сопротивления.

Враг был коварен, подл и жесток. Он не гнушался никакими подлейшими приемами, подделками и фальсификациями.

Как недавно удалось установить по документам, рассказам очевидцев и письмам бывших руководителей Минского партизанского соединения — комбрига Федора Кирилловича Юрченко (Ветрова) и комиссара Василия Михайловича Бочарова, попавших в плен к фашистам в 1944 году и оказавшихся в застенках вместе с Федором Ивановичем Плоскуновым, враг оклеветал нашего начальника штаба. Вместе с этими товарищами ему пришлось пронести страшную ношу фашистских издевательств — от минского СД до концлагеря «Пелиц», быть участником подполья. Плоскунов не раз рассказывал им подробности пленения, об издевательствах над ним, о попытках фашистов склонить его к измене Родине.

Когда Федор Иванович после контузии пришел в себя, он никак не мог поверить своим глазам, что вокруг него фашисты. Посчитал это кошмарным сном и старался разбудить себя. Но это была явь, жестокая и беспощадная...

— Это не сон. Вы находитесь в Лепеле в руках командования доблестных войск фюрера, — переводил плюгавенький человек слова самодовольного эсэсовского офицера, который уселся на стол, поставил лакированный сапог на табуретку и оперся рукой на деревянную трость. — Мы люди гуманные, хотим сохранить вам жизнь. Вы так много воевали.

— Какова цена вашему гуманизму и моей жизни? — резко спросил Плоскунов.

— Не надо грубить, большевик. Это делу не поможет, а помешает, — с ехидцей говорил фашист. — Не забывайте, что вы в наших руках, а не наоборот.

— Только в этом ваше преимущество. Так говорите, чем я должен уплатить за жизнь? — четко выговаривая каждое слово, спросил Плоскунов.

— Недорого. Подпишите воззвание к партизанам, выступите по радио. И больше ничего. Мы сохраним вам жизнь. Хотите — предоставим работу.

— Я согласен подписать воззвание к партизанам и выступить по радио, если там будет призыв бить вас беспощадно...

— Нет, большевик! Подпишите вот такое обращение, — с ухмылкой проговорил фашист и положил на стол перед Федором Ивановичем сфабрикованную от его имени листовку с портретом и призывом к партизанам последовать примеру, переходить на сторону немцев.

От неожиданности у Плоскунова аж глаза перекошило. Он быстро пробежал текст фальшивки. Не успел еще дочитать листовку до конца, как офицер включил запись будто бы его выступления по фашистскому радио. Понеслась сплошная клевета...

— Подлецы! — как стон из глубины души вырвалось у Федора Ивановича.

— Вам терять нечего, господин Плоскунов. Эти листовки уже имеются у всех партизан, наверное, отправлены и в Москву, — хладнокровно и цинично говорил эсэовец. — Там вы уже изменник Родины...

— Неправда, я им никогда не был и не стану...

Удар в лицо прервал начальника штаба. Он упал на пол.

Долго еще фашисты пытались склонить на свою сторону Федора Ивановича Плоскунова, не гнушались никакими методами: уговоры и угрозы, пряник и палка, шантаж и провокации. Ничто не помогло.

Увезли в застенки минского СД. И там ничего не вышло. На руке выкололи номер 55444 и отправили по этапу в Вильнюс, потом в Кенигсберг, а дальше — концлагерь «Штутгоф», потом «Пелиц». В застенках минского СД Плоскунов оказался вместе с бывшим комбригом Федором Кирилловичем Юрченко, комиссаром отряда Василием Михайловичем Бочаровым, помощником комиссара отряда по комсомолу Николаем Рындиным и другими. Вместе переносили все тяготы, лишения и издевательства в фашистских застенках, принимали активное участие в движении Сопротивления, боролись против врага.

В марте 1945 года Плоскунова и Рындина отделили от друзей и увезли в концлагерь «Берген-Безель». Не довелось Федору Ивановичу дожить до славной Победы над фашистской Германией.

В книге «Советские люди в европейском Сопротивлении», утвержденной к печати Институтом

военной истории Министерства обороны СССР и выпущенной издательством «Наука» в 1970 году, на странице 310 ее автор Михаил Иванович Семиряго рассказывает: «Один из очагов Сопротивления находился в филиале «Штутгофа» — «Пелице». Особенно активным здесь был Г. И. Солодий, которого узники звали «Майор», или «Дядя Гриша». Еще по прибытии в «Штутгоф» он начал формировать пятерки для подготовки восстания. Его ближайшими помощниками были Алексей Григорьевич Стрелец, Федор Плоскунов, Федор Кириллович Юрченко, Василий Михайлович Бочаров и другие партизанские командиры и политработники, взятые в плен во время крупной акции гитлеровских карателей против партизан в Белоруссии летом 1944 года».

Жена Плоскунова — Ольга Михайловна, сыновья Анатолий и Алексей и дочь Тамара живут и работают в Витебске.

«Федор Иванович Плоскунов, несмотря на слабое здоровье, был участником подполья в лагере, являл пример честности, мужества, тесных товарищеских взаимоотношений, интернациональной дружбы. Все зверства, унижения и физическая расправа не сломили волю коммуниста. Можешь гордиться своим отцом, его светлым именем...» — пишет сыну Ф. И. Плоскунова Анатолию из Воркуты Василий Михайлович Бочаров.

В начале 1972 года богородская городская газета «Ленинская правда» опубликовала мой очерк «В Богородском госпитале» и фотокарточку пионеров, бывших шефов госпиталя, которую подарили они мне в 1944 году. Через несколько дней совет пионерской дружины имени Героя Советского Союза А. Ф. Данукалова из богородской средней школы № 2 сообщил мне, что юные следопыты разыскали одного из бывших шефов госпиталя Владимира Алексеевича Санкина. А вскоре и сам Санкин прислал письмо. Сейчас Владимир Алексеевич — инвалид труда, работает инструктором стрелкового тира Богородского городского комитета ДОСААФ, занимается патриотическим воспитанием молодежи, учит меткой стрельбе. Нашелся и мой юный богородский друг давно минувших лет Коля Столяренко. Сейчас он подполковник. Николай Георгиевич Столяренко служит в рядах Советских Вооруженных Сил. В конце мая 1973 года он на три дня заезжал ко мне в Березу, где я работал тогда, первым секретарем райкома партии, познакомился с семьей, побывал в колхозах, совхозах и на предприятиях. Встреча через двадцать девять лет была очень теплой и трогательной.

Как-то получил письмо из Витебска от Елены Егоровны Бруевой. Она прислала вырезку из газеты «Віцебскі рабочы», в которой рассказывалось о ней, пришедшей в грозном сорок втором на связь к подпольщикам Витебска от прославленного партизанского комбрига Миная Филипповича Шмырева и по доносу предательницы пойманной фашистами, а затем спасенной двумя мальчишками. Она просила сообщить, может быть, я что-нибудь знаю о ее спасителях.

Читал письмо и как электрическим током ударило меня. Глаза застлались туманом. Перед ними пронеслись страшные события того памятного майского вечера 1942 года, когда мы с Володей Кириленко среди трупов в яме жертв фельдкомендатуры случайно обнаружили живую женщину в бессознательном состоянии и унесли ее в темную ночь...

Письмо потрясло меня до глубины души. Столько времени прошло. Не думал я, что когда-нибудь прояснится это событие, и считал, что оно навсегда останется тайной, покрытой мраком. Вслед за письмом в апреле 1972 года приехала в Березу и сама Елена Егоровна. Через тридцать лет довелось снова встретиться. Она гостила у меня две недели.

Елена Егоровна Бруева — инвалид Отечественной войны, сейчас персональный пенсионер. Перед войной окончила Витебское медицинское училище, работала в детском саду. Вышла замуж за военного летчика Войтенко. Жили хорошо. Родился сын, а на следующий год — дочка. А год этот был сорок первый...

За несколько месяцев до войны мужа перевели служить в Азербайджан. Елена Егоровна не успела уехать к нему, осталась пока жить в Кобрине. Началась война, а вслед за ней и оккупация.

Елена с сыном Валеркой и грудной малышкой Аллой прибежала в часть, где раньше служил муж. Ее с детьми отправили в тыл. Колонна машин под вражеским огнем пробиралась на восток. Елена Егоровна перевязывала раненых. Не раз фашистские самолеты пикировали на колонну машин. При очередном налете около Минска вражеская пуля попала в голову Валерика. Ребенок умер на руках обезумевшей от горя матери. Елена с дочуркой добралась к родным в деревню Масютки Суражского района. Вскоре встретила партизанского вожака Миная Филипповича Шмырева, стала его связной. Она не раз выполняла ответственные задания народных мстителей, ходила в Витебск, Сураж и другие гарнизоны врага.

В апреле 1942 года в Витебске фашисты схватили Бруеву, куда она пришла на связь с подпольщиками.

Каждый день допросы, пытки, избиения... Но партизанка молчала. Ее повезли на Смоленский рынок, выставили для опознания. Стояла на ящике, ждала своей участи. Обрадовалась Елена Егоровна, когда подпольщице Елене Алексеевне Соколовой удалось забрать и унести маленькую дочь. «Может, хоть она доживет до победы», — думала Бруева.

После Смоленского базара, где никто не опознал Елену Егоровну, ее снова привезли в фельдкомендатуру. Снова допросы, пытки, избиения. Били беспощадно. После очередных издевательств гитлеровцы посчитали мертвой потерявшую сознание Елену Егоровну и швырнули в яму с трупами.

Только на десятые сутки пришла в себя Елена Егоровна. Очнулась и не верилось, что она находилась не в камере, а в запечке. Над ней склонилась Соколова.

Много пришлось потрудиться Елене Алексеевне Соколовой и ее друзьям, чтобы вылечить и прокормить Елену Егоровну и ее дочь. Через некоторое время ее с дочерью переправили к партизанам. После выздоровления Елена Егоровна снова стала в строй, беспощадно мстила ненавистным фашистам. После соединения с советскими войсками ушла в ряды Красной Армии, стала медицинской сестрой. Была тяжело ранена и в 1944 году после излечения инвалидом Отечественной войны вернулась в освобожденный Витебск. Не суждено было дожить до победы ее маленькой дочурке. Она умерла в 1943 году. Погиб в боях с фашистами и ее муж летчик Владимир Ермолаевич Войтенко.

Разыскал я и семью моего доброго друга Ивана Яковлевича Мелешко, а в 1972 году побывал в станице Ханской, что близ Майкопа. Иван Яковлевич после госпиталя снова попал на фронт, дошел до фашистского логова и закончил войну в День Победы. Вернулся в Ханскую, работал трактористом и комбайнером. Трудился самоотверженно, как и подобает бывшему фронтовику. Не зря в послевоенные годы его наградили двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд». Груня родила еще троих сыновей: Колю, Витю и Сашу. Выросли дети, разлетелись из отчего дома. Вася работает в Майкопе литейщиком на машиностроительном заводе, Коля и Витя — шоферами, а Саша — помощником машиниста тепловоза.

Не дожили до этих дней только добрая бабушка Февронья Ивановна да мой славный друг Иван Яковлевич Мелешко. Бабушка умерла в 1971 году, а Иван Яковлевич трагически погиб 2 июля 1960 года. Агриппина Васильевна живет в станице Ханской. Сейчас она уже бабушка, имеет пять внуков.

В 1974 году приезжали ко мне в Минск невестки Ивана Яковлевича — Катя и Надя. А с ними был и старший внук Юрка. Ну и сорванец же настоящий. Тогда в Минске я жил еще один; семья находилась в Березе. У Юрки все летело вверх тормашками. Минуты не мог посидеть спокойно. Не успеешь оглянуться, как он уже что-то натворил.

Бывшая храбрая подрывница из отряда «Кочубея» Сима Ермакова сейчас живет в Пхеньяне. Ее муж Глеб Александрович Криулин является Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Корейской Народно-Демократической Республике.

В начале мая 1943 года Сергей Корнеев через связную получил от начальника разведки бригады И. С. Рапопорта справку о том, что он добросовестно выполнял все поручения бригадной разведки с июля 1942 года. В приложенной записке ему объявлялась благодарность за передачу важных данных о противнике.

Радостно было на душе у юноши. Но вскоре наступило печальное время. Наша бригада ушла на запад, а начальника разведки Рапопорта отозвали за линию фронта в действующую армию — 6 мая 1943 года он улетел на Большую землю. В этой обстановке как-то забыли о Корнееве и других помощниках партизан, не отозвали их в отряды, хотя раньше в таких случаях это всегда делали.

Сергей Корнеев потерял связь с бригадой. Наступили для него тяжелые дни ожиданий. Он все еще продолжал собирать данные о противнике, но передавать их было некуда. Сергей переживал. Свое душевное состояние комсомолец выразил в стихах:

*Я здесь сижу, а сердце рвется
Туда, где друг с врагом дерется,
Где кровь течет, бойцы ложатся,
Снаряды рвутся, танки мчатся,
Где бьются, яростью полны,
Советской Родины сыны...*

Неопределенность положения томила и мучила Корнеева:

*Или рука моя слаба?
Или во мне отваги мало?
Нет! Видно, уж судьба
Мне жребий трудный ниспослала.*

Два с лишним месяца ждал Сергей Корнеев восстановления связи с алексеевцами, но так и не дождался. Потерял всякую надежду и решил пробираться к фронту, чтобы влиться в ряды Красной Армии и громить фашистов. Почти две недели пришлось Корнееву мыкаться, пока нашел брешь в обороне фашистов и переполз в расположение советских войск. Его сразу же определили в подразделение. Но недолго пришлось воевать Сергею Корнееву. Уже в ноябре 1943 года, в первом бою, его тяжело ранило в ногу. В Томском госпитале ногу ампутировали. Сергея Михайловича уволили из армии подчистую.

До войны Корнеев окончил первый курс Витебского пединститута, после нее поступил в Московский государственный университет и в 1950 году с отличием окончил юридический факультет. Да так и остался в столице. Здесь он прошел путь от студента до доктора юридических наук. Сейчас профессор Сергей Михайлович Корнеев продолжает работать в МГУ имени М. В. Ломоносова, готовит юридические кадры для страны.

Вырос из партизан-алексеевцев еще один профессор. Это бывший боец отряда «Смерть врагам» Иосиф Никитич Сипаров. Мой земляк пришел в отряд в июне 1943 года из соседней с Ивановкой деревни Задорожье, храбро воевал, не раз участвовал в открытых боях, разведывал гарнизоны врага. После войны окончил Витебский мединститут, поработал участковым и районным врачом... Сейчас доктор медицинских наук профессор Иосиф Никитич Сипаров заведует кафедрой онкологии этого же института.

Бывший начальник разведки бригады Илья Савельевич Рапопорт после отзыва на Большую землю воевал в рядах советских войск на Ленинградском, затем Прибалтийском фронтах, потом и на юге. День Победы встретил в Румынии. Сейчас живет в Нижнем Тагиле, работает начальником производственно-технического отдела Нижнетагильского района электросетей. В 1977 году Илья Савельевич приезжал в командировку в Минск, был моим гостем. Он встретился здесь со многими партизанами-алексеевцами.

Разведке бригады оказывал помощь Алексей Гаврилович Антонов. После войны он длительное время работает в Лиозненском районе Витебской области главным врачом Высочанской участковой больницы. В октябре 1978 года А. Г. Антонову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С честью пронес пионерское, а затем и комсомольское звание по партизанским тропам юный разведчик Александр Ласточка. После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков окончил советско-партийные курсы при ЦК КПБ, немного поработал в Витебске и снова в рядах советских войск громил врага, участвовал во взятии Кенигсберга. Здесь и встретил День Победы. Уволился из армии в 1951 году и сразу же включился в трудовую жизнь, занимался проведением коллективизации в западных областях Белоруссии, три года работал помощником начальника политотдела Воложинской МТС по комсомолу. Так и остался в этом районе. Сейчас он главный государственный инспектор по закупкам и качеству сельскохозяйственных продуктов.

А наш медицинский фельдшер Федор Семенович Кузнечик окончил мединститут и работает заведующим отделением санатория «Крыніцы» под Минском.

В подмосковном городе Пушкино в больнице с 1945 года бесценно работает терапевтом наш добрый доктор Татьяна Ивановна Шишова. Она ударник коммунистического труда. Многие ее коллеги, соседи, жители города, встречаясь с этой скромной женщиной, даже и не подозревают, что в суровые годы Великой Отечественной войны она проявила мужество и стойкость в тылу врага.

Татьяна Ивановна Шишова родилась во Владимирской области. Затем семья переехала в подмосковный город Пушкино. В 1938 году Таня окончила 1-й Московский медицинский институт. Ее направили на Урал. Работала терапевтом в Челябинской области. Вскоре ее назначили заведующей Еткульским районным отделом здравоохранения. Жизнь складывалась хорошо. Готовилась к свадьбе с военным летчиком Вадимом Николаевичем Зориным.

Но вот война. 23 июня 1941 года Татьяна Ивановна Шишова в форме военврача третьего ранга совместно с бойцами 2-го батальона 215-го стрелкового полка 179-й дивизии 22-й армии отправилась на фронт защищать родную землю от фашистской нечисти. Начались тяжелые военные будни. Она видела кровь и смерть боевых друзей, познала горечь отступления. В конце августа 1941 года под Великими Луками попала в окружение, а затем и в плен. В сентябре с группой однополчан бежала из плена и пробиралась к линии фронта, но через десять дней вместе с друзьями была схвачена фашистами.

Гитлеровцы долго их мучили в велижской тюрьме, считая партизанами.

Затем отправили в витебский лагерь военнопленных, который размещался в военном городке, где раньше стоял 5-й железнодорожный полк. Потянулись долгие дни и ночи лагерной жизни. Голод и холод, расстрелы и издевательства... Шишова, выбиваясь из сил, старалась оказать посильную помощь раненым и больным. Но вскоре и сама слегла. Дни ее уже были сочтены. Спасли витебские подпольщики. Им удалось вырвать из плена обессилевшего врача и под видом местной жительницы определить на лечение в городскую больницу. После выздоровления устроили врачом сельского медпункта в 10 километрах от Витебска.

Татьяна Ивановна быстро завоевала авторитет среди населения, связалась с народными мстителями. Лечила деревенских детей, женщин, стариков, оказывала первую помощь раненым партизанам, спасла от верной смерти тяжелораненого летчика полка В. С. Гризодубовой — Михаила Степановича Дмитриева. Самолет его был сбит при доставке партизанам оружия и боеприпасов. Умиравшего летчика нашли жители деревни Комли. Шишова отправила спасенного ею Дмитриева в партизанский отряд.

Когда поступила команда, Татьяна Ивановна собрала медикаменты, перевязочные средства, инструменты и подалась к алексеевцам. Сразу назначили ее врачом отряда «Моряк», потом—1-го батальона, а впоследствии — начальником госпиталя бригады. Не один партизан с благодарностью вспоминает нашего замечательного доктора, не одного спасла она от смерти, излечила от ран и недугов и снова поставила в строй народных мстителей.

Много километров прошагала Татьяна Ивановна Шишова партизанскими тропами по белорусским лесам и болотам, не раз смотрела смерти в глаза, под свист пуль и уханье бомб перевязывала и оперировала раненых. Она мужественно перенесла так называемую ушачскую оборону, вместе со всеми партизанами пульей и гранатой прокладывала путь через вражеские укрепления, прорывая фашистскую блокаду весной 1944 года. Гитлеровцы тогда надеялись уничтожить народных мстителей, чтобы укрепить свои ближайшие тылы.

После разгрома фашистских войск в Белоруссии Татьяна Ивановна снова ушла в Красную Армию и военным врачом прошагала до великой Победы. Демобилизовавшись из армии, она приехала в город Пушкино. На ее плечи здесь обрушилось большое горе. Ей сообщили, что в воздушном бою с фашистскими стервятниками погибли дорогие ей люди — летчики брат Алексей Иванович и жених Вадим Николаевич Зорин. Так и не сложилась личная жизнь у Татьяны Ивановны. Но горе ее не сломило. Она посвятила жизнь людям.

Начальником планово-экономического управления и членом коллегии Министерства бытового обслуживания населения РСФСР работает бывший партизан-алексеевец Василий Иванович Пирогов. В начале июля 1942 года он вместе с Георгием Лисиченком, Павлом Голиковым и Александром Григорьевым с помощью витебских подпольщиков бежал из лагеря военнопленных и прибыл в отряд «Моряк». Спустя некоторое время бывшего директора Московского деревообрабатывающего завода Павла Петровича Голикова назначили политруком роты, а потом и комиссаром отряда, Александра Григорьева из Рыбинска — заместителем командира отряда по хозяйству, а Василия Ивановича Пирогова — помощником комиссара отряда по комсомолу.

Василий Иванович Пирогов родом из Ярославской области. В 1940 году с отличием окончил Ленинградский плановый институт и сразу же был призван в Красную Армию, служил в железнодорожных войсках. В октябре 1941 года подо Ржевом Пирогов попал в плен. Несколько раз пытался бежать, да все неудачно. Только на пятый раз повезло.

Василий Иванович быстро врос в кипучую партизанскую жизнь. Он широко развернул работу среди комсомольцев и молодежи отряда «Моряк» и окружающих деревень. Проводил собрания, выступал с докладами и беседами, налаживал связи с подпольными комсомольскими организациями, вместе со всеми участвовал в боях, ходил на диверсии, в разведку и засады.

В июне 1943 года командование бригады поручило Сергею Сметанину и Василию Пирогову сформировать новый отряд, выделив им инициативную группу из 10 партизан. Через два месяца в отряде было уже более двухсот бойцов. Командиром назначили Сергея Марковича Сметанина, а комиссаром — Василия Ивановича Пирогова. Отряд называли «Комсомолец». Так и провоевал Василий Пирогов до соединения с Красной Армией. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. А в послевоенный период за работу в народном хозяйстве его наградили орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Павел Голиков и Александр Григорьев в 1943 году погибли в боях с фашистскими оккупантами.

Через двадцать семь лет после войны встретился с Варламом Павловичем Кокая, которому в 1943

году я помог найти партизан и которого потом, после ранения в живот, вытащил с поля боя. Никогда не думал, что он выживет. А вот выжил, и мы встретились. А было это вот как.

В 1972 году исполнилось тридцать лет со дня образования партизанской бригады «Алексея». Лиозненский райком партии Витебской области решил отметить этот юбилей.

Рано утром 15 июля приехал в Лиозно. Здесь уже были многие бывшие партизаны, подпольщики и связные.

Вскоре должен подойти поезд из Смоленска. Несколько человек, в том числе и я, пошли на вокзал встречать прибывающих боевых друзей. Стоим на перроне, ждем. Подходит поезд.

Здороваемся, обнимаемся, целуемся.

Вдруг навстречу мне медленно, широко расставив ноги, идет седой мужчина, глаза горят огоньками. Впился в меня взглядом. Кто же это такой? До чего же знакомые черты лица. А глаза! Да это же...

— Кокая!

— Лебедев!

Мы кинулись в объятия.

— Ты жив! Мой верный друг,— шептал он.

— Жив, жив. Ты тоже жив, Кокая. Не думал я.

Потом пошли воспоминания, расспросы. Варлам Павлович рассказал, что операция в партизанском госпитале прошла удачно. Врачи сделали все возможное. Недели через две уже начал помаленьку ходить. Потом снова занял свое место в боевом строю народных мстителей, участвовал во многих операциях бригады, в конце июня 1944 года вместе со всеми алексеевцами соединился с наступающими войсками Красной Армии.

В июле снова вступил в ряды советских войск и в составе 43-й армии воевал до Победы, добивал фашистского зверя в его берлоге. После войны вернулся в Грузию и работал в строительных организациях. Сейчас — пенсионер. Живет в Тбилиси по улице Кронштадтской, 14. Имеет взрослых детей, внуков. Надеется дождаться и правнуков.

— Когда я еще был в партизанском госпитале, мне сказали, что ты погиб в бою. И я мысленно навечно распрощался со своим спасителем,— закончил свой рассказ Кокая.

— Нет, тогда меня только тяжело ранило. В ту же ночь самолетом отправили за линию фронта.

В 1973 году я побывал в Грузии в гостях у Варлама Павловича, познакомился с родными, близкими и товарищами моего боевого друга.

В 1977 году на День Победы Кокая приехал ко мне в Минск. Неделью гостил он, встретился с боевыми друзьями, побывал в Хатыни, на Кургане Славы, познакомился с достопримечательностями белорусской столицы.

Несколько слов о других боевых друзьях.

Бывший командир группы подрывников отряда «Моряк» Феликс Станиславович Крыжевич проживает в Витебске. Он персональный пенсионер. Война застала его в рядах Красной Армии в Белостокской области, где он проходил действительную службу. Участвовал в боях, попал в окружение, вырвался из него. В первый лее день прихода отряда «Моряк» в хотемлянские леса стал партизаном. Был рядовым, затем командиром группы подрывников, а потом командиром роты воевал до соединения с частями Красной Армии. На его счету 9 спущенных под откос вражеских эшелонов, 32 уничтоженные автомашины, четыре взорванных шоссе моста. Феликс Крыжевич участвовал во многих боях отряда «Моряк» с фашистскими оккупантами, был дважды ранен и раз контужен. За боевые заслуги перед Родиной награжден двумя орденами Красного Знамени и медалями. Добросовестно работал Крыжевич и в послевоенные годы. Труд его отмечен орденом «Знак Почета».

Нина Кухтова, окончившая перед войной медицинское училище, вскоре стала старшей медицинской сестрой отряда «Прогресс».

При прорыве вражеской блокады в Ушачской зоне в начале мая 1944 года Нина Кухтова не только выполняла обязанности медицинской сестры, но и с оружием в руках громила фашистов. У озера Шо сама была тяжело ранена. Бойцы помогли партизанской сестре добраться до госпиталя. Нину Кухтову наградили орденом Красной Звезды и боевыми медалями.

После соединения с войсками Красной Армии она по комсомольской путевке приехала на восстановление столицы республики — Минска. Здесь снова встретилась с боевыми друзьями-алексеевцами. Вышла замуж за Алексея Кудрявцева. Теперь Нина Григорьевна Кудрявцева работает лаборанткой минской средней школы № 69. Имеет двух сыновей, невесток и внуков.

Наша первая женщина-партизанка Мария Яковлевна Горохова тоже живет в Минске. Долго работала на тракторном заводе. Сейчас пенсионерка. А в те грозные годы Горохова совершила немало подвигов. Много усилий, например, пришлось приложить ей, чтобы разведать оборонительные укрепления во вражеских гарнизонах в деревнях Зайцево и Аскеры. Этим самым она помогла отрядам разгромить осиные гнезда врага. Мария Яковлевна не раз вместе с другими партизанами выполняла сложные боевые задачи. И всегда с успехом.

За ратные подвиги в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами М. Я. Горохова награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Нелегко сложилась жизнь витебской подпольщицы и нашей связной Анны Степановны Киташовой. В 1943 году ее схватили гитлеровцы, долго сидела она в застенках СД. Жизнь висела на волоске. Ничего не рассказала подпольщица. Анна Степановна перенесла все тяготы и лишения фашистской неволи, но выдюжила. Сейчас живет в Витебске.

На заводе заточных станков в Витебске работают бывшие командиры рот А. П. Зайцев и А. Г. Малаховский. Бывший пионер Борис Мироненко — слесарь на Витебском заводе технологического оборудования. Спасенная им Галочка Никифоренко давно уже выросла, окончила университет, вышла замуж, родила дочь. Сейчас Галина Дмитриевна Якимович — научный сотрудник Института геологии Академии наук Туркменской ССР. Отец Гали — Дмитрий Лаврентьевич Никифоренко — работал председателем Минского областного комитета народного контроля. В 1977 году умер. Дочь Марии Брониславовны Мурашко — Элеонора Васильевна Маяк пошла по стопам погибшего отца. Она окончила медицинский институт и работает в областном бюро судебной экспертизы.

Бывший заведующий кафедрой судебной экспертизы Витебского медицинского института М. Л. Мурашко в 1943 году в боях за Родину погиб смертью храбрых.

Михаил Денисович Ландыченко в послевоенный период посвятил себя работе в органах милиции. Сейчас является участковым уполномоченным в Октябрьском сельсовете Витебского района. Бывшая медсестра отряда «Прогресс» Ольга Давыдовна Терентьева трудится контролером в цехе комплектации Минского тракторного завода, а наш храбрый пулеметчик Сергей Федорович Горельшев после освобождения Минска пришел на тракторный завод, строил его и сейчас работает заместителем начальника механического цеха.

В своей книге «В боях за Родину» В. Е. Лобанок дает высокую оценку алексеевцам:

«Славой покрыли себя в апрельских боях партизаны бригады Алексея Данукалова и Лепельской бригады, которые держали южный участок обороны. Общая протяженность их оборонительной линии составляла 55 километров. О славных делах алексеевцев хорошо знали не только в Лиозненском районе, где зародилась бригада, но также в Сенненском, Чашникском, Бешенковичском, Лепельском, Ушачском районах. Ее отряды, умевшие мастерски громить вражеские гарнизоны и совершать боевые действия на коммуникациях, наводили на фашистов панический ужас. Алексеевцы были мастерами глубоких рейдов. Многим памятен рейд отряда «Моряк» от деревни Новка Суражского района через Лиозненский, Сенненский, Чашникский, Лепельский районы в Пожарищанскую дачу Бешенковичского района. Рейдом руководил Алексей Федорович Данукалов. В непрерывных боях отряд прошел за неделю около 500 километров. Весь этот опыт очень пригодился алексеевцам в дни апрельско-майской Экспедиции.

В новой боевой обстановке партизаны бригады «Алексея» показали пример не только мужества, отваги, стойкости, но и того, как надо налаживать тесное взаимодействие с соседями, что было очень важно для отражения многочисленных атак оккупантов»².

Да, мы гордимся тем, что нам довелось воевать в прославленной бригаде, которой командовал Герой Советского Союза Алексей Федорович Данукалов.

Партизаны-алексеевцы свято соблюдают свое боевое братство. Они поддерживают между собой постоянную связь, переписку, организывают встречи, оказывают помощь друзьям. Эту дружбу сплачивает и цементирует комитет ветеранов бригады, возглавляемый по-прежнему неутомимым нашим комиссаром Иваном Исаковичем Старовойтовым, ныне персональным пенсионером. И не случайно, где бы ни жили сейчас бывшие бойцы, командиры и политработники нашей бригады, они всегда с гордостью называют себя:

— Мы — алексеевцы!

После войны мне довелось быть на комсомольской, партийной и государственной работах. И все время учился. Окончил Высшую партийную школу, а потом еще и институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева в Минске. Тринадцать лет беспрерывно проработал первым секретарем Березовского

² Лобанок В. Е. В боях за Родину. Минск, 1964, с. 340–341.

райкома партии Брестской области. С января 1974 года — заведующий отделом науки, культуры и здравоохранения Комитета народного контроля Белорусской ССР. У меня уже два внука — Петька и Сашка. В квартире весело — не дают скучать, сорванцы.

Содержание

Предисловие
В первые дни оккупации
«Мишка-парашютист»
Живая среди трупов
Присяга
«Дядя, можно ли отремонтировать сапоги?»
Добровольно в петлю
В штабе бригады
«Дядя Жора», или «Второй»
И опять в петлю
Отряд «Моряк»
Победы и поражения
Первое ранение
Доктор Чертков
Пека я валялся на больничных койках
Пламя юных сердец
Опусти пистолет, «Сорванец»!
Провал в витебском подполье
Во имя жизни
Первые трещины и чуть ли не провал
В самом центре ада
Интернациональный взвод
Особое задание
Вот какие они, Шинкоренки!
Последние дни в тылу врага
Стоять насмерть!
Гибель комбрига
Наконец-то я в небе
В Богородском госпитале
Вторые похороны
Здравствуй, мама моя!
Поиски и находки